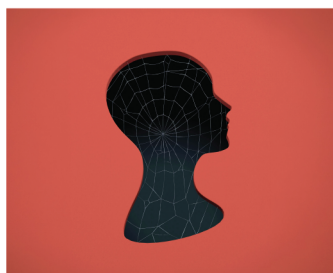

УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ Московского международного университета

№1

2026 г.

Научный
электронный
журнал

Московский
международный
университет

**АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

**УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ
МОСКОВСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Научный электронный журнал
№ 1, 2026 г.
Выходит 2 раза в год

Москва, 2026 год

УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ МОСКОВСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ:

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Попов В.Г., канд. экон. наук,
ректор Московского международного университета (главный редактор)
Чепкасова Е.А., канд. экон. наук, доц. (зам. главного редактора)
Ильинская Е.В., канд. экон. наук, доц. (ответственный редактор)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Бузинова Л.М., д-р филол. наук, доц., дир. института иностранных языков Московского международного университета

Задорожная Е.В., канд. юрид. наук, доц., зав. каф. гражданского и уголовного права и процесса Московского международного университета

Кирикова М.И., канд. пед. наук, доц., зав. каф. психологии и педагогики Московского международного университета

Кожина В.О., канд. экон. наук, доц., зав. каф. менеджмента Московского международного университета

Мельниченко Н.Ф., канд. экон. наук, доц., зав. каф. государственного и муниципального управления Московского международного университета

Нагаева И.А., д-р пед. наук, доц., зав. каф. естественно-научных дисциплин Московского международного университета

Новиков А.А., д-р экон. наук, доц., зав. каф. экономики и финансов Московского международного университета

Полозова Т.П., канд. психол. наук, доц., зав. каф. психологии Московского международного университета

РЕЦЕНЗЕНТЫ

Авимская М.А., канд. ист. наук, доц. каф. гуманитарных наук Московского международного университета

Агрохова Т.В., канд. психол. наук, доц. каф. психологии, зам. директора института социальной инженерии Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)

Борисов И.А., канд. филос. наук, доц. каф. гуманитарных наук Московского международного университета

Ведерникова Т.В., канд. филос. наук, доц. каф. лингвистики и межкультурной коммуникации Московского международного университета

Давыденко М.В., канд. филос. наук, доц. каф. гуманитарных наук Московского международного университета

Задорожная Е.В., канд. юр. наук, доц., зав. каф. гражданского и уголовного права и процесса Московского международного университета

Измайлова С.А., канд. экон. наук, доц. каф. менеджмента Московского международного университета

Кожина В.О., канд. экон. наук, доц., зав. каф. менеджмента Московского международного университета

Кузина А.Н., канд. филол. наук, доц. каф. гуманитарных наук Московского международного университета

Кузьмич С.В., канд. филол. наук, доц. каф. журналистики Московского международного университета

Кулакова Н.Л., канд. филол. наук, доц. каф. журналистики

Маркова О.В., канд. экон. наук, доц. каф. государственного и муниципального управления Московского международного университета

Мельниченко Н.Ф., канд. экон. наук, доц., зав. каф. государственного и муниципального управления Московского международного университета

Нагаева И.А., д-р пед. наук, доц., зав. каф. естественно-научных дисциплин Московского международного университета

Петрич Л.В., канд. ист. наук, доц. каф. гуманитарных наук Московского международного университета

Поляков А.С., канд. психол. наук, доц. каф. психологии

Поташова А.А., канд. филол. наук, преп. каф. лингвистики и межкультурной коммуникации Московского международного университета

Самойленко Н.С., канд. филол. наук, доцент каф. рекламы и связей с общественностью Московского международного университета

Скуридина С.А., д-р филол. наук, проф., зав. каф. русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского государственного технического университета

Соловей Л.Б., канд. психол. наук, доц. центра проектной деятельности Московского политехнического университета

Усов Н.В., канд. экон. наук, доц., зав. каф. рекламы и связей с общественностью Московского международного университета

Ясин М.И., канд. психол. наук, канд. социол. наук, доц. каф. психологии и педагогики Московского международного университета

СОДЕРЖАНИЕ

ОБРАЩЕНИЕ РЕКТОРА АНОВО «МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» В.Г. ПОПОВА.....	13
НЕОЛОГИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ: СТРАТЕГИИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ЦИФРОВОЙ ЭПОХЕ	14
Алешин Никита Сергеевич, Денисова Анастасия Сергеевна, Жигалова Майя Ролландовна	
ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ РАЗРЫВ ЦЕННОСТЕЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В ПУБЛИЧНОМ УПРАВЛЕНИИ	20
Анасенко Елена Валерьевна, Лаптиёв Александр Алексеевич	
КИБЕРУСТОЙЧИВОСТЬ ТРАНСПОРТНОГО КОМПЛЕКСА В ЭКОСИСТЕМЕ УМНОГО ГОРОДА	24
Анасенко Елена Валерьевна, Чибрикова Екатерина Андреевна	
ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РОССИЙСКИХ ПРОФСОЮЗОВ В МЕДИА	31
Артюшенко Федор Леонидович	
УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛОМ: ИНВЕСТИЦИИ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ.....	36
Белова Ирина Юрьевна, Фахрутдинова Алия Рашидовна	
ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ КВАЛИФИКАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ.....	41
Булгакова Оксана Александровна, Герасимович Кристина Ивановна	
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ВЫБОРЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: РИСКИ ИЛИ БУДУЩЕЕ?	47
Булгакова Оксана Александровна, Можейко Ева Сергеевна	
СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА МОШЕННИЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ ПРАВОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ	52
Булгакова Оксана Александровна, Харченко Валерия Сергеевна	
ГРАДООБРАЗУЮЩИЕ ПРЕДПРИЯТИЯ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ.....	58
Бураев Федор Владимирович, Данилина Олеся Александровна	
СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК ДРАЙВЕР РОСТА МАЛОГО БИЗНЕСА В МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ.....	64
Валова Юлия Игоревна, Богун Анна Александровна	
ОСОБЕННОСТИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В КИТАЕ: ЧТО НУЖНО ЗНАТЬ РОССИЙСКОМУ БИЗНЕСУ	72
Валова Юлия Игоревна, Першин Александр Викторович	
МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПТИМИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ПРОЦЕССНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ КОМПАНИИ ООО «САХАЛИНСКАЯ ЭНЕРГИЯ».....	78
Валова Юлия Игоревна, Сё Антон Сергеевич	
КОММУНИКАЦИЯ БРЕНДА НА МАРКЕТПЛЕЙСЕ: СТРАТЕГИИ И ИНСТРУМЕНТЫ	85
Ведерникова Мария Игоревна	
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПОКОЛЕНИЯ Z В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ЯЗЫКОВЫЕ ИННОВАЦИИ	90
Ведерникова Татьяна Валерьевна	
ПОДКАСТ КАК ФОРМАТ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ	95
Городничева Марина Андреевна	
СМАЙЛИК ПРОТИВ СУБОРДИНАЦИИ: КАК ЦИФРОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ МЕНЯЕТ КОРПОРАТИВНУЮ КОММУНИКАЦИЮ.....	101
Гращенкова Екатерина Николаевна, Коренева Александра Анатольевна	
ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ.....	105
Давыденко Марина Вячеславовна, Котляр Николай Петрович	

СОДЕРЖАНИЕ

СНИЖЕННАЯ РАБОТОСПОСОБНОСТЬ И СТИЛЬ ВОЖДЕНИЯ У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН ВОДИТЕЛЕЙ.....	111
Даренских Светлана Сергеевна, Персианинов Денис Геннадьевич	
ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА.....	116
Дегтярева Ирина Игоревна, Гавриленко Екатерина Леонидовна	
БЕЗОПАСНОСТЬ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ: НОВЫЕ ТЕОРИИ И ИДЕИ В ЭКОЛОГИИ.....	123
Жигунова Людмила Капитоновна, Облеухов Сергей Алексеевич	
«КОМПЕНСАЦИЯ ЗА НАРУШЕНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА» СТ. 1252.1 ГК РФ: ПРОБЛЕМЫ РАСЧЁТА И ДОКАЗЫВАНИЯ.....	129
Задорожная Евгения Владимировна, Артамонов Иван Андреевич	
ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ИЗЪЯТИЯ ЖИВОТНЫХ И (ИЛИ) ПРОДУКЦИИ ЖИВОТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПРИ ЛИКВИДАЦИИ ОЧАГОВ ОСОБО ОПАСНЫХ БОЛЕЗНЕЙ ЖИВОТНЫХ	134
Задорожная Евгения Владимировна, Бигун Маргарита Дмитриевна	
ФЕНОМЕН КОНСТИТУЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ.....	139
Задорожная Евгения Владимировна, Караев Илёс Джалолович	
ПРИМЕНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЦИФРОВЫХ ПРОДУКТОВ В ОПЕРАЦИОННОМ МЕНЕДЖМЕНТЕ.....	143
Измайлова Светлана Анатольевна, Дудоров Никита Владимирович	
ГЕЙМИФИКАЦИЯ И ЦИФРОВЫЕ СЕРВИСЫ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ИНСТРУМЕНТ МОТИВАЦИИ СОТРУДНИКОВ.....	148
Измайлова Светлана Анатольевна, Серегин Александр Андреевич	
ЦИФРОВИЗАЦИЯ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ГОСТИНИЧНОМ БИЗНЕСЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР	153
Исмаилов Нурлан Рамиз оглы, Кожина Вероника Олеговна	
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО МАЛЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА НА ПРИМЕРЕ НИЖНЕКОЛЫМКОГО УЛУСА РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)	157
Коломиец Анна Ивановна	
СПЕЦИФИКА КОМПОНЕНТОВ СОЦИАЛЬНО ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ	160
Коротаева Анастасия Игоревна	
КРАНИОФАЦИАЛЬНАЯ ЦИФРОВАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ НА ОСНОВАНИИ ДАННЫХ КОНУСНО-ЛУЧЕВОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТОМОГРАФИИ	166
Лётченко Виктория Владимировна, Ткачёва Наталья Николаевна	
ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦПРОГРАММ: ОПЫТ «МОСКОВСКОГО ДОЛГОЛЕТИЯ».....	174
Маркова Ольга Владимировна, Ковган Николай Иванович	
ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА СТРУКТУРУ ЗАНЯТОСТИ В РЕГИОНАХ РОССИИ.....	179
Маркова Ольга Владимировна, Успенский Кирилл Станиславович	
РИСК-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ АНТИКОРРУПЦИОННЫЙ МОНИТОРИНГ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ	188
Мезенцева Елена Георгиевна, Поляков Михаил Борисович	
КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА» МЕНЯЕТ СИСТЕМУ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ	193
Мельниченко Надежда Федоровна, Лепехин Максим Алексеевич	
ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ.....	202
Морозова Анна Анатольевна, Щетинина Ирина Сергеевна	
КОЛОНИАЛИЗМ БЕЗ КОЛОНИЙ: ПОЧЕМУ США МОЖНО НАЗВАТЬ ИМПЕРИЕЙ XX–XXI ВЕКА И КАК НЕОКОЛОНИАЛИЗМ ЗАМЕНИЛ СТАРЫЕ МЕТОДЫ.....	208
Парада Матвей Сергеевич, Ткачёв Сергей Викторович	

СОДЕРЖАНИЕ

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: ВЫЗОВЫ, ТРАНСФОРМАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	217
Пашковская Наталья Дмитриевна, Четчка Валентина Ивановна	
ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПЛАТФОРМ ОПТИМИЗАЦИИ ФИНАНСОВЫХ ПОТЕРЬ ПРЕДПРИЯТИЙ	224
Петров Валерий Станиславович, Чухнюк Анастасия Юрьевна	
СПЕЦИФИКА ЛОГИСТИЧЕСКИХ РИСКОВ ИНТЕРНЕТ-ТОРГОВЛИ И СТРАТЕГИИ ИХ СНИЖЕНИЯ	230
Понамарев Данила Евгеньевич, Кожина Вероника Олеговна	
КОНЦЕПЦИЯ «ОБУЧЕНИЕ КАК ПРИКЛЮЧЕНИЕ» В КОНТЕКСТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (ПО КНИГЕ ДЕЙВА БЕРДЖЕСА)	237
Поташова Анастасия Александровна, Князева Виктория Витальевна	
МЕДИАОБРАЗ РОССИЙСКОГО МУЗЕЯ В ОБЩЕФЕДЕРАЛЬНЫХ СМИ	242
Распопова Светлана Сергеевна, Бобровская Надежда Александровна	
ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ КИНО КАК ИНСТРУМЕНТ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ЛИТЕРАТУРЫ	248
Распопова Светлана Сергеевна, Саламов Султан Уматалиевич	
ВЛИЯНИЕ КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЙ В СЕМЬЕ НА РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА	253
Решетова Татьяна Яковлевна, Богатыренко Галина Андреевна	
ВЗАИМОСВЯЗЬ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК УЧАСТНИКОВ ПЕРЕГОВОРОВ С ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ ПРОЦЕССА СЕМЕЙНОЙ МЕДИАЦИИ	258
Решетова Татьяна Яковлевна, Ларина Дарья Юрьевна	
ВЗАИМОСВЯЗЬ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ НА ДОСТИЖЕНИЕ УСПЕХА И МАТЕРИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ С ТРЕВОЖНО-ДЕПРЕССИВНЫМИ СОСТОЯНИЯМИ ВЗРОСЛЫХ	265
Решетова Татьяна Яковлевна, Шаянбаева Селена Руслановна	
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РЕГИОНАЛЬНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ	269
Самойленко Никита Сергеевич	
ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЦ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА, СТРАДАЮЩИХ ДЕПРЕССИЯМИ	273
Семилет Надежда Анатольевна	
ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ВОВЛЕЧЕНИЯ АУДИТОРИИ ТЕАТРА (НА ПРИМЕРЕ «МОСКОВСКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ТЕАТРА САТИРЫ»)	280
Стёпина Дарья Сергеевна, Маркова Ольга Владимировна	
ПРИЗНАНИЕ ОТЦОВСТВА В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ ПРИ ОТСУТСТВИИ РЕГИСТРАЦИИ БРАКА: НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ	286
Твердова Татьяна Викторовна	
ИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ ПО АЛИМЕНТНЫМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ	290
Твердова Татьяна Викторовна	
РОССИЯ В ЦИФРОВОМ ИЗМЕРЕНИИ РОССИЙСКИХ СМИ	293
Уразов Павел Константинович	
ИИ-ПЕРЕВОДЧИКИ КАК ИНСТРУМЕНТЫ В НАУЧНОМ ПИСЬМЕ	297
Филимонова Ульяна Алексеевна, Мурай Ольга Викторовна	
НОВЫЕ ФОРМАТЫ МЕДИА, ПОПУЛЯРИЗИРУЮЩИЕ КУЛЬТУРУ ЧТЕНИЯ	304
Цветик Илья Дмитриевич, Распопова Светлана Сергеевна	

СОДЕРЖАНИЕ

КАРИКАТУРА КАК ЯВЛЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ И РЕФОРМАЦИИ	310
Цыкалов Дмитрий Евгеньевич	
АНГЛИЙСКАЯ И ФРАНЦУЗСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРИКАТУРА XIX ВЕКА КАК ФОРМА ПУБЛИЧНОЙ КРИТИКИ.....	315
Цыкалов Дмитрий Евгеньевич	
ЭКСПРЕССИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА	321
Чертоусова Светлана Викторовна, Шишкина Мария Денисовна	

CONTENTS

ADDRESS BY THE RECTOR OF THE AUTONOMOUS NON-PROFIT EDUCATIONAL ORGANIZATION OF HIGHER EDUCATION "MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY" V.G. POPOV	13
NEOLOGISMS IN MODERN CHINESE LANGUAGE: STRATEGIES OF WORDS FORMATION IN THE DIGITAL AGE.....	14
Aleshin Nikita Sergeevich, Denisova Anastasia Sergeevna, Zhigalova Maya Rollandovna	
GENERATIONAL GAP IN THE VALUES OF CIVIL SERVANTS IN PUBLIC ADMINISTRATION	20
Anasenko Elena Valerievna, Alexander A. Laptiev	
CYBER RESILIENCE OF THE TRANSPORT COMPLEX IN THE SMART CITY ECOSYSTEM.....	24
Anasenko Elena Valerievna, Chibrikova Ekaterina Andreevna	
REFLECTION OF THE FEATURES OF THE FUNCTIONING OF RUSSIAN TRADE UNIONS IN THE MEDIA	31
Artyushenko Fedor Leonidovich	
PERSONNEL MANAGEMENT: INVESTMENT IN HUMAN CAPITAL	36
Irina Yuryevna Belova, Aliya Rashidovna Fakhрутdinova	
PROBLEMATIC ASPECTS OF CLASSIFYING ECONOMIC CRIMES IN MODERN CONDITIONS	41
Bulgakova Oksana Aleksandrovna, Gerasimovich Kristina Ivanovna	
USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CHOOSING PREVENTIVE MEASURES IN CRIMINAL PROCEEDINGS: RISKS OR THE FUTURE?.....	47
Bulgakova Oksana Aleksandrovna, Mozheiko Eva Sergeevna	
THE SUBJECTIVE SIDE OF FRAUD IN THE CONTEXT OF LEGAL UNCERTAINTY	52
Bulgakova Oksana Aleksandrovna, Kharchenko Valeria Sergeevna	
CITY-FORMING ENTERPRISES AS A FACTOR OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF MUNICIPALITIES IN NEW ECONOMIC CONDITIONS	58
Buraev Fyodor Vladimirovich, Danilina Olesya Alexandrovna	
STRATEGIC MANAGEMENT AS A DRIVER OF SMALL BUSINESS GROWTH IN THE MOSCOW REGION	64
Valova Yulia Igorevna, Bogun Anna Alexandrovna	
CHINA'S TAXATION FEATURES: WHAT RUSSIAN BUSINESSES NEED TO KNOW	72
Valova Yulia Igorevna, Pershin Alexander Viktorovich	
METHODOLOGICAL APPROACHES TO PROCESS MANAGEMENT SYSTEM OPTIMIZATION AT SAKHALIN ENERGY LLC	78
Valova Yulia Igorevna, Se Anton Sergeevich	
BRAND COMMUNICATION ON THE MARKETPLACE: STRATEGIES AND TOOLS	85
Vedernikova Maria Igorevna	
LINGUISTIC PORTRAIT OF GENERATION Z IN THE DIGITAL SPACE: COMMUNICATIVE STRATEGIES AND LANGUAGE INNOVATIONS	90
Vedernikova Tatyana Valerievna	
PODCAST AS A FORMAT OF POPULAR SCIENCE JOURNALISM.....	95
Gorodnicheva Marina Andreevna	
EMOJI VERSUS SUBORDINATION: HOW THE DIGITAL GENERATION IS CHANGING CORPORATE COMMUNICATION	101
Ekaterina N. Grashchenkova, Aleksandra A. Koreneva	
THE HERMENEUTIC SITUATION IN THE HISTORICAL RESEARCH: PROSPECTS AND LIMITATIONS	105
Davydenko Marina Vyacheslavovna, Kotlyar Nikolay Petrovich	

CONTENTS

REDUCED WORKING CAPACITY AND DRIVING STYLE IN MEN AND WOMEN DRIVERS.....	111
Darenskikh Svetlana Sergeevna, Persianinov Denis Gennadievich	
PROBLEMS AND CHALLENGES OF TRANSLATING LEGAL TEXTS IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL LAW	116
Degtyareva Irina Igorevna, Gavrilenko Ekaterina Leonidovna	
TOMORROW'S SECURITY: NEW THEORIES AND IDEAS IN ECOLOGY	123
Zhigunova Lyudmila Kapitonovna, Obleukhov Sergey Alekseevich	
«COMPENSATION FOR INFRINGEMENT OF AN EXCLUSIVE RIGHT» UNDER ARTICLE 1252.1 OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS OF CALCULATION AND PROOF	129
Zadorozhnaya Evgeniya Vladimirovna, Artamonov Ivan Andreevich	
THE LEGAL BASIS FOR THE REQUISITION OF ANIMALS AND (OR) PRODUCTS OF ANIMAL ORIGIN IN THE LIQUIDATION OF CENTERS OF PARTICULARLY DANGEROUS ANIMAL DISEASES	134
Zadorozhnaya Evgeniya Vladimirovna, Bigun Margarita Dmitrievna	
THE PHENOMENON OF RUSSIA'S CONSTITUTIONAL IDENTITY	139
Zadorozhnaya Evgeniya Vladimirovna, Karaev Iles Jalolovich	
APPLICATION AND DEVELOPMENT OF DIGITAL PRODUCTS IN OPERATIONAL MANAGEMENT	143
Izmailova Svetlana Anatolyevna, Dudorov Nikita Vladimirovich	
GAMIFICATION AND DIGITAL SERVICES AS AN INNOVATIVE TOOL FOR EMPLOYEE MOTIVATION	148
Izmailova Svetlana Anatolyevna, Seregin Alexander Andreevich	
DIGITALIZATION OF MARKETING COMMUNICATIONS IN THE HOTEL BUSINESS: A THEORETICAL REVIEW.....	153
Ismailov Nurlan Ramiz oglu, Kozhina Veronika Olegovna	
FINE ARTS OF THE SMALL PEOPLES OF THE NORTH: THE CASE OF NIZHNEKOLYMSKY ULUS, REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA).....	157
Kolomiets Anna Ivanovna	
THE SPECIFICS OF THE COMPONENTS OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF SCHOOLCHILDREN	160
Korotaeva Anastasia Igorevna	
CRANIOFACIAL DIGITAL RECONSTRUCTION BASED ON CONE-BEAM COMPUTED TOMOGRAPHY DATA	166
Letchenko Viktoriya Vladimirovna, Tkacheva Natalia Nikolaevna	
DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIAL PROGRAMS: THE EXPERIENCE OF "MOSCOW LONGEVITY"	174
Markova Olga Vladimirovna, Kovgan Nikolay Ivanovich	
IMPACT OF DIGITIZATION ON THE STRUCTURE OF EMPLOYMENT IN THE REGIONS OF RUSSIA	179
Markova Olga Vladimirovna, Uspensky Kirill Stanislavovich	
RISK-BASED ANTI-CORRUPTION MONITORING IN THE SVERDLOVSK REGION	188
Elena Georgievna Mezentseva, Mikhail Borisovich Polyakov	
HOW THE NATIONAL PROJECT «DIGITAL ECONOMY» IS CHANGING THE SYSTEM OF PUBLIC SERVICES	193
Nadezhda F. Melnichenko, Maxsim A. Lepekhin	

CONTENTS

PROBLEMS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE TERRITORY IN MODERN CONDITIONS	202
Morozova Anna Anatolyevna, Schetinina Irina Sergeevna	
COLONIALISM WITHOUT COLONIES: WHY THE UNITED STATES CAN BE CALLED AN EMPIRE OF THE 20TH–21ST CENTURY AND HOW NEOCOLONIALISM REPLACED OLD METHODS	208
Parada Matvey Sergeevich, Tkachev Sergei Viktorovich	
HUMANITARIAN KNOWLEDGE IN THE MODERN EDUCATIONAL PROCESS: CHALLENGES, TRANSFORMATIONS AND PROSPECTS	217
Pashkovskaia Natalia Dmitrievna, Chechetka Valentina Ivanovna	
WAYS TO IMPROVE MODERN PLATFORMS FOR OPTIMIZING FINANCIAL LOSSES OF ENTERPRISES.....	224
Petrov Valeriy Stanislavovich, Chukhnyuk Anastasia Yurievna	
SPECIFICS OF LOGISTICS RISKS IN ONLINE TRADE AND STRATEGIES FOR THEIR MITIGATION	230
Ponamarev Danila Evgenievich, Kozhina Veronika Olegovna	
CONCEPT OF «LEARNING AS ADVENTURE» IN TEACHING ENGLISH (BASED ON THE BOOK BY DAVE BURGESS)	237
Potashova Anastasia Aleksandrovna, Knyazeva Viktoriya Vitalyevna	
THE MEDIA IMAGE OF THE RUSSIAN MUSEUM IN THE FEDERAL MEDIA.....	242
Raspopova Svetlana Sergeevna, Bobrovskaya Nadezhda Aleksandrovna	
DOCUMENTARY CINEMA AS A MEANS OF PROMOTING LITERATURE.....	248
Raspopova Svetlana Sergeevna, Salamov Sultan Umatalievich	
THE IMPACT OF FAMILY CRISIS ON THE PERSONALITY DEVELOPMENT OF A PRESCHOOL CHILD	253
Reshetova Tatyana Yakovlevna, Bogatyrenko Galina Andreevna	
THE RELATIONSHIP BETWEEN INDIVIDUAL-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF PARTICIPANTS IN NEGOTIATIONS AND THE EFFECTIVENESS OF THE FAMILY MEDIATION PROCESS	258
Reshetova Tatiana Yakovlevna, Larina Daria Yuryevna	
THE RELATIONSHIP BETWEEN VALUE ORIENTATIONS TOWARDS ACHIEVING SUCCESS AND MATERIAL WELL-BEING AND ANXIETY-DEPRESSIVE STATES IN ADULTS.....	265
Reshetova Tatiana Yakovlevna, Shayanbaeva Selenia Ruslanovna	
REPRESENTATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN REGIONAL MEDIA DISCOURSE.....	269
Samoilenko Nikita Sergeevich	
PERSONAL CHARACTERISTICS OF YOUTH SUFFERING FROM DEPRESSION.....	273
Semilet Nadezhda Anatolyevna,	
BEHAVIORAL AND TECHNOLOGICAL STRATEGIES FOR ENGAGING THEATRE AUDIENCES (CASE STUDY OF THE MOSCOW ACADEMIC SATIRE THEATRE)	280
Stepina Darya Sergeevna, Markova Olga Vladimirovna	
JUDICIAL RECOGNITION OF PATERNITY IN THE ABSENCE OF A REGISTERED MARRIAGE: SOME LEGAL ISSUES.....	286
Tverdova Tatyana Viktorovna	
ENFORCEMENT OF A JUDICIAL DECISION ON ALIENATE OBLIGATIONS: ACTUAL PROBLEMS	290
Tverdova Tatyana Viktorovna	

CONTENTS

RUSSIA IN THE DIGITAL DIMENSION OF RUSSIAN MEDIA.....	293
Urazov Pavel Konstantinovich	
AI TRANSLATORS AS TOOLS IN ACADEMIC WRITING.....	297
Filimonova Ulyana Alekseevna, Muray Olga Viktorovna	
NEW MEDIA FORMATS THAT PROMOTE A CULTURE OF READING	304
Tsvetik Ilya Dmitrievich, Raspopova Svetlana Sergeevna	
CARICATURE AS EVENT OF THE EUROPEAN VISUAL CULTURE OF THE RENAISSANCE AND REFORMATION ERA.....	310
Dmitry Evgenievich Tsykalov	
ENGLISH AND FRENCH POLITICAL CARICATURE IN THE NINETEENTH CENTURY AS FORM OF PUBLIC CRITIQUE.....	315
Dmitry Evgenievich Tsykalov	
EXPRESSIVE SPEECH ACTS IN THE ASPECT OF TRANSLATION.....	321
Chertousova Svetlana Victorovna, Shishkina Maria Denisovna	

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ, ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Мне выпала честь представить вам новое научное издание – электронный журнал «УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ МОСКОВСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА», который открывает очередную страницу в летописи научной жизни Московского международного университета. Этот проект – самостоятельная площадка, задуманная как открытое мультидисциплинарное пространство для диалога учёных самых разных направлений, доступное каждому читателю в цифровом формате.

Миссия журнала – объединить голоса состоявшихся исследователей: профессоров, доцентов, научных сотрудников – с энергией и свежим взглядом молодых учёных, аспирантов и магистрантов. «УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ МОСКОВСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА» открыты для широкого круга дисциплин – от лингвистики, экономики, менеджмента и государственного управления до юриспруденции, педагогики, психологии, гуманитарных и естественных наук. Такая широта тематики отражает саму природу университета как многопрофильного центра знаний, где пересечение идей из разных областей рождает подлинную научную новизну.

Журнал будет издаваться два раза в год в электронном виде, а каждая рукопись пройдет обязательное рецензирование, что гарантирует объективность и высокий научный уровень публикаций. Принципиально важно, что издание планируется к индексации в Российском индексе научного цитирования. Электронный формат позволяет журналу быть максимально доступным: материалы можно читать и цитировать из любой точки мира без ограничений, что особенно важно для оперативного распространения научных результатов.

Обращаюсь к каждому, кто решит стать автором статьи в новом журнале: делитесь своими идеями, гипотезами, результатами многолетних изысканий в «УЧЁНЫХ ЗАПИСКАХ МОСКОВСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА». Пусть это издание станет для вас пространством творческого роста, профессионального признания и живого научного обмена – тем самым мостом, который соединяет университетскую науку с реальными вызовами времени.

С уважением,

Ректор АНОВО «МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

кандидат экономических наук

Попов Василий Гаврилович

НЕОЛОГИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ: СТРАТЕГИИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ЦИФРОВОЙ ЭПОХЕ

Алешин Никита Сергеевич¹,

студент-магистрант,

e-mail: nikita-aleshin-2003@mail.ru

ORCID: 0009-0006-9633-2481

Денисова Анастасия Сергеевна¹,

студент-магистрант,

e-mail: stasya1598@gmail.com

ORCID: 0009-0009-8514-8998

Жигалова Майя Ролландовна¹,

кандидат филологических наук, доцент,

доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков,

e-mail: m.zhigalova@mmu.ru

ORCID: 0000-0002-2973-8346

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

Статья посвящена развитию современных слов в китайском языке. Актуальность исследования заключается в необходимости обозначить изменения в китайском языке. Основная цель: понимание создания неологизмов в современном китайском языке. В работе использованы: семантический анализ, лингвистический анализ, факторный анализ причин возникновения новых слов, этимологический анализ. Китайский язык обогащается за счет традиций, цифровых трендов.

Ключевые слова: заимствования, интернет-пространство, интернет-сленг, китайский язык, межкультурная коммуникация, неологизмы, цифровая эпоха.

NEOLOGISMS IN MODERN CHINESE LANGUAGE: STRATEGIES OF WORDS FORMATION IN THE DIGITAL AGE

Aleshin Nikita Sergeevich¹,

Master student,

e-mail: nikita-aleshin-2003@mail.ru

ORCID: 0009-0006-9633-2481

Denisova Anastasia Sergeevna¹,

Master student,

e-mail: stasya1598@gmail.com

ORCID: 0009-0009-8514-8998

Zhigalova Maya Rollandovna¹,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,

*Associate Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication
of the foreign languages Institute*

e-mail: m.zhigalova@mmu.ru

ORCID: 0000-0002-2973-8346

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

This study examines the development of contemporary lexical items in the Chinese language. The relevance of the research is determined by the necessity to delineate ongoing changes within Chinese. The principal aim is to elucidate the processes underlying neologism formation in modern Chinese. The research methodology includes semantic analysis, linguistic analysis, factor analysis to identify causes of lexical innovation, and etymological analysis. The enrichment of the Chinese lexicon is attributed to both traditional cultural influences and digital trends.

Keywords: borrowings, Internet space, Internet slang, Chinese language, intercultural communication, neologisms, digital era.

ВВЕДЕНИЕ

Динамичное развитие Интернета и ИКТ в большей степени оказало влияние и на современный китайский язык. Актуальность исследования заключается в необходимости обозначить изменения в китайском языке, который на данный момент принято называть «вторым английским» ввиду формирования многополярного мира, растущей экономической мощи и политической роли Китая. Более того, понимание аспекта, заключающегося в том, как установки традиционного рода вступают в интеракцию с новыми формами коммуникации, особенно важно для улучшения межкультурной коммуникации, современной журналистики и производства контента.

Новизна работы заключается в анализе комплексного характера воздействия цифровых технологий на лексическую систему и обнаружении новых стратегий создания неологизмов.

Основная цель состоит в выявлении и систематизации основных способов образования неологизмов в современном китайском интернет-дискурсе.

Объектом выступают новые слова национального языка Поднебесной. Особое внимание было уделено причинам возникновения китайских интернет-неологизмов. Были проанализированы основополагающие методы образования неологизмов, некоторые были рассмотрены в отдельности. Предложенные выводы послужат для понимания стратегий словообразования, межкультурного общения и журналистики.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Переход в новую эпоху и развитие компьютерных технологий в значительной степени оказали воздействие и на современный китайский язык, что отразилось и в стремительном обогащении интернет-лексики. В ходе научно-технического прогресса изменения становятся заметны в лексическом строе языка.

Сам язык понимается как динамичная система, развитие которой обусловлено разного рода факторами, к числу этих же факторов следует отнести появление интернета. Оно датируется 1994 годом. В соответствии с 53-им «Статистическим отчетом о состоянии развития Интернета в Китае», количество пользователей Интернета возросло до показателя в 1 миллиард 92 миллиона, если же сравнивать с декабрем 2022 года, то число новых веб-пользователей еще увеличилось на 24.8 миллиона человек [6]. Сам уровень проникновения Интернета приблизился к показателям в 77,5%. Стремительное увеличение пользователей благоприятствует процветанию коммуникации в онлайн формате, где и применяются новые слова (фразеологизмы, диалектизмы, заимствования из английского языка), введенные в обиход самими пользователями. В контексте КНР также можно обнаружить сленговые слова, специальные термины, перекликающиеся со спецификой межличностных отношений, отображающих ценности конкретного периода. В качестве примера стоит рассмотреть

2007 год, когда возникает новая лексика с иероглифической структурой 奴 (nú, что значит «раб») [5], соответственно это послужило образованию новых лексических единиц, таких как 车奴 (chē nú, «автовладелец, не способный приобрести машину или человек, выплачивающий кредит»). Вследствие этого, образовались и новые сочетания слов: 房奴 (fáng nú, «раб дома»), 婚奴 (hūn nú, «раб брака», его возникновение датируется 2007 годом), 妻奴 (qī nú, «подкаблучник»). Последнее из вышеперечисленных выражений возникло 2010 году, и на данный момент его воспринимают положительно и используют в качестве хорошего обращения к мужу. Таким же образом трансформировалось и смысловое значение выражения «раб брака», теперь его следует понимать как жизнь людей, навлекших на себя финансовые проблемы по причине огромных расходов на заключение брака. Данный принцип построения словосочетаний обусловлен определенной степенью ответственности, влияющий на экономические и социальные связи, подчеркивает роль института брака.

В последние годы наблюдается растущий интерес лингвистического сообщества к словарному составу интернет-пространства КНР. Рассмотрим причины возникновения китайских интернет-неологизмов:

1. Существование в новой реальности, появление терминов, обусловленных научно-техническим прогрессом. В частности во время периода формирования (1994-1998 годов) развитие лексики в интернет-пространстве было детерминировано популяризацией интернет-форумов: 楼主 (lóu zhǔ, в прямом смысле: хозяин помещения, в интернет-пространстве: автор темы), 灌水 (guàn shuǐ, прямое значение: налить воды, в интернете: давать бесполезные и многочисленные посты на онлайн-форумах), 抢沙发 (qiǎng shā fā, в прямом смысле: отнимать диван, в интернете подразумевает оставить первый пост в форумах).

2. Развитие систем коммуникации и их использование. Компьютеризация в Поднебесной оказала воздействие на разработку компьютерных и мобильных операционных систем: Weibo, Wechat, TikTok, Tencent QQ, Bilibili итд. Общение базируется на простом и основном правиле – экономии речи, потому что необходимо моментально завоевать внимание собеседников и создать эффективную коммуникацию.

3. Влияние зарубежной культуры. Можно четко заметить, что в социальных сетях Поднебесной можно обнаружить заимствования из других языков, подавляющее большинство слов пришло из английского. Это вызвано широким распространением британской, американской культуры и увеличению количества СМИ на английском языке. К тому же следует учитывать начало проведения политики открытости с 1979 года, и КНР развивается по принципам глобализации и модернизации. Неудивительно, что особое внимание уделяется изучению иностранных языков, в частности английского. По вышеназванным причинам у участников китайских социальных медиа сформировалась привычка применять термины из английского. В пример возьмем **emo** (грустный, более полная форма **emotional**); **IQ** (коэффициент интеллекта, более расширенная форма: *Intelligence quotient*).

4. Усиление контроля за китайским интернет пространством. Для сохранения менталитета, мировоззрения, морали и культуры было необходимо определить основные правила управления, в которые включено управление за использованием интернет-сленга и увеличение обязательств за нарушение основополагающих принципов. Субъекты социальных сетей своевременно адаптировались к требованиям властей, научившись использовать выражения, мемы наиболее искусно, точно, двойственно для общения на темы политического характера или же темы, имеющие отрицательную смысловую нагрузку перед их блокировкой.

Образование неологизмов происходит за счет следующих способов [1]:

1) Фонетические заимствования. В рамках данного способа особое место занимает сохранение звуковой формы исходной единицы языка. Основная особенность состоит в утрате изначально-го значения иероглифа, становится важна его фонетическая составляющая, например: англ. термин *bitcoin* (比特币, *bītèbì*).

2) Семантические заимствования. Здесь осуществляется буквальный перевод частей нового слова при использовании морфем заимствующего языка. В пример приведем слово от англ. *Artificial Intelligence*, на китайском будет звучать иначе: 人工智能 *réngōng zhìnéng* (если переводить дословно, то 人工 *réngōng* – «искусственный» и 智能 *zhìnéng* – «интеллект»)

3) Полукальки. Данный способ предполагает смешанное заимствование словарной единицы: часть слова переводится буквально, другая часть фонетически. Например: *nanomaterial* (рус. «наноматериал») в китайском языке приобрело форму 纳米材料 *nànmǐ cáiliào*, где 纳米 *nànmǐ* – это фонетическое заимствование от. «nano-», а 材料 *cáiliào* дословный перевод части слова «-material».

4) Корнесложение. Данный метод предусматривает создание новых слов с помощью собственных морфем языка и без прямого перевода заимствуемой языковой единицы. Например: англ. *binge-watch* (рус. «бесперывный просмотр контента»), его китайский эквивалент 刷剧 *shuājù* (досл. «листать сериал»).

Отдельно выделим сокращение слов в китайском языке в качестве преобладающего способа образования китайских лексических единиц. Исходя из концепции В.В. Борисова [6], можно говорить о детерминировании слов как единиц лексики, представленных в форме устной и письменной речи, складывающихся с помощью обозначения и унификации некоторых элементов фонетической и грамматической структуры, при этом сохраняется связь между формой и содержанием. Обратимся к некоторым примерам:

1) Уменьшение количества иероглифов в сочетаниях слов: 官宣 (*guān xiān*, «официально объявить»), полный вариант: 官方宣布 *guānfāng xuānbù*)

2) Сокращение устоявшихся выражений с идентичным смыслом в форме одного слова: 断舍离 (*duàn shè lí*, предполагает «отказ от всего бесполезного и архаичного в жизни», полный вариант: 断开, 舍下, 离开)

3) Уменьшение латинских букв или букв пиньиня. Наиболее яркий пример: LOL (*laugh out loud*, «вслух смеясь»), XSWL (*xiào sǐ wǒ le* «безумно смешно»)

Китайский язык следует считать многомерным и многоаспектным, поэтому и аббревиатуры, и вкрапления также подлежат изучению. В текстовых блогах они встречаются чаще всего [4, с.3-4]:

1) слова, которые принято записывать буквенным алфавитом на базе пиньиня (AI «любить» – 爱 *ài* «любить», ТА «он/она» – 他, 她 *tā*).

2) Аббревиатуры, где используются начальные буквы слогов пиньиня: lg – «муж» (老公 *lǎogōng*), JJ – «старшая сестра» (姐姐 *jiějie*).

3) Аббревиатуры с применением цифр: а) 456 *sì wǔ liù* звучит идентично с 是我啦 *shì wǒ la* «Это же я», б) 6868 *liù bā liù bā* созвучно с 溜吧溜吧 *liūba liūba* «Давай, давай!». Аббревиатуры такого типа создаются по принципу омонимии, что предполагает замену иероглифов цифрами с похожим звучанием. Данный вид коммуникации распространился исключительно в интернет-пространстве, для которого характерны разговорный стиль и экономия языковых средств.

4) Аббревиатуры смешанного типа, где сочетаются иероглифы с цифрами: а) 米2 (*mǐ tu*) – образуется от выражения *me too* – «я тоже»; 好8 построено по выражению 好吧 (*hǎoba*) – «ладно, хорошо»; Р图 образуется от выражения 批图 (*pītú*) – «редактирование фотографий».

Цифровые коммуникационные среды (Weibo, WeChat, TikTok, Bilibili и др.) в Китае превращаются в ключевую арену интенсивного словотворчества, способствуя появлению новых способов формирования лексики. В связи с этим обозначим наиболее характерные стратегии в интернет-сленге:

1. Атрибутивное словосложение – соединение двух иероглифических корней без дополнительных формантов[3];
2. Аббревиативные и цифровые формы, использующие латинские буквы, цифры и сокращения на основе пиньиня;
3. Семантические и гибридные заимствования, при которых значение иноязычной единицы передаётся через калькирование или комбинирование фонетической транскрипции и буквального перевода[7].

На практике это проявляется в распространённых конструкциях типа:

- 3.1. 摸鱼 (mō yú, букв. «ловить рыбу») – в переносном смысле «прокрастинировать на работе», часто употребляется в офисных и студенческих чатах;
- 3.2. 凡尔赛 (fán'ěrsài, от «Versailles») – «фейковое скромничество», которое стало устойчивым неологизмом после 2020 года[6].

Подобные модели демонстрируют, что в цифровом пространстве сохраняется традиционная для китайского когнитивная установка на полисемический и визуально выразительный тип словосложения, но при этом ускоряется интеграция с иноязычными формами[1].

Английский язык воздействует на современный китайский не только статистически, но и системно: заимствованные элементы становятся частью нормативных словообразовательных моделей[2]. Стратегии словообразования позволяют пользователям экономить речевые ресурсы, маркировать принадлежность к глобальной культурной среде и при этом обходить прямые формулировки, связанные с политическими и конфликтными темами[5].

Цифровая эпоха радикально изменяет темпы и охват распространения новых слов. Если традиционные заимствования закреплялись в языке годами, то интернет неологизмы проходят весь жизненный цикл за месяцы или даже несколько недель[4]. Основные движущие факторы данного процесса:

- 1) Высокая концентрация пользователей онлайн платформ (в КНР более 1 млрд интернет пользователей)[8];
- 2) Низкий порог для участия в коммуникации (чаты, комментарии, мемы);
- 3) Потребность в игровом и экспрессивном использовании лексики (ономатопея, омонимия, цифровые каламбуры).

Именно поэтому китайская блогосфера и видеоплатформы (Weibo, Sina Blog, Bilibili, YouTube каналы и др.) выступают не только как источник новых слов, но и как нормативная площадка их популяризации[9]. Многие интернет неологизмы после короткого периода в разговорном регистре фиксируются в словарях и справочниках, что свидетельствует о переходе из жаргонного статуса в общелитературный уровень.

В настоящей статье исследованы современные неологизмы китайского языка, формируемые в цифровую эпоху преимущественно за счёт взаимодействия внутренних словообразовательных механизмов (словосложение, сокращение, семантические кальки) и внешних факторов (заимствования, влияние английского языка, развитие цифровых платформ). Показано, что интернет-сленг и лексические заимствования не ослабляют, а обновляют и расширяют ресурсы лексической системы китайского языка, обеспечивая его адекватную реакцию на новые социокультурные и технологические условия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Устойчивость языка в цифровой среде объясняется не замедлением изменений, а повышенной продуктивностью традиционных стратегий словообразования: атрибутивного словосложения, аббревиатур, цифровых и фонетических экспериментов с иероглифами[3].

Таким образом, анализ неологизмов в китайском интернет дискурсе позволяет не только пересмотреть устоявшиеся представления о языковых изменениях, но и точнее описать механизмы взаимодействия национальной культурной идентичности и глобальной цифровой среды.

Полученные выводы имеют значение для научных дисциплин, связанных с китайским языкознанием, неологией и цифровой коммуникацией, а также для прикладных областей – межкультурной коммуникации, журналистики и медиаконтента, ориентированного на китайскоязычную аудиторию.

Список литературы

1. Бахматова, А.Д. Стратегии создания и записи новых слов XXI века в китайском и японском языках // Litera. – 2025. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-sozdaniya-i-zapisi-novyh-slov-xxi-veka-v-kitayskom-i-yaponskom-yazykah> (дата обращения: 26.04.2026). – Текст : электронный.
2. Богомазова, Д.Д. Неологизмы китайского языка : курсовая работа. – URL: <https://multiurok.ru/files/kursovaia-rabota-neologizmu-kitaiskogo-iazyka.html> (дата обращения: 28.04.2026). – Текст : электронный.
3. Косинцева, М.А. Заимствования в современном китайском языке : учебно-методическое пособие. Раздел 2.2 «Способы заимствования в современном китайском языке». – URL: <https://studfile.net/preview/12024331/page:5/> (дата обращения: 27.04.2026). – Текст : электронный.
4. Пищерская, Е.Н., Рокицкая, Е.М., Филиппова, В.П. Китайская блогосфера как источник неологизмов в современном китайском языке // Russian Linguistic Bulletin. – 2024. – № 10 (58). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskaya-blogosfera-kak-istochnik-neologizmov-v-sovremennom-kitayskom-yazyke> (дата обращения: 28.04.2026). – Текст : электронный.
5. Су, Хэцин. Неологизмы как маркеры новых стандартов межличностных отношений (на материале русского и китайского сетевого сленга) // МНКО. – 2025. – № 2 (111). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neologizmy-kak-markery-novyh-standartov-mezhlichnostnyh-otnosheniy-na-materiale-russkogo-i-kitayskogo-setevogo-slenga> (дата обращения: 27.04.2026). – Текст : электронный.
6. Чэнь, Ясин. Неологизмы в китайском интернет-дискурсе // Казанский лингвистический журнал. – 2024. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neologizmy-v-kitayskom-internet-diskurse> (дата обращения: 29.04.2026). – Текст : электронный.
7. Шафеева, В.Е., Гурулева, Т.Л. Словосложение в китайском языке: инструкция по применению : словарно-методический материал. – URL: <https://slovo-ed.ru/slovoslozhenie> (дата обращения: 28.04.2026). – Текст : электронный.
8. Studfile. – URL: <https://studfile.net/preview/12024331/page:5/> (дата обращения: 27.04.2026). – Текст : электронный.
9. Bamboo Bridge. Китайский для бизнеса: как язык помогает развивать карьеру и компании в Китае : блог-ресурс. – URL: <https://bamboo-bridge.ru/blog/tpost/duhdghlea1-kitaiskii-dlya-biznesa-kak-yazik-pomogaet> (дата обращения: 29.04.2026). – Текст : электронный.

УДК 336.67

ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ РАЗРЫВ ЦЕННОСТЕЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В ПУБЛИЧНОМ УПРАВЛЕНИИ

Анасенко Елена Валерьевна¹,*кандидат экономических наук, доцент,**доцент кафедры государственного и муниципального управления,**e-mail: anasis@bk.ru***Лаптиёв Александр Алексеевич¹,***студент кафедры государственного и муниципального управления,**e-mail: sasa2209sasa@gmail.com*¹*АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия*

В этой статье анализируется проблема ценностного разрыва между поколениями государственных служащих. Будут рассмотрены ключевые различия в мотивации, отношения к труду и восприятие цифровизации. Выявляются риски институционального конфликта ценностей и предлагаются практические рекомендации по их снижению. Цель статьи – выявить основные ценностные различия между двумя поколенческими группами государственных служащих и предложить механизмы их сглаживания в рамках современной кадровой политики.

Ключевые слова: Поколенческий разрыв, государственный служащий, ценности, принципы.

GENERATIONAL GAP IN THE VALUES OF CIVIL SERVANTS IN PUBLIC ADMINISTRATION

Anasenko Elena Valerievna¹,*candidate of economic sciences, associate professor,**associate professor of the department of Public and Municipal Administration,**e-mail: anasis@bk.ru***Alexander A. Laptiev¹,***Student of the Department of State and Municipal Administration,**e-mail: sasa2209sasa@gmail.com*¹*ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia*

This article analyzes the problem of the value gap between generations of civil servants. Key differences in motivation, attitudes to work, and perceptions of digitalization will be examined. The risks of an institutional conflict of values are identified and practical recommendations for their reduction are proposed. The purpose of the article is to identify the main value differences between the two generational groups of civil servants and to propose mechanisms for smoothing them within the framework of modern personnel policy.

Keywords: Generational gap, civil servant, values, principles.

Сегодня, система государственного и муниципального управления в России находится в ситуации объективного конфликта между двумя принципиально разными поколенческими группами. Первые, это уже опытные государственные служащие, которые, как правило, составляют сегодняшнюю основу публичного и государственного управления. С другой стороны, вторая крупная группа – это молодое поколение, которые с каждым годом всё активнее приходят работать в органы публичной

власти. Каждая из этих групп сформировалась в принципиально разных исторических и социально-экономических условиях. Старшее поколение, прошло через советский и поздний советский период. Новое поколение родилось в конце 90-х и застало начало современной цифровой эпохи.

Когда мы говорим про разрыв поколений, ключевая теория здесь – это теория поколений авторами которой являются Уильям Штраусом и Нилом Хау. Согласно их теории, каждое поколение формируется под влиянием крупных исторических событий и социальных циклов, что закладывает систему ценностей, сохраняющуюся на протяжении всей жизни. В российском контексте адаптацию теории провели Е. Шамис и А. Антипов, дополнив её учётом постсоветских трансформаций, например, распад СССР, экономические кризисы и следующая за ними цифровая революция [1, 7].

Для государственной службы ценностный аспект, за частую, имеет критическое значение. Эффективность публичного управления напрямую зависит от согласованности личных ценностей служащего с фундаментальными ценностями, такими как законность, служение обществу, профессионализм и политической нейтральностью. Когда разные поколения по-разному интерпретируют эти ценности и по-своему видят свою роль в системе, возникает диссонанс, который снижает эффективность управления [2].

На основе обобщения эмпирических исследований можно выделить устойчивые ценностные профили каждой группы.

Опытные государственные служащие:

- чаще ценят стабильность, гарантии занятости и чёткое исполнение должностного регламента;
- обладают лояльностью к конкретному ведомству, которые ориентированы на долгосрочную службу;
- воспринимают жесткую иерархию и субординацию как безусловную норму, не всегда склонны к открытому обсуждению или оспариванию распоряжений руководства;
- испытывают трудности с освоением цифровых инструментов;
- основная мотивация – это статус [3].

Молодые специалисты:

- ждут полной цифровизации всех процессов;
- лояльны не столько к ведомству, сколько к интересным задачам и профессиональному развитию;
- считают допустимым обсуждать и предлагать альтернативны решениям начальства, что иногда расценивается как неуважение;
- имеют низкий порог терпения к ненормированному труду;
- основная мотивация – это доход и быстрый карьерный рост [4].

Сопоставление этих двух ценностных профилей позволяет выделить три основных ключевых зоны разрыва, которые создают реальные риски для публичного управления.

Первая зона – отношение к власти, иерархии и субординации. Опытные служащие выросли в культуре, где начальник был всегда прав, приказы почти никогда не обсуждаются. Молодые специалисты же, напротив, воспитаны в эпоху доступности информации и горизонтальных сетевых коммуникаций. Они ожидают, что их мнение будет услышано, и могут аргументированно предлагать альтернативы. Это приводит к взаимному раздражению: старшие видят в молодых скорее выскочек, младшие – в старших людей, тормозящих развитие [5].

Вторая зона – цифровая трансформация процессов. Для опытных служащих переход на электронный документооборот и цифровые реестры может стать серьёзным стрессом, многие до сих пор дублируют цифровые документы бумажными версиями. Молодые специалисты, которые факти-

чески выросли со смартфоном в руке, воспринимают цифровизацию как базовую норму и требуют внедрения ИИ-ассистентов, для контроля решений и отказа от физических носителей [6].

Третья зона – мотивация труда и лояльность. Система оплаты и стимулирования на государственной службе исторически строилась на выслуге лет: чем дольше работаешь, тем выше надбавка. Это идеально работает для опытных сотрудников, но совершенно не мотивирует молодых. Новое поколение привыкло к быстрой обратной связи и понятной связи между усилиями и вознаграждением. Когда молодой специалист видит, что его зарплата растёт лишь за счёт ожидания очередной выслуги лет (3, 5, 10 лет), а не за счёт эффективности, он теряет интерес и уходит в коммерческий сектор.

Если игнорировать эти различия, то могут возникать определённые риски [8]:

- когда опытные сотрудники уходят на пенсию их уникальный опыт уходит вместе с ними и не передаётся молодёжи из-за отсутствия доверия и коммуникации между двумя поколениями;
- может произойти массовый отток молодых специалистов в коммерческий сектор, что ведёт к деградации госаппарата и снижению его способности к развитию и инновациям;
- происходит снижение качества государственных услуг из-за игнорирования цифровых изменений со стороны опытных служащих;
- формируются неформальные закрытые группы по признаку возрастной группы, что разрушает единую организационную культуру [7].

Считаем, что для преодоления всех этих негативных последствий разности поколений необходимы следующие нижеперечисленные меры.

Первый и самый важный шаг – это создание межпоколенческих проектных групп. Вместо того чтобы департаменты состояли из сотрудников примерно одного возраста, руководство целенаправленно должно формировать временные команды для решения определённых задач (например, оптимизация отчётности или внедрение нового портала), где в равной пропорции представлены более опытные и молодые специалисты. Это необходимое и мягкое смешивание вынуждает их работать друг с другом, вырабатывать общие ценности и искать компромиссы.

Следующий, но не менее важный шаг, который нужно сделать – это осуществить переход к гибридной системе мотивации. Она должна предполагать сохранение надбавки за выслугу лет, что справедливо по отношению к старшему поколению сотрудников, но также, нужно дополнительно вводить мотивационные бонусы для молодых специалистов, например, премии за успешное внедрение цифрового решения, гранты на дополнительное обучение, возможность ускоренного повышения в должности без обязательной отработки 3–5 лет.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что поколенческий разрыв между молодыми и более опытными государственными служащими – это новая уже сложившаяся объективная реальность публичного управления современности. Полностью преодолеть его вряд ли получится, возможно это и не нужно, так как каждое поколение по мере работы, вносит свои сильные стороны. Опытное поколение даёт стабильность и знания, в то время как новое поколение приносит цифровизацию и инновационное мышление. Основная задача для более эффективного публичного управления и устройства государственной службы – это сократить различия между поколениями, объединить их сильные стороны и нивелировать негативные последствия, возникающие как от взаимодействия между поколениями, так и негативные стороны каждого поколения в отдельности. В первую очередь, для этого необходимо выстроить здоровый диалог между поколениями, чтобы они смогли объединиться ради общего дела.

Список литературы

1. Губин, Д.А. Ценностные основания государственной гражданской службы: теоретико-методологический анализ // Государственное управление. Электронный вестник. – 2021. – Вып. 79. – С. 112–129.
2. Иванов, О.Б., Боброва, Е.А. Поколенческие различия в трудовой мотивации государственных служащих // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2022. – № 4. – С. 56–74.
3. Климова, С.Г., Гаврилова, М.В. Цифровизация госслужбы в оценках разных поколений (по материалам фокус-групп) // Социологические исследования. – 2023. – № 2. – С. 88–98.
4. Магомедов, К.О. Ценностный конфликт поколений в системе публичного управления: риски и механизмы преодоления // Государственная служба. – 2021. – Т. 23, № 6 (134). – С. 34–41.
5. Плешакова, В.В., Соловьев, А.В. Наставничество как инструмент преодоления поколенческого разрыва на государственной службе // Кадровик. – 2023. – № 5. – С. 23–31.
6. Штраус, У., Хау, Н. Поколения: история будущего Америки, 1584–2069. – Москва : АСТ, 2013. – 512 с.
7. Шамис, Е., Антипов, А. Теория поколений в России: уникальность и инструменты // Управление персоналом. – 2024. – № 3 (237). – С. 42–47.
8. Мотивация и ценности государственных служащих в условиях цифровой трансформации : отчет РАНХиГС (2024). – Москва : Издательство РАНХиГС, 2024. – 88 с.

КИБЕРУСТОЙЧИВОСТЬ ТРАНСПОРТНОГО КОМПЛЕКСА В ЭКОСИСТЕМЕ УМНОГО ГОРОДА

Анасенко Елена Валерьевна¹,

кандидат экономических наук, доцент,

доцент кафедры государственного и муниципального управления,

e-mail: anasis@bk.ru

Чибрикова Екатерина Андреевна¹,

студент 1 курса магистратуры по направлению подготовки государственное

и муниципальное управление»,

e-mail: katya10.03@inbox.ru

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

Развитие экосистемы умного города сопровождается масштабной цифровизацией транспортной инфраструктуры путем внедрения интеллектуальных транспортных систем (ИТС), сервисов на основе больших данных и искусственного интеллекта. Однако вместе с тем растёт уязвимость транспортных систем к кибератакам, способным привести к сбоям в управлении движением, информационной утечки и угрозе безопасности граждан. В данном аспекте особую значимость приобретает интеграция механизмов кибербезопасности в действующие цифровые проекты, одним из которых является Инновационный Центр «Безопасный транспорт», для повышения безопасности и адаптации к современным вызовам. Цель исследования – проанализировать потенциал ИЦ «Безопасный транспорт» и разработать комплекс мер, направленный на создание механизмов защиты интеллектуальных систем для обеспечения киберустойчивости транспортного комплекса умного города. Методы исследования включают индукцию, дедукцию, анализ и обобщение. Разработанные рекомендации могут быть использованы органами городского управления при разработке стратегий кибербезопасности умных городов в сфере транспорта.

Ключевые слова: кибербезопасность, цифровизация, большие данные, искусственный интеллект, интеллектуальная транспортная система, технологии, транспорт, повышение качества жизни.

CYBER RESILIENCE OF THE TRANSPORT COMPLEX IN THE SMART CITY ECOSYSTEM

Anasenko Elena Valerievna¹,

candidate of economic sciences, associate professor,

associate professor of the department of Public and Municipal Administration,

e-mail: anasis@bk.ru

Chibrikova Ekaterina Andreevna¹,

1st year student of the master's program of the department of Public and Municipal Administration,

e-mail: katya10.03@inbox.ru

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

The development of the smart city ecosystem is accompanied by large-scale digitalization of transport infrastructure through the introduction of intelligent transport systems (ITS), services based on big data and artificial intelligence. However, at the same time, the vulnerability of transport systems to cyber-attacks is growing, which can lead to disruptions in traffic management, information leakage and a threat to the safety of citizens. In this aspect, the integration of cybersecurity mechanisms into existing digital projects, one

of which is the Safe Transport Innovation Center, is of particular importance in order to increase security and adapt to modern challenges. The purpose of the study is to analyze the potential of the Safe Transport Information Center and develop a set of measures aimed at creating protection mechanisms for intelligent systems to ensure the cyber stability of the smart city transport complex. Research methods include induction, deduction, analysis, and generalization. The developed recommendations can be used by city governments in developing cybersecurity strategies for smart cities in the field of transport.

Keywords: cybersecurity, digitalization, big data, artificial intelligence, intelligent transportation system, technology, transport, improving the quality of life.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы обусловлена тем, что развитие экосистемы умного города неразрывно связано с цифровой трансформацией, в том числе в транспортном комплексе. Оно включает внедрение интеллектуальных транспортных систем (ИТС), беспилотных видов транспорта, сервисов мониторинга и управления движением на основе больших данных и использование алгоритмов искусственного интеллекта. Однако рост взаимосвязанности и автоматизации повышает уязвимость транспортной инфраструктуры к кибератакам и технологическим сбоям. К примеру, хакерские атаки на транспортные системы могут привести к нарушению работы светофоров, систем управления движением, приложениям общественного транспорта и каршеринга, а также компрометации данных о пассажиропотоках и маршрутах.

Инновационный центр «Безопасный Транспорт», агрегирующий данные из более 50 источников и обрабатывающий свыше 600 млн записей ежедневно, обладает значительным потенциалом для повышения киберустойчивости, поскольку его механизмы – централизованный сбор данных, предиктивная аналитика, моделирование и автоматизация могут быть адаптированы для раннего выявления цифровых угроз и оперативного реагирования на инциденты. Иными словами, данная статья восполняет пробел в отечественных и зарубежных исследованиях, предлагая прикладные решения для повышения киберустойчивости на базе уже действующих цифровых платформ умного города, что имеет высокую практическую и научную значимость.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Концепция умного города (Smart City) – это система, при которой существующие ресурсы городских служб используются оптимальным образом и обеспечивают наибольшее удобство жителям [1]. Другими словами, это комплексная цифровая экосистема, в которой все городские службы интегрированы и управляются с помощью передовых технологий: искусственного интеллекта, больших данных, блокчейна и так далее (Рис. 1). Транспортный комплекс является одним из ключевых элементов данной системы, так как он обеспечивает мобильность жителей, логистику и связность городских районов.

В 2017 году был создан единый источник данных транспортного комплекса столицы – Инновационный Центр «Безопасный транспорт», который работает с большими данными [2]. Его деятельность направлена на создание цифровых аналитических инструментов и интеграцию интеллектуальных систем через концепцию «Умный город – 2030» [3], где управление городом осуществляется с помощью передовых технологий. Иными словами, он является связующим элементом и главным поставщиком данных в транспортной сфере столицы, поскольку его проекты, представленные в Таблице 1, вносят огромный вклад в цифровизацию отрасли. «Безопасный транспорт» обеспечивает

сквозную интеграцию данных между транспортными сервисами и другими компонентами городской среды, а также создает основу для внедрения перспективных технологий (например, цифровых двойников дорог), тем самым повышая эффективность экосистемы.

Рис. 1. Сквозные технологии Умного города

Таблица 1

Проекты Инновационного Центра «Безопасный транспорт»

Направление деятельности	Название проекта	Сущность
Большие данные	Качество данных	Совокупность автоматизированных бизнес-процессов для проверки качества данных и устранения выявленных ошибок
	Платформа данных	Сервис, консолидирующий данные из всех ключевых источников данных Транспортного комплекса Москвы
Аналитика	Использование BI-отчетности	Единый центр сбора и обработки данных был создан в 2022 году, а уже через два года он стал единым центром BI всего транспортного комплекса. Главная цель заключается в автоматизации всей отчетности, в том числе с помощью дашбордов, которые помогают при принятии управленческих решений
	Трафик Московского транспорта	Аналитическая система, которая в режиме реального времени отражает показатели загруженности дорог в столице для оперативной оценки дорожно-транспортной обстановки
	Система «Космос»	Платформа, информирующая жителей столицы об изменениях на дорогах или работе общественного транспорта путем своевременных автоматических рассылок
	Прогноз загруженности с балльной системой	С целью быстрого и комфортного перемещения по городу, для водителей и пассажиров созданы сервисы (на основе больших данных), показывающие индексы загрузки транспорта, парковочных мест, а также трафика на дорогах для выбора оптимального маршрута

Моделирование	Сити-2	В рамках проектирования капитального объекта Сити-2 рассмотрели различные варианты развития улично-дорожной сети и выявили наиболее оптимальное решение с применением комплексного моделирования
	Сервис «Предмоделирование»	Сервис для автоматизированного экспресс-анализа транспортных эффектов от градостроительного развития территорий. Проводится оценка индивидуального, городского и скоростного внеуличного транспорта. По рассчитанным результатам автоматически предлагаются решения негативных эффектов
Разработка	Мониторинг аварийности	Аналитический сервис для повышения безопасности дорожного движения и снижения смертности на дорогах через анализ данных о ДТП и внедрение прогнозной модели для принятия управленческих решений
	Карта биометрии	Разработана для повышения безопасности в городе через анализ данных о работе биометрических комплексов инфраструктуры города
	Биометрический детектор	Детектор «Безопасный транспорт» – модуль детектирования лиц Единой системы видеоаналитики Москвы, он обеспечивает определение лиц на поступающих в него видеопотоках
Стратегический консалтинг	Стратегия развития интеллектуальной транспортной системы Москвы до 2035 года	Уникальная и не имеющая аналогов в мире стратегия развития Интеллектуальной транспортной системы на основе набора цифровых продуктов для граждан, бизнеса и государства
	Стратегия повышения безопасности дорожного движения	Проанализированы причины аварийности на УДС, предложены меры по снижению

Таким образом, благодаря всесторонней аналитике и обработке информации, моделированию и разработке стратегий – инновационные технологии помогают регулировать транспортный комплекс Москвы, повышая технологичность и удобство транспортной инфраструктуры. Для обеспечения безопасности хранимых данных и внедряемых инновационных технологий требуется комплексный подход, включающий различные стратегии, нормативно-правовые акты и меры кибербезопасности. Государственный проект, такой как «Искусственный интеллект» [4] направлен на модернизацию инфраструктуры и запуска новых технологических новшеств, в том числе в сферу транспорта и государственного управления. Он также содержит аспекты мер по защите данных и рекомендаций для слаженной работы систем и минимизации каких-либо сбоев, в том числе кибератак.

На наш взгляд, далее следует дать определение кибербезопасности, которое определяет условия для устойчивости систем к внешним угрозам и рискам. Кибербезопасность – свойства различных программно-управляемых систем автоматического управления сохранять способность к безопасному и эффективному выполнению возложенных на них функциональных задач в условиях целенаправленных, умышленных, деструктивных воздействий различной физической природы [5]. Киберустойчивость в данном контексте подразумевает способность транспортной системы противостоять угрозам, быстро восстанавливаться после инцидентов и адаптироваться к новым возможным рискам.

Согласно исследованию компании Positive Technologies, доля кибератак на транспортную отрасль значительно выросла, потому что с ростом цифровизации транспортная инфраструктура становится все более уязвимой. На Рисунке 2 показано, что основной удар сказывается на нарушении основной деятельности (70%), а также утечки конфиденциальной информации (38%) [6]. Для предотвращения любого типа угроз следует разрабатывать профилактические меры в масштабе всей отрасли, а не отдельной транспортной организации.

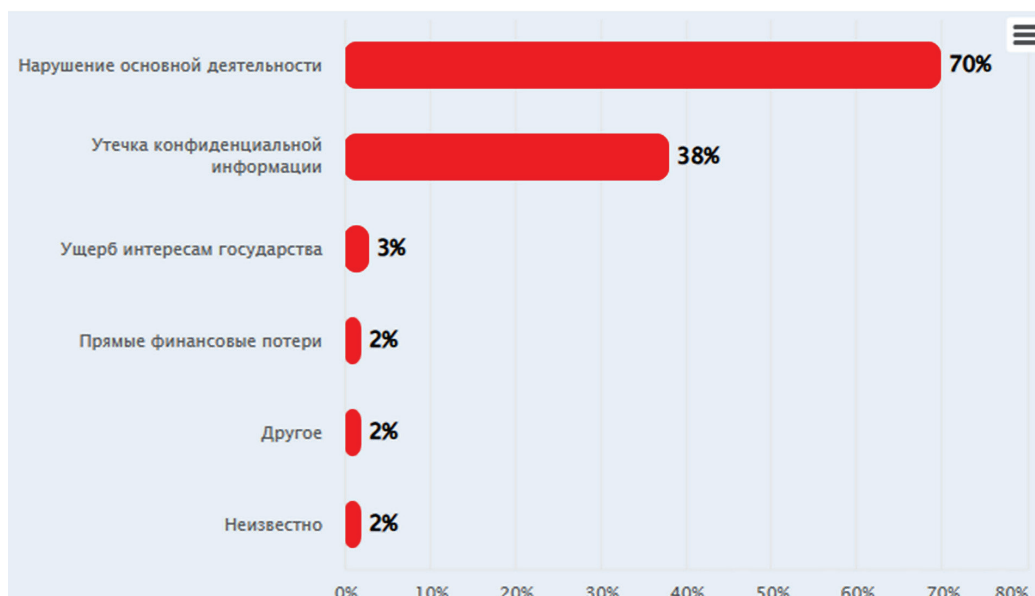

Рис. 2. Последствия атак (доля успешных атак, %)

Вопросы кибербезопасности актуальны в отрасли, поскольку участники перевозки используют сети связи общего доступа, что требует защищать и транспортные средства, и транспортную и цифровую инфраструктуры, и системы грузоотправителей и перевозчиков, и цифровые сервисы, включая государственные [7]. Кроме того, под угрозой находятся приложения для пассажиров, беспилотные транспортные средства и элементы интеллектуальной транспортной системы, которые могут привести к глобальному коллапсу и значительному ущербу, который затронет не только ключевую инфраструктуру, но и самих жителей мегаполиса. Поэтому для борьбы с возможными угрозами требуется комплексное решение, включающее нормативное регулирование, технологические разработки и обучение специалистов.

Для усиления киберустойчивости в рамках центра «Безопасный транспорт можно рассмотреть следующие направления:

- Внедрение механизмов защиты данных в виде шифрования передаваемой информации, аутентификации устройств и контроля доступа к системам;
- Регулярное тестирование на уязвимости и аудит кибербезопасности инфраструктуры;
- Интеграция с системами обнаружения и предотвращения кибератак, в том числе с центрами мониторинга;
- Обучение сотрудников процедурам быстрого реагирования на инциденты и их дальнейшее предотвращение;
- Разработка планов восстановления после кибератак, включая резервное копирование данных и восстановления работы систем.

На схеме ниже (Рис. 3) представлены фундаментальные требования, которые позволяют обеспечить безопасную транспортную экосистему в рамках управления умным городом. Иначе говоря, разработка рекомендаций должна базироваться на выполнении четырех требований, чтобы проводимые мероприятия осуществлялись комплексно и с наибольшим положительным эффектом.

В рамках технических мер следует шифровать данные при передаче и хранении, использовать многофакторную аутентификацию, внедрять системы мониторинга и блокировки атак, использовать защиту для IoT-устройств (датчики, камеры, светофоры) и регулярно обновлять ПО. Организационные аспекты включают обучение персонала, разработку политики информационной безопасности, а

также разграничение полномочий и контроль физического доступа к инфраструктуре. Технологические решения должны основываться на использовании больших данных, предиктивной аналитики и машинного обучения для выявления аномалий, прогнозирования угроз и их устранения. И ещё одной не менее важной мерой является соответствие стандартам – соблюдение информационных требований кибербезопасности критически важной инфраструктуры и транспортных средств. Реализация и следование данным правилам позволит не только снизить риски цифровых угроз, но и повысить общую надежность и эффективность транспортной инфраструктуры умного города, обеспечив ее устойчивость к современным киберугрозам.

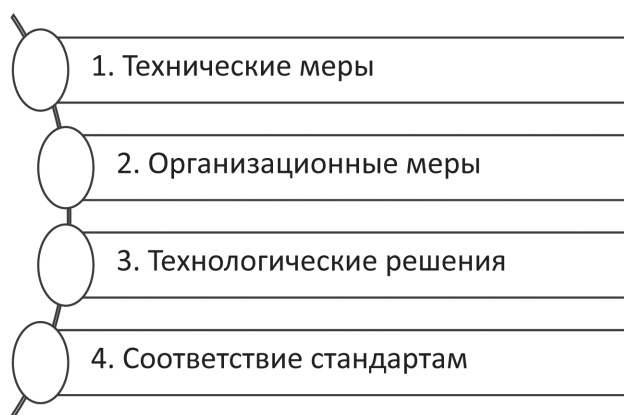

Рис. 3. Перечень мер, создающих условия для киберустойчивости транспортного комплекса

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно сделать вывод, что на примере инновационного центра показано, как технологии работы с большими данными, предиктивной аналитики и автоматизации могут способствовать повышению устойчивости транспортной инфраструктуры к цифровым вызовам и угрозам. Практическая значимость находит свое отражение в снижении рисков, экономической эффективности, безопасности горожан и надежности сервисов. Здесь стоит отметить минимизацию вероятности успешных кибератак на транспортную инфраструктуру и предотвращение сбоев в работе интеллектуальных систем (например, умных перекрёстков), мобильных приложений и сервисов. Результатами проводимого исследования стали выявленные факторы уязвимости транспортной инфраструктуры умного города, которые наметили направления борьбы с возможными рисками и угрозами.

Таким образом, Инновационный центр «Безопасный транспорт» служит специализированным узлом в экосистеме умного города, фокусируясь на цифровизации и обеспечения киберустойчивости элементов транспортной инфраструктуры. Однако для полноценной защиты от киберугроз требуется дополнение существующих решений специализированными механизмами кибербезопасности и постоянное совершенствование системы с учётом динамично меняющихся рисков и угроз.

Список литературы

1. Слияние реального и виртуального. Как работает умный город? // Официальный портал Мэра и Правительства Москвы [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mos.ru/city/projects/smartcity/> (дата обращения: 15.06.2026). – Текст : электронный.
2. Официальный портал Инновационного центра «Безопасный транспорт» [Электронный ресурс]. – URL: <https://ictransport.ru/about> (дата обращения: 15.06.2026). – Текст : электронный.
3. Стратегия «Умный город – 2030»: вводные материалы и общие принципы // Официальный портал Мэра и Правительства Москвы [Электронный ресурс]. – URL: <https://storage.strategy24.ru/files/>

- strategy/201903/724ca9541151bd969b96ed594f37a103.pdf (дата обращения: 15.06.2026). – Текст : электронный.
4. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» (2025–2030 гг.) // Официальный сайт Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/rugovclassifier/923/about/> (дата обращения: 15.06.2026). – Текст : электронный.
5. Князькина, О.В., Хамитов, Р.М., Черникова, О.П., Златицкая, Ю.А. Кибербезопасность в сфере транспорта [Электронный ресурс]. – 2024. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbezopasnost-v-sfere-transporta> (дата обращения: 15.06.2026). – Текст : электронный.
6. Киберугрозы в транспортной отрасли [Электронный ресурс]. – 2024. – URL: <https://ptsecurity.com/research/analytics/cyber-threats-in-the-transport-sector-2023/> (дата обращения: 15.06.2026). – Текст : электронный.
7. Цифровая трансформация транспортно-логистической отрасли Российской Федерации: тренды, вызовы, решения, технологии // Ассоциация «Цифровой транспорт и логистика» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.dtl.ru/upload/docs/Analitika_DTLA.pdf (дата обращения: 15.06.2026). – Текст : электронный.
8. Данилов, О.Ф., Лихтенштейн, Б.М., Логинов, С.И. и др. Концептуальные основы стратегии инновационного развития города в рамках регионального сценария «умный город» : учебное пособие. – Тюмень : Тюменский индустриальный университет, 2023. – 179 с. – ISBN 978-5-9961-3032-0. – URL: <https://www.iprbookshop.ru/133644.html> (дата обращения: 15.06.2026). – Текст : электронный.
9. Гашиков, А.А. Интеллектуальные транспортные системы в России: тенденции формирования // Сборник научных трудов магистрантов и преподавателей. – Челябинск, 2022. – С. 52–59.
10. Пилипец, О.О. Перспективы применения онтологического подхода в контексте формирования единой интеллектуальной транспортной системы // Мир транспорта и технологических машин. – 2024. – № 3-3 (86). – С. 120–127.
11. Григоренко, Н.И., Гутников, В.А. Формирование интеллектуальных транспортных систем в контексте развития технологий // Промышленное и гражданское строительство. – 2025. – № 10. – С. 62–69.
12. Петрова, А.В. Формирование интеллектуальной транспортной системы в городских агломерациях // Железнодорожный транспорт и технологии : сборник трудов Международной научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2024. – С. 314–316.
13. Официальный портал ГКУ ЦОДД [Электронный ресурс]. – URL: <https://gucodd.ru/> (дата обращения: 15.06.2026). – Текст : электронный.
14. Официальный портал Мэра и Правительства Москвы [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mos.ru/> (дата обращения: 15.06.2026). – Текст : электронный.
15. Официальный портал Департамента транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры города Москвы [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mos.ru/dt/> (дата обращения: 15.06.2026). – Текст : электронный.
16. Ouaisa, M., Ouaisa, M., Nadifi, Z., El Himer, S., Al Masmoudi, Y., Kartit, A. A framework for cyber threat modeling and risk assessment in smart city environments // Frontiers in Computer Science. – 2025. – Vol. 7. – Art. 1647179. – DOI: 10.3389/fcomp.2025.1647179.

ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РОССИЙСКИХ ПРОФСОЮЗОВ В МЕДИА

Артюшенко Федор Леонидович¹,

аспирант факультета журналистики,

e-mail: f.artushenko@mail.ru

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

В российском обществе сохраняется запрос на работу профсоюзов и социальное партнёрство. Настоящая работа с помощью качественного и количественного контент-анализа исследует посредническую роль профсоюзных медиа в социальном партнёрстве. Несмотря на активную посредническую работу своих медиа, ключевые профсоюзы России имеют полярный подход к социальному диалогу, интерес аудитории к теме неравномерен.

Ключевые слова: профсоюзные медиа, социальное партнёрство, социальный диалог, ФНПР, КТР, качественный контент-анализ, количественный контент-анализ

REFLECTION OF THE FEATURES OF THE FUNCTIONING OF RUSSIAN TRADE UNIONS IN THE MEDIA

Artyushenko Fedor Leonidovich¹,

Postgraduate student at the Faculty of Journalism,

e-mail: f.artushenko@mail.ru

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

In Russian society, there is still a demand for the work of trade unions and social partnership. This paper uses qualitative and quantitative content analysis to explore the intermediary role of trade union media in social partnership. Despite the active mediation work of their media, Russia's key trade unions have a polar approach to social dialogue, the audience has an uneven interest in the topic.

Keywords: trade union media, social partnership, social dialogue, FNPR, CTR, qualitative content analysis, quantitative content analysis

ВВЕДЕНИЕ

В Трудовом кодексе РФ социальное партнёрство трактуется как система согласования интересов между работниками, бизнесом и государством¹. Закономерно медиа как инструмент распространения информации являются посредником в трёхстороннем взаимодействии. Изучение социального партнёрства отвечает интересам заинтересованных сторон, так как социальный диалог направлен на снижение количества конфликтов сторон: по данным опроса НН.ru за 2025 год, 19% из 2500 опрошенных сотрудников вступали в конфликт с работодателем². Другой опрос, который провёл институт П.А. Столыпина, показал, что 19% из 1,5 тыс. предпринимателей недовольны взаимодействием с государством и желают улучшить практики диалога с ним³. Анализ роли профсоюзного медиа во

¹ ТК РФ Статья 23. Понятие социального партнерства в сфере труда [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/e5c859f1e3f2f02351e1fcd1159b2a19b9e7f446/ (Дата обращения: 06.06.26)

² Чаще всего на работе россияне конфликтуют с начальством: результаты опроса соискателей [Электронный ресурс] URL: https://www.snews.ru/news/line/2025-04-16_chashche_vsego_na_rabote_rossiyane (Дата обращения: 06.06.26)

³ Результаты опроса бизнеса о взаимодействии с государством, март 2023 [Электронный ресурс] URL: <https://stolypin.institute/research/our/rezultaty-oprosa-biznesa-o-vzaimodejstvii-s-gosudarstvom-mart-2023> (Дата обращения: 06.06.26)

взаимодействии с бизнесом и государством может показать отношение профсоюза к такому диалогу и его функционирование в одной из основополагающих сфер. Это обусловило выбор объекта исследования: профсоюзные медиа России, и его предмет – отражение особенностей функционирования российских профсоюзов в медиа.

Профсоюзные медиа редко попадают в объектив специалистов. Исследователь Ю.Н. Панина определила профсоюзную прессу как разновидность специализированной прессы, которая формирует социальную идентичность членов профсоюзов через специальный профсоюзный медиадискурс и удовлетворяет потребности определённой профессиональной группы [2, с. 141]. В этой статье теми же функциями наделяется не только пресса, но и другие медиа, такие как сайты, телеграм-каналы и сообщества “ВКонтакте”. Иностранные исследователи Б.Карньеро и Э.А. Коста говорят о кризисе института профсоюзных медиа из-за нехватки эффективной коммуникации между руководством и членами профсоюза, а также слабой корреляции между онлайн и офлайн активностью [7, с. 45]. Кризис профсоюзов как институтов гражданского общества подчеркивают А.П. Тараненко, А.А. Главатских и Д.В. Бреев: снижается как осведомлённость о профсоюзах, так и количество состоящих в организациях [3, с. 66-67]. Исследователь О.О. Комолов считает, что профсоюзы структур Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР) и Конфедерация труда России (КТР) антагонистичны друг другу, поскольку профсоюзы ФНПР скорее предоставляют услуги, чем мотивируют самостоятельную гражданскую инициативу, а профсоюзы КТР содействуют реальному самоуправлению и выполняют координационную, а не патерналистскую функцию, считает исследователь [1, с. 105]. Это обусловило рассмотрение профсоюзов именно этих структур в исследовании. Социальное партнёрство исследователь С.Ю. Чуча рассматривает как важную часть гражданского общества и социального государства. Это предполагает развитие трёхсекторной модели взаимодействия: бизнеса, государства и негосударственных объединений [5, с. 254]. Среди важных элементов работы профсоюза исследователи отмечают коллективные переговоры [4, с. 509; 6, с. 144], то есть ключевой элемент социального партнёрства. Данная работа ставит целью проанализировать, в чём особенности исполнения посреднической функции профсоюзных медиа в социальном партнёрстве. Для этого в выбранных медиа анализировались следующие признаки: количество и качество материалов о социальном партнёрстве (регулярность выхода, простота изложения материалов и представление интересов сторон); характер обратной связи от аудитории; отношение медиа к социальному партнёрству и его сторонам; вносятся ли законодательные инициативы в ТК РФ; соответствие контента принципам головной организации.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Эмпирическую основу исследования составил контент профсоюзных медиа федерации независимых профсоюзов России (ФНПР) как самой многочисленной организации профсоюзов, и Конфедерации труда России (КТР), как её организации-антипода и второй по численности, за период с 2021 по 2024 год, а также контент медиа профсоюзов, входящих в эти структуры.

Исследование эмпирической базы было проведено в следующем порядке: 1) определение основных каналов коммуникации профсоюзных медиа. В расчёт брались все наиболее часто встречаемые медиа организаций в открытом доступе: сообщества “ВКонтакте”, Телеграм-каналы, сайты и онлайн-издания газет. Суммарно в выборку вошло 264 медиа и 2700 публикаций; 2) вторичная выборка: отсев медиа с дублирующим контентом, каналов с менее чем 1 тыс. подписчиков, медиа,

прекративших работу до обозначенного периода, а также медиа, публикующие контент реже одного раза в месяц. 27 медиа по итогу отсева вошли в выборку; 3) третичная выборка: выбор медиа с наиболее выраженным освещением социального партнёрства: в этих медиа имелись специальные рубрики и форматы под тему, обозначались намерения организации развивать социальный диалог, поддерживалась регулярность выхода материалов по теме. Итоговая выборка составила 10 медиа с релевантными теме единицами контента: сайт-газета «Солидарность» – 216 материалов, телеграм-канал ФНПР – 116 публикаций, сайт ФПРТ – 171 материалов, сайт НГСП – 70 материалов, дайджест «Ласточка» – 25 публикаций, сайт Шереметьевского профсоюза лётного состава (ШПЛС) – 8 публикаций, сайт и ВК-сообщество «Учитель» – 29 и 40 публикаций соответственно, ВК-сообщество профсоюза «Действие» – 97 материалов, сайт Межрегионального профсоюза кинематографистов (МПК) – 20 материалов.

После составления списка медиа были определены ключевые слова, по которым был осуществлён поиск релевантных теме социального партнёрства материалов. Туда вошли: “социальное партнёрство”, “социальный диалог”, “РТК”, “отраслевое соглашение”, “коллективный договор”, “переговоры”. Результаты качественного и количественного контент – анализа представлены ниже (табл. 1).

Таблица 1

Результаты контент-анализа посреднической функции профсоюзных медиа в социальном партнёрстве

Медиа/рассмотренный признак	Подача и частота выхода материалов	ОС	Соцпартнёрство	Предложения в ТК РФ	Соответствие принципам организации
сайт-газета «Солидарность»	Р:ПЯ; ВС	ОС0	комплексно; диалог сторон	+	+
телеграм-канал ФНПР	Р:ПЯ; ВС	ОСМ: 47 комм./период	комплексно; диалог сторон	+	+
сайт ФПРТ	Р; СДЯ; ВС	ОС0/ форма ОС	комплексно; диалог сторон, РТК	+	+
сайт НГСП	Р:ПЯ; ВС	ОС0	комплексно; диалог сторон	+	+
дайджест «Ласточка»	Р; ПЯ; РАБ	ОС0	документы; истории; диалог сторон	-	+
сайт ШПЛС	НР; СДЯ; ВС	ОС0	колдоговор; критика сторон;	+	+
сайт профсоюза «Учитель»	Р; ПЯ; ВС	ОС0	колдоговор; критика сторон; попытки диалога	+	+
ВК-сообщество профсоюза «Учитель»	НР; ПЯ; ВС	ОСА:> 2 тыс./период	комплексно; диалог	+	+
ВК-сообщество профсоюза «Действие»	Р; СДЯ; РАБ	ОСА> 1 тыс./период	обращения; критика сторон	+	+
сайт МПК	Р:ПЯ; ВС	ОС0	заседания РТК; готовность к диалогу	-	+

Источник: составлено авторами на основе сайтов, телеграм-каналов и сообществ ВКонтакте: solidarnost.org, @FNPR_official, profstat.ru, rogwu.ru, <https://www.rogwu.ru/press-center/journals/ezhenedelnny-daydzhest-lastochka/>, shpls.org, pedagog-prof.org, <https://vk.cc/cYIPuI>, @medrabotnik_org, kinoprofsoyuz.ru

Условные обозначения: Р – регулярный выход; НР – нерегулярный выход; ПЯ – простой язык; СДЯ – специально-деловой язык; ВС – представлены интересы всех сторон; РАБ – интересы преи-

мущественно работников; ОСО – обратная связь недоступна; ОСМ – малая обратная связь; ОСА – активная обратная связь; «+» – наличие признака; «-» – отсутствие признака. В колонке “Соц-партнёрство” указано комплексное или аспектное рассмотрение социального партнёрства, какие преобладают публикации и какой формат взаимодействия со сторонами предпочтителен.

В качестве единиц контента считались новостные и документальные разделы сайта, текстовые посты в социальных сетях, а также мультимедийный контент. Регулярным выходом считались публикации от одного до нескольких раз в месяц. Специально-деловым контент признавался в случае, если обращение к документальным источникам и аналитике преобладало над простым деловым жанром. Стороны социального партнёрства считались представленными, если публикации безоценочно анализировали вклад каждой стороны в социальное партнёрство. Таким образом, удалось выявить общие закономерности для рассмотренных профсоюзных медиа. Все медиа так или иначе соответствовали принципам организаций в социальном партнёрстве. Большая часть работает над доступной широкому кругу языковой и форматно-жанровой подачей. Подход медиа КТР характеризуется большей конфликтностью и концентрацией на отдельных элементах социального партнёрства. При этом у этих медиа более вовлечённая аудитория. Медиа ФНПР более нацелены показывать позитивные стороны социального диалога, имеют больше материалов по теме. Однако зачастую они не работают с обратной связью аудитории, либо не дают пространство для высказываний.

Контент-анализ имел свои ограничения, так как для сопоставимости сравнения у ФНПР рамки исключения для итоговой выборки были строже и применялись чаще. Это объясняется тем, что организация располагает большим ресурсом для развития и увеличения своих медиа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе проведённого анализа можно выделить основные особенности реализации посреднической функции в медиа ФНПР и КТР. Медиа ФНПР характеризуются выраженным акцентом на развитии социального партнёрства: часто встречаются публикации, где видно желание организации поддерживать конструктивный диалог. Количество соответствующих публикаций больше, чем у КТР. Медиа работают над форматно-жанровым разнообразием, выкладывают материалы, обучающие вести коллективные переговоры. Вместе с тем не всегда материалы этих профсоюзных медиа доступны для понимания широкой аудиторией, а в социальных сетях профсоюзов почти нет значимой обратной связи. В то же время медиаресурсы КТР обращаются к теме социального партнёрства преимущественно через отслеживание переговорного процесса в РТК, публикации о коллективных договорах. В этих медиа отношение к сторонам социального диалога скорее критическое: медиа фиксируют провалы в коммуникациях между профсоюзами и работниками с государством и органами, дают обличительные характеристики. Такие материалы вызывают большой ажиотаж и активное сочувствие аудитории. В большинстве медиа обеих структур представлены инициативы по улучшению процесса социального диалога. Материалы всех медиа отвечают принципам организаций, указанных в профсоюзных уставах.

Выявленные узкие места социального диалога позволяют профильным медиа скорректировать вовлечение в него аудиторию и способы взаимодействия с другими сторонами. Для медиаисследователей работа позволяет обратить внимание на малоизученную тему профсоюзных медиа, после переосмысления их значимости в посредничестве между институтами гражданского общества.

Дальнейшие исследования по теме могут затрагивать работу медиа после 2024 года, новые каналы коммуникации, в том числе увеличившиеся по аудитории телеграм-каналы и ВК-сообщества.

Остаётся возможность сравнительного анализа посреднической функции в социальном диалоге медиа, которые связаны с бизнесом и государством.

Список литературы

1. *Комолов, О.О.* Политически активный человек: классовая борьба и социальный протест // *Альтернативы*. – 2015. – № 1. – С. 103–111. – Текст : непосредственный.
2. *Панина, Ю.Н. и др.* Медиадискурс российских профсоюзов: к постановке проблемы // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2013. – № 9-1. – С. 141–143. – Текст : непосредственный.
3. *Тараненко, А.П. и др.* Состояние профсоюзов в современной России: проблемы и пути решения // *Экономика и парадигма нового времени*. – 2024. – № 1 (22). – С. 65–69. – Текст : непосредственный.
4. *Татарина, Д.А., Тимошенко, К.П.* Профсоюз 21 века: формальность или реальная защита трудовых прав? // *Вопросы развития права и управления в современных условиях*. – 2022. – С. 508–511. – Текст : непосредственный.
5. *Чуча, С.Ю.* Конституционализация и расширение юридического содержания понятия социального партнерства в Российской Федерации // *Правоприменение*. – 2021. – Т. 5, № 3. – С. 249–261. – Текст : непосредственный.
6. *Шевчук, А.В.* Труд и власть в российской модели платформенного капитализма // *Социология власти*. – 2022. – Т. 34, № 3-4. – С. 128–155. – Текст : непосредственный.
7. *Carneiro, B., Costa, H.A.* Digital unionism as a renewal strategy? Social media use by trade union confederations // *Journal of Industrial Relations*. – 2022. – Vol. 64, No. 1. – P. 26–51. – DOI: 10.1177/0022185620979337. – Текст : непосредственный.

УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛОМ: ИНВЕСТИЦИИ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ**Белова Ирина Юрьевна¹,***старший преподаватель кафедры экономики и управления,**e-mail: i.belova@mmu.ru***Фахрутдинова Алия Рашидовна¹,***старший преподаватель кафедры экономики и управления**e-mail: a.farhutdinova@mmu.ru*¹*АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия*

Статья посвящена актуальной теме – инвестициям в человеческий капитал, которые играют ключевую роль в современном развитии организации. Цель статьи состоит в обосновании подхода к управлению персоналом как к системе инвестиций в человеческий капитал организации. Для ее достижения уточняется содержание инвестиционного подхода, выделяются основные направления HR-инвестиций, анализируются открытые количественные данные и предлагается модель управленческого цикла. В работе использованы теоретический анализ, обобщение открытых эмпирических данных и структурирование показателей, характеризующих практики развития персонала.

Ключевые слова: управление персоналом, человеческий капитал, инвестиции в персонал, обучение сотрудников, развитие компетенций, HR-аналитика, производительность труда.

PERSONNEL MANAGEMENT: INVESTMENT IN HUMAN CAPITAL**Irina Yuryevna Belova¹,***Senior Lecturer, Department of Economics and Management,**e-mail: i.belova@mmu.ru***Aliya Rashidovna Fakhrutdinova¹,***Senior Lecturer, Department of Economics and Management,**e-mail: a.farhutdinova@mmu.ru*¹*ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia*

The article is devoted to an urgent topic – investments in human capital, which play a key role in the modern development of the organization. The purpose of the article is to substantiate the approach to personnel management as a system of investments in the human capital of the organization. To achieve this goal, the content of the investment approach is clarified, the main directions of HR investments are highlighted, open quantitative data is analyzed, and a management cycle model is proposed. The paper uses theoretical analysis, generalization of open empirical data and structuring of indicators characterizing personnel development practices.

Keywords: personnel management, human capital, investment in employees, staff training, competence development, HR analytics, labor productivity.

ВВЕДЕНИЕ

Управление персоналом долгое время рассматривалось в основном как административная функция. В такой логике кадровая служба оформляла прием, перевод, отпуск, увольнение, вела документы и контролировала соблюдение трудового законодательства. Такой подход остается необходимым, но он уже не описывает всей роли HR-подразделений [1; 2; 6]. В условиях кадрового де-

фицита, технологических изменений и роста требований к качеству труда персонал становится не только ресурсом текущей деятельности, но и источником будущей устойчивости организации.

Понятие человеческого капитала позволяет точнее показать эту роль. Человеческий капитал включает знания, навыки, опыт, здоровье, мотивацию, способность к обучению и готовность применять компетенции в интересах организации [12]. В отличие от оборудования или программного обеспечения он не принадлежит работодателю полностью. Работник может уйти, изменить отношение к работе, утратить мотивацию или, напротив, раскрыть потенциал при грамотной организации труда. Поэтому инвестиции в человеческий капитал всегда связаны не только с затратами, но и с качеством управленческой среды.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Теория человеческого капитала была заложена в работах Г. Беккера и Т. Шульца. В этих исследованиях образование, профессиональное обучение и здоровье рассматривались как формы вложений, влияющие на будущую производительность и доходы [7; 11]. В современных исследованиях эта логика переносится на уровень фирмы. Навыки работников связываются с производительностью, инновационностью, ростом предприятия и распределением заработной платы [9]. Международные организации также подчеркивают, что развитие навыков должно быть непрерывным, поскольку цифровой и технологический переход меняет содержание труда быстрее, чем обновляются формальные образовательные программы [10].

Специфика человеческого капитала состоит в его неотделимости от личности работника. Компания может оплатить курс, построить корпоративный университет, внедрить цифровую платформу и разработать программу наставничества. Однако реальные знания и навыки остаются у человека. Поэтому HR-инвестиции требуют не только финансового расчета, но и понимания мотивации, доверия, справедливости и качества управления. Без этих условий вложения легко превращаются в формальное мероприятие.

Для российских организаций тема имеет прикладное значение. По данным исследования hh.ru, 61% работодателей испытывали трудности с наймом высококвалифицированных кадров, а 84% хотя бы иногда проводили обучение сотрудников [5]. Эти цифры показывают, что развитие персонала становится реакцией на ограниченность внешнего рынка труда. Вместе с тем открытые данные по дополнительному профессиональному образованию фиксируют ограниченный охват работников формализованными программами. Это создает противоречие между признанием ценности человеческого капитала и реальным масштабом инвестиций. Инвестиционный подход к управлению персоналом строится на признании того, что часть расходов на работников создает будущую полезность для организации.

Данные таблицы 1 показывают двойственную ситуацию. С одной стороны, большинство работодателей уже признают необходимость обучения и используют его для новичков, кандидатов и линейных сотрудников. С другой стороны, формализованный охват ДПО в России составляет лишь 11–13% всех занятых, а расходы бизнеса на обучение оцениваются примерно в 0,2% фонда оплаты труда при среднем уровне около 1,7% в странах ЕС [4].

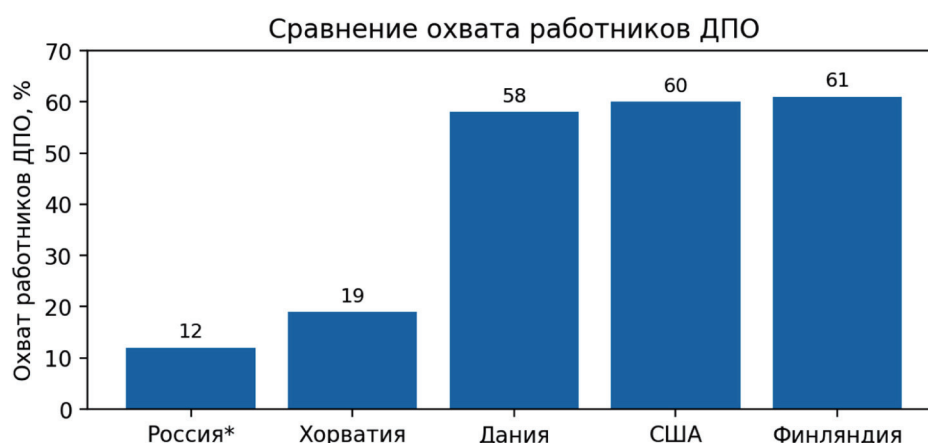
Открытые показатели, характеризующие инвестиции в развитие человеческого капитала

Показатель	Значение	Управленческий смысл
Работодатели, испытывающие трудности с наймом квалифицированных кадров	61%	Внешний рынок не закрывает потребность в компетенциях, поэтому возрастает роль внутреннего развития.
Работодатели, которые хотя бы иногда проводят обучение сотрудников	84%	Обучение уже воспринимается как обычная HR-практика, но его качество требует отдельной оценки.
Компании, организующие обучение для новых сотрудников	71%	Адаптация становится частью инвестиционного цикла, а не только кадровой процедурой.
Компании, обучающие линейных сотрудников разных отделов	68%	Развитие человеческого капитала затрагивает массовые категории персонала, а не только управленцев.
Кандидаты, получающие работу после обучения работодателем	около 69%	Инвестиции могут начинаться еще до найма, если компания готовит людей под свои задачи.
Слушатели программ ДПО в России в 2024 г.	8,44 млн. чел.	Формальный рынок ДПО растет, но его охват остается ограниченным относительно общей занятости.
Расходы бизнеса на обучение к фонду оплаты труда	Россия около 0,2%; ЕС около 1,7%	Разрыв указывает на недостаточный финансовый масштаб корпоративных вложений в обучение.
Российские предприятия, внедрившие наставничество	60%	Наставничество может дополнять формальные программы обучения и передавать внутренние знания.

Составлено по данным hh.ru и публикации «Коммерсантъ», основанной на отчете Минобрнауки и данных федерального статистического наблюдения [4; 5].

Это означает, что обучение часто присутствует в практике, но не всегда имеет достаточный масштаб и устойчивое финансирование.

Особенно показательным международное сравнение охвата ДПО. Российский показатель заметно уступает не только лидерам, но и минимальному ориентиру, приведенному для стран ОЭСР. Для наглядности на рисунке 1 российское значение показано как середина диапазона 11–13%.

* Для России показана середина диапазона 11–13%.

Рис. 1. Охват работников дополнительным профессиональным образованием в отдельных странах, %
Источник: составлено авторами на основе [4]

Смысл этих данных для управления персоналом состоит не в простом увеличении числа курсов. Низкая доля расходов на обучение и ограниченный охват ДПО требуют более точного выбора направлений развития. Если компания испытывает кадровый дефицит, ей необходимо связывать обучение с прогнозом потребности в компетенциях, производственными изменениями, цифровизаци-

ей, безопасностью труда и удержанием персонала [2]. При таком подходе обучение перестает быть статьей расходов, которую можно сократить без последствий, и становится частью управленческой инвестиции.

Для оценки таких инвестиций одной финансовой метрики недостаточно. В HR-аналитике целесообразно сопоставлять входные показатели с результатами работы (табл. 2).

Таблица 2

Показатели оценки эффекта инвестиций в человеческий капитал

Группа показателей	Что фиксируется	Пример использования
Входные показатели	Бюджет, часы обучения, число участников, доля работников с планом развития	Оценить масштаб вложений и сопоставить его с приоритетами подразделения.
Промежуточные показатели	Завершение адаптации, выполнение практических заданий, участие наставника	Понять, дошло ли обучение до рабочего места, а не осталось формальной активностью.
Итоговые показатели	Производительность, качество, ошибки, текучесть, внутренняя мобильность	Связать HR-мероприятия с результатами работы и удержанием сотрудников.
Отложенные показатели	Кадровый резерв, готовность к изменениям, распространение знаний	Учитывать эффекты, которые проявляются не сразу и не сводятся к экономии затрат.

Источник: составлено авторами на основе [8]

Предлагаемая модель инвестиционного цикла включает диагностику потребности, формирование портфеля HR-мероприятий, внедрение и оценку эффекта. Диагностика начинается с управленческого вопроса. Организация должна понять, какой дефицит ограничивает результат.

Говоря об инвестициях в человеческий капитал, нельзя не остановиться на рисках, связанных с этим процессом. Самым ощутимым риском является риск ухода к конкурентам, которые предложат более выгодные условия, обученных сотрудников. Особенно остро этот риск проявляется на рынках, где число высококвалифицированных сотрудников ограничено и за них идет борьба среди работодателей. Возникает опасение, что обученный сотрудник, в которого были вложены средства, принесет пользу другой компании. При этом необходимо отметить, что застраховаться от этого полностью невозможно и может привести к негативному результату. Отказ от инвестиций в собственных сотрудников может привести к нехватке квалифицированных кадров уже в настоящем. Оптимальным вариантом является сочетание обучения и удержания, при котором сотрудники получают достойную заработную плату, вовлечены в интересные проекты и имеют поддержку от руководства.

Современное управление персоналом организации должно рассматриваться как вложение в развитие ее человеческого капитала. Такой подход даст возможность воспринимать кадровую работу не как просто административную, а как ориентированную на качество труда работников, их лояльность и гибкость, на ключевые показатели эффективности их деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Согласно проведенному анализу, можно сделать вывод, что инвестиции в персонал могут считаться эффективными только в рамках полного управленческого цикла. Для положительного результата руководству организации необходимо выявлять пробелы в знаниях и навыках, разрабатывать систему мер ликвидации этих пробелов, выявлять потребности в обучении, заранее определять метрики для оценки результата. Несмотря на то, что российские организации признают важность обучения, их сотрудники не достаточно широко охвачены дополнительным профессиональным образованием. Объем инвестиций на такое образование недостаточен для развития человеческого капитала.

Список литературы

1. Базаров, Т.Ю. Управление персоналом : учебник. – Москва : Академия, 2021. – 320 с. – Текст : непосредственный.
2. Кожина, В.О., Толмачева, И.В. Цифровизация как драйвер развития человеческого капитала: российский опыт // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2026. – Т. 6, № 2 (167). – С. 205–214. – Текст : непосредственный.
3. Кибанов, А.Я. Управление персоналом организации : учебник. – Москва : ИНФРА-М, 2020. – 695 с. – Текст : непосредственный.
4. Мануйлова, А. Обучение не без мучения. Охват дополнительным образованием в РФ – 11–13% всех занятых // Коммерсантъ. – 2025. – 18 декабря. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8294626> (дата обращения: 10.05.2026). – Текст : электронный.
5. Паньян, М. Учить или не учить? Как компании относятся к обучению сотрудников : исследование hh.ru. – 2024. – URL: <https://hh.ru/article/uchit-ili-ne-uchit-kak-kompanii-otnosyatsya-k-obucheniyu-sotrudnikov> (дата обращения: 10.05.2026). – Текст : электронный.
6. Управление персоналом и экономика труда : учебник / под ред. А.Я. Кибанова. – Москва : ИНФРА-М, 2022. – 427 с. – Текст : непосредственный.
7. Becker, G.S. Human Capital. A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. – 3rd ed. – Chicago : University of Chicago Press, 1993. – 390 p. – Текст : непосредственный.
8. Cascio, W.F., Boudreau, J.W. Investing in People. Financial Impact of Human Resource Initiatives. – Upper Saddle River : FT Press, 2010. – 384 p. – Текст : непосредственный.
9. Criscuolo, C., Freund, L.B., Gal, P. Human Capital at Work. Five Facts about the Role of Skills for Firm Productivity, Growth, and Wage Inequality // OECD Productivity Working Papers. – 2024. – No. 36. – DOI: 10.1787/486c0289-en.
10. OECD. OECD Skills Outlook 2023: Skills for a Resilient Green and Digital Transition. – Paris : OECD Publishing, 2023. – DOI: 10.1787/27452f29-en.
11. Schultz, T.W. Investment in Human Capital // The American Economic Review. – 1961. – Vol. 51. – No. 1. – P. 1–17. – Текст : непосредственный.
12. The World Bank. Human Capital Project. – 2025. – URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/human-capital> (дата обращения: 10.05.2026). – Текст : электронный.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ КВАЛИФИКАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Булгакова Оксана Александровна¹,

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры гражданского и уголовного права и процесса,

научный сотрудник Научно-исследовательского отдела,

e-mail: o.bulgakova@mtu.ru

Герасимович Кристина Ивановна¹,

студент,

e-mail: gerasimovich.05@bk.ru

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

В данной статье рассматриваются и анализируются системные проблемы квалификации экономических преступлений, связанные с разграничением гражданско-правовых и уголовно-правовых отношений, бланкетным характером диспозиций, оценочными категориями и доказыванием субъективной стороны. На основе анализа судебной практики и статистических данных предлагаются пути совершенствования правоприменительной деятельности в нынешних реалиях.

Ключевые слова: *экономические преступления, квалификация, бланкетные нормы, мошенничество, преднамеренное банкротство, оценочные категории, умысел.*

PROBLEMATIC ASPECTS OF CLASSIFYING ECONOMIC CRIMES IN MODERN CONDITIONS

Bulgakova Oksana Aleksandrovna¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

Associate Professor, Department of Civil and Criminal Law and Procedure,

Research Fellow, Research Department,

e-mail: o.bulgakova@mmu.ru

Gerasimovich Kristina Ivanovna¹,

student,

e-mail: gerasimovich.05@bk.ru

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

This article examines and analyzes systemic problems of qualification of economic crimes related to the delineation of civil and criminal relations, the blanket nature of dispositions, evaluative categories, and the proof of the subjective side. Based on the analysis of judicial practice and statistical data, the article suggests ways to improve law enforcement in the current circumstances.

Keywords: *economic crimes, qualifications, general norms, fraud, deliberate bankruptcy, estimated categories, and intent.*

ВВЕДЕНИЕ

Экономическая безопасность государства является фундаментом его суверенитета и социальной стабильности. Как справедливо отмечено в правовой литературе, экономические преступления подрывают основу финансовой системы и инвестиционный климат, обладают высокой

латентностью и сложностью выявления [5, с. 92]. Динамичность современной экономической среды, выраженная в стремительном развитии технологий (криптовалют, финтех, искусственного интеллекта), опережает развитие уголовного закона, что создает новые вызовы для правоприменителя [9, р. 2].

Глобализация экономических процессов придает преступлениям транснациональный характер, требующий унификации подходов к квалификации. Неоднозначность формулировок уголовного закона приводит к разночтениям в судебной практике, что порождает риск криминализации обычных предпринимательских рисков и хозяйственных споров.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе проблемных аспектов квалификации экономических преступлений с учетом последних изменений уголовного законодательства (Федеральный закон от 06.04.2024 № 79-ФЗ), актуальной судебной практики (2023-2025 гг.) и современных доктринальных подходов к разграничению смежных составов преступлений.

Цель исследования – выявить и проанализировать системные проблемы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности (Глава 22 УК РФ) и против собственности в предпринимательской среде, а также разработать предложения по совершенствованию правоприменительной практики.

Объект исследования – общественные отношения, возникающие в процессе квалификации экономических преступлений.

Предмет исследования – нормы уголовного, гражданского, налогового и иных отраслей права, регулирующие ответственность за экономические преступления, а также материалы судебной и следственной практики.

При написании статьи использовались следующие методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, метод конкретно-социологического исследования, метод анализа судебной практики и статистических данных, а также метод правового моделирования.

В доктрине уголовного права сложилось широкое понимание экономических преступлений. С одной стороны, это деяния, непосредственно посягающие на сферу экономической деятельности (Глава 22 УК РФ), с другой – преступления против собственности (Глава 21 УК РФ), если они совершены в предпринимательской среде [4, с. 15]. Объектом посягательства выступают общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование экономики [10].

Специфика субъекта экономических преступлений заключается в том, что чаще всего это лица, использующие служебное положение и профессиональные знания: руководители организаций, индивидуальные предприниматели, бухгалтеры, финансовые консультанты. Именно высокий интеллектуальный и профессиональный уровень субъекта делает данные преступления особенно изощренными и трудно доказуемыми.

Здесь мы и сталкиваемся с первой наиболее острой проблемой квалификации: разграничение гражданско-правового деликта и уголовно наказуемого мошенничества (ст. 159 УК РФ). Ключевой вопрос: где заканчивается спор хозяйствующих субъектов и начинается преступление? [12]

Правоприменитель зачастую встречается с ситуациями, когда неисполнение договорных обязательств (например, возврат займа или оплата поставленного товара) трактуется как мошенничество. Однако, как верно отмечается в современных исследованиях, для наличия состава преступления необходимо установить, что у лица изначально, в момент возникновения обязательства, отсутствовала цель его выполнять [9, р. 3].

Федеральным законом от 06.04.2024 № 79-ФЗ пороговые значения ущерба для квалификации мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств, были существенно увеличены: значительный ущерб повышен с 10 тыс. руб. до 250 тыс. руб., крупный размер – с 3 млн руб. до 4,5 млн руб., особо крупный – с 12 млн руб. до 18 млн руб. [3]. Данная мера направлена на декриминализацию мелких правонарушений и снижение риска привлечения к уголовной ответственности добросовестных предпринимателей.

Тем не менее, остается нерешенным вопрос о разграничении мошенничества и неисполнения договорных обязательств в случаях, когда умысел сформировался уже после получения имущества. Судебная практика в подобных ситуациях не единообразна, что создает правовую неопределенность [9, р. 3], [11].

Также необходимо отметить, что значительная часть норм Главы 22 УК РФ (по подсчетам исследователей – около 35%) является бланкетной [2, с. 84]. Это означает, что для уяснения признаков состава преступления правоприменитель вынужден обращаться к налоговому, валютному, корпоративному или банковскому законодательству. Аветисян Д.П. выделяет несколько групп бланкетных признаков: признаки, относящиеся к различным элементам состава; диспозитивные признаки, ссылающиеся на нарушение норм других отраслей; бланкетные признаки, требующие установления соблюдения иных отраслей; смешанная форма [2, с. 85].

Наибольшую сложность представляют случаи, когда признаки состава включают нарушения норм других отраслей права. В таких случаях деяние совершается с двойной противоправностью, и приоритет следует отдавать уголовно-правовой противоправности [2, с. 85].

Постоянное реформирование гражданского и налогового законодательства усложняет работу следствия. Задержка в отслеживании изменений в подзаконных актах может привести к неверной квалификации деяния или нарушению принципа законности. Как показывает анализ судебной практики, следственные органы и суды не всегда проверяют соблюдение процедуры принятия бланкетных правовых актов, что влечет квалификационные ошибки и оправдательные приговоры [2, с. 87].

Третья группа проблем связана с использованием в законе оценочных категорий: «крупный ущерб», «извлечение доходов в крупном размере», «группа лиц по предварительному сговору», «иная личная заинтересованность». Отсутствие четких критериев порождает судебный произвол и не единообразную практику [5, с. 94].

Показательной является динамика изменений размерных признаков. Для целей ст. 199 УК РФ (неуплата налогов) размер крупного ущерба увеличен с 15 млн руб. до 18 млн 750 тыс. руб., а особо крупного – с 45 млн руб. до 56 млн 250 тыс. руб. [3]. Однако остается открытым вопрос о применении этих сумм в отношении юридических лиц с различным масштабом деятельности. Для малого предприятия 250 тыс. руб. – сумма значительная, но для крупной корпорации с миллиардными оборотами причинение такого же ущерба может быть экономически незначительным. Закон не всегда позволяет учитывать имущественное положение потерпевшего юридического лица, что нарушает принцип справедливости.

Нельзя и упустить факт, что особенность экономических преступлений (в отличие от общеуголовных) несет необходимость доказывания прямого умысла и специальной корыстной цели. Наиболее ярко это проявляется при квалификации преступлений в сфере банкротства (ст. 196 УК РФ «Преднамеренное банкротство»). Ключевым элементом доказывания состава преступления, предусмотренного ст. 196 УК РФ, является выявление и квалификация недействительных сделок (мнимых, притворных, преференциальных) как инструментов вывода активов [1].

Исследователи отмечают, что ключевой сложностью является отграничение реальных, хоть и рискованных, попыток спасти бизнес от преднамеренного уничтожения активов. Умысел часто приходится реконструировать косвенно: через анализ сделок должника, периоды подозрительности и аффилированность участников [1].

Статистика подтверждает эту проблему. Согласно данным судебной статистики, по ст. 196 УК РФ ежегодно осуждается незначительное количество лиц (единицы по стране), в то время как арбитражные управляющие выявляют тысячи процедур с признаками преднамеренного банкротства [6, с. 40]. Это колоссальное расхождение свидетельствует о низкой эффективности раскрытия данной категории преступлений и слабой интеграции выводов гражданского судопроизводства в уголовный процесс. Причиной такого положения является отсутствие актуальной криминалистической методики или отлаженного механизма расследования [6, с. 41].

Вдобавок в наше время развитие цифровых технологий также создает новые вызовы для квалификации экономических преступлений. Современные угрозы, включая использование искусственного интеллекта, технологий дипфейков, дропперских схем и методов удаленного мошенничества, требуют переоценки подходов к уголовно-правовой охране экономической сферы [9, р. 2]. Особую сложность представляет квалификация преступлений, связанных с незаконным получением кредита, где разграничение мошенничества и неправомерного получения кредита зачастую проводится некорректно. Анализ судебной практики выявляет противоречия в правоприменении, особенно в оценке субъективной стороны преступления и установлении умысла [9, р. 3].

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы и предложения по совершенствованию правоприменительной практики:

1. Ключевой проблемой квалификации экономических преступлений является размытость границ между гражданским правонарушением и уголовным преступлением. Для ее решения необходимо дальнейшее разъяснение Верховным Судом РФ критериев разграничения мошенничества и неисполнения договорных обязательств, с акцентом на доказывание изначального умысла.

2. Бланкетность диспозиций требует от правоприменителя глубоких знаний в смежных отраслях права. Предлагается разработать единый алгоритм квалификации преступлений с бланкетными диспозициями, включающий обязательную проверку легитимности и актуальности бланкетных нормативных актов, а также создание межотраслевых экспертных советов при следственных органах [2, с. 88].

3. Применение оценочных категорий должно учитывать экономический контекст деяния. Представляется целесообразным закрепить в Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ критерии учета имущественного положения потерпевшего юридического лица (оборот, активы, масштаб деятельности) при определении значительности ущерба.

4. В сфере противодействия криминальным банкротствам необходимо совершенствование частной криминалистической методики расследования с учетом изменившегося законодательного регулирования (2021 г.) и показателей следственной и судебной практики последних лет (2020-2025 гг.) [6, с. 42]. Требуется более тесная интеграция арбитражного и уголовного процессов, включая возможность использования выводов арбитражных управляющих в качестве доказательств по уголовным делам.

5. Для адекватной реакции правоохранительных органов на многообразие постоянно меняющихся недобросовестных тактик хозяйствующих субъектов необходимо регулярное (не реже одного

раза в три года) обновление методических рекомендаций по расследованию экономических преступлений с учетом цифровых реалий [6, с. 42].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование подтверждает, что квалификация экономических преступлений представляет собой одну из самых сложных областей уголовного процесса, находящуюся на стыке права, экономики и финансов. Высокий уровень латентности и низкое количество осужденных по «сложным» составам (например, за преднамеренное банкротство) не отражают реальной криминальной ситуации в экономике, а свидетельствуют о несовершенстве механизмов квалификации.

Принятые в 2024-2025 гг. меры по увеличению пороговых значений ущерба являются шагом вперед в направлении гуманизации и декриминализации предпринимательских рисков. Однако без синхронизации подходов гражданского и уголовного судопроизводства, без внедрения результатов финансово-экономических экспертиз, без постоянной актуализации криминалистических методик с учетом цифровых реалий борьба с экономическими преступлениями останется малоэффективной.

Только комплексное взаимодействие законодателя, суда, следственных органов и науки способно обеспечить неотвратимость наказания при сохранении защиты законных прав предпринимателей и экономической безопасности государства.

Список литературы

1. Курбанов, К.А. Пробелы методики расследования преднамеренного банкротства // Криминалистическое обеспечение уголовного преследования: современное состояние, перспективы, проблемы : материалы научно-практического семинара. – Санкт-Петербург, 2025.
2. Аветисян, Д.П. Проблемы уголовной ответственности за преступления с бланкетными уголовно-правовыми нормами // Учёные записки Российско-Армянского (Славянского) университета. – 2024. – № 3. – С. 83–89.
3. Невельская межрайонная прокуратура. Увеличены размеры крупного и особо крупного ущерба для квалификации ряда преступлений в сфере экономики : разъяснение от 25.06.2025.
4. Гладких, В.И., Есаян, А.К. Преступления в сфере экономической деятельности : курс лекций. – Москва : ЮНИТИ, 2020. – 351 с.
5. Гарник, Л.Ю. Правовое регулирование решения проблемных вопросов квалификации преступлений в сфере экономики // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. – 2025. – № 4 (48). – С. 91–97.
6. Разяпова, К.М. Проблемы эффективности уголовно-правового механизма противодействия криминальным банкротствам // Российский следователь. – 2025. – № 5. – С. 39–42. – DOI: 10.18572/1812-3783-2025-5-39-42.
7. Лисаускайте, В.В. Совершение преступления по части 1 статьи 356 УК РФ в отношении раненых и больных: бланкетность нормы и вопросы квалификации // Всероссийский криминологический журнал. – 2024. – Т. 18, № 3. – С. 258–267.
8. Бердникова, О.П., Мосина, С.В. Расследование преступлений в сфере экономической направленности : учебное пособие. – Екатеринбург : Уральский юридический институт МВД России, 2019. – 139 с.
9. Сапронов, Г. Квалификация преступлений, совершённых в банковском секторе, по российскому уголовному праву : магистерская диссертация / Высшая школа экономики, юридический факультет. – 2025.
10. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=531283> (дата обращения: 11.05.2026). – Текст : электронный.

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=434675> (дата обращения: 11.05.2026). – Текст : электронный.
12. Официальный сайт МВД России. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/84420054/> (дата обращения: 11.05.2026). – Текст : электронный.

УДК 343.1:004.8

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСККУСТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ВЫБОРЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: РИСКИ ИЛИ БУДУЩЕЕ?

Булгакова Оксана Александровна¹,*кандидат юридических наук, доцент,**доцент кафедры гражданского и уголовного права и процесса,**научный сотрудник Научно-исследовательского отдела,**e-mail: o.bulgakova@mtu.ru***Можейко Ева Сергеевна¹,***студент,**e-mail: evapak206@yandex.ru*¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ Москва, Россия

Статья посвящается исследованию действующего механизма правового регулирования и использования искусственного интеллекта при выборе меры пресечения в уголовном процессе. Авторами выявлены достоинства и недостатки использования искусственного интеллекта при выборе меры пресечения в уголовном процессе, практические проблемы и пути их решения.

Ключевые слова: искусственный интеллект, мера пресечения, уголовный процесс, право, правовое регулирование.

USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CHOOSING PREVENTIVE MEASURES IN CRIMINAL PROCEEDINGS: RISKS OR THE FUTURE?

Bulgakova Oksana Aleksandrovna¹,*Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,**Associate Professor, Department of Civil and Criminal Law and Procedure,**Research Fellow, Research Department,**e-mail: o.bulgakova@mmu.ru***Mozheiko Eva Sergeevna¹,***student,**e-mail: evapak206@yandex.ru*¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

This article examines the current criminal procedure regulation mechanism and the use of artificial intelligence in selecting preventive measures in criminal proceedings. The authors identify the advantages and disadvantages of using artificial intelligence in selecting preventive measures in criminal proceedings, as well as practical challenges and solutions.

Keywords: artificial intelligence, preventive measure, criminal proceedings, law, legal regulation.

ВВЕДЕНИЕ

На 2026 год искусственный интеллект (далее – ИИ) довольно востребован во многих сферах жизни. С каждым днём он развивается всё больше и больше. Он помогает людям во всём (учёбе, работе, быту). Искусственный интеллект внедряют в компании для адаптации рабочего процесса (ведение отчётности, таблиц).

В уголовно-процессуальной деятельности России искусственный интеллект пока не принимает решения, но его уже используют для анализа цифровых экспертиз и распознавания людей на видеозаписях.

Оперативно-розыскная и следственная практика демонстрируют высокую эффективность использования интеллектуальных технологий при раскрытии преступлений. Системы искусственного интеллекта обеспечивают обработку значительных массивов информации: криминальных отчётов, данных о правонарушителях и потерпевших, показателей, характеризующих пространственно-временную динамику криминогенной обстановки [1].

Искусственный интеллект помогает справиться с рутинными вещами и облегчает розыскную и следственную деятельность, тем самым способствуя снижению преступности, поскольку их стало проще искать.

Но сможет ли искусственный интеллект облегчить задачу судей при выборе меры пресечения наказания?

Цель данной статьи – проанализировать, раскрыть процессуальные аспекты использования искусственного интеллекта при выборе меры пресечения в уголовном судопроизводстве, в том числе рассмотреть возможность его применения при вынесении приговора судом.

На данный момент в уголовно-процессуальном законодательстве нет отдельной статьи, регулирующий использование искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве. Но есть ряд статей, регулирующих использование ИИ в техническом применении.

Например:

1. Статья 58 «Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (далее – УПК РФ), регулирует право на применение технологических средств.

2. Ч 6. статьи 164, допускает применение в ходе следственных действий технологических средств и способов обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств.

3. Статья 170 УПК РФ, закрепляет применения технических средств в случае применения ряда следственных действий без участия понятых.

Переквалификация дела на основе ИИ без достаточных оснований – это, еще одна критическая точка соприкосновения искусственного интеллекта и правосудия, представляющая собой существенную угрозу для принципов надлежащей правовой процедуры. В условиях, когда алгоритмы машинного обучения все чаще используются для анализа криминальных данных, возникает риск, что интерпретация результатов ИИ будет использоваться для изменения юридической оценки деяния, не подкреплённой убедительными и независимыми доказательствами [2].

Примеры применения искусственного интеллекта в других странах, помогут определить нам его направление и развитие в ближайшем будущем и возможность избежать чужих ошибок.

Например:

1) в США используют автоматизированную систему оценки рисков рецидивов с элементами ИИ в уголовно процессуальной системе;

2) в Великобритании ИИ частично выполняет функции помощника судьи, занимаясь протоколированием судебного заседания и подготовки материалов к делам;

3) в Германии используют ИИ для поиска судебной практики и для исчисления процессуальных сроков (срок постановления приговора, срок приостановления основного судебного производства);

4) в Китае используют «систему 206» – система автоматически создаёт протоколы судебных заседаний, а также ИИ создаёт рекомендации по вынесению приговора (данные рекомендации носят исключительно справочный характер).

Примерное будущее искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве – прогнозирование преступлений с целью их предотвращения. Сегодня есть достаточные основания полагать, что алгоритм сможет анализировать прошлые преступления и на их основе предсказывать вероятные места и время преступлений.

Но поскольку искусственный интеллект способен к обучению и самообучению, от того, на какой судебной практике он будет обучаться, зависит качество выносимых приговоров [3]. Правила вынесения приговоров, требования, предъявляемые к его содержанию и форме, строго регламентированы главой 39 УПК РФ. Правила применения и толкования норм материального и процессуального права должны в равной степени одинаково использоваться судьями в разных регионах России и в судах различной инстанции. Так как «ИИ» будет обучаться на конкретной судебной практике, а она зачастую бывает разной в отдельных субъектах Российской Федерации, следовательно, использование искусственного интеллекта при вынесении приговора приведёт к единообразной судебной практике на всей территории России, что может являться положительной чертой внедрения ИИ.

Судья при вынесении приговора должен изложить мотивы решения вопросов, относящихся к назначению уголовного наказания, которые во многом зависят от личностных, нравственных и профессиональных качеств судьи – именно эти качества обуславливают различия в решениях разных судей.

Пока неизвестно, как будет обучаться ИИ на разных судебных решениях. Беспристрастность искусственного интеллекта будет зависеть от беспристрастности судьи из-за чего проблема будет состоять в том, как правильно обучать ИИ? И кто будет выделять «беспристрастные приговоры» для обучения искусственного интеллекта из сотен и тысяч судебной практики?

Исходя из вышеизложенного, сегодня напрашивается настоятельная необходимость разработки стандартов для обучения ИИ и его использования в постановлении приговора. Полагаем, что использование в дальнейшем данных стандартов при составлении процессуальных актов послужит основой – равных и справедливых решений, независимо от субъективных оценок судьи.

В соответствии с статьей 8 УПК РФ, правосудие осуществляется только судом и судьей, соответственно ИИ пока не может как-либо участвовать в вынесении решений, так как он не соответствует требованию, он не является человеком и не может действовать исходя из своих мотивов, убеждений. Но технические характеристики с минимизированными ошибками и точностью решений, качеством будут соответствовать ожиданиям общества от правосудия.

Если использовать ИИ в качестве вспомогательного инструмента судьи, где он будет писать лишь рекомендации и не обязывать применять их, то и сохраняется главный принцип правосудия, вынесение решения останется за судьёй.

Таким образом, ИИ может разгрузить рутинные дела судьи, ускорить процесс уголовно-процессуального делопроизводства, снизить риски ошибок.

На примере судебной практики, внедрение ИИ даёт возможность стороне защиты обжаловать решение суда, так как нет четкого правового регулирования по вопросам применения ИИ в качестве помощника судей. Но с каждым годом законодательство в данной сфере расширяется. Так, следует отметить ряд наиболее важных правовых актов, которые могут и должны быть приняты во внимание в правоприменительной деятельности:

1. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта 2021 года, устанавливает общие этические принципы и стандарты поведения для участников отношений в сфере искусственного интеллекта;

2. Федеральный закон от 8 июля 2024 года № 169-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»;

3. Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации».

В целях углубленного понимания исследуемой проблемы рассмотрим судебную практику, в которой анализ дела проводился с помощью нейросети, а именно при оспаривании судебных актов нижестоящих инстанций анализ материалов дела, выполнялся искусственным интеллектом. Данным анализом пытались оспорить выводы нижестоящих судов и доказать неправомерность судебных актов. Суд по интеллектуальным правам дал оценку представленному анализу и указал, что представленный анализ является анализом доказательства, а это исключительная прерогатива суда, осуществляемая в рамках судебного разбирательства. Представленный анализ является лишь частным мнением, подготовленный на основе данных одной из сторон, и не может опровергнуть мотивированные судом акты.

Поэтому на данный момент суды сохраняют свою основную функцию – это право применение и установление истины по делу. Любые внешние – аналитические анализы и так далее, даже созданные с помощью ИИ, рассматриваются как доводы или материалы сторон. Оценка доказательства остаются за судом.

В настоящее время за искусственным интеллектом решения и выводы, во избежание ошибок, проверяет человек. К очевидным рискам внедрения ИИ в УПК РФ можно отнести – риск утраты навыков юридического письма человеком. Применение искусственного интеллекта в уголовном процессе в целом спорно, поскольку приговор постановляется судом в совещательной комнате, где должна быть обеспечена тайна судебного совещания и соблюдение гарантий независимости судьи. Отсюда вытекает вопрос, можно ли считать генерацию текста от ИИ нарушением тайны совещания?

Необходимо создать новый закон, который будет регулировать применение искусственного интеллекта в качестве помощника судьи для вынесения приговора, но и он будет давать лишь рекомендации. Можно создать конкретизированный искусственный интеллект, специально для судей и юристов. Провести сертификацию и стандартизацию для ИИ, закрепив её в законе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современном уголовном судопроизводстве объективно назрела настоятельная необходимость разработки надлежащего правового регулирования, посредством определения норм и стандартизации применение искусственного интеллекта, что позволит исключить правовую неопределённость и избежать ошибки использования ИИ при выборе меры пресечения и др. процессуальных вопросов. При этом ИИ не должен заменить правосудие, он должен быть статистическим и аналитическим инструментом, который снизит человеческий фактор при выборе меры пресечения. Искусственный интеллект – это лишь инструмент в руках грамотного юриста и его внедрение в уголовно-процессуальный кодекс, может облегчить задачу судьи для вынесения меры пресечения и ускорить всю работу суда.

Список литературы

1. Агеев В.Н. Применение технологий искусственного интеллекта в деятельности правоохранительных органов // Полицейская и следственная деятельность. – 2025. – № 4. – С. 182–196. DOI: 10.25136/2409-7810.2025.4.77032. EDN: FIERIQ. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77032 (дата обращения: 31.07.2026). – С. 186–188. – Текст: непосредственный.cyberleninka

2. *Арзуманян А.Э.* Искусственный интеллект в уголовном процессе: необходимость формирования доктринальных дефиниций // *Право и политика.* – 2026. – № 1. – С. 16–30. DOI: 10.7256/2454-0706.2026.1.77169. EDN: SETESX. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77169 (дата обращения: 31.07.2026). – С. 3. – Текст: непосредственный.
3. *Баннов А.В.* Искусственный интеллект в судебной системе Российской Федерации // *Молодой ученый.* – 2024. – № 52 (551). – С. 242–246. URL: <https://moluch.ru/archive/551/121259/> (дата обращения: 31.07.2026). – С. 245–246. – Текст: непосредственный.
4. *Бабченко А.И., Чуканова Е.С.* Искусственный интеллект и правосудие: миф или реальность // *Уголовная юстиция.* – 2024. – № 23. – С. 83–87. DOI: 10.17223/23088451/23/13. – С. 85. – Текст: непосредственный.moluch
5. *Мурашев П.М.* Искусственный интеллект в уголовном судопроизводстве: риски и вызовы // *Закон и право.* – 2025. – № 10. – С. 233–238. – С. 235–237. – Текст: непосредственный.cyberleninka+1
6. *Папышева Е.С.* Пределы допустимости участия искусственного интеллекта в постановлении приговора // *Пробелы в российском законодательстве.* – 2023. – Т. 16. – № 5. – С. 386–391. EDN: XZFKWI. – С. 389–390. – Текст: непосредственный.urvak
7. *Спирidonов М.С.* Технологии искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном доказывании // *Journal of Digital Technologies and Law.* – 2023. – Т. 1. – № 2. – С. 481–497. DOI: 10.21202/jdtl.2023.20. – С. 485. – Текст: непосредственный.

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА МОШЕННИЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ ПРАВОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Булгакова Оксана Александровна¹,

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры гражданского и уголовного права и процесса,

научный сотрудник Научно-исследовательского отдела,

e-mail: o.bulgakova@mtu.ru

Харченко Валерия Сергеевна¹,

студент,

e-mail: har4enkolerka@yandex.ru

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ Москва, Россия

Данная статья посвящена рассмотрению одной из самых спорных категорий в современном уголовном праве – субъективным признакам мошеннических действий в ситуации нормативной неопределённости. Целью статьи является детальный анализ актуальной судебной практики по вопросам квалификации умысла и корыстного мотива, систематизация типичных ошибок и затруднений, возникающих у правоприменителей, а также выявление вектора изменений в подходах судов к интерпретации этих признаков на перспективу.

Ключевые слова: мошенничество, субъективные признаки мошенничества, умысел, корыстный мотив, судебная практика, нормативная неопределенность.

THE SUBJECTIVE SIDE OF FRAUD IN THE CONTEXT OF LEGAL UNCERTAINTY

Bulgakova Oksana Aleksandrovna¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

Associate Professor, Department of Civil and Criminal Law and Procedure,

Research Fellow, Research Department,

e-mail: o.bulgakova@mmu.ru

Kharchenko Valeria Sergeevna¹,

student,

e-mail: har4enkolerka@yandex.ru

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

This article is devoted to the consideration of one of the most controversial categories in modern criminal law – the subjective signs of fraudulent actions in a situation of regulatory uncertainty. The purpose of the article is a detailed analysis of current judicial practice on the qualification of intent and mercenary motive, systematization of typical errors and difficulties encountered by law enforcement officers, as well as identification of the vector of changes in the approaches of courts to the interpretation of these signs in the future.

Keywords: subjective signs of fraud, intent, selfish motive, judicial practice, regulatory uncertainty

ВВЕДЕНИЕ

Мошенничество сегодня – одно из самых распространённых преступлений. По данным МВД за 2025 год, в России было зарегистрировано около 344 тысяч случаев мошенничества, однако за период первого квартала 2026 года было зафиксировано резкое снижение случаев мошенничества

на 18,3% [2]. Несмотря на высокий коэффициент преступности мошеннические схемы преступления становятся более продуманные и изощренные. Особенно тревожит рост киберпреступлений с развитием цифровых платформ на территории Российской Федерации. По сути, из редких случаев введения в заблуждение мошенничество эволюционировало в масштабную категорию преступлений, совершаемых в Интернет-среде. Такая статистика показывает, что проблема не просто остаётся острой, а постоянно требует новых подходов к квалификации.

Нормы статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) сформулированные на злобу дня, что вызывают много споров на практике, с учетом поправок, санкций, развитием цифровых технологий и положением в стране, а постановления Пленума Верховного Суда хотя и помогают, но не решают всех проблем.

Цель данной статьи – носит практический характер, направленный на выявление и нейтрализацию проблем, возникающих при установлении умысла и корыстной цели мошенничества. Объектом исследования являются общественные отношения, связанные с уголовно-правовой охраной имущества от мошеннических посягательств.

При написании статьи использовались следующие методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический, а также метод конкретно-социологического исследования.

Статья 159 УК РФ определяет мошенничество как хищение чужого имущества или приобретение права на него путём обмана или злоупотребления доверием [6]. А в примечании к статье 158 УК РФ сказано, что хищение – это совершённое с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие чужого имущества. Ключевой ориентир – Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 48 (в ред. От 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» от 30.11.2017г., где в пункте 26 прямо указано: корыстная цель – обязательный признак любого хищения, без него нет состава [5].

Названные источники позволяют сделать вывод, что субъективная сторона мошенничества включает три элемента: прямой умысел, направленность умысла именно на хищение и осознание лицом, что оно действует незаконно.

Субъект преступления – общий: вменяемое лицо, достигшее 16 лет. При квалификации важно учитывать: мошенничество может быть совершено только с прямым умыслом и корыстной целью. Преступник не просто понимает, что обманывает, но и предвидит, что жертва потеряет имущество, и хочет этого.

Чтобы признать умысел прямым, правоприменителю нужно доказать трифакта: виновный осознавал, что его действия обманные; предвидел, что потерпевшему будет причинён имущественный ущерб; желал наступления этих последствий.

Практика показывает, что именно здесь возникают главные сложности. Суды постоянно сталкиваются с необходимостью отличить умысел на хищение от намерения просто взять чужое имущество на временное пользование. Если человек планировал вернуть имущество, тогда корыстная цель отсутствует. Кроме того, умысел должен возникнуть и до того, как имущество перешло к виновному.

Корыстная цель – это стремление изъять чужое имущество и обратить его в свою пользу или распорядиться им как своим. Пленум Верховного Суда № 48 от 30.11.2017г. разъяснил: цель может быть не только на личное обогащение, но и на обогащение третьих лиц, если преступник заинтересован в их судьбе (например, хочет помочь родственнику или другу) [5].

Спорным моментом выступает мошенничество в форме приобретения права на имущество. В таком случае состав считается формальным – преступление окончено в момент, когда право по-

лучено, даже если реально имущество ещё не изъяли. Также важно не путать корыстные мотивы с местью, хулиганством или идеологическими побуждениями. Корыстную цель доказывают через объективные признаки поведения: что человек делал с деньгами, куда их переводил, пытался ли скрыть следы.

Обратимся к живому примеру. Гражданин А посредством голосовых вызовов по телефону и переписки в мессенджере WhatsApp стремился нанести крупный имущественный вред гражданке В, выразившийся в попытке похитить денежные средства в размере как минимум 596 000 рублей. Суд вынес решение № 2-2369/2025 2-507/2026 2-507/2026(2-2369/2025;)~М-1834/2025 М-1834/2025 от 18 февраля 2026 г. по делу № 2-2369/2025, в котором указывается, что гражданин А, действовал умышленно из корыстных побуждений, путем обмана и злоупотребления доверием и приговаривается к лишению свободы по статье 159 ч.1 УК РФ [3].

Многочисленные примеры из судебной практики свидетельствуют о сложности правоприменения, что обусловлено, в первую очередь тем, что статья 159 УК РФ – бланкетная, то есть, чтобы верно определить состав преступления в рамках данной статьи, нужно использовать положения из смежных правовых областей (к примеру, гражданского, предпринимательского, банковского права и других). Именно они раскрывают содержание тех терминов и условий, которые содержит диспозиция указанной нормы, но понятия часто бывают оценочные.

Основные правовые проблемы: неясность самих терминов «обман» и «злоупотребление доверием»; сложность отличить обычное мошенничество от предпринимательского (ч. 5–7 ст. 159 УК РФ); отсутствие в законе определения «преднамеренного неисполнения» (хотя оно используется в примечании к ст. 159).

Конституционный Суд РФ в своём Постановлении № 32-П уже обращал внимание на то, что неопределённость признаков ведёт к несоразмерности наказания [4]. В итоге получается, что единых правил квалификации нет – суды для каждого случая создают особые подходы, а это нарушает принцип единообразия практики.

Наконец, самая болезненная тема - граница между мошенничеством и гражданским спором. Правоприменительная практика выделяет четыре ключевых критерия разграничения мошенничества от невыполнение гражданско-правовых обязательств:

1. Умысел на хищение в момент заключения договора. Если изначально не планировалось исполнение обязательства – это мошенничество.
2. Использование заведомо ложных сведений. Например, поддельные справки о доходах или фиктивные документы о наличии имущества.
3. Отсутствие реальных действий по исполнению.
4. Нецелевое использование средств. Деньги давали на одно, а потратили на другое (особенно если это личные траты).

Позиция Верховного Суда однозначна по этому вопросу: простое неисполнение договора не является мошенничеством без доказанного умысла на хищение [5]. Если средства использовались по назначению, пусть и с нарушением сроков, – это гражданско-правовой спор.

Объективные признаки, которые помогают распознать мошенничество: использование фиктивных документов, заведомое отсутствие финансовых ресурсов, систематичность нарушений, создание подставных фирм, а также последующее поведение – попытки спрятать имущество, вывести активы, уничтожить доказательства.

Доказывание умысла и корыстной цели – это всегда работа с косвенными доказательствами. Прямых улик почти не бывает, потому что преступник не оставляет заявление «я хочу обмануть».

В то же время есть ряд источников доказательств, которые принимаются ко вниманию следствием и судом. В частности, это: финансовые документы, позволяющие проследить денежные потоки и способы обналичивания денежных средств, действия после получения имущества, переписка, систематичность и др.

Согласно Пленуму № 48, мошенничество считается оконченным с того момента, когда имущество поступило в незаконное владение виновного и он получил реальную возможность им распорядиться [5]. Главная проблема сегодня – обвинение часто собирает недостаточно доказательств, и из-за этого дела разваливаются в суде или прекращаются [7].

Рассмотрим наглядный пример. По приговору мирового судьи гражданка А. признана виновной по ч. 1 ст. 159 УК РФ за то, что при онлайн-получении микрозайма сообщила недостоверные анкетные данные о трудоустройстве и зарплате, получила 9000 руб. и истратила их. Апелляция отменила этот акт: суд первой инстанции не привёл убедительных доводов о возникновении прямого умысла на хищение до перевода средств, а в части умысла допустил существенные противоречия. Уголовное дело направлено на новое разбирательство [1].

На фоне роста мошенничества и появления новых видов, особенно в сети «Интернет», суды часто вынуждены пересматривать вынесенные решения по существу. С одной стороны, они ужесточают требования к доказыванию – требуют не просто подозрений, а убедительных доказательств. С другой стороны, в виду недостаточность собранных доказательств ведёт к оправданию.

Федеральный закон от 31 июля 2025 года № 282-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» ввёл в УК РФ несколько новых статей, касающихся киберпреступлений. Напрямую в статью 159 о мошенничестве законодатель ничего не менял, но кодекс пополнился другими составами, связанными с преступлениями в интернете, и ответственность за них стала строже. Яркий пример – статья 274.3 УК РФ: теперь незаконное использование SIM-боксов (приборов для пропуска трафика) – это уголовно наказуемое деяние [8].

Наблюдается расширительное толкование понятий «обман» и «злоупотребление доверием». Теперь это охватывает не только ложные сведения, но и умолчание о важных фактах, и имитацию активной деятельности, и использование доверия в новых формах (например, когда мошенник представляется сотрудником банка).

Анализ законодательных новелл и новых трендов при квалификации субъективной стороны мошенничества позволяет прогнозировать дальнейшее развитие ситуации, а именно:

1. Дальнейшее ужесточение требований к доказыванию. Суды будут требовать ещё более убедительных доказательств умысла и корыстной цели. Граница между уголовным делом и гражданским спором станет ещё чётче.

2. Активную роль Верховного Суда. Он будет выпускать новые разъяснения, чтобы привести практику к единообразию.

3. Совершенствование законодательства. Назрела необходимость уточнить понятия «обмана», «злоупотребления доверием», «преднамеренного неисполнения», а также устранить противоречия между общей и специальными нормами (например, предпринимательским мошенничеством).

4. Адаптацию к цифровизации. Появятся новые методы доказывания с использованием цифровых следов (анализ транзакций, сообщений, данных с электронных устройств). А мошенничество с применением искусственного интеллекта станет вызовом для всей системы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Субъективная сторона мошенничества – самый сложный и спорный элемент этого преступления. Закон требует прямого умысла и корыстной цели, но как их доказать на практике – огромная проблема. Правовая неопределённость, бланкетный характер статьи 159 УК РФ, отсутствие чётких критериев разграничения с гражданскими спорами приводят к ошибкам и оправдательным приговорам.

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы:

- умысел на хищение должен возникать до получения имущества; последующее неисполнение обязательств без этого не образует состава;
- корыстная цель может быть направлена как на самого виновного, так и на третьих лиц; она доказывается через объективные признаки поведения;
- главный критерий отличия мошенничества от гражданского спора – доказанность заведомой недобросовестности в момент заключения сделки;
- трансформация судебного толкования идёт по пути ужесточения требований к доказательствам, одновременно расширяя понятия обмана и злоупотребления доверием применительно к новым реалиям.

В качестве предложений по улучшению ситуации можно выделить:

1. Внести изменения в статью 159 УК РФ, уточнив субъективные признаки (например, дать легальное определение «преднамеренного неисполнения»).
2. Разработать для следователей и судей методические рекомендации по доказыванию умысла и корыстной цели, с примерами из практики.
3. Усилить роль разъяснений Верховного Суда, чтобы обеспечить единообразие подходов в регионах.
4. Активно внедрять цифровые методы доказывания, но при этом соблюдать баланс между эффективностью и правами граждан.

Проблема субъективной стороны мошенничества не решится сама собой. Но если законодатель и суды продолжат двигаться в сторону большей определённости и единообразия, а правоприменители научатся грамотно собирать и оценивать доказательства, – количество судебных ошибок можно снизить. А это значит, что на скамье подсудимых окажутся настоящие мошенники, а не добросовестные должники, просто попавшие в трудную жизненную ситуацию.

Список литературы

1. Кассационное постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18.03.2025 № 77-976/2025 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=133268> (дата обращения: 11.05.2026). – Текст : электронный.
2. Официальный сайт МВД России. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/84420054/> (дата обращения: 11.05.2026). – Текст : электронный.
3. Решение № 2-2369/2025 2-507/2026 2-507/2026(2-2369/2025;)~М-1834/2025 М-1834/2025 от 18.02.2026 по делу № 2-2369/2025 // Sudact.ru : [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1p1HfLsbXMor/> (дата обращения: 11.05.2026). – Текст : электронный.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=134843> (дата обращения: 11.05.2026). – Текст : электронный.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=434675> (дата обращения: 11.05.2026). – Текст : электронный.
6. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=531283> (дата обращения: 11.05.2026). – Текст : электронный.
7. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=531288> (дата обращения: 11.05.2026). – Текст : электронный.
8. Федеральный закон от 31.07.2025 № 282-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=511071> (дата обращения: 11.05.2026). – Текст : электронный.

ГРАДООБРАЗУЮЩИЕ ПРЕДПРИЯТИЯ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Бураев Федор Владимирович^{1,2,3},

кандидат экономических наук, доцент,

доцент кафедры юриспруденции;

доцент кафедры теории менеджмента и бизнес-технологий;

доцент кафедры управления;

e-mail: fbr.bur@mail.ru

ORCID: 0009-0004-0875-0372

Данилина Олеся Александровна^{1,4},

помощник депутата Совета депутатов городского округа Лыткарино;

помощник депутата Совета депутатов городского округа Люберцы;

контрактный управляющий, заместитель председателя и секретарь Совета молодых ученых и специалистов;

магистрант направления подготовки государственное и муниципальное управление,

e-mail: oleseada@yandex.ru

ORCID: 0009-0000-5709-988X

¹*АНО ВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия,*

²*ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», Москва, Россия,*

³*АНО ВО «Университет мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского», Москва, Россия,*

⁴*ВНИИК– филиал ФГБНУ «ФИЦ картофеля имени А.Г. Лорха», Москва, Россия*

В условиях современной муниципальной реформы укрупнения территорий актуализируется роль градообразующих предприятий для существования малых городов. Целью исследования является анализ влияния крупных производств на автономию и стабильность муниципалитетов. На основе сравнительно-исторического метода изучены риски потери автономности малых городов. Доказано, что развитие научно-промышленных комплексов выступает ключевым фактором сохранения экономической самостоятельности и демографической устойчивости территорий.

Ключевые слова: урбанизация, малые города, наукограды, муниципальное управление, градообразующие предприятия, преобразование муниципальных образований.

CITY-FORMING ENTERPRISES AS A FACTOR OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF MUNICIPALITIES IN NEW ECONOMIC CONDITIONS

Buraev Fyodor Vladimirovich^{1,2,3},

candidate of Economic Sciences, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Jurisprudence;

Associate Professor of the Department of Management Theory and Business Technologies;

Associate Professor of the Department of Management;

e-mail: fbr.bur@mail.ru

ORCID: 0009-0004-0875-0372

Danilina Olesya Alexandrovna^{1,4},

Assistant to a Deputy of the Lytkarino Urban District Council;

Assistant to a Deputy of the Lyubertsy Urban District Council;

Contract Manager, Deputy Chairman and Secretary of the Council of Young Scientists and Specialists;

*Master's student in the Public and Municipal Administration program,
e-mail: oleseada@yandex.ru
ORCID: 0009-0000-5709-988X*

¹*ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia*

²*Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Plekhanov Russian University of Economics," Moscow, Russia*

³*ANO VO "V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations", Moscow, Russia,*

⁴*VNIIC – branch of the A.G. Lorkh Federal Potato Research Center, Moscow, Russia*

In the context of current municipal reforms involving territorial consolidation, the role of city-forming enterprises in the survival of small towns is becoming increasingly important. The aim of this study is to analyze the impact of large-scale industries on the autonomy and stability of municipalities. Using a comparative historical method, the risks of losing the autonomy of small towns are examined. It is demonstrated that the development of scientific and industrial complexes is a key factor in maintaining the economic independence and demographic stability of territories.

Keywords: urbanization, small towns, science cities, municipal government, city-forming enterprises, transformation of municipalities.

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня российская экономика находится в условиях масштабной структурной перестройки, связанной с изменением внешнеэкономических связей, перестройкой логистики и активной политической импортозамещения, что усиливает необходимость поддержания устойчивого развития регионов и особенно малых городов [1]. Данные территории во многом характеризуются высокой зависимостью от ограниченного числа крупных предприятий, промышленных или научно-производственных комплексов, которые выполняют не только экономическую, но и социальную функцию, формируя занятость населения, налоговую базу и инфраструктурную устойчивость муниципалитетов.

Объектом настоящего исследования выступают малые города и наукограды России, развитие которых напрямую связано с деятельностью градообразующих предприятий, а предметом – экономические и управленческие механизмы взаимодействия между такими предприятиями и муниципальной средой, определяющие устойчивость и самостоятельность территорий в современных условиях.

В научной литературе вопросы функционирования моногородов и градообразующих предприятий рассматриваются в рамках региональной экономики и урбанистики, однако трансформация этих процессов в условиях кризисов 2020-х годов и активной административной реорганизации муниципальных образований требует дополнительного осмысления [7], поскольку именно в новых условиях особенно отчетливо проявляется зависимость малых городов от стабильности базовых предприятий и их роль как инструмента сохранения территориальной устойчивости.

Цель работы заключается в анализе роли градообразующих предприятий как ключевого фактора социально-экономической стабильности малых городов и обосновании их значения для сохранения муниципальной самостоятельности, что предполагает решение задач по рассмотрению исторических предпосылок формирования подобных предприятий в России и за рубежом, оценке их влияния на развитие городской инфраструктуры и демографические процессы, анализу рисков де-

градации территорий при закрытии предприятий на конкретных примерах, изучению последствий муниципальных реформ и укрупнения территорий, а также определению возможных направлений взаимодействия органов местного самоуправления и бизнеса для обеспечения долгосрочной устойчивости городов.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Градообразующие предприятия в России как основа формирования населенных пунктов существовали задолго до советского периода. Еще в XVIII–XIX веках в России и других индустриальных странах активно создавались заводские и фабричные поселения, рабочие поселки, горнозаводские округа и т.д. и их развитие строилось по единой модели: сначала создавалось предприятие, которое ориентировалось на добычу сырья или производство продукции, после чего вокруг него формировались жилье, транспортная сеть и социальная инфраструктура для работников.

Подобная система существовала не только в России, но и в США, Германии, Великобритании и других странах. Однако, особую известность и масштабное распространение градообразующие предприятия получили именно в период индустриализации 1930-х годов в СССР, когда государство начало целенаправленно строить крупные промышленные центры, вокруг которых формировались новые города и муниципальные образования.

В наших современных экономических условиях градообразующие предприятия продолжают играть ключевую роль в развитии малых городов нашей страны, в отличие от крупных городских агломераций, где экономика опирается на множество сфер деятельности, малые города зачастую ограничены несколькими крупными организациями. Градообразующее предприятие обеспечивает занятость населения, а также формирует налоговую базу муниципального образования и поддерживает развитие малого бизнеса и сферы услуг, и наличие стабильного крупного предприятия в малых городах позволяет удерживать население от трудовой миграции в мегаполисы и поддерживать функционирование городской инфраструктуры [8] и в ряде случаев деятельность одного предприятия оказывает влияние практически на все социально-экономические процессы муниципального образования, включая уровень жизни населения, инвестиционную привлекательность территории и демографическую устойчивость.

Одним из наиболее показательных примеров зависимости города от градообразующего предприятия является поселок Иультин на Чукотке. Закрытие предприятия негативно повлияло не только на сам населенный пункт, но и на соседние территории Чукотки, поскольку была нарушена система снабжения, транспортных связей и занятости населения северных районов. Населенный пункт был создан вокруг Иультинского горно-обогатительного комбината, занимавшегося добычей олова и вольфрама. Еще в советский период Иультин являлся крупным промышленным центром региона и обеспечивал рабочими местами тысячи жителей. Однако после распада СССР добыча руды была признана нерентабельной, а градообразующее предприятие закрыто. В результате уже к середине 1990-х годов население начало массово покидать поселок, а к 2000 году Иультин фактически превратился в город-призрак [9].

Показательным примером влияния научно-производственного потенциала на устойчивость муниципального образования являются Пущино и Протвино, городов, сформировавшихся как научные центры СССР и получившие развитие благодаря деятельности научно-исследовательских институтов и высокотехнологичных организаций. Пущино специализировался преимущественно на

биологических исследованиях, а Протвино на физике высоких энергий и работе крупных научных комплексов. Научная деятельность фактически выполняла градообразующую функцию, обеспечивая занятость населения, и развитие инфраструктуры и концентрацию высококвалифицированных кадров. В 2023 году оба наукограда были объединены с городским округом Серпухов в рамках муниципальной реформы Московской области, что вызвало обеспокоенность жителей и научного сообщества в связи с рисками снижения самостоятельности научных территорий и перераспределения бюджетных ресурсов. В 2024 году Протвино и Пущино формально утратили индивидуальный статус наукоградов, однако это было связано не с сокращением научного потенциала, а с административным преобразованием муниципальных образований и одновременно статус наукограда был присвоен уже всему городскому округу Серпухов [2, 6], основой которого во многом стали именно научные и исследовательские организации Протвино и Пущино.

В настоящее время наблюдается тенденция укрупнения муниципальных образований и присоединения малых городов к крупным городским округам. Одним из примеров является объединение Дзержинский с Люберцы в рамках административной оптимизации. Эти процессы могут нести определенные риски для малых городов: после объединения финансовые ресурсы, субсидии и инвестиции распределяются уже на уровне всего городского округа, вследствие чего приоритет нередко получают наиболее крупные и экономически значимые территории [5], и в результате присоединенные малые города могут сталкиваться с недостаточным финансированием инфраструктурных проектов, снижением самостоятельности в принятии решений и уменьшением возможностей для независимого социально-экономического развития.

В подобных условиях градообразующие предприятия способны стать важным инструментом сохранения экономической самостоятельности малых городов, ведь наличие стабильного промышленного комплекса обеспечивает муниципальному образованию рабочие места, налоговые поступления и инвестиционную привлекательность. Особенно значимую роль играют научно-производственные предприятия, вокруг которых могут формироваться технологические и научные кластеры и в перспективе это может привести к развитию специализированных территорий, включая наукограды и инновационные центры, что повышает стратегическую значимость муниципального образования и снижает вероятность его поглощения более крупными городскими округами.

Значительное влияние на устойчивость муниципальных образований оказывают не только официально признанные градообразующие предприятия, но и крупные производственные комплексы в целом, ведь именно они создают рабочие места, формируют значительную часть налоговых поступлений и обеспечивают экономическую активность территории и при прекращении деятельности подобных предприятий муниципальное образование нередко сталкивается с экономическим спадом [3], сокращением населения и потерей самостоятельности, а в отдельных случаях это может приводить к постепенному включению малых городов в состав более крупных городских округов и снижению их роли как самостоятельных территориальных единиц.

В связи с этим особую значимость приобретает взаимодействие органов местного самоуправления с градообразующими предприятиями. Муниципальные власти заинтересованы в сохранении и развитии крупных производств, поскольку именно они обеспечивают экономическую устойчивость малых городов. Поддержка расширения производственных мощностей, создание благоприятных условий для инвестиций и развитие промышленной инфраструктуры способны положительно влиять на занятость населения и финансовое состояние муниципалитета. В отличие от крупных

городов, где экономика опирается на большое количество малых и средних предприятий, малые города значительно сильнее зависят от деятельности нескольких крупных работодателей. Поэтому поддержка градообразующих предприятий становится одним из ключевых факторов устойчивого развития таких территорий [4].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показывает, что градообразующие предприятия остаются фундаментальной основой пространственной и социально-экономической структуры России, чья роль укоренена еще в досоветском и советском периодах индустриализации. Для большинства малых городов страны крупный производственный или научно-технический комплекс является не просто предприятием, а главным стержнем локальной экосистемы маленького города. Специфика этих территорий определяет их тотальную зависимость от стабильности этого предприятия, поскольку его деятельность напрямую формирует муниципальный бюджет, обеспечивает занятость населения, поддерживает инфраструктуру и сдерживает трудовую миграцию в мегаполисы.

Экзистенциальные риски такой монопрофильности наглядно подтверждаются историческим опытом закрытия крупных производств в изолированных регионах, где остановка градообразующего комплекса запускает необратимые процессы миграции и превращения некогда развитых центров в заброшенные территории. В современных реальностях всё усложняется масштабной муниципальной реформой, направленной на укрупнение и централизацию городских округов. Процессы административного слияния малых городов с более крупными соседями несут в себе отрицательные свойства: перераспределение бюджетных потоков в пользу центра городского округа, а не малых городов; снижение инвестиционного приоритета окраин и фактической потери локальными территориями финансово-экономической самостоятельности.

В сложившихся макроэкономических и управленческих условиях стабильно функционирующее предприятие, и особенно научно-производственный комплекс, становится главным гарантом сохранения субъектности малого города. Развитие высокотехнологичных и промышленных кластеров вокруг таких предприятий позволяет удерживать квалифицированные кадры и защищать стратегический статус муниципального образования на государственном уровне, снижая риски его поглощения.

Для обеспечения долгосрочной устойчивости территорий модель взаимодействия между органами местного самоуправления и крупным бизнесом требует качественной трансформации.

Необходимо переходить от пассивного администрирования к активному государственно-частному партнерству, включающему совместное стратегическое планирование городской среды, диверсификацию локальной экономики за счет развития смежного малого бизнеса, а также законодательное закрепление механизмов целевого финансирования инфраструктуры именно тех поселений, где физически расположены производственные мощности, ведь в новых экономических условиях поддержка градообразующих предприятий приобретает характер важнейшего национального приоритета, определяющего не только судьбу отдельных малых городов, но и общую пространственную и демографическую безопасность всей страны.

Список литературы

1. Бабич, Л.В., Секушина, И.А. Особенности и факторы развития креативных индустрий в малых и средних городах России // ЭВР. – 2026. – № 1 (87). – С. 176–200. – Текст : непосредственный.
2. Бекларян, Г.Л. Агентное моделирование и оптимизация характеристик научно-производственных кластеров // Бизнес-информатика. – 2024. – № 1. – С. 36–51. – Текст : непосредственный.

3. *Божья-Воля, А.А., Попова, П.А.* ESG-ориентиры российских градообразующих предприятий и их влияние на развитие моногородов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2024. – № 1. – С. 80–101. – Текст : непосредственный.
4. *Джакоби, Ш.* Значимость градообразующих предприятий в социально-экономическом развитии моногородов: задачи и пути их решения // Бизнес и дизайн ревю. – 2024. – № 1 (33). – С. 12–20. – Текст : непосредственный.
5. *Зазулина, М.Р.* Институциональная организация местного самоуправления как фактор интеграции российского цивилизационного пространства // Respublica Literaria. – 2026. – № 1. – С. 58–76. – Текст : непосредственный.
6. *Коростелева, Л.Ю.* Университеты наукоградов России в новой современности // Мониторинг правоприменения. – 2025. – № 2 (55). – С. 106–116. – Текст : непосредственный.
7. *Осипов, В.С., Коришков, А.С.* Оценка результативности санкционного давления на Российскую Федерацию в период 2022–2025 годов // Современная конкуренция. – 2026. – № 1 (109). – С. 5–33. – Текст : непосредственный.
8. *Патокина, Н.Н.* Факторы повышения привлекательности территории малого города для бизнеса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2025. – № 1 (77). – С. 153–159. – Текст : непосредственный.
9. *Филобок, М.А.* Зброшенне горада Россиі: історыя развіцця і упадка // Эканоміка і сацыум. – 2024. – № 1 (116). – С. 1484–1486. – Текст : непосредственный.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК ДРАЙВЕР РОСТА МАЛОГО БИЗНЕСА В МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Валова Юлия Игоревна^{1,2,3},

кандидат экономических наук, доцент,

доцент кафедры экономики и управления;

доцент кафедры государственной и муниципальной службы;

доцент кафедры экономики городского хозяйства и сферы обслуживания,

e-mail: guilett@mail.ru

Богун Анна Александровна²,

магистрант кафедры государственной и муниципальной службы,

e-mail: aklmnos@mail.ru,

ORCID: 0009-0003-3804-1350

¹АНОVO МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия,

²ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», Москва, Россия,

³ЧОУВО Московский университет С.Ю. Витте, Москва, Россия

В статье выявлены основные проблемы совершенствования стратегического планирования, такие как редкое использование SWOT-анализа, стратегические ошибки, проблема с оценкой рисков, недостаточная адаптация к цифровизации. Проанализированы новые результаты исследования – тренды, новые субсидии, льготное кредитование, основные ошибки.

Ключевые слова: стратегическое управление, МСП, Московская область, государственная поддержка, стартап, цифровизация, импортозамещение, искусственный интеллект.

STRATEGIC MANAGEMENT AS A DRIVER OF SMALL BUSINESS GROWTH IN THE MOSCOW REGION

Valova Yulia Igorevna^{1,2,3},

candidate of economic sciences, associate professor

associate professor department of economics and management;

associate professor of the department of public and municipal service;

associate professor of the department of economics of urban economy and services,

e-mail: guilett@mail.ru

Bogun Anna Alexandrovna²,

Master's Student of the Department of State and Municipal Service,

e-mail: aklmnos@mail.ru,

ORCID: 0009-0003-3804-1350

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia,

²Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "State University of Education", Moscow, Russia,

³S. Yu. Witte Moscow University, Moscow, Russia

The article identifies the main problems of improving strategic planning, such as the rare use of SWOT analysis, strategic errors, problems with risk assessment, and insufficient adaptation to digitalization. The article analyzes new research results, including trends, new subsidies, preferential lending, and common errors.

Keywords: strategic management, SMEs, Moscow Region, government support, startups, digitalization, import substitution, artificial intelligence.

Малый бизнес является одним из ключевых драйверов экономического развития регионов России, и Московская область не является исключением. В современных условиях динамичного развития экономики и усиления конкуренции особую значимость приобретает вопрос эффективного стратегического управления малыми предприятиями. Остро стоит и вопрос негативного состояния и развития рынка труда в Подмоскowie: снизились темпы роста трудоспособного населения; стратегически важные сферы экономики характеризуются оттоком или очень низким притоком трудовых ресурсов; ухудшается качественный состав трудовых ресурсов; растет напряженность на рынке труда и др. [1, с.112]. Как следствие, страдает экономика в целом.

Стратегическое управление выступает важнейшим инструментом обеспечения устойчивого развития малого бизнеса. Отсутствие четко сформулированной стратегии развития существенно снижает конкурентоспособность предприятий и увеличивает риски их банкротства. Конкурентные преимущества на рынке в современных условиях являются не только факторами стабильного получения прибыли и роста рентабельности, но и во многих случаях гарантируют поступательное движение компании к сформулированным целям и реализации ее стратегических планов [2, с.252]. При этом именно малые предприятия обладают уникальными возможностями для использования доверительных отношений с потребителями как стратегического преимущества. Поэтому стратегическое управление малым бизнесом должно осуществляться в четком соответствии с требованиями риск-ориентированного подхода, характерного для рыночной экономики [3].

Особенности Московской области как региона формируют специфическую среду для развития малого предпринимательства. Благодаря расположению вблизи Москвы, хорошо развитой инфраструктуре, большому числу потенциальных клиентов и партнёров, а также разнообразным мерам господдержки малые предприятия получают существенные возможности для масштабирования. При этом реализовать потенциал в полной мере можно лишь при условии продуманной стратегии управления. Ключевое значение имеет налаживание тесного сотрудничества с органами власти и общественными структурами, активное применение онлайн-ресурсов – от соцсетей до специализированных порталов и сайтов, а также организация городских площадок-лабораторий для освоения лучших зарубежных практик [4, с. 37].

В нынешних условиях малым предприятиям Подмоскowie нужно выходить за рамки традиционных подходов и шире оценивать свои перспективы. Стремительное развитие технологий, цифровизация хозяйственной деятельности, трансформация запросов потребителей и растущая конкуренция диктуют потребность в создании динамичной системы стратегического управления, способной оперативно подстраиваться под изменения.

Практическая значимость исследования обусловлена тем, что эффективное стратегическое управление позволяет малым предприятиям не только выживать в условиях конкуренции, но и активно развиваться, создавая новые рабочие места и внося существенный вклад в экономическое развитие региона. В ноябре 2024 года губернатор Московской области Андрей Воробьёв заявлял, что доход от работы малого и среднего бизнеса в регионе составляет 30% от общего дохода области, а 25% валового регионального продукта также приходится на представителей этой сферы экономики. Это наглядно показывает значение МСП в экономике [5]. В связи с этим особую актуальность приобретает разработка и внедрение современных инструментов стратегического планирования, адаптированных к специфике малого бизнеса Московской области.

Таким образом, исследование роли стратегического управления как драйвера роста малого бизнеса в Московской области представляется крайне актуальным как с теоретической, так и с практической точки зрения, поскольку направлено на поиск эффективных механизмов развития малого предпринимательства в регионе.

Сейчас разработка мероприятий государственной поддержки развития МСП в Московской области является приоритетным направлением с целью стимулирования экономического развития региона. Для стимулирования экономического роста в текущих условиях и стимулирования роста объемов ВРП Московской области необходима разработка мер государственного регулирования, которая будет направлена на улучшение условий функционирования субъектов малого и среднего предпринимательства [6].

Необходимо разработать не только новые меры государственной поддержки, но и помочь предприятиям самостоятельно стабилизировать своё состояние и адаптироваться к новым условиям.

Сектор малого и среднего предпринимательства в Московской области играет значительную роль в экономике и продолжает расти. С 2022 года по 2023 количество МСП Московской области выросло с 410,68 тысяч, из которых 277 945 – индивидуальные предприниматели до 436,352 тыс., из которых 301 602 – индивидуальные предприниматели. К 2024 году число МСП выросло до 457,247 тыс., из которых 323 042 – индивидуальные предприниматели. По состоянию на май 2025 количество МСП Московской области составляет 469,78 тыс., из которых 332 418 – ИП [7].

Исходя из представленной статистики можно сделать вывод о том, что с каждым годом наблюдается стабильный рост сектора, что ведёт к высокой конкуренции и помогает в диверсификации экономики (рис.1).

Рис. 1. Количество МСП Московской области за 2022-2025 гг. [7]

Общий объём налоговых поступлений от предприятий МСП стабильно занимает значительную часть бюджета Московской области. В 2022 году в бюджет региона поступило 256,6 млрд рублей, что составило 29,1% от общего объёма. В 2023 году вклад МСП в бюджет региона увеличился до 440 млрд рублей, что составило 33% от бюджета региона. К 2024 году значение снизилось до 30%, что всё ещё составляет значительную часть бюджета Московской области [8].

Исходя из полученных данных можно сделать вывод, что МСП является крупной частью бюджета, поэтому необходимо разработать стратегию развития для увеличения эффективности области (рис. 2).

Рис. 2. Общий объем налоговых поступлений от предприятий МСП в бюджет региона в процентах за 2022-2024 гг.¹

В 2024 году Московская область усилила меры поддержки малого бизнеса, сделав акцент на модернизацию, цифровизацию и импортозамещение. Одним из ключевых инструментов стали субсидии на приобретение оборудования: программа «Модернизация» позволяет компенсировать до 50% затрат на покупку или лизинг техники, но не более 5 млн рублей на предприятие, а для промышленных компаний действует отдельная программа возмещения расходов на новое оборудование – до 20 млн рублей при условии покрытия не более половины общих затрат. Общий бюджет этих программ превысил 1,1 млрд рублей, что позволило поддержать более 300 предприятий [9].

Для цифровизации бизнеса предприниматели могут получить субсидии при выходе на маркетплейсы: компенсируется до 50% расходов на комиссии, рекламу и доставку товаров, но не более 500 тыс. рублей на одного заявителя. За первое полугодие 2024 года заключено более 60 таких соглашений на общую сумму 15 млн рублей. Отдельное внимание уделяется франчайзингу: субсидии покрывают до 50% затрат на подключение к подмосковным франшизам (максимум 2 млн рублей) или к федеральным сетям (до 1 млн рублей) [10].

ИТ-компании региона получили доступ к грантам на hiring: при трудоустройстве не менее пяти новых высококвалифицированных специалистов бизнес может получить от 96 до 240 тыс. рублей в год на каждого сотрудника. Эти средства разрешено направлять на зарплаты или закупку оборудования. Дополнительно для ИТ-сектора действуют налоговые льготы: нулевая ставка налога на прибыль до конца 2024 года при условии соответствия зарплат среднерыночным показателям, а также сниженные страховые взносы – 7,6% вместо 15% [9].

Микропредприятия и стартапы активно используют льготное кредитование: Московский областной фонд микрофинансирования выдает займы до 3 млн рублей под 1% годовых, а Гарантийный фонд предоставляет поручительства для привлечения кредитов в банках. В 2024 году запущена обновленная программа «1764 v2.0» для приоритетных отраслей – производство, туризм, ИТ – с кредитованием до 1 млрд рублей под 3% годовых [10].

Для снижения административной нагрузки в регионе действует мораторий на плановые проверки малого бизнеса, а также расширена сеть коворкинг-центров, где предприниматели могут бесплатно получить консультации по стратегическому планированию и доступ к цифровым сервисам. Образовательные проекты, такие как «Бизнес-школа Подмосковья», предлагают курсы по управ-

¹ Сектор МСП обеспечивает треть всех поступлений в бюджет Подмосковья [Электронный ресурс] // Ведомости: [сайт]. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2024/07/03/sector-msp-obespechivaet-tret-vseh-postuplenii-v-byudzh-et-podmoskovya (дата обращения: 21.06.2025).

лению рисками и внедрению ESG-стандартов, что особенно актуально в свете новых требований к устойчивому развитию [11].

Согласно прогнозам Министерства экономического развития Московской области на 2025 год в качестве наиболее благоприятных для новых бизнес-инициатив выделяются три ключевых сферы: технологическая, модернизация, заполнение ниш, ушедших брендов и устойчивое развитие. На передовой позиции – разработчики программного обеспечения, переключившиеся на создание бизнес-ориентированных продуктов, включая инфраструктурные облака, системы управления и дашборды (визуализированные отчётные комплексы) для обработки больших массивов данных. Высоким спросом пользуются алгоритмы искусственного интеллекта для складской и кадровой эффективности. В частности, в рамках программы «Цифровая трансформация» гранты до 5 млн.рублей доступны для создателей SaaS-сервисов, ориентированных на небольшие компании [12].

Второе направление связано с политикой локализации производства и потребительских товаров. Рыночный спрос на внутреннюю продукцию машиностроения, радиоэлектроники и строительных материалов увеличился на 40% за последние два года. Например, успешную практику демонстрируют проекты, выпускающие такую продукцию как крепёж, защитную одежду, «зелёную» упаковку и т.д. Проекты могут рассчитывать на финансовую поддержку: им предоставляют льготные кредиты со ставкой 3 % годовых, а также субсидии – до 20 млн рублей, которые можно направить на приобретение оборудования [12].

Одно из ключевых направлений развития – экологические технологии и решения, ориентированные на устойчивое развитие. В Московской области набирает обороты стартап-движение в сферах переработки отходов, повышения энергоэффективности и органического сельхозпроизводства. Так, поддержку (в том числе гранты Минэкологии МО и субсидии объёмом до 10 млн рублей) получают инициативы вроде «умных» контейнеров для мусора, оснащённых датчиками уровня заполнения, или выпуска упаковки из биоразлагаемых материалов. Отдельное внимание уделяется агротехнологическим разработкам – например, вертикальным фермам и системам точного земледелия: такие решения помогают сократить потребление воды примерно на треть [12].

Указанные сферы не просто следуют общемировым тенденциям – они целенаправленно стимулируются региональными мерами поддержки, благодаря чему становятся перспективной площадкой для стартапов, нацеленных на устойчивое развитие и масштабирование.

Анализ данных Центра управления регионом (ЦУР МО) позволяет выделить ряд типичных просчётов в стратегическом планировании малого бизнеса Подмосковья. Одна из главных проблем – слабая интеграция с процессами цифровой трансформации и недостаточная оценка рыночных рисков. При проведении анализа обращений предпринимателей за 2023-2024 г.г. выявлено, что 37% организаций при составлении стратегии не учитывали обязательность подключения к государственным цифровым сервисам. Следствием этого стало дублирование отчётных процедур и потеря доступа к преференциям. Помимо этого, согласно статистическим данным, каждый пятый предприниматель при увеличении производственной деятельности не учитывал критерии экологического аудита, что стало причиной 12% отказов в обеспечении субсидиями на модернизацию используемого оборудования в 2024 году [13].

Ключевой управленческой угрозой является нехватка документально утверждённой преемственности. Практически треть малых организаций (28%) не утверждают и не согласовывают стратегические планы. Данное обстоятельство фиксируется в рамках устной договорённости и не более.

В тех случаях, когда меняется высшее должностное лицо или ведущие специалисты, это является причиной снижения конкурентных позиций на рынке. Согласно статистическим данным ЦУР МО, в 2024 году около 43% обращений относились к разногласиям при переходе предприятия наследникам, что в большинстве случаев было связано с отсутствием стратегического плана.

Не менее серьёзным риском является повышенное внимание к краткосрочным решениям вместо долгосрочного планирования. Проведенный опрос среди предпринимателей показал, что 61% респондентов сосредоточены именно на оперативных задачах. Это подтверждается сведениями о части компаний с утверждённой стратегией: всего 9% предпринимателей имеют конкретный план развития на ближайшие 3-5 лет.

На рынке услуг базовым упущением является дублирование столичных бизнес-моделей без учёта особенностей областного спроса, что возникло с сетью коворкинга в районе Домодедово, где было утеряно 40% потребителей из-за некорректного ценового планирования [13].

По итогам мониторинга ЦУР Московской области зафиксирована устойчивая недооценка регуляторных рисков среди субъектов МСП: 54% предпринимателей не прорабатывают альтернативные сценарии на случай ужесточения норм контроля. Следствием этого стал крах в 2023 году 17 местных производителей стройматериалов, не выдержавших новые экологические требования. В то же время лишь 12% компаний прибегают к SWOT-анализу на регулярной основе. Как показывает практика, применение SWOT-анализа сокращает вероятность просчётов в управлении на 38%. Выявленные факты подтверждают острую потребность во внедрении обучающих курсов по стратегическому планированию в меры государственной поддержки предпринимателей Подмосковья.

Субъекты малого и среднего предпринимательства выполняют важную роль в экономике Московской области и России. В бюджете региона около 30% дохода приходит от МСП, а количество предприятий растёт с каждым годом. В условиях санкций и вызовов необходимо поддержать данный сектор экономики, чтобы добиться устойчивости и эффективности для региона и страны в будущем.

Региональные меры поддержки такие как субсидии, льготное кредитование, программы цифровизации и импортозамещение способствуют росту малого бизнеса, однако распространённые ошибки в стратегическом планировании, а именно недооценка цифровой трансформации и отсутствие долгосрочных планов снижают его конкурентоспособность. Анализ успешных кейсов показывает, что сочетание государственной поддержки, адаптивных стратегий и внедрения инноваций позволяет субъектам МСП не только выживать, но и динамично развиваться. Перспективными направлениями остаются ИТ, импортозамещение и «зелёные» технологии. Для дальнейшего роста сектора необходимо совершенствовать инструменты стратегического управления и расширять образовательные программы для предпринимателей.

Исходя из проведённого анализа можно выделить следующие направления для совершенствования системы стратегического управления: 1. Помощь в адаптации к цифровой трансформации; 2. Автоматизированная помощь с оценкой рыночных рисков; 3. Мотивация к экологическому производству; 4. Снижение доли устных договорённостей и переход к формальным стратегическим планам; 5. Помощь субъектам МСП в стратегическом планировании; 6. Повышение мотивации к SWOT-анализу для избегания стратегических ошибок.

Мерами для реализации выделенных направлений могут быть:

1. Для помощи в адаптации к цифровой трансформации субъектам МСП необходимо создать Интернет-ресурс с понятным для новичка интерфейсом и не перегруженным объемом информации,

сопровождать всё изображениями и видео. В данном случае можно использовать официальный сайт МСП и создать на основе его данных специальный блок, где желающие вникнуть во все детали смогут изучить вопрос. Структурировать информацию и преобразовать её так, чтобы мог понять каждый.

2. Автоматизированная помощь с оценкой рыночных рисков заключается во внедрении искусственного интеллекта, который на основе текущей экономической ситуации сможет прогнозировать возможные риски и проблемы. Искусственный интеллект на базе официальных данных МСП сможет отслеживать количество субъектов в регионе, их основной вид деятельности, доходы и многие другие факторы и определять риски исходя из внутренней и внешней ситуации [14].

3. В ходе анализа было выявлено, что каждый пятый игнорировал требования к экологическому аудиту, что привело к отказам в субсидиях. Такая статистика обуславливает необходимость внедрения дополнительных мер по мотивации к экологическому производству. Необходимо повысить значимость «зелёного» изготовления за счёт повышенного шанса на кредит, дополнительных льгот в налогообложении и субсидий.

4. Более четверти малых предприятий не создают формальные стратегические планы, полагаясь на устные договорённости, что увеличивает риски распада бизнеса. Необходимо внедрить систему стратегического планирования на уровне малого и среднего предпринимательства, которое замотивирует организации составлять планы и проводить комплексные анализы. В случае, если используются средства государства или банков, данные анализы и план должны быть в обязательном порядке при достижении порога заработка за год, который будет формироваться ежегодно исходя из статистических данных.

Таким образом, в ходе анализа выбраны приоритетные точки развития системы стратегического управления в сфере МСП. Так как направления для решения выдвинуты исходя из самых частых ошибок, соответственно, они помогут заполнить пробелы в управлении, решить наиболее частые проблемы, будут актуальны и повысят эффективность стратегического управления.

Список литературы

1. Солодилов, А.В., Зайцев, А.С. Актуальные проблемы в государственном регулировании рынка труда (на примере Московской области) // Вестник государственного университета просвещения. Серия: Экономика. – № 1. – С. 112–127.
2. Ядрышников, С.Н., Кудрявцева, Е.А., Дегтярева, О.С. Статистический анализ пассажирских перевозок в дальнем следовании на железнодорожном транспорте в РФ // Наука и молодежь XXI века : материалы Регионального форума : в 2 ч., Новосибирск, 18–28 ноября 2024 года. – Новосибирск : Сибирский государственный университет путей сообщения, 2025. – С. 249–253.
3. Krishtaleva, T.I., Gureeva, E.A., Kripakova, L.A. et al. Risk-oriented approach to managing the social market economy // International Journal of Sociology and Social Policy. – 2020. – DOI: 10.1108/IJSSP-03-2020-0084. – EDN OBYBMK.
4. Бруз, В.В. Тенденции урбанизации и проблемы управления современным мегаполисом // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. – 2020. – № 4. – С. 26–38.
5. Иванов, Л.А. Сравнительный анализ развития МСП в регионах России // Вестник Академии знаний. – 2024. – № 6 (65). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-razvitiya-msp-v-regionah-rossii> (дата обращения: 14.06.2025).
6. Огнева, Д.М., Баранов, Д.Н. Оценка эффективности государственной поддержки развития малого и среднего предпринимательства в Московской области // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2024. – № 1 (48). – URL: <https://>

cyberleninka.ru/article/n/otsenka-effektivnosti-gosudarstvennoy-podderzhki-razvitiya-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-v-moskovskoy-oblasti (дата обращения: 21.06.2025).

7. *Узденова, Ф.М., Урусов, М.И.* Молодежное предпринимательство как драйвер экономического развития России и регионов // ЕГИ. – 2024. – № 5 (55). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnoe-predprinimatelstvo-kak-drayver-ekonomicheskogo-razvitiya-rossii-i-regionov> (дата обращения: 10.06.2025).

8. *Глушак, Н.В.* Меры государственной поддержки и регулирования малого и среднего предпринимательства в России и за рубежом // ЕГИ. – 2024. – № 6 (56). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mery-gosudarstvennoy-podderzhki-i-regulirovaniya-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-v-rossii-i-zarubezhom> (дата обращения: 15.07.2025).

9. *Мяснянкина, О.В., Зайцев, А.А.* Лучшие практики технологического предпринимательства регионов // ЭКОНОМИНФО. – 2023. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/luchshie-praktiki-tehnologicheskogo-predprinimatelstva-regionov> (дата обращения: 14.06.2025).

10. *Сафонова, С.Г., Шейхова, М.С.* Основные направления государственной поддержки малого и среднего бизнеса в России на современном этапе развития экономики // Московский экономический журнал. – 2024. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-gosudarstvennoy-podderzhki-malogo-i-srednego-biznesa-v-rossii-na-sovremennom-etape-razvitiya-ekonomiki> (дата обращения: 14.06.2025).

11. *Юрченко, А.Е., Сапожникова, Е.Ю.* Проблемы функционирования специальных налоговых режимов для субъектов малого и среднего предпринимательства в условиях цифровой экономики в 2024–2025 годах // Вестник науки. – 2024. – № 9 (78). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-funktsionirovaniya-spetsialnyh-nalogovyh-rezhimov-dlya-subektov-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-v-usloviyah-tsifrovoy> (дата обращения: 14.06.2025).

12. *Ветрова, Н.М., Кикоть, В.И.* О мерах государственного регулирования малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации с учетом мирового опыта // Экономика строительства и природопользования. – 2023. – № 3 (88). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-merah-gosudarstvennogo-regulirovaniya-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-v-rossiyskoy-federatsii-s-uchetom-mirovogo-opyta> (дата обращения: 14.06.2025).

13. *Сакоян, А.Р., Логвинов, И.Е., Пучков, В.И.* Трансфер опыта цифровизации в Москве и Московской области для повышения экономической безопасности регионов // Экономические системы. – 2023. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transfer-opyta-tsifrovizatsii-v-moskve-i-moskovskoy-oblasti-dlya-povysheniya-ekonomicheskoy-bezopasnosti-regionov> (дата обращения: 20.07.2025).

14. *Овакимян, Д.А.* Перспективы снижения налогового бремени для малого и среднего бизнеса // Электронная наука. – 2023. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-snizheniya-nalogovogo-bremani-dlya-malogo-i-srednego-biznesa> (дата обращения: 21.06.2025).

ОСОБЕННОСТИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В КИТАЕ: ЧТО НУЖНО ЗНАТЬ РОССИЙСКОМУ БИЗНЕСУ

Валова Юлия Игоревна^{1,2,3},

кандидат экономических наук, доцент,

доцент кафедры экономики и управления;

доцент кафедры государственной и муниципальной службы;

доцент кафедры экономики городского хозяйства и сферы обслуживания,

e-mail: guilett@mail.ru

Першин Александр Викторович²,

магистрант кафедры государственной и муниципальной службы,

e-mail: guilett@mail.ru

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия,

²ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», Москва, Россия,

³ЧОУВО Московский университет С.Ю. Витте, Москва, Россия

В статье авторы рассматривают особенности налоговой системы КНР и льготы для России по соглашению во избежание двойного налогообложения. Эта информация поможет российскому бизнесу правильно рассчитать фискальную нагрузку и оценить расходы на содержание компании в Китае.

Ключевые слова: налоговая система, бизнес, фискальная нагрузка, льготы, расходы.

CHINA'S TAXATION FEATURES: WHAT RUSSIAN BUSINESSES NEED TO KNOW

Valova Yulia Igorevna^{1,2,3},

candidate of economic sciences, associate professor

associate professor department of economics and management;

associate professor of the department of public and municipal service;

associate professor of the department of economics of urban economy and services,

e-mail: guilett@mail.ru

Pershin Alexander Viktorovich²,

Master's Student of the Department of State and Municipal Service,

e-mail: guilett@mail.ru

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia,

²Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "State University of Education",
Moscow, Russia,

³S.Yu. Witte Moscow University, Moscow, Russia

In this article, the authors examine the specifics of China's tax system and the benefits available to Russia under the Double Taxation Treaty. This information will help Russian businesses accurately calculate their tax burden and estimate the costs of operating a company in China.

Keywords: tax system, business, tax burden, benefits, expenses.

Китай (Китайская Народная Республика) – «государство с республиканской формой правления (социалистическая республика)» [1, с.155]. Китайский предпринимательский менталитет отличается от американского, российского и европейского. Эти отличия общеизвестны и принимаются к уче-

ту партнерами Китая по всему миру. Все страны мира вынуждены считаться с торговыми особенностями Китая, который является крупнейшим мировым поставщиком промышленной продукции.

Китай и Россия строят долгосрочные партнерские отношения, наша страна для Поднебесной является важным партнером. Китайский акцент в торговом балансе России имеет временный характер. Россиянам следует стремиться к увеличению собственного производства широкой номенклатуры товаров [2]. В 2024 году Россия по уровню товарооборота с Китаем существенно опередила Австралию: 245 млрд долл против 202 млрд долл. Объем товарооборота КНР с США и Европой существенно превышают эти показатели [3].

Конкурентные преимущества на рынке в современных условиях являются не только факторами стабильного получения прибыли и роста рентабельности, но и во многих случаях гарантируют поступательное движение компании к сформулированным целям и реализации ее стратегических планов [4, с.252]. Главное китайское преимущество – ценообразование. Себестоимость там низкая. Для нас важно, чтобы маржинальная прибыль с продажи покрывала накладные и административные расходы, связанные с подбором оборудования и логистикой. Кроме того, цена должна быть конкурентоспособной для заказчика. У европейского оборудования высокая добавленная стоимость в связи с высоким уровнем сервиса, поддержкой клиентов, расширенной гарантией.

Китайская промышленность уступает европейской в том плане, что в Поднебесной упор на массовость. При этом на долю малого и среднего бизнеса в КНР приходится 60% [5, с.10]. Внутренний рынок – основной потребитель, а экспорт – уже по остаточному принципу.

В Европе акцент на новых технических решениях, инновационном развитии производственной базы. В Китае с этим проблема: ассортимент широкий, но типовый. Продвинутых технических решений, которые есть в Европе, у местных компаний нет. Китайские производства выпускают практически одно и то же [6].

1 января 2024 года Минфин США принял пакет вторичных санкций. Суть в том, что иностранные банки, которые содействуют обходу санкций, могут быть привлечены к ответственности. И тогда на эти банки тоже будут наложены санкции. Китайские банки поддерживали санкционный режим, поскольку являются частью глобальной финансовой системы, а Россия для них не в приоритете [7].

Далее в статье рассмотрим, какие налоги и сборы платят китайские компании, в том числе организации с иностранным участием:

НАЛОГ НА ПРИБЫЛЬ

Обычная ставка налога на прибыль составляет 25 процентов, но есть и льготные ставки. Так, компании с годовым оборотом до 3 млн юаней платят налог по ставке 5 процентов. Однако это послабление действует лишь до 31 декабря 2027 года.

Пониженная ставка 15 процентов положена новым высокотехнологичным компаниям и резидентам фри-зон. Причем продолжительность льготного периода зависит от того, в какой фри-зоне работает компания.

Китайские компании обязаны подавать отчетность и уплачивать авансовые платежи по налогу на прибыль ежемесячно или ежеквартально. Срок – 15 дней после окончания месяца либо квартала. Годовую декларацию подают в течение пяти месяцев после окончания налогового года. К отчетности прикладывают аудиторское заключение.

Если в течение года у компании были сделки с аффилированными лицами, то информацию о них также необходимо представить вместе с налоговой декларацией. В таблице 1 представлены свободные экономические зоны Китая.

НДС

В Китае предусмотрено несколько ставок НДС. Базовая ставка, которая распространяется на большинство товаров, услуги по ремонту и обслуживанию, на лизинг движимого имущества, составляет 13 процентов. Товары первой необходимости облагаются по ставке 9 процентов. В эту категорию также попадают сельскохозяйственные продукты, газ, вода и большинство услуг, включая транспортные перевозки, почтовые и курьерские услуги, связь, строительные услуги, а также аренда и продажа недвижимости.

Для так называемых современных услуг применяют ставку 6 процентов. Сюда относят, например, телекоммуникационные, финансовые услуги, услуги по продаже нематериальных активов.

Нулевую ставку разрешено использовать только компаниям-экспортерам. Причем при экспорте услуг нулевую ставку применяют, если иностранный покупатель полностью потребляет результаты оказанных услуг за пределами Китая.

НАЛОГ НА ПОТРЕБЛЕНИЕ

Это разновидность налога на добавленную стоимость. Под него подпадают предметы роскоши и подакцизные товары. Налог рассчитывают исходя из продажной стоимости товара, объема продаж или их комбинации. Ставка может варьироваться в пределах 1–56 процентов выручки от продаж. Налогом на роскошь экспорт не облагают.

Таблица 1

Свободные экономические зоны Китая

Фри-зона	Что требуется для льготы	Срок, до которого действует ставка 15%
Западные регионы	Специальное одобрение	31 декабря 2030 года
Зона сотрудничества Цяньхай – Шэньчжэнь – Гонконг в сфере современных услуг	Действующий офис с сотрудниками на территории фри-зоны	31 декабря 2025 года
Зона интенсивного сотрудничества Гуандун – Макао в Хэнчине	Специальное одобрение, действующий офис с сотрудниками на территории фри-зоны	Бессрочно
Комплексная экспериментальная зона Пинтань	Специальное одобрение, действующий офис с сотрудниками на территории фри-зоны	31 декабря 2025 года
Свободный торговый порт Хайнань	Специальное одобрение, коммерческая деятельность в порту Хайнань	31 декабря 2024 года
Экспериментальная зона Наньша	Специальное одобрение, действующий офис с сотрудниками на территории фри-зоны	31 декабря 2026 года
Новая зона Линьган в Шанхайской пилотной зоне свободной торговли	Квалифицированная организация, которая занимается экономически значимым производством или научно-исследовательской деятельностью в ключевых отраслях: производство интегральных схем, искусственный интеллект, биомедицина, гражданская авиация и т. д.	Пять лет после открытия компании во фри-зоне

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ СБОР

Это косвенный налог, который состоит из двух частей: национальной и местной. Национальную часть взимают на федеральном уровне по ставке 3 процента. Местную – на уровне провинции, где компания состоит на учете. Ставка составляет 2 процента.

В КНР действует единая ставка при выплате пассивного дохода нерезиденту. Налоговая база – сумма косвенных налогов, которые уплатила компания. Например, организация продает в Китае то-

вары со ставкой НДС 13 процентов. За месяц выручка от продаж составила 100 тыс. юаней без НДС. Налоговая база для образовательного сбора равна 13 тыс. юаней ($100\ 000\ \text{юаней} \times 13\%$). При этом импорт товаров и услуг не включают в налогооблагаемую базу для расчета суммы образовательного сбора.

НАЛОГИ У ИСТОЧНИКА ВЫПЛАТЫ

В КНР установлена единая ставка налога при выплате любого пассивного дохода нерезиденту – 10 процентов.

Страна подписала большое количество соглашений об избежании двойного налогообложения. На конец 2023 года действовали соглашения, подписанные со 112 странами и территориями, включая Россию.

С дивидендов, которые российский собственник получает от китайской компании, удержат 5 либо 10 процентов налога. Пониженную 5-процентную ставку применяют, если акционер напрямую владеет не менее чем 25 процентами капитала китайской компании. При этом доля владения должна составлять не менее 80 тыс. евро. В остальных случаях используют стандартную ставку 10 процентов.

Процентные доходы полностью освобождены от налога у источника. Россия – единственное государство, для которого Китай ввел такую привилегию. Это позволяет российским организациям свободнее инвестировать в китайские компании, выдавать займы и применять более сложные инструменты инвестирования. Китайские предприятия аналогично не платят налог с процентов, которые они получают из нашей страны.

Для российских роялти предусмотрена более низкая ставка, чем для большинства стран, – 6 процентов. Никаких особых требований, чтобы использовать льготные ставки по процентам и роялти, нет.

Для сравнения ниже приведены ставки для Гонконга – специального административного района Китая:

- дивиденды – льготная ставка 5 процентов при владении более чем 25 процентами капитала;
- процентный доход – 7 процентов;
- роялти – 7 или 5 процентов для компаний авиационной отрасли.

НДФЛ

В стране действует классическая прогрессивная модель налогообложения физлиц. Ставки – от 3 до 45 процентов.

Аналогично, но с небольшими отличиями по категориям дохода рассчитывают налог для нерезидентов и ряда частных доходов: авторские гонорары, прирост капитала при продаже имущества, доходы от сдачи в аренду и т. д.

Личные доходы от деятельности ИП облагаются НДФЛ по прогрессивной ставке. При годовом доходе от 90 тыс. до 300 тыс. юаней ставка 20 процентов, от 300 тыс. до 500 тыс. юаней – 30 процентов, свыше 500 тыс. юаней действует максимальная ставка 35 процентов.

Все прочие доходы подпадают под ставку НДФЛ, равную 20 процентам, в том числе и дивиденды. Ставки НДФЛ для резидентов представлены в таблице 2.

Ставки НДФЛ для резидентов

Размер годового дохода, юани	Ставка НДФЛ, %	Размер вычета, юани
0–36 000	3	0
36 001–144 000	20	2520
144 001–300 000	20	16 920
300 001–420 000	25	31 920
420 001–660 000	30	52 920
660 001–960 000	35	85 920
Более 960 000	45	181 920

СОЦИАЛЬНЫЕ ВЗНОСЫ

Китайская система социального страхования состоит из пяти видов страхования и одного обязательного взноса в развитие жилищного фонда. Взнос предназначен для того, чтобы работники откладывали средства на покупку жилья. Ставки социального страхования представлены в таблице 3. Они указаны приблизительно, так как они зависят от региона и вида выполняемой работы.

Таблица 3

Ставки социального страхования¹

Вид страхования	Платит работодатель, %	Платит сотрудник, %
Пенсионное страхование	16	8
Страхование от безработицы	0,5–1	0,5
Медицинское страхование	5–12	2
Страхование от несчастных случаев на работе	0,5–2	–
Страхование по беременности и родам	0,5–1	–
Жилищный фонд	5–12	5–12

Источник: составлено авторами на основе электронного ресурса

В Китае компании за неуплату налогов грозят достаточно высокие штрафы. Они составляют от 50 до 500 процентов недоимки. Сумма зависит от наличия умысла, тяжести нарушения и размера налога.

Дополнительно к сумме недоимки надзорные органы начислят компании пени в размере 0,05 процента за каждый день просрочки. Штраф за неподачу декларации составляет 2 тыс. юаней, за повторное нарушение сумма штрафа может достигать и до 10 тыс. юаней.

Если налоговая недоимка большая, организация регулярно не платит налоги или проверяющие выявили предварительный сговор с уничтожением счетов-фактур, то на нарушителей могут даже завести уголовное дело. С 2011 года в Китае не наказывают смертной казнью за уклонение от уплаты налогов, как и за любые другие экономические преступления. Если организация допустила в налоговой декларации непреднамеренные ошибки, которые привели к занижению налога, взноса или сбора, то срок исковой давности для данного нарушения составит три года. Этот период может увеличиться до пяти лет. Такое произойдет, если недоимка достигла 100 тыс. юаней или более.

¹ Китай снижает подоходный налог – Налоги [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.taxationinfonews.ru/category/>

Список литературы

1. *Солодилов, А.В.* Основы государственного и муниципального управления: Учебное пособие. – Изд. 6 доп. и перераб. Допущен Советом УМО ВУЗов России. М.: Юстиция, 2021 – 371 с.
2. *Крупнов, Ю.А.* Россия и Китай: партнерство или зависимость? / Ю. А. Крупнов // Современные подходы к трансформации концепций государственного регулирования и управления в социально-экономических системах: сборник научных трудов 13-й Международной научно-практической конференции, Курск, 27–28 февраля 2024 года. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2024. – С. 363-366. – EDN BINHSR.
3. *Щукина, П.В., Валова, Ю.И.* Сравнительный анализ государственного антикризисного управления в России и США // В сборнике: Институты и механизмы инновационного развития: мировой опыт и российская практика. сборник статей 13-й Международной научно-практической конференции. Курск, 2023. С. 399-403.
4. *Ядрышникова, С.Н.* Статистический анализ пассажирских перевозок в дальнем следовании на железнодорожном транспорте в РФ / С. Н. Ядрышникова, Е. А. Кудрявцева, О. С. Дегтярева // Наука и молодежь XXI века: Материалы Регионального форума. В 2-х частях, Новосибирск, 18–28 ноября 2024 года. – Новосибирск: Сибирский государственный университет путей сообщения, 2025. – С. 249-253.
5. *Бруз, В.В.* Актуальные проблемы экономики и государственного управления современной России // Вестник Московского Государственного Областного Университета. Серия Экономика. № 3, 2018 С.8-18.
6. *Валова, Ю.И., Лукашкина А.А.* Точки роста для бизнеса России и Китая: перспектива сотрудничества //В сборнике: Юность и Знания - Гарантия Успеха - 2025. Сборник научных статей 12-й Международной молодежной научной конференции. В 4-х томах. Курск, 2025. С. 101-104.
7. *Афонин, А.И., Истратий, А.Ю., Шолотонова, Е.С.* ГЛАВА 2. Влияние санкций на достижение нового качества и содержание экономического роста России //В книге: Достижения нового качества и содержания экономического роста России. Монография. Саратов, 2025. С. 21-38.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПТИМИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ПРОЦЕССНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ КОМПАНИИ ООО «САХАЛИНСКАЯ ЭНЕРГИЯ»

Валова Юлия Игоревна^{1,2,3},

кандидат экономических наук, доцент,

доцент кафедры экономики и управления;

доцент кафедры государственной и муниципальной службы;

доцент кафедры экономики городского хозяйства и сферы обслуживания,

e-mail: guilett@mail.ru

Сё Антон Сергеевич¹,

магистрант кафедры экономики и управления,

e-mail: anton.syo@sakhalin2.ru

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия,

²ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», Москва, Россия,

³ЧОУВО Московский университет С.Ю. Витте, Москва, Россия

В статье авторы проводят анализ путей оптимизации процессного управления на примере ООО «Сахалинская Энергия». На основании проведенного анализа приводится ряд ограничений традиционной модели управления, выражающийся в замедленной обработке информации и ограниченной автоматизации. Особое внимание уделяется применению цифровых платформ ERP и BIM, а также искусственного интеллекта, что обеспечивает повышение эффективности и прозрачности управления. Предлагаются рекомендации по проведению цифровой трансформации и описываются ожидаемые результаты, подтверждающие значимость комплексного обновления для устойчивого роста и усиления позиций компании.

Ключевые слова: менеджмент, экономика, система управления организацией, процессный подход, оптимизация, цифровизация.

METHODOLOGICAL APPROACHES TO PROCESS MANAGEMENT SYSTEM OPTIMIZATION AT SAKHALIN ENERGY LLC

ValovaYulia Igorevna^{1,2,3},

candidate of economic sciences, associate professor

associate professor department of economics and management;

associate professor of the department of public and municipal service;

associate professor of the department of economics of urban economy and services,

e-mail: guilett@mail.ru

Se Anton Sergeevich¹,

master student of the department of economics and management,

e-mail: anton.syo@sakhalin2.ru

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia,

²Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "State University of Education", Moscow, Russia,

³S.Yu. Witte Moscow University, Moscow, Russia

In this article, the authors analyze process management optimization approaches using Sakhalin Energy LLC as an example. Based on this analysis, they identify a number of limitations of the traditional management

model, including slow information processing and limited automation. Particular attention is paid to the use of digital ERP and BIM platforms, as well as artificial intelligence, which enhances management efficiency and transparency. Recommendations for digital transformation are offered, and the expected results are described, confirming the importance of a comprehensive upgrade for sustainable growth and strengthening the company's position.

Keywords: management, economics, organizational management system, process-based approach, optimization, digitalization.

Сегодня Россия «переживает очередной период борьбы за свою независимость и самоидентичность, за возможность дальнейшего развития с учетом своих национальных интересов, исторических и культурных ценностей» [1, с.81].

Для современных компаний, особенно в условиях нестабильности экономической среды, важность эффективной системы управления трудно переоценить. В противном случае возможны ухудшение результатов и снижение конкурентоспособности. Активному внедрению подлежит процессный подход, гарантирующий слаженность, прозрачность функций и быструю реакцию на изменения внешних условий. Он обеспечивает последовательную реализацию этапов – планирования, организации, мотивации и контроля – в целях достижения корпоративных задач. При этом под системой управления следует понимать совокупность нормативных правил, процедур и взаимосвязей между подсистемами. Благодаря переработке и оптимизации бизнес-процессов данный метод повышает эффективность и создает условия для формирования устойчивого преимущества на рынке [2].

Современные условия управления требуют творческого подхода, инициативы, предприимчивости, умения проводить различные оценки при выборе оптимальных решений на основе рассмотрения альтернативных вариантов развития с целью повышения доходов, обеспечения экономического роста и повышения эффективности [3].

Подход к управлению организацией на основе процессов акцентирует внимание на глубоком изучении и совершенствовании бизнес-процессов, направленном на достижение их высокого качества. Предприятие в этом случае рассматривается как комплекс взаимосвязанных процессов, объединённых в единую систему для эффективного производства товаров либо предоставления услуг. Бизнес-процессы охватывают последовательность операций, включая обработку информации, принятие решений, создание и реализацию продукции или услуг. Они подразделяются на основные – непосредственно связанные с производством, и вспомогательные, которые служат для поддержки основных и снижения затрат [4].

Отличительная черта бизнес-процессов состоит в том, что они учитывают не только материальные затраты, но и информационные потоки вместе с их преобразованиями. Главный фокус управления такими процессами – обеспечить эффективное преобразование входных ресурсов в конечные результаты. Операции и под процессы, реализуемые в рамках общей функции преобразования, способствуют достижению поставленных задач. Исполнение и контроль процессов возлагаются на специально сформированную команду, которая занимается планированием и координацией деятельности по их реализации.

Для действенного процесса сначала надо определить, где у него начало, где конец, что в него входит и что из него выходит. Когда оценивают бизнес-процессы, смотрят на два типа параметров: качественные и количественные. Качественные – это как хорошо он работает, насколько можно его

адаптировать и есть ли результат. Количественные – сколько чего входит и выходит, сколько стоит, сколько времени занимает, как много производит. В своём прочтении процессный подход видит управление как набор взаимосвязанных действий – мотивация, планирование, организация, контроль – которые обеспечивают общение и помогают принимать правильные решения. В итоге управление становится отдельным делом, которое достигает заданных целей благодаря грамотному вовлечению персонала [5].

В условиях стремительного внедрения цифровых технологий и обострения конкурентной борьбы, предприятия ищут пути повышения своей операционной эффективности через освоение современных технических средств. Искусственный интеллект выделяется среди таких средств как мощный инструмент для оптимизации бизнес-процессов. Различные ИИ-решения позволяют автоматизировать повторяющиеся задачи, повысить уровень обслуживания клиентов, ускорить принятие управленческих решений и снизить негативное влияние человеческого фактора на результаты деятельности организаций [6]. Перспективы применения искусственного интеллекта в оптимизации бизнес-процессов компаний отражены в таблице 1.

Таблица 1

**Перспективы применения искусственного интеллекта
в оптимизации бизнес-процессов компаний**

Перспектива ИИ	Применение	Преимущества	Примеры технологий
Автоматизация рутины	Финансы, документооборот	Сокращение затрат и ошибок	RPA-боты
Персонализация сервиса	Маркетинг, клиентский сервис	Повышение лояльности и продаж	Чат-боты, рекомендации
Анализ данных и прогнозы	Логистика, продажи, HR	Обоснованные решения, тренды	ML-модели, прогноз точности
Оптимизация поставок	Производство, закупки	Снижение издержек, запасы	Предиктивная аналитика
Антифрод и выявление аномалий	Банки, страхование	Снижение потерь, реакция онлайн	Анализ транзакций, аномалий
Поддержка управленческих решений	Стратегия	Качество и скорость решений	BI-системы с ИИ
Роботизация производства	Производство, логистика	Снижение издержек, круглосуточно	Манипуляторы, компьютерное зрение
Инновационные продукты	Разработка, сервисы	Диверсификация, опережение	Генеративные ИИ, предиктивные платформы
Поддержка HR и обучения	Персонал	Оценка и обучение сотрудников	Чат-боты для найма, анализ резюме
Безопасность и мониторинг	IT, охрана	Быстрый отклик, предотвращение	Кибербезопасность, видео распознавание

Источник: составлено автором

Применение искусственного интеллекта в управлении фирмой существенно улучшает показатели производительности: автоматизируются рутинные операции, совершенствуется сервис для клиентов, оптимизируется организация поставок и повышается скорость реагирования на неожиданные обстоятельства. Незаменима роль технологий в анализе и выявлении взаимосвязей, «что позволяет разрабатывать решения рекомендательного характера по устранению негативных сторон в социально-экономической среде» [7, с. 43]. Интеграция технологии ведёт к экономии ресурсов, улучшению рабочих процессов и содействует принятию решений на всех уровнях структуры.

Как показывает эволюция взглядов от общих моделей процессного управления к новым методам, в эпоху цифровой трансформации на первый план выходят инструменты искусственного интеллекта. Теоретические концепции, описанные в предшествующем анализе, успешно реализуются в компаниях, направленных на повышение эффективности и совершенствование бизнес-процессов. ИИ превращается в существенное средство для автоматического исполнения задач, повышения качества управленческих выборов и минимизации влияния человеческого фактора на ошибки.

Далее, рассмотрим применение указанных методик на примере деятельности нефтегазодобывающей компании ООО «Сахалинская энергия». В таблице 2 представим основные производственные и финансовые показатели ООО «Сахалинская энергия» за 2022-2024 гг.

Таблица 2

Основные производственные и финансовые показатели
ООО «Сахалинская энергия» за 2022-2024 гг.

Показатель	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Отклонение 2024 к 2022 г.
Добыча нефти (млн тонн)	22,5	23,1	24,0	+1,5
Добыча газа (млрд м³)	9,8	10,2	10,5	+0,7
Производительность труда (т/чел.)	4,5	4,7	5,0	+0,5
Рентабельность продаж (%)	17,23	11,29	14,53	-2,7
Себестоимость добычи (руб./т)	38789	47272	42176	+3387

Источник: составлено автором на основе бухгалтерской (финансовой) отчетности компании за 2022-2024 гг.

Анализ данных об объемах добычи нефти и газа, а также показателях деятельности ООО «Сахалинская Энергия» за 2022-2024 годы демонстрирует устойчивое расширение производства и повысившуюся эффективность труда. Вместе с тем отмечается рост издержек добычи и сокращение прибыльности реализации продукции, что связано с влиянием внешних экономических факторов и внутренними техническими проблемами. Можно сделать вывод, что обеспечение устойчивого развития компании требует активного процесса оптимизации затрат и совершенствования организационного управления.

Совершенствование управления и наращивание объемов производства должно осуществляться на основе научной методологии управления финансовыми рисками экологически ответственного предпринимательства. Это позволит повысить устойчивость бизнеса и сократить экологические риски нанесения ущерба экосистеме в зоне предпринимательства [8]. Описание традиционной системы управления в ООО «Сахалинская энергия» систематизировано в таблице 3.

Таблица 3

Описание традиционной системы управления в ООО «Сахалинская энергия»

Элемент системы управления	Характеристика	Выявленные недостатки
Организационная структура	Вертикально интегрированная, многозвенная, с выраженным функциональным делением и централизованным принятием решений	Медленная реакция на изменения производственной среды, затрудненное взаимодействие между подразделениями
Управление производственными процессами	Преимущественно бумажный документооборот, ручное ведение оперативных учетных форм, отсутствие регламентированных цифровых процедур	Повышенная вероятность ошибок и потерь информации, низкая прозрачность и управляемость производственного цикла

Информационные технологии	Использование разрозненных программных решений, отсутствие сквозной автоматизации, устаревшие или локальные базы данных	Низкая скорость обмена информацией, затруднения в анализе и консолидации управленческих данных
---------------------------	---	--

Источник: составлено автором на основе учётной политики компании

В ООО «Сахалинская энергия» управленческая структура построена по классическому вертикально ориентированному принципу, подразумевающему большое число ступеней и централизованное одобрение решения. На фоне этого сложна коммуникация между функциональными частями предприятия, что тормозит реакцию на внешние процессы и реформирования внутри фирмы. Традиционный формат работы с бумагами и ручное ведение журналов обуславливают рост рисков появлений неточностей. Наличие нескольких информационных систем, и несистемная автоматизация ведут к затруднению в осуществлении мониторинга и аналитики. Таким образом, организация нуждается в реструктуризации структуры управления, чтобы укрепить свои позиции на рынке.

Выявленные проблемы в управлении ООО «Сахалинская Энергия» связаны главным образом с низким уровнем автоматизации, использованием техпроцессов, утративших актуальность, и отсутствием современных систем учёта. Это приводит к возрастанию себестоимости добычи – а значит, рентабельность и конкурентоспособность снижаются.

С целью поднять качество контроля за производственными, управленческими и клиентскими процессами в компании подготовлен проект перехода на процессный подход с акцентом на цифровизацию. Его основные составляющие – создание проектного офиса, автоматизация ключевых бизнес-процессов при помощи специализированных ИТ-решений для нефтегазового сектора, обучение сотрудников основам проектного управления, реинжиниринг регламентирующей документации, цифровое оформление взаимоотношений с клиентами. Ключевые направления внедрения системы процессного управления с акцентом на цифровизацию систематизированы в таблице 4.

Таблица 4

Ключевые направления внедрения системы процессного управления с акцентом на цифровизацию

Мероприятие	Описание и цели	Исполнитель (внутренний/внешний)
Создание проектного офиса	Формирование единого центра управления проектами, стандартизация и контроль внедрения процессного управления и цифровых инноваций	Внутренний: Руководитель проектного офиса (назначение из числа ИТР)
Внедрение цифровой платформы (ERP + BIM)	Интеграция 1С:ERP для управления бизнес-процессами предприятия, внедрение BIM для цифрового моделирования инфраструктурных объектов и мониторинга месторождений	Внутренний: ИТ, технический отдел; Внешние: интеграторы 1С и BIM («Контур Софт», «BIM VISUAL»)
Обучение сотрудников процессному управлению	Проведение сертифицированных программ обучения в сфере процессного управления с учетом специфики нефтегазовой отрасли	Внутренний: отдел кадров; Внешние: образовательные платформы и центры («PM-Expert», «Скиллбокс»)
Реинжиниринг бизнес-процессов	Оптимизация взаимодействия ПТО, бухгалтерии, отдела снабжения и персонала путем перехода на электронный документооборот и современные цифровые решения	Внутренний: главный бухгалтер, ИТ, ПТО; Внешние: СЭД-интеграторы («Тензор»), консультанты («Бизнес-Инженер»)

Источник: составлено автором на основе учётной политики компании

Переход к процессному управлению с активным использованием цифровых технологий требует для нефтегазовой отрасли пересмотра и модернизации существующих производственных подходов.

Проектный офис обеспечивает системную координацию и унификацию внедряемых изменений, что повышает управляемость и согласованность. Цифровые платформы 1С:ERP и BIM обеспечивают автоматизацию и упрощение контроля производственных бизнес-процессов на различных этапах. Повышение квалификации персонала, основанное на развитии профессиональных компетенций и формировании корпоративной культуры устойчивого совершенствования, способствует развитию цифровой среды. Оптимизация управленческих процедур снимает административные препятствия, создавая условия для успешных трансформационных процессов и повышения действия системы управления. Эти меры экономят операционные ресурсы и снижают издержки, укрепляя позиционирование компании в конкурентной рыночной среде, изменяющейся в современных условиях.

Стратегия развития процессного управления с применением цифровых технологий обеспечивает последовательное и удобное преобразование ключевых бизнес-процессов компании. Подходы включают приемы организации проектного офиса, внедрения систем ERP и BIM, развития кадрового потенциала и отладки процессов с целью повышения продуктивности, прозрачности и формирования инновационной корпоративной культуры. Применение современных электронных инструментов сокращает административные расходы, ускоряет анализ информации и повышает эффективность планирования и контроля, что соответствует цифровой экономике и отраслевым регуляторным требованиям.

Прогнозируемый эффект от внедрения системы процессного управления с акцентом на цифровизацию отражен в таблице 5.

Таблица 5

**Прогнозируемый эффект от внедрения системы процессного управления
с акцентом на цифровизацию**

Показатель	2024 г. (факт)	2026 г. (прогноз)	Ожидаемое изменение
Доля автоматизированных процессов (%)	30	65	+35 п.п.
Время подготовки управленческой отчетности (дни)	7	2	-71%
Себестоимость добычи (руб./т)	42176	39000	-8%
Производительность труда (т/чел.)	5,0	5,5	+10%
Удовлетворенность заказчиков (по опросу, %)	75	90	+15 п.п.

Источник: составлено автором на основе проведенного финансово-экономического анализа

Внедрение системы процессного управления с акцентом на цифровизацию позволит ООО «Сахалинская Энергия» существенно повысить ключевые показатели эффективности деятельности. Прогноз на 2026 год свидетельствует о значительном росте доли автоматизированных процессов (с 30% до 65%) и сокращении времени подготовки управленческой отчетности более чем в три раза. Существенно снизится себестоимость добычи и возрастет производительность труда на 10%, что напрямую отразится на повышении конкурентоспособности компании. Кроме того, ожидается заметный рост удовлетворенности заказчиков, что свидетельствует об улучшении качества предоставляемых услуг и успешности внедрения цифровых решений.

Таким образом, по ООО «Сахалинская Энергия» по результатам внедрения современных цифровых технологий, сможет существенно повысить эффективность управленческой деятельности. Использование проектных платформ типа BIM и ERP оптимизирует выполнение проектов, снизит

издержки и повысит прозрачность бизнес-процессов. Автоматизация документооборота и повышение квалификации сотрудников расширит долю автоматизированных операций и ускорения формирования управленческих отчетов. Тем самым, ООО «Сахалинская Энергия» укрепит рыночные позиции, обеспечит стабильный рост и повысит скорость реализации стратегических инициатив в условиях цифровизации экономики.

Список литературы

1. Солодилов, А.В., Зайцев, А.С. Актуальные проблемы в региональной политике и пути их решения (на примере Московской области). Вестник Московского государственного областного университета серия Экономика №1, 2023. С.81
2. Матеха, А.С. Роль процессного подхода в Формировании эффективной системы управления организацией //Секция 1. Стратегическое управление развитием экономики. – 2021. – С. 160.
3. Бруз, В.В. Тенденции урбанизации и проблемы управления современным мегаполисом // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. – 2020. – №.4 – С. 26-38.
4. Хорольская, Т.Е., Мусаева Б.М., Шалыгин А.А. Концепция процессного управления производственными системами //Вестник Академии знаний. – 2024. – №. 2 (61). – С. 759-764.
5. Андросюк, А.Б. Сущность и принципы процессного подхода для управления организацией //Экономика и бизнес: теория и практика. – 2019. – №. 7. – С. 11-13.
6. Назипов, Р.С. Перспективы применения искусственного интеллекта в оптимизации бизнес-процессов компаний //Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – №. 7-3 (94). – С. 179-185.
7. Дегтярева, О.С. Статистика и анализ данных / О. С. Дегтярева. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2025. – 77 с.
8. Ecologically Responsible Entrepreneurship and Its Contribution to the Green Economy's Sustainable Development: Financial Risk Management Prospects / V.S. Osipov, Y.A. Krupnov, G.N. Semenova, M.V. Tkacheva // Risks. – 2022. – Vol. 10, No. 2. – DOI 10.3390/risks10020044. – EDN VMHBNY.

КОММУНИКАЦИЯ БРЕНДА НА МАРКЕТПЛЕЙСЕ: СТРАТЕГИИ И ИНСТРУМЕНТЫ

Ведерникова Мария Игоревна¹,

старший преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью,

e-mail: maria.vedernikowa@yandex.ru,

ORCID: 0000-0002-6216-3767

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

В статье рассматриваются стратегии и инструменты бренд-коммуникации на маркетплейсах (Wildberries, Ozon, Яндекс Маркет). Актуальность обусловлена значительным ростом продаж на этих площадках. Цель – выявить эффективные способы продвижения бренда. Можно заключить, что успешная коммуникация строится на системной работе с контентом, отзывами и интеграцией внешних каналов.

Ключевые слова: маркетплейс, электронная торговля, бизнес, бренд, продвижение, цифровая среда, маркетинг, диджитал.

BRAND COMMUNICATION ON THE MARKETPLACE: STRATEGIES AND TOOLS

Vedernikova Maria Igorevna¹,

Senior Lecturer, Department of Advertising and Public Relations,

e-mail: maria.vedernikowa@yandex.ru,

ORCID: 0000-0002-6216-3767

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

The article examines brand communication strategies and tools on marketplaces such as Wildberries, Ozon, and Yandex Market. Its relevance is driven by the significant growth in sales on these platforms. The aim is to identify effective methods of brand promotion. It can be concluded that successful communication relies on systematic work with content, customer reviews, and the integration of external channels.

Keywords: marketplace, e-commerce, business, brand, promotion, digital environment, marketing, digital.

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня маркетплейсы перестали быть просто каналами сбыта. Они превратились в полноценные цифровые платформы, на которых формируется восприятие бренда, происходит взаимодействие с потребителем и выстраивается доверие. В условиях стремительного роста объемов онлайн-торговли и усиления конкуренции часто карточка товара на Wildberries, Ozon или Яндекс Маркете становится главным инструментом бренд-коммуникации, а эффективная работа с контентом, отзывами и визуалом определяет успех продвижения. Маркетплейсы упрощают сделки между продавцами и покупателями, обеспечивают безопасные платежи, сравнение товаров и доверие к онлайн-торговле [4, с. 188].

Актуальность исследования обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами: доля маркетплейсов в российской рознице продолжает расти, число продавцов увеличивается, а стоимость привлечения клиента и комиссии площадок полностью меняют устоявшиеся бизнес-модели. Так, «ождается, что в 2026 году маркетплейсы закрепят за собой доминирующее положение в мас-

совом и среднем сегментах онлайн-продаж одежды» [9, с. 29]. При этом, как показывает практика, большинство селлеров рассматривают маркетплейс исключительно как транзакционную площадку, не выстраивая системной бренд-коммуникации, что приводит к низкой лояльности. Многие селлеры используют маркетплейсы исключительно для выхода на массовую аудиторию [7, с. 166]. В связи с этим возникает необходимость в систематизации стратегий и инструментов, позволяющих брендам эффективно взаимодействовать с аудиторией на цифровых торговых площадках.

Исследовательский интерес представляет рассмотрение актуальных практик бренд-коммуникации на ведущих российских маркетплейсах (Wildberries, Ozon и Яндекс Маркет).

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе стратегий и инструментов бренд-коммуникации на маркетплейсах, основанном на эмпирических данных, полученных в ходе анкетирования продавцов. В отличие от большинства работ, фокусирующихся на операционной оптимизации (SEO, настройка рекламы, управление стоимостью), данное исследование предлагает системный взгляд на коммуникацию как на ключевой фактор конкурентного преимущества. Методологическая основа работы включает анкетирование 37 продавцов, работающих на Wildberries, Ozon или Яндекс Маркете более года, анализ их практик и оценку эффективности используемых инструментов, что позволяет выявить реальные проблемы и ограничения, с которыми сталкиваются продавцы на маркетплейсах.

Цель данной статьи – выявить ключевые стратегии и инструменты бренд-коммуникации на маркетплейсах, определить их влияние на конверсию и лояльность аудитории, а также разработать практические рекомендации для селлеров. Объектом исследования является бренд-коммуникация на маркетплейсах, а предметом – стратегии и инструменты её реализации на Wildberries, Ozon и Яндекс Маркете.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Результаты анкетирования позволяют выявить ключевые стратегии, инструменты и проблемные зоны бренд-коммуникации на маркетплейсах. Важно отметить, что трудности, с которыми сталкиваются продавцы, принявшие участие в анкетировании, схожи в разных нишах (в рамках исследования были получены ответы от селлеров, работающих в таких нишах, как одежда и обувь, товары для дома и дачи, косметика и гигиена, продукты питания, электроника и детские товары).

Стаж работы на маркетплейсах селлеров, принявших участие в опросе, составляет от года до пяти лет, что свидетельствует о наличии практического опыта.

Приоритетными целями коммуникации большинство респондентов называют:

1. Увеличение продаж (24 опрошенных).
2. Формирование доверия (8 опрошенных).
3. Завоевание лояльности аудитории (5 опрошенных).

При этом у подавляющего большинства селлеров (29 из 37 опрошенных) единая стратегия бренд-коммуникации отсутствует: работа ведётся ситуативно и без системного подхода.

Чаще всего для продвижения товаров и привлечения трафика селлеры используют контекстную рекламу, размещения у блогеров и внутренние рекламные инструменты площадок. Ежемесячный бюджет на продвижение у опрошенных составляет от 100 до 500 тысяч рублей. Рентабельность инвестиций в рекламу оценивается как высокая (окупаемость превышает 200%).

Важное значение, по мнению респондентов, имеют качественные фото- и видеоматериалы. Визуальный контент становится ключевым фактором, определяющим уровень конверсии карточки товара. Также важно отметить, что выбор пользователей в условиях платформенной экономики

формируется не только предпочтениями, но и алгоритмами, позиционированием, отзывами и рейтингами [5, с. 99]. Кроме того, особенность выбора продукта на маркетплейсе является то, что пользователи маркетплейсов в каждый момент времени сталкиваются с большим объёмом разнородной информации [1, с. 171].

Отзывам респонденты также уделяют значительное внимание. Оптимальное количество отзывов в карточке товаров, по мнению опрошенных, от 500 и выше. Большинство, 34 респондента, отвечают на все отзывы, независимо от их тональности и содержания, и чаще всего используют проблемно-ориентированный стиль ответов. Такой подход позволяет не только оперативно урегулировать конфликтные ситуации, но и укрепить доверие аудитории к бренду.

Также важно понимать, что в пользовательском контенте неизбежно встречаются оскорбления, спам, чужие персональные данные, неприемлемые изображения и ложные описания товаров [7, с. 442].

К числу основных сложностей респонденты относят недостаток бюджета на продвижение, а также трудности с выбором эффективной стратегии. Одним из ключевых препятствий является непрозрачность алгоритмов со стороны маркетплейсов.

Также важно отметить, что на маркетплейсах большинство инструментов бесплатного или условно-бесплатного продвижения практически не используются продавцами из-за ограничений площадок. Например, кросс-промо, которое в классическом ритейле демонстрирует высокую эффективность [2, с. 66]. Как следствие, даже при осознании потенциала таких коллабораций, продавцы вынуждены отказываться от этой стратегии, фокусируясь на платном продвижении и стандартных рекламных механизмах площадок. Это создаёт разрыв между желаемой и реальной структурой бренд-коммуникации на маркетплейсах.

Среди ключевых показателей эффективности продавцы называют конверсию просмотров карточки товара в покупку и средний чек. Это указывает на практический, ориентированный на продажи подход к оценке результатов коммуникаций. Исследователи подтверждают, что карточка товара – ключевой элемент пользовательского пути в e-commerce и от её структуры и наполнения зависят первое впечатление о продукте и решение о покупке [3, с. 631].

Респонденты рекомендуют новичкам, которые только начали работать на маркетплейсах, проявлять терпение, искать ниши с низкой конкуренцией, учитывать сезонность и запускать рекламные кампании заблаговременно.

На основе анализа ответов респондентов можно заключить, что продавцы осознают необходимость комплексного подхода к бренд-коммуникации на маркетплейсах. Эффективная стратегия, по их мнению, включает в себя несколько взаимосвязанных элементов: конверсионную карточку товара с качественным визуальным контентом, наличие большого количества положительных отзывов с фото- и видео от реальных пользователей, привлечение внешнего трафика на карточки товаров через социальные сети, блогеров и с помощью контекстной рекламы, а также использование внутренних рекламных инструментов площадок. При этом, в исследованиях отмечают, что «формирование предпринимательской стратегии на маркетплейсах должно рассматриваться как интеграция трёх элементов: классических принципов стратегического управления, механизмов платформенной экономики и инструментов цифровой аналитики» [8, с. 81]. На основе нашего исследования можно сделать вывод, что многие продавцы игнорируют данный подход.

Ключевым ограничением, препятствующим реализации комплексного подхода, является дефицит бюджета и временных ресурсов. Большинство опрошенных продавцов отмечают, что вынуж-

дены выбирать приоритетные направления, часто в ущерб другим элементам коммуникационной стратегии.

Так, респонденты с ограниченным бюджетом сосредотачиваются либо на рекламе внутри площадки, либо на внешнем трафике, но не могут позволить себе одновременно развивать оба направления продвижения.

Таким образом, несмотря на понимание важности системной работы, селлеры сталкиваются с объективными ограничениями, что приводит к фрагментарности и ситуативности коммуникационных решений. Данное противоречие между желаемой и реальной моделью бренд-коммуникации представляет собой одну из центральных проблем, требующих дальнейшего изучения и поиска практических решений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое анкетирование 37 селлеров из разных товарных категорий выявило ключевые инструменты и проблемные зоны бренд-коммуникации на маркетплейсах. Приоритетными целями респонденты называют увеличение продаж, формирование доверия и лояльности, однако у большинства отсутствует единая стратегия коммуникации.

Наиболее эффективными инструментами признаны размещение качественных фото- и видеоматериалов, а также работа с отзывами: оптимальным считается наличие от 500 отзывов. Ежемесячный бюджет на продвижение составляет 100–500 тыс. руб., ROMI превышает 200%.

Основные сложности при работе на маркетплейсах:

- дефицит бюджета,
- трудности с выбором стратегии,
- непрозрачность алгоритмов маркетплейсов.

Селлеры осознают необходимость комплексного подхода, но ограниченность ресурсов вынуждает их выбирать приоритетные направления, что приводит к фрагментарности коммуникационных решений. Таким образом, ключевая проблема – противоречие между желаемой системностью и реальными ограничениями, требующая дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Варнухов, А.Ю. Особенности ценообразования на маркетплейсах // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2025. – № 69. – С. 164–182. – Текст : непосредственный.
2. Ведерникова, М.И. Современные аспекты кросс-промо в российских компаниях // Теоретическая и прикладная экономика. – 2024. – № 3. – С. 59–74. – Текст : непосредственный.
3. Володин, В.А., Ягодкин А.С. UX-факторы в карточке товара и их влияние на поведение пользователя // Вестник науки. – 2026. – № 2 (95). – С. 630–637. – Текст : непосредственный.
4. Голикова, С.К. Сущность, эволюция и классификация маркетплейсов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 10–2 (97). – С. 185–189. – Текст : непосредственный.
5. Коровиков, Р.А. Цифровые платформы как медиаторы подражания в формировании потребительских практик // Теория и практика общественного развития. – 2026. – № 3. – С. 97–101. – Текст : непосредственный.
6. Онкай, А. Изменение бизнес-модели компании под влиянием маркетплейсов: от линейной цепочки к платформенной модели // Вестник науки. – 2026. – № 5 (98). – С. 162–171. – Текст : непосредственный.
7. Переверзев, Д.С. Проблемы модерации пользовательского контента на маркетплейсах и подход к их решению средствами машинного обучения // Вестник науки. – 2026. – № 3 (96). – С. 441–448. – Текст : непосредственный.

8. *Рыльцева, К.В.* Формирование предпринимательской стратегии на маркетплейсах // Путеводитель предпринимателя. – 2026. – № 2. – С. 78–86. – Текст : непосредственный.
9. *Шейнина, М.А., Тулеева, Ю.Н., Грансон, Л.И.* Роль маркетплейсов при продвижении товаров в категории «одежда» для малого и среднего бизнеса // Практический маркетинг. – 2026. – № 2. – С. 26–33. – Текст : непосредственный.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПОКОЛЕНИЯ Z В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ЯЗЫКОВЫЕ ИННОВАЦИИ

Ведерникова Татьяна Валерьевна¹,

кандидат философских наук,

доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации,

e-mail: t.vedernikova@mmu.ru

ORCID: 0009-0000-1938-6140

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

В статье анализируются языковые особенности поколения Z, формирующиеся под воздействием цифровой среды. На основе теории поколений и психолингвистического анализа рассматриваются ценностные ориентации зумеров, их когнитивный стиль и коммуникативные стратегии. Особое внимание уделяется феномену рунглиша, активному использованию сокращений и визуальных средств коммуникации. Делается вывод о том, что язык зумеров представляет собой адаптивную систему, отражающую новые формы мышления и социального взаимодействия, а его сниженная стилистическая маркированность является осознанной коммуникативной стратегией, а не следствием языковой некомпетентности.

Ключевые слова: поколение Z, зумеры, цифровая коммуникация, рунглиш, психолингвистика, клиповое мышление, ценностные ориентации, коммуникативные стратегии.

LINGUISTIC PORTRAIT OF GENERATION Z IN THE DIGITAL SPACE: COMMUNICATIVE STRATEGIES AND LANGUAGE INNOVATIONS

Vedernikova Tatyana Valerievna¹,

Candidate of Philosophical Sciences,

Associate Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication,

e-mail: t.vedernikova@mmu.ru

ORCID: 0009-0000-1938-6140

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

The article analyzes linguistic features of Generation Z formed under the influence of digital environment. Based on the generational theory and psycholinguistic analysis, the study examines value orientations of zoomers, their cognitive style and communicative strategies. Special attention is paid to the phenomenon of Runglish, active use of abbreviations and visual means of communication. It is concluded that the language of zoomers is an adaptive system reflecting new forms of thinking and social interaction, while its reduced stylistic markedness is a conscious communicative strategy rather than a consequence of linguistic incompetence.

Keywords: Generation Z, zoomers, digital communication, Runglish, psycholinguistics, clip thinking, value orientations, communicative strategies.

Язык молодежи сегодня меняется быстрее, чем когда-либо. Причина этого состоит в смене самого способа мышления. Поколение Z (или зумеры) не просто говорит иначе, но и воспринимает мир по-другому. Зумеры родились в эпоху распространения интернет-технологий во все сферы жизни общества, они прекрасно ориентируются в цифровом пространстве. Актуальность исследования заключается в необходимости научного осмысления лингвистических процессов, происходящих в языке под влиянием глобализации, цифровизации и мультилингвизма.

Цель настоящего исследования – выявить и систематизировать особенности языка поколения Z и описать, как они соотносятся с их ценностными установками.

В основе данного исследования лежит теория поколений, разработанная У. Штраусом и Н. Хоу. Авторы понимают под «поколением» людей, родившихся в один 20-летний период, которых объединяет исторический опыт, сходство ценностных установок и чувство общности [8, с. 64]. Согласно этой теории, люди, имеющие схожий ранний опыт, вырабатывают сходную коллективную идентичность и следуют сопоставимым жизненным траекториям [9, с. 85].

Адаптация теории поколений У. Штрауса и Н. Хоу к российским условиям осуществлена в рамках проекта «RuGenerations» авторами – Е.М. Шамисом и Е.О. Никоновым. Исследователи предлагают пересмотр временных границ и значимых исторических событий для российского контекста [5, с. 4]. Также в отечественной науке межпоколенческая проблематика разрабатывается в русле социо- и психолингвистики (Е.Г. Борисова, И.А. Бубнова, К.Д. Войцех, А.В. Голубинская и др.).

Итак, поколенческая дифференциация базируется на общих исторических событиях, технологических прорывах и социокультурных трансформациях. В этом контексте поколение Z представляет особый интерес, поскольку его представители стали первыми людьми, для которых интернет-коммуникация является естественной и органичной средой существования с ранних лет.

Сравнительный анализ сущностных черт поколений X, Y и Z позволяет выявить принципиальные различия в их коммуникативных паттернах. Как отмечает Виктор Елисеев в книге «Дети 90-х», «иксам» свойственны такие качества как: гибкость, готовность к изменениям, индивидуализм, отсутствие доверия к окружающему миру, техническая грамотность, стремление учиться в течение всей жизни, надежда на себя, прагматизм и умение выживать» [3]. Поколение Y, или миллениалы, по его наблюдениям, – это «самое депрессивное и многозадачное поколение», которое «живёт здесь и сейчас», выбирает «горизонтальный путь карьеры» и стремится «увидеть как можно больше стран» [3]. Поколение Z, в свою очередь, относится к архетипу «Художников»: его представители «достигают совершеннолетия социализированными приспособленцами в посткризисном мире» [3].

Из представленных характеристик поколений следует, что наиболее существенные различия между ними находятся в системе ценностей. Ценностные установки не существуют изолированно – они получают своё непосредственное воплощение в языке. Переходя к анализу языковых особенностей поколения Z, необходимо обозначить факторы, формирующие его ценностно-коммуникативную систему. К их числу относятся детоцентричная модель воспитания, тотальная цифровизация и глобализация. Воздействие этих факторов можно наблюдать на структуре медиапотребления зумеров.

Социолингвистические данные показывают, что зумеры проводят в интернете по 4-6 часов в день, и для них социальные сети – не просто место для переписки. «ВКонтакте» и TikTok становятся пространством, где они строят свой образ, ищут единомышленников и заявляют о себе. Эта среда и формирует их язык – быстрый, гибкий, ориентированный на визуал и эмоцию. Зумеры также избирательны в том, как они потребляют информацию. Им нужен контент, который можно быстро «считать» – яркий, короткий, интерактивный. Эта особенность связана с их когнитивными установками: клиповое мышление, короткая концентрация внимания, привычка получать результат сразу. Как пишет А.В. Шевцова, «визуальный контент и короткие текстовые сообщения» напрямую влияют на развитие клипового мышления [7].

Исследователи также отмечают, что у зумеров преобладает наглядно-образное восприятие, они легко переключаются между задачами и склонны мыслить ассоциативно [10]. Их когнитивный

стиль является результатом жизни в условиях перегрузки информацией. Этот стиль находит отражение в их речи, формируя привычку к сокращениям, эллиптическим конструкциям и аббревиатурам [6, с. 89]. Отсюда же – активное заимствование из английского: «вайб», «краш», «ризз», «агриться» прочно вошли в обиход, потому что они звучат современно и емко [6, с. 89]. Также для их речи характерно обилие слов-паразитов: «типа», «как бы», «короче», «прикинь», которые не означают бедность речи, а помогают держать нить разговора.

Исследователи соглашаются, что сниженный, неформальный стиль общения зумеров это не показатель неграмотности, а осознанная стратегия. Так они устанавливают доверие, снимают дистанцию и показывают, что «мы свои» [1, с. 39]. При этом сама цифровая среда меняет правила общения: появляются асинхронность, многоканальность, возможность оставаться анонимным. Для зумеров это не внешние условия, а естественная ткань общения. Они привыкли решать и учебные, и рабочие вопросы через мессенджеры. Исследование SuperJob (2025) подтверждает: 81% зумеров выбирают чаты для работы, и только 18% готовы говорить по телефону. Звонки для них – нарушение границ, в то время как текстовое сообщение даёт возможность подумать, ответить в своём темпе, не отвлекаться.

Неудивительно, что в такой среде визуальные элементы выходят на первый план. Эмодзи, мемы, GIF-анимации заменяют интонацию, жесты, мимику. Как показало исследование VK, «визуальные форматы становятся главным способом общения – они берут на себя роль невербальной коммуникации в цифровой среде»¹. Эти средства коммуникации не только передают эмоциональную окраску высказывания, но и служат маркерами принадлежности к определённой языковой общности, причём у каждой возрастной группы сформировались свои собственные цифровые привычки и предпочтения.

Особого внимания заслуживает феномен рунглиша – «преобразование английских слов или фраз на русский манер при помощи добавления приставок, суффиксов и окончаний с целью адаптации англоязычной лексики для применения в повседневной речи» [2, с. 797]. Это явление отражает билингвальную компетенцию зумеров, для которых английский язык является не столько иностранным, сколько вторым рабочим языком, активно используемым в интернет-коммуникации.

Исследователи выделяют несколько способов образования рунглиша: присоединение к иностранному корню русского суффикса или окончания («юзать» от to use, «лайкнуть» от to like, «репостнуть» от to repost, «зашерить» от to share, «копипастить» от to copy-paste), использование аббревиатур («асап» от ASAP, «имхо» от IMHO), а также транслитерацию английских слов («брифинг», «спичрайтер», «лэптоп») [4, с. 151]. Семантика заимствований тоже меняется. Возьмём, например, «вайб» (от англ. *vibe* – вибрация, атмосфера), «кринж» (от англ. *cringe* – съёживаться от страха или стыда), «рофлить» (от англ. *ROFL* – *rolling on the floor laughing*, кататься по полу от смеха). В русской речи эти слова обрастают новыми смыслами, которых нет в языке-источнике. Это не просто кальки, а живое переосмысление. Рунглиш здесь выступает не как способ сэкономить время, а как инструмент самовыражения и знак принадлежности к своему поколению.

Итак, язык зумеров – это не хаотичный набор сленгизмов и заимствований. Он складывается в гибкую, адаптивную систему, отвечающую на требования времени. Переход от линейного мыш-

¹ VK Research. Эмодзи для бумеров, мемы для зумеров: исследование показало, как возраст определяет язык стикеров [Электронный ресурс] // Online47. – 2025. – URL: <https://online47.ru/2025/08/20/emodzi-dlya-bumerov-memy-dlya-zumerov-issledovanie-pokazalo-kak-vozrast-opredelyaet-yazyk-stikero-219806> (дата обращения: 19.06.2026). – Текст : электронный.

ления к клиповому, от логики к ассоциациям, от официальности к неформальности – все эти сдвиги отражаются в том, как зумеры говорят и пишут. И это не просто бытовая коммуникация, а процесс, который влияет на весь русский язык. С точки зрения теории поколений, языковые новшества зумеров – не отклонение, а нормальный ход развития, так как язык постоянно меняется вместе социокультурными изменениями. То, что старшее поколение оценивает как деградация языка, для зумеров выполняет функцию действенного прагматического инструмента. Он помогает им говорить насыщенно, быстро и ярко, и позволяет сделать вывод о том, что их речь не потеря, а приспособление. То есть привычное противопоставление «норма – отклонение» здесь не работает. Предпочтительнее смотреть на язык зумеров как на адаптивную систему, которая отражает новые формы мышления и социального общения. И если мы это поймём, то сможем выстраивать диалог между поколениями не как борьбу, а как поиск общего языка.

Научная новизна работы заключается в системном описании языка поколения Z и попытке преодоления оценочного подхода к молодежной речи. Практическая значимость результатов: они могут быть применены при разработке методик преподавания русского языка как иностранного, а также для построения эффективной коммуникативной стратегии с молодёжной аудиторией.

В дальнейшем было бы интересно сравнить язык зумеров и поколения Альфа. Эти дети растут в еще более цифровом мире, где активно используются нейросети. Кроме того, перспективным представляется изучение эволюции коммуникативных практик под влиянием развития искусственного интеллекта. Понимание закономерностей языковой динамики в цифровую эпоху становится необходимым условием успешного межпоколенческого диалога и адаптации образовательных систем к современным реалиям.

Список литературы

1. Бреслер, М.Г. Формирование этических норм коммуникаций цифровой среды поколением Z // Российская школа связи с общественностью. – 2022. – № 25. – С. 29–43. – Текст : непосредственный.
2. Бутуханова, З.А., Желаяев, Г.А., Янькова, Н.А. Влияние «русинглиша» на языковую коммуникацию и культуру // Вестник науки. – 2023. – № 12 (69). – С. 795–801. – Текст : непосредственный.
3. Елисеев, В.В. Дети 90-х [Электронный ресурс] / Виктор Васильевич Елисеев. – Электрон. дан. – [Б. м.] : Издательские решения, 2024. – 1 файл. – URL: <https://www.litres.ru/audiobook/viktor-eliseev-32987350/deti-90-h-70755514> (дата обращения: 11.06.2026). – ISBN 978-5-04-625340-5. – Текст : электронный.
4. Зайцева, Н.Н. Рунглиш как лингвокультурный феномен // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 1-2. – С. 150–152. – Текст : непосредственный.
5. Шамис, Е., Никонов, Е. Теория поколений: необыкновенный Икс. – Москва : Университет «Синергия», 2020. – 137 с. – Текст : непосредственный.
6. Шкаликов, М.М. Сленг поколения Z как коммуникационный барьер (на примере русского и английского языков) / науч. рук. Е.В. Паршина // Сборник материалов апрельской конференции 2025. – Челябинск : Южно-Уральский технологический университет, 2025. – С. 88–94. – Текст : непосредственный.
7. Shevtsova, A.V. Cognitive Mechanisms of Perceiving Information Flows by Youth in a Digital Environment // Journal of Digital Technologies and Education. – 2025. – Vol. 8, No. 7. – P. 313–318. – URL: <https://journals.rcsi.science/2658-3313/article/view/377679> (дата обращения: 17.06.2026). – Текст : электронный.
8. Strauss, W., Howe, N. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. – New York : William Morrow, 1991. – 538 p. – Текст : непосредственный.

9. *Strauss, W., Howe, N.* The Fourth Turning: An American Prophecy. – New York : Broadway Books, 1997. – 382 p. – Текст : непосредственный.
10. *Yusupova, N.* Text Creolization Is a New Form of Visual Communication for Generation «Z» // Media Problems. – Baku : Baku State University, 2026. – URL: <https://bsuj.bsu.edu.az/en/journal/media-problemleri/article/1/2/682> (дата обращения: 19.06.2026). – Текст : электронный.

ПОДКАСТ КАК ФОРМАТ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Городничева Марина Андреевна¹,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры общегуманитарных наук и массовых коммуникаций,

e-mail: m.gorodnicheva@mtu.ru

ORCID: 0009-0009-7289-8853

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

Целью исследования является систематизация современного научного знания, посвящённого изучению подкаста как медиаформата, и выявление жанрово-тематических и структурных особенностей подкастов в научно-популярной журналистике. Эмпирическую базу исследования составили публикации научно-популярного сетевого издания «Научная Россия» за 2025 – 2026 гг. Результаты исследования основаны на использовании метода качественного анализа содержания СМИ, сформулированы выводы о специфике научно-популярных подкастов и перспективах их дальнейшего развития.

Ключевые слова: подкаст, научно-популярная журналистика, мультимедийные форматы, онлайн-СМИ, новые медиа.

PODCAST AS A FORMAT OF POPULAR SCIENCE JOURNALISM

Gorodnicheva Marina Andreevna¹,

Candidate of Philology Sciences,

e-mail: m.gorodnicheva@mtu.ru

ORCID: 0009-0009-7289-8853

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

The purpose of the research is systematization of modern scientific knowledge devoted to the study of podcasts as a media format and identification of genre-thematic and structural features of podcasts in popular science journalism. The empirical basis of the study was the materials from the popular science online edition «Scientific Russia» for 2025 – 2026. The research results are based on the using of qualitative analysis of media content. The conclusions are formulated about the specifics of popular science podcasts and the prospects for their further development.

Keywords: podcast, popular science journalism, multimedia formats, online media, new media.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность и значимость исследования определяется интенсивными процессами развития цифровой медиасреды и превращения сетевых изданий в важнейший канал информирования, просвещения и образования населения. Исследователи отмечают возрастающий интерес российского слушателя к аудиоконтенту просветительского характера [12, с. 29; 20, с. 28]. Научно-популярная журналистика осваивает новые мультимедийные форматы, используя визуальные и эмоционально-образные возможности цифровых медиа для распространения научных знаний, формирования имиджа современной науки и налаживания коммуникации между учёными и широкой аудиторией.

Новизна работы обусловлена использованием в качестве эмпирической базы исследования актуальных материалов специализированных СМИ (публикации 2025 – 2026 гг.) и недостаточным

освещением в научной литературе вопросов, связанных с тематическими и жанрово-форматными особенностями подкастов в научно-популярных сетевых изданиях.

Цель исследования заключается в изучении содержательных и структурных особенностей мультимедийных форматов, в частности подкаста, в современной научно-популярной журналистике.

Объект исследования – научно-популярное сетевое издание «Научная Россия», использующее формат подкаста для публикации контента.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Функционирование научно-популярных СМИ в мультимедийной среде изучается в статьях таких исследователей, как И.В. Фотиева, К.А. Кирилин [17], В.В. Витвинчук, А.В. Патуля [6]. В условиях интенсивной цифровизации научно-популярная журналистика осваивает новые приёмы и форматы представления информации.

Наблюдается тенденция к разграничению понятий «жанр» и «формат» в журналистской деятельности. Л.В. Иванова, рассмотрев различные научные взгляды на трактовку данных понятий в контексте мультимедийной журналистики, приводит к выводу о том, что категория «жанр» связана прежде всего с содержательными, смысловыми характеристиками текста, тогда как «формат» имеет отношение к внешним, технологическим аспектам организации и представления материала. Таким образом, мультимедийный формат представляет собой «стандарт полизнакового представления информации, то есть выбора типов знаков и способа их сочетания в зависимости от возможностей платформы и планируемых коммуникативных эффектов» [9, с. 99]. К числу популярных мультимедийных форматов относятся мультимедийная статья, лонгрид, подкаст.

В современной науке выделяется несколько основных направлений исследования подкастов: сущность понятия [19], подкаст как форма массово-информационной деятельности, жанр или формат мультимедийной журналистики [5; 7; 10; 12; 18], коммуникативные стратегии подкастинга [4], применение подкаста в образовательной сфере [16], речевые особенности подкастов [3], возможности рекламных интеграций и монетизации подкастов [2]. Особенности тематических подкастов (литературных, экономических, спортивных и др.) изучаются такими исследователями, как Е.Г. Малышева, О.С. Рогалева [14], А.С. Русяева [15], С.В. Дедова [8]. В частности, исследованию специфики научно-популярных подкастов посвящены статьи Н.С. Агеевой [1], Н.А. Кацай [11], И.Е. Колмакова [13], В.Г. Яшвили [20].

При этом опыт использования подкаста для популяризации науки в современных российских СМИ представляется недостаточно изученным и требующим внимания исследователей с учетом трансформации системы жанров и форматов журналистики в цифровой среде.

Понятие «подкаст» в научной литературе характеризуется неоднозначно, в различных работах подкаст называют жанром мультимедийной журналистики или форматом медиаконтента. Как отмечают Е.А. Барашкина, Л.А. Горшкова, В.В. Лабутина, «большинство исследователей считают основными признаками подкаста обязательное размещение в интернете, возможность подписки на него и скачивания в виде файла» [4, с. 113]. При этом возникают вопросы, какой тип файла может быть назван подкастом, если изначально подкаст был представлен только в аудиоформате, то на сегодняшний день подкасты существуют и как видеофайлы (видеоподкаст, скринкаст), могут содержать интерактивные элементы, инфографику и другие изображения.

Рассмотрим некоторые подходы к определению понятия «подкаст». В статье В.Т. Ананьиной подкаст характеризуется как «форма медиаконтента, существующая преимущественно в виде серии

цифровых аудиофайлов, которые можно слушать в свободном доступе и в комфортное для пользователя время на определенных медиаплатформах» [2, с. 636]. Е.А. Шутова на основе анализа ряда научных определений понятия «подкаст» предложила следующую дефиницию – «познавательное-развлекательное авторское аудиошоу, передаваемое аудитории через сеть интернет для воспроизведения с помощью индивидуальных медиаустройств удобным потребителю способом (в любое время в любом месте)» [19, с. 154]. Подкаст может сопровождаться видео или изображениями, которые, однако, играют вторичную роль. Таким образом, подкаст воспринимается прежде всего как аудиоформат.

Е.Г. Малышева, О.С. Рогалева справедливо отмечают, что подкаст как поликодовый текст может включать контент, представленный в разных знаковых системах: аудиальной (речь ведущих, музыкальные «джинглы» и «подложки», звуковые эффекты), визуальной (видео, заставки-изображения, эмодзи), вербальной (тайм-коды, аннотация и др.) [14, с. 787].

В научной литературе различаются и взгляды на основания типологизации подкастов. Например, В.Г. Яшвили приводит следующую классификацию проектов по количеству участников – подкаст-монолог, подкаст-диалог, подкаст-полилог [20, с. 30]. Монолог может быть реализован в форме чтения художественного произведения, повествования по сценарию или лекции. Диалог может строиться как интервью или обсуждение поставленного вопроса, по профессиональной принадлежности говорящих – диалог типа «подкастер – подкастер» или «подкастер – специалист». Полилог предусматривает участие нескольких спикеров, чаще всего трансформируется в диспут.

Под коммуникативной стратегией подкаста подразумевают «способ организации материала (формат, структура) и специфику его подачи (речевой стиль ведущего, взаимодействие с аудиторией, набор выразительных средств)» [4, с. 114]. Е.А. Барашкина разделяет подкасты по типу ведущей коммуникативной стратегии на разговорные, нарративные (соло-подкаст, лекция, аудиодневник) и художественные [4, с. 114].

Е.А. Воинова и Е.В. Сивякова предлагают, кроме жанрового и тематического признаков, использовать в качестве критериев типологизации подкастов вид информационного контента, способ организации информации и сюжетность, выделяя соответственно событийные и вневременные, повествовательные и дискуссионные, сюжетные и внесюжетные подкасты [7, с. 112–114]. Жанровая составляющая современных подкастов представлена весьма разнообразно – интервью, лекция, обзор, аудиоспектакль и др., возможен синтез нескольких жанров, таким образом подкаст является мультижанровым форматом.

Источником эмпирического материала для данной статьи был выбран подкаст «В мире науки», публикуемый на сайте сетевого издания «Научная Россия». Первый выпуск подкаста вышел 16.05.2025 г., в 2025 г. было опубликовано 10 выпусков, в 2026 г. (январь – май) – 5 выпусков, периодичность выхода – раз в 1-2 месяца.

Большинство выпусков, а именно 8 из 15, посвящено биологии и смежным естественным наукам (микробиология, нейробиология, археозоология, океанология, биохимия и др.), остальные выпуски распределились по таким направлениям, как физика и информатика (оптика, квантовая физика, компьютерные технологии), исследование космоса (астрономия, космология, физика Вселенной), география.

Подкаст организован в форме интервью, приглашенными экспертами выступают учёные, являющиеся специалистами в научной области, обозначенной в теме выпуска. По типу коммуникативной стратегии можно идентифицировать данный медиапроект как разговорный подкаст, подкаст-ди-

алог. Ведущей подкаста является корреспондент издания Янина Хужина, которая выступает в роли инициатора дискуссии, формирует вопросы, обращённые с точки зрения интересующегося «неспециалиста» к учёному, помогает «переводить» для аудитории сложные научные термины и проблемы на более понятный, простой язык.

К приёмам популяризации, используемым в подкасте «В мире науки», можно отнести: изложение научной информации доступным языком, пояснение терминологии; цитирование известных учёных, обращение к прецедентным текстам культуры; образные выражения, юмор (экспрессивные средства языка); музыкальное сопровождение и иллюстрации. Например, упоминание астрофизиков Стивена Хокинга и Карла Сагана в выпуске «Внеземная жизнь: где же все?» (26.05.2025) становится переходом к новой микротеме – источники энергии на газовых гигантах. Иногда собеседники допускают лёгкую иронию, шутливые интонации в обсуждении гипотез, что создаёт более непринужденную атмосферу: «Как питаться энергией молний?» (вопрос ведущего) – «Не знаю, я не пробовал» (ответ эксперта). В видеоподкаст «Наука во льдах: как проходят морские экспедиции в Арктику» (19.01.2026) был интегрирован ряд фотокадров и видеофрагментов, иллюстрирующих уникальные природные явления Арктики («рулонные облака», «туманная радуга», айсберги и др.). Тем не менее создатели подкаста не рассчитывают на массовую аудиторию, портрет слушателя – человек достаточно подготовленный, интересующийся фундаментальной наукой. Медиапроект позиционируется как «интеллектуальный диалог о границах познания», стремится к глубоким и взвешенным обсуждениям, избегает упрощений и сенсационности.

Хронометраж подкаста составляет обычно 40 – 45 минут, самый короткий выпуск длился 31 минуту, самый продолжительный – 56 минут. Каждый выпуск подкаста представлен в двух форматах: аудиофайл и видеофайл, которые можно проигрывать непосредственно на сайте (не требуется скачивать файл или устанавливать специальное приложение). На подкаст можно подписаться, кроме сайта сетевого издания контент размещается на нескольких цифровых платформах («Яндекс.музыка», «ВКонтакте» и др.).

Выпуск подкаста начинается с короткой музыкальной заставки и подборки интересных фрагментов интервью, помогающей познакомить аудиторию со спикером и содержанием беседы. В качестве визуальной заставки (превью) видеоподкаста используется двойной фотопортрет ведущей и эксперта, иногда с применением фотомонтажа – замена фона, «обводка» контуров объектов и другие эффекты. Начиная с выпуска от 26.01.2026 оформление заставки выдержано в едином стиле: фотопортреты подкастера и гостя помещены на виртуальный фон, соответствующий тематике обсуждения, например, пчелиный улей или диатомовые водоросли. Функции перемотки и изменения скорости проигрывания файла позволяют подобрать индивидуальный режим просмотра или прослушивания подкаста. В текстовом сопровождении выпуска публикуются аннотация (краткое описание) и «тайм-коды». Тайм-код представляет собой своеобразное «оглавление», помогающее ориентироваться в содержании аудио- или видеофайла: в хронологическом порядке обозначены ключевые микротемы, интригующие вопросы, обсуждавшиеся в подкасте.

Подкаст «В мире науки» является одним из примеров использования нового мультимедийного формата в научно-популярной журналистике. Для успеха подкаста важны такие составляющие, как уникальный тематический контент, харизматичные ведущие, фирменный стиль оформления подкаста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Потенциал подкаста как формата популяризации науки начинает всё более активно осваиваться сетевыми изданиями культурно-просветительской направленности. Подобные проекты существуют, например, на сайтах «Постнаука» (подкаст «Мыслить как учёный»), «N+1» (подкаст «Три сигмы»).

Для поддержания интереса подписчиков подкаста «В мире науки» можно рекомендовать расширить тематический спектр обсуждаемых вопросов, также немаловажно соблюдение периодичности выхода в эфир. С целью привлечения молодёжной аудитории в подкасте может быть усилена «динамика» посредством подсъёмки в других локациях, кроме студии, добавления познавательных роликов-вставок, инфографики и аудиоиллюстраций.

Сотрудничество журналистов (подкастеров) и специалистов представляется эффективным для осуществления задач популяризации науки, позволяет адаптировать для широкой аудитории сложный материал, поддерживать «накал» в беседе и определённое направление дискуссии.

Список литературы

1. Агеева, Н.С., Истомина, А.Г., Сулейманов, Р.С. Научный подкастинг: модель востребованного подкаста о науке и ученых // Вестник МГУ. Серия: Педагогика и психология. – 2024. – Т. 18, № 1–1. – С. 8–31. – DOI: 10.25688/2076-9121.2024.18.1-1.01.
2. Ананьина, В.Т., Клюкина, М.А., Харченко, В.С. Ключевые факторы успеха российских подкастов: контент, интеграция рекламы и личный бренд // Коммуникативные исследования. – 2025. – Т. 12, № 3. – С. 633–648. – DOI: 10.24147/2413-6182.2025.12(3).633-648.
3. Ануфриева, Г.В. Подкасты как новая дискурсивная практика русскоязычных масс-медиа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15, № 10. – С. 3197–3201. – DOI: 10.30853/phil20220518.
4. Барашикина, Е.А., Горикова, Л.А., Лабутина, В.В. Коммуникативные стратегии подкастинга // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2021. – № 4. – С. 113–121. – DOI: 10.47475/2070-0695-2021-10413.
5. Бугакова, Н.Б., Клепов, М.Д. Информационно-развлекательный подкаст как жанр конвергентной журналистики // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2025. – № 3. – С. 206–219. – DOI: 10.36622/2587-9510.2025.58.3.026.
6. Витвинчук, В.В., Патуля, А.В. Инструменты и формы популяризации науки в современных интернет-СМИ // Медиаисследования. – 2021. – № 8. – С. 18–25.
7. Воинова, Е.А., Сивякова, Е.В. Подкаст как новый формат публичной коммуникации в условиях цифровой медиасреды // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 12. – С. 104–120.
8. Дедова, С.В. Книжные и библиотечные подкасты: специфика жанра и актуальные тенденции // Молодежный вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2023. – № 2. – С. 130–135.
9. Иванова, Л.В. Жанры и форматы мультимедийной журналистики как учебная дисциплина и методическая проблема // Челябинский гуманитарий. – 2020. – № 4 (53). – С. 97–104. – DOI: 10.24411/1999-5407-2020-10413.
10. Иващенко, Е.Г., Морозова, Т.В. Подкаст как новый медиаформат на сайте «РИА Новости» // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – № 102. – С. 97–101. – DOI: 10.22250/20730284_2023_102_97.
11. Кацай, Н.А. Специфика организации дискурса подкастов (на материале научно-популярного подкаста «Розенталь и Гильденстерн») // Коммуникативная культура: история и современность : сборник материалов XI Международной научно-практической конференции в рамках III Международного научного форума «Наследие» / отв. ред. О.Д. Журавель : в 2 ч. Ч. 1. – Новосибирск, 2021. – С. 268–275. – DOI: 10.25205/978-5-4437-1258-1-268-275.

12. Козлова, О.А. Особенности развития подкастинга в России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. – 2022. – № 1 (21). – С. 28–32.
13. Колмаков, И.Е., Нагель, О.В. Специфика жанра научно-популярного подкаста сквозь призму концепций простого языка // Язык и культура. – 2025. – № 70. – С. 47–64. – DOI: 10.17223/19996195/70/3.
14. Малышева, Е.Г., Рогалева, О.С. Спортивные подкасты в аспекте диалогической коммуникации // Коммуникативные исследования. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 782–799. – DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(4).782-799.
15. Русяева, А.С. Бизнес-подкаст как современный жанр экономического дискурса // Огарёв-Online. – 2025. – Т. 13, № 1. – С. 37–43. – DOI: 10.15507/2311-2468.013.202501.037-043.
16. Ускова, С.В., Казаков, Д.А. Подкаст как новый феномен образовательной коммуникации: общий анализ факторов содержания, формы и адресата // Сибирский филологический форум. – 2025. – № 2 (31). – С. 56–70. – DOI: 10.24412/2587-7844-2025-2-56-70.
17. Фотиева, И.В., Кирилин, К.А. Мультимедийные технологии в научно-популярной журналистике: успехи и проблемы // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 3. – С. 481–483. – DOI: 10.24412/1991-5497-2021-388-481-483.
18. Хакимова, Е.М. Русскоязычные подкасты как современная дискурсивная практика и предмет исследования // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2023. – № 84. – С. 72–95. – DOI: 10.17223/19986645/84/4.
19. Шутова, Е.А. Подкаст: от дефиниции к перспективам исследования // Культура и технологии. – 2023. – Т. 8, № 3. – С. 152–160. – DOI: 10.17586/2587-800X-2023-8-3-152-160.
20. Яшвили, В.Г. Реализация культурно-просветительской функции в подкастах // Слово в науке. – 2023. – № S17. – С. 28–37.

СМАЙЛИК ПРОТИВ СУБОРДИНАЦИИ: КАК ЦИФРОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ МЕНЯЕТ КОРПОРАТИВНУЮ КОММУНИКАЦИЮ

Гращенко Екатерина Николаевна¹,

магистрант,

e-mail: kolominka@mail.ru

Коренева Александра Анатольевна¹,

кандидат психологических наук,

доцент кафедры психологии и педагогики,

e-mail: a.koreneva@mtu.ru

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

В статье представлены результаты эмпирического исследования коммуникативного диссонанса между сотрудниками, рожденными после 2000 года, и их более старшими коллегами в многоуровневых командах. Автор выявлены значимые различия в предпочитаемых каналах связи, отношении к субординации и потребности в обратной связи. С помощью факторного и кластерного анализа выделены четыре коммуникативных профиля сотрудников. Показано, что наибольшие трудности возникают не из-за возраста как такового, а из-за сочетания высокой «цифровой спонтанности» с низкой ориентацией на формальные правила.

Ключевые слова: коммуникативный диссонанс, цифровое поколение, субординация, обратная связь, коммуникативные профили, корпоративная коммуникация, цифровая спонтанность.

EMOJI VERSUS SUBORDINATION: HOW THE DIGITAL GENERATION IS CHANGING CORPORATE COMMUNICATION

Ekaterina N. Grashchenkova¹,

Master's student,

e-mail: kolominka@mail.ru

Aleksandra A. Koreneva¹,

Candidate of Psychological Sciences (PhD in Psychology),

Associate Professor, Department of Psychology and Pedagogy,

e-mail: a.koreneva@mmu.ru

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

The article presents the results of an empirical study of communicative dissonance between employees born after 2000 and their older colleagues in multi-level teams. The author identifies significant differences in preferred communication channels, attitudes toward subordination, and the need for feedback. Using factor and cluster analysis, four communication profiles of employees are distinguished. It is shown that the greatest difficulties arise not from age per se, but from the combination of high “digital spontaneity” and low orientation toward formal rules.

Keywords: communicative dissonance, digital generation, subordination, feedback, communication profiles, corporate communication, digital spontaneity.

Современный рынок труда переживает сразу две серьезные трансформации. С одной стороны, бизнес-процессы стремительно цифровизируются, с другой – в компании активно приходят сотрудники, родившиеся после 2000 года. Их социализация проходила в среде, где интернет, мессенджеры и социальные сети были не просто инструментами, а естественной средой обитания [1, с. 45]. Попадая в традиционные компании с устоявшейся иерархией и формальными протоколами общения, они часто сталкиваются с непониманием. Это напряжение можно назвать коммуникативным диссонансом – рассогласованием между привычными для организации нормами субординации и «цифровыми» паттернами нового поколения, для которых характерны неформальность, асинхронные каналы связи и высокая потребность в обратной связи [2, с. 12; 3, с. 280].

Актуальность исследования обусловлена растущим числом конфликтов в смешанных по возрасту командах и отсутствием эмпирически обоснованных моделей управления коммуникативным разнообразием в российских компаниях.

Научная новизна заключается в том, что впервые на эмпирическом материале российских организаций выделены и валидизированы четыре коммуникативных профиля сотрудников, а также показано, что ключевой фактор коммуникативного диссонанса – не возраст как таковой, а сочетание высокой «цифровой спонтанности» с низкой ориентацией на формальные правила.

Цель исследования – не просто констатировать наличие коммуникативного разрыва между поколениями, но и эмпирически изучить его структуру и влияние на эффективность командной работы в российских компаниях.

Объект исследования – коммуникативное взаимодействие в многоуровневых командах российских организаций с выраженной иерархией.

Ход исследования. Мы сосредоточились на сотрудниках организаций с выраженной многоуровневой структурой. В исследовании приняли участие 114 человек. Основную группу составили 33 сотрудника, рожденные в 2000 году и позже. Для сравнения мы привлекли 81 коллегу из старшей возрастной группы (рожденных до 1999 года).

Для сбора данных мы использовали несколько методов. Основой стал специально разработанный онлайн-опросник, который оценивал предпочитаемые каналы общения, отношение к субординации, потребность в обратной связи и субъективную удовлетворенность коммуникацией в команде. Для статистической обработки применялись непараметрические критерии (U-критерий Манна-Уитни), факторный и кластерный анализ. Чтобы глубже понять причины возникающих трудностей, мы провели глубинные интервью с пятью сотрудниками и руководителями, а также использовали включенное наблюдение.

Результаты. Сравнение двух возрастных групп выявило заметные и статистически значимые различия. Сотрудники «цифрового» поколения чувствуют себя значительно комфортнее, используя в рабочих чатах эмодзи и мемы ($M_e=4,0$ против $M_e=3,0$, $p=0,015$). В выборе канала для срочного вопроса проявилась важная тенденция: молодые специалисты в 39% случаев предпочитают асинхронный мессенджер, в то время как их более опытные коллеги в 43% случаев тянутся к телефонному звонку ($p=0,061$).

Эта разница – не просто вопрос удобства, она отражает глубинное расхождение в восприятии. Для старшего поколения звонок – это инструмент статусного, синхронного контакта, дающий немедленную обратную связь. Для молодого сотрудника мессенджер – способ сохранить фокус на задаче, контролировать свое время и оставить документированный след обсуждения. Эта же логика

прослеживается в отношении к субординации: молодые сотрудники чаще обращаются к высшему руководству, минуя промежуточные звенья (51,5% против 70,4%, $p=0,020$), и хотят получать обратную связь значительно чаще – 1-2 раза в неделю, а не «по итогам этапа» ($p=0,005$).

Чтобы понять, как эти особенности складываются в целостные типы, мы провели факторный анализ (КМО=0,78, доля объясненной дисперсии 58,3%). Он выделил три ключевых латентных конструкта. Ядром потенциального конфликта стали два противоположных фактора: «Ориентация на формальные правила и иерархию» и «Цифровая спонтанность» – склонность к неформальному, быстрому и асинхронному общению. Статистически значимое преобладание «Цифровой спонтанности» у молодых сотрудников ($t=3,12$, $p=0,002$) подтверждает, что мы имеем дело не с отдельными привычками, а с целостным психологическим паттерном, сформированным ранней цифровой социализацией [4, с. 102; 5, с. 210].

Самый важный результат мы получили с помощью кластерного анализа. Он позволил выделить четыре коммуникативных профиля сотрудников: «Традиционалисты», «Адаптивные цифровики», «Эмпатичные интеграторы» и «Нейтральные специалисты». Ключевым стало то, что именно в кластере «Адаптивные цифровики», на 62% состоящем из молодых сотрудников, были зафиксированы самые низкие оценки эффективности командной коммуникации ($M_e=2,0$ из 5). Это означает, что проблема кроется не в возрасте как таковом, а в сочетании высокой выраженности «цифрового» паттерна с низкой ориентацией на формальные правила.

Корреляционный анализ подтвердил эти выводы: чем выше «цифровая аффинитивность» сотрудника, тем чаще возникают недопонимания в команде ($r_s=0,28$, $p=0,002$) и тем ниже его удовлетворенность общением ($r_s=-0,21$, $p=0,024$).

Живые интервью помогли нам понять механизм этого диссонанса. Это конфликт интерпретаций. Молодой специалист, написавший напрямую руководителю отдела в мессенджере, считает это прагматичным и быстрым действием. Для руководителя или старшего коллеги такой шаг часто является нарушением субординации. Один из респондентов-руководителей отметил: «Мессенджеры не люблю... там рождается неразбериха и нет должной субординации». А другая руководительница добавила: «Молодые... не чувствуют границ, когда руководителю... могут тыкнуть, высказаться некорректно». В свою очередь, молодой сотрудник объясняет выбор асинхронных каналов тем, что они «позволяют сфокусироваться и не прерывать поток». Так, шаг за шагом, возникает порочный круг. Каждый видит проблему, но по-своему. И в итоге страдает общее дело [6, с. 145].

Заключение. Наше исследование показывает, что проблема заключается не в «конфликте поколений», а в столкновении двух коммуникативных логик: инструментально-прагматической (это как раз та самая «цифровая спонтанность») и нормативно-ритуальной (ориентация на формальные правила и иерархию). Понимание этого позволяет перейти от простой констатации проблемы к управлению коммуникативным разнообразием.

На основе полученных данных мы можем предложить несколько конкретных рекомендаций для руководителей и HR-специалистов. Во-первых, внедрить гибкие коммуникационные протоколы – не жесткие на всей компании, а «чартеры» на уровне конкретных команд. Например, совместно разработанный «чартер» может четко прописывать, что для срочных вопросов используется общий чат в мессенджере, а для отчетов – корпоративная почта. Во-вторых, необходимо адаптировать системы обратной связи: для сотрудников с ярко выраженным «цифровым профилем» более эффективны частые, но короткие check-in встречи или pulse-опросы. В-третьих, пересмотреть программы

адаптации, дополнив их экспликацией «неписаных» правил общения на конкретных кейсах, а для руководителей провести тренинги по управлению цифровыми командами и осознанию собственных коммуникативных фильтров.

Ограничения исследования. Основным ограничением является малый объем подвыборки сотрудников цифрового поколения ($n=33$), что не позволяет делать окончательные выводы о распределении профилей в генеральной совокупности. Полученные кластеры следует рассматривать как предварительные и требующие валидации на большей выборке. Кроме того, выборка ограничена 114 респондентами, что не позволяет экстраполировать выводы на все типы организаций. Перспективы дальнейших исследований – изучение динамики коммуникативных профилей в процессе адаптации молодых сотрудников, а также сравнительный анализ отраслевой специфики.

Интеграция нового поколения – это не вызов корпоративной культуре, а возможность сделать ее более гибкой, рефлексивной и способной объединять разные логики взаимодействия ради общей цели [7, с. 56; 8, с. 280].

Список литературы

1. *Twenge, J.M.* Generations: The Real Differences Between Gen Z, Millennials, Gen X, Boomers, and Silents — and What They Mean for America's Future. – New York : Atria Books, 2023. – 560 p.
2. *Бородин, Г.В., Петренко, Е.С.* Коммуникации в организации: подходы к пониманию, принципы и барьеры // *Лидерство и менеджмент*. – 2023. – Т. 10, № 3. – С. 899–914.
3. *Balon, R.* An Explanation of Generations and Generational Changes // *Academic Psychiatry*. – 2024. – Vol. 48. – P. 280–282. – DOI: 10.1007/s40596-023-01921-3.
4. *Döring, N.* Psychology of Digital Communication. – Oxford : Oxford University Press, 2020. – 432 p.
5. *Keyton, J.* Communication and Organizational Culture: A Key to Understanding Work Experiences. – 2nd ed. – Los Angeles : SAGE, 2011. – 223 p.
6. *Lyons, S., Kuron, L.* Generational Differences in the Workplace: A Review of the Evidence and Directions for Future Research // *Journal of Organizational Behavior*. – 2014. – Vol. 35. – P. 139–157.
7. *Крайнева, Р.К., Гулаков, А.Д.* Влияние цифровизации на трансформацию коммуникационных процессов // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. – 2024. – Т. 14, № 4. – С. 52–58.
8. Цифровая социализация и профессиональная адаптация : аналитический отчет по результатам всероссийского исследования / ВЦИОМ. – Москва, 2023. – 48 с.

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Давыденко Марина Вячеславовна¹,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных наук,
e-mail: m.davdenko@mtu.ru

Котляр Николай Петрович¹,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных наук,
e-mail: n.kotlyar@mtu.ru
ORCID: 0009-0000-2092-1112

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

Статья посвящена исследованию проблемы условий обоснованности исторического знания. Цель исследования – обосновать условия способности герменевтического подхода обеспечить адекватную интерпретацию и понимание исторического события. Указывается роль герменевтического круга и его модификаций для формирования исторических фактов и обосновываются ограничения для философской герменевтики в сфере исторического исследования. Полученные выводы могут быть использованы в исследовательской практике и в образовательном процессе.

Ключевые слова: метод исторического исследования, герменевтика, герменевтический круг, обоснованность исторического знания.

THE HERMENEUTIC SITUATION IN THE HISTORICAL RESEARCH: PROSPECTS AND LIMITATIONS

Davydenko Marina Vyacheslavovna¹,
PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Humanities,
e-mail: m.davdenko@mmu.ru

Kotlyar Nikolay Petrovich¹,
PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Humanities,
e-mail: n.kotlyar@mmu.ru
ORCID: 0009-0000-2092-1112

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

The article is devoted to the study of the problem of the conditions of validity of historical knowledge. The purpose of the study is to substantiate the conditions for the hermeneutical approach to ensure an adequate interpretation and understanding of a historical event. The role of the hermeneutic circle and its modifications for the formation of historical facts is indicated and the limitations for philosophical hermeneutics in the field of historical research are justified. The findings can be used in research practice and in the educational process.

Keywords: method of historical research, hermeneutics, hermeneutical circle, validity of historical knowledge.

ВВЕДЕНИЕ

Общепринято, что сегодня историческое познание подвергается атакам со стороны представителей «лингвистического поворота» и постмодернистской философии. Общим признаком подобного подхода является то, что постмодернизм «отрицает как способность языка или дискурса указывать на независимый мир фактов и вещей, так и определенность или разрешимость текстового смысла. Точно так же он отрицает возможность объективного знания и истины как целей исследования» [8, с. 7]. К счастью, профессиональная историческая наука оказалась в целом достаточно устойчивой к этим взглядам, хотя дух безудержного скептицизма и релятивизма коснулся и её. Атака на достоверность исторического знания, связанная с усилением релятивистского элемента, связана с идеей, что исследовать следует не сами исторические события, а их восприятие историками, которые, разумеется, субъективны в трактовках своих представлений об историческом процессе. В результате, научное историческое познание имеет нездоровую тенденцию превратиться в произвольный нарратив, а история – в роман, так как «историческое повествование ничем в принципе не отличается от художественного, что его субстанцию образуют метафорические обороты и приёмы построения дискурса» [3, с. 11].

Нельзя отрицать знаково-символический характер человеческой культуры, которая в некотором отношении есть текст. Таким образом, частная интерпретация и понимание действительности нашей, человеческой, культуры как текста есть необходимый момент познавательной деятельности историка. Нельзя отрицать историчность, следовательно, изменчивость субъекта познания и сложность его отношений как с познаваемым (при опосредующем участии культурно-исторической среды) объектом, так и с другими участниками познавательного процесса, необходимо признать ограниченный потенциал теории субъектно-объектных отношений в рамках классической версии рациональности. Поэтому своеобразный диалог историка с объектом исследования в аспекте его текстового бытия, с одной стороны, и его диалог с результатами исследований других историков, с другой, попытка их интерпретации и понимания как взаимосвязанной системы, является существенной стороной исследовательской деятельности историка. Теория и практика интерпретации и понимания традиционно закреплены за герменевтикой – теоретическим и практическим мастерством интерпретации и постижения смысла не только указанных выше диалогических отношений, но исторического и природного бытия, таким образом, универсальность операций интерпретации и понимания делает герменевтику одним из важнейших (но, разумеется, не единственным) методом исторического познания [9, с. 4; 7, с. 3]. Цель исследования – выявить роль герменевтического метода для достижения обоснованного исторического знания и преодоления безграничной свободы интерпретации исторических событий.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ. МЕТОДИКА И МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Объективная основа необходимости интерпретации артефактов культуры лежит в их принципиальной смысловой многослойности. Это отнюдь не новая проблема для истории, но экстремально усиленная «лингвистическим поворотом» во второй половине XX века. В социально-гуманитарных науках, в том числе, исторических науках, формализация и дефиниции практически невозможны. Язык истории принципиально многозначен, он несёт в себе смыслы различных эпох, что побуждает исследователя концептуально обозначать «инаковость» ситуаций и различие временных горизонтов, историк вынужден широко пользоваться не только специальными терминами своей науки, но

обыденным языком для создания исторического нарратива. Нельзя забывать, что в историческое исследование помимо воли автора вторгается неустрашимый аксиологический элемент. Так возникает знакомая для историка ситуация, когда известный и неоспоримый бытийный факт является предметом различных интерпретаций и ожесточённых споров между различными направлениями исторической науки. Интерпретация как познавательная операция предполагает аргументацию, представляющую некоторое достаточное основание для выбора одного из нескольких возможных вариантов конструирования смысла исторического события в рамках общей исторической схемы, или модели. Поскольку есть интерпретация, осуществляемая в диалоге историка с прошлым настоящим, взвешивание пропорции необходимого и случайного в историческом событии, то рациональность включена в процедуру выбора. Следует подчеркнуть, что интерпретационная деятельность историка связана с выбором смыслов, которые в свою очередь отражают жизненные отношения конкретных людей и обществ, это логика исторического социума, логика самой жизни. Это ведёт нас к признанию факта, что для понимания исторического события нужно знать его окружение – контекст. Контекст – это и есть общая система смыслов и значений, обнимающая определённый исторический период, в рамках которой оживляется слово и действие и становится возможной историческая интерпретация. Сознательное выделение контекста – это стремление познающего субъекта к целостности, а интерпретация – это акт восстановления целостности после восприятия нового события или переосмысления старого.

Таким образом, определённый и относительно завершённый контекст представляет собой целое, в котором можно выделить отдельные части. Интерпретируемая взимоотнесённость части и целого, приводящая при правильном применении к пониманию, представляется в герменевтике как проблема герменевтического круга. Он представляет собой правило, согласно которому целое следует понимать на основе частей, а части на основании данного целого. Между частью и целым, устанавливаются диалектические отношения, что даёт потенциальную возможность различного понимания сущности герменевтического круга в зависимости от области его применения и общепhilosophических позиций исследователя. В герменевтическом круге мы видим по меньшей мере трёхступенчатую схему: первичное смыслоожидание, которое мы принимаем за относительно завершённое, непосредственное целое изучаемой исторической ситуации, соотнесённое с указанным смыслоожиданием, и отдельные элементы изучаемой области, части, которые должны в случае правильного понимания способствовать целостности текста, вступая с ним в определённую смысловую гармонию, в диалог [3, с. 79].

Следует обратить внимание, что исследователь исторических процессов в своей деятельности использует не один герменевтический круг, в котором маятниковое движение от целого к частям и обратно накапливает ресурс согласования смыслов, фактически для него очевидно одновременное существование нескольких кругов. Часть из них оказывается неспособной к диалогу с прошлым, и они исчезают, уступая место иным целостностям (моделям). Другие, обладающие «сильной» смысловой связью и поэтому наиболее вероятные продолжают своё существование в познавательном поле историка. Для научной истории характерно наличие «многоступенчатых» интерпретаций, каскадов интерпретаций, в связном единстве которых появляется исторический факт. Особенностью таких каскадов интерпретаций является то, что **для их проведения необходимо владение особой методологией, таким образом каждая интерпретация представляет собой отдельную гносеологическую задачу.** Так происходит потому, что формирование самого внешнего круга контекста, свя-

занного с философскими интуициями и общим осмыслением того, что в феноменологии называют «жизненным миром», происходит по одним правилам, а осмысление частных, данных, к примеру, в установленных научно-исторических фактах, по другим. Таким образом, совмещение частных и общих методов интерпретации в рамках герменевтического круга является очевидной реальностью.

Попробуем разъяснить эту мысль. Предположим, что историк-исследователь, например, медиевист М.В. Печников, пытается понять церковную политику новгородских собраний, называемых обычно вечем. Суть поставленного вопроса заключается в определении роли вече при выдвижении кандидатов в наречённые владыки. В основе исследовательской базы автора лежат первоисточники, представленные прежде всего текстом новгородской владычной летописи, а также иные летописные своды, относящиеся к последующим периодам времени, автор опирается и на современные исследования как отечественные, так и зарубежные [6, с. 8]. М.В. Печников понимает, сложность решаемой им задачи: ведь в целом, как кажется, в целом ситуация ясна, так как она летописью описана, однако так же ясно, что «многие связанные с этой проблематикой сюжеты остаются малоисследованы» [Там же, с. 7]. Какой же интерес в этих малоисследованных (возможно совсем не интересных) деталях? Вдумчивый исследователь понимает, что частности могут дать информацию критически важную для понимания общей картины. Таким образом, у нас возникает классическая ситуация герменевтического круга. Попробуем разобраться с философско-теоретической позицией автора. Несмотря на сложность темы, автор убеждён, что его работа – это шаг в направлении того, чтобы показать «как всё это было на самом деле», это убеждённость в возможности достоверного познания исторической действительности, ради которой и надо дотошно исследовать, насколько это возможно, все мелочи и обстоятельства дела. Однако отстранённая от нас по времени действительность может преподносить изрядные сложности, и первый рубеж – связан с исследованием самих летописей, филологической герменевтикой, начиная с того, что надо знать: само понятие «вече» многозначно, а чтение древнерусских летописей требует специальной подготовки. Далее, аналитическая работа над летописями показывает, что летописец делает ошибки, следовательно необходима и научная критика самого источника, хотя автор и в целом доверяет критике источника, сделанной предыдущим поколением историков. Историк должен понять, каково понимание события определения кандидата и наречения владыки летописцем, и в этом пункте начинается деятельность современного исследователя, связанная с интерпретацией содержательной информации, которую несут летописи. Ясно (потому что это контекст самого исследования, первичная данность), что летописец – представитель религиозного сознания, следовательно, для адекватного понимания ситуации избрания архиерея современному историку следует обращаться к восточнохристианскому каноническому праву как общему пункту понимания процедуры замещения вакантной епископской кафедры. Если интерпретационная позиция авторов летописей и посланий ясна, то историк пытается понять, *что хотел сказать автор сообщения* используя именно эту, прояснённую им авторскую интерпретацию и *кому он это говорит*. Например, придерживается ли он канонов и норм интерпретации данного факта своего времени, может быть, он отходит от привычных моделей понимания социальной действительности или, напротив, жестко следует им. По общему правилу герменевтического метода историк должен понять ход мыслей субъектов прошлых веков, но для этого он должен уметь видеть различия между своей позицией «здесь и теперь» исследователя и человеком XII – XIII века.

Ранее мы утверждали, что интерпретация исторического события осуществляется в некотором контексте. Однако само по себе понятие контекста мало что говорит историку, оно весьма неопреде-

лённо без понимания его структуры. В контекст могут входить научные факты (при понимании того, что научный факт имеет сложную гносеологическую структуру), различной общности теоретические схемы, в простом случае, отдельные общие утверждения, в контекст входят ценностные суждения. Герменевтический подход к контексту, отсекающий маловероятное и невозможное, во многом определяет то целое, которое определяет интерпретацию частей.

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ, ИХ АНАЛИЗ И ОБСУЖДЕНИЕ

На каждом из указанных нами этапов интерпретации историк-исследователь пользуется некоторой динамической «схемой», или «целым» герменевтического круга, однако в общем случае никакого автоматизма в понимании событий прошлого ожидать нельзя. Не следует забывать, что все «схемы» – это гипотезы, а сильная и некритическая приверженность гипотезе может привести к «теоретическому редукционизму». Ограниченность таких генерализаций преодолевается не только предложенным нами предположением о множестве герменевтических кругов, которые одновременно присутствуют в сознании историка-исследователя, но и сложно вербализуемыми качествами воображения и интуиции, используемыми в ходе интерпретации этого разнородного материала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, философская герменевтика подталкивает историка-исследователя к пониманию предела познавательных возможностей текущей интерпретации и показывает, одновременно, перспективу движения вперёд, при изменении интерпретационного тренда. Герменевтика показывает, что умение видеть различия и «инаковость» познаваемого объекта, является фундаментально важным для профессионального мышления историка. Вместе с тем, философская герменевтика, которая родилась как обобщение проблемы истолкования текста, мало уделяет внимания ряду специфическим для герменевтики исторической вопросам. Так, исторический источник часто не дан полностью, это, если пользоваться герменевтической терминологией, – рванный текст. Философский герменевтик с гордостью говорит, что процесс интерпретации бесконечен, однако историк отметит, что процесс познания бесконечен, а интерпретация ограничена рамками установленных исторических фактов и правилами исторического метода, среди которых герменевтика является лишь одним (хотя и привилегированным, если историк придерживается идеографических традиций своей науки). Идея верифицируемого исторического знания и объективности является регулятивной идеей для крупных историков как прошлого, так и современности. Поэтому, несмотря на гиперкритику исторической науки постмодернистских теоретиков, истории следует идти своим путём, заимствуя из философской герменевтики не всё, а «от сих до сих».

Список литературы

1. Блажковский, Р.В., Шаповалова, И.В. Метамоделі сюжетостроєння в контексті нарратології та герменевтики // *Universum: філологія та мистецтвознавство* : електрон. научн. журн. – 2024. – № 9 (123). – URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/18236> (дата звернення: 25.05.2026). – Текст : електронний.
2. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. – Москва : Прогресс, 1988. – 704 с. – Текст : непосредственный.
3. Гуревич, А.Я. Избранные труды : в 2 т. Т. 2. Средневековый мир. – Москва ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 1999. – 560 с. – Текст : непосредственный.
4. Дильтей, В. Наброски к критике исторического разума // *Вопросы философии*. – 1988. – № 4. – С. 135–152. – Текст : непосредственный.

5. *Кузнецов, В.Г.* Герменевтика и гуманитарное познание. – Москва : Издательство МГУ, 1991. – 192 с. – Текст : непосредственный.
6. *Печников, М.В.* Новгородцы и кафедра Св. Софии в середине XII–XIII в. // *Средневековая Русь* : вып. 9 / отв. ред. А.А. Горский. – Москва : Индрик, 2011. – 216 с.
7. *Zagorin, Perez.* History, the Referent, and Narrative: Reflections on Postmodernism Now // *History and Theory*. – 1999. – Vol. 38, No. 1. – P. 1–24. – DOI: 10.1111/0018-2656.731999073.

СНИЖЕННАЯ РАБОТОСПОСОБНОСТЬ И СТИЛЬ ВОЖДЕНИЯ У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН ВОДИТЕЛЕЙ

Даренских Светлана Сергеевна¹,

кандидат психологических наук,

доцент кафедры психологии,

e-mail: svetla-ss@yandex.ru

Персианинов Денис Геннадьевич¹,

студент,

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

Исследование посвящено анализу сниженной работоспособности и стиля вождения у мужчин и женщин. Авторы провели сравнительный анализ показателей стиля вождения и состояний сниженной работоспособности среди водителей мужского и женского пола в возрасте 27-55 лет со стажем не менее 4 лет и пробегом не менее 10 000 км. Результаты исследования показали, что водители обеих групп демонстрируют схожие характеристики стиля вождения: сбалансированное принятие решений, умеренно ответственное отношение к средствам безопасности, достаточно высокий уровень культуры дорожного поведения, среднюю уверенность при парковке, а также умеренно-осторожный стиль вождения. Анализ также выявил, что мужчины демонстрируют более высокие показатели монотонии и пресыщения, а женщины испытывают большее количество стресса за рулем, чем мужчины.

Ключевые слова: вождение, водители, стиль вождения, работоспособность, снижение работоспособности

REDUCED WORKING CAPACITY AND DRIVING STYLE IN MEN AND WOMEN DRIVERS

Darenskikh Svetlana Sergeevna¹,

Candidate of Psychological Sciences,

Associate Professor of the Department of Psychology,

e-mail: svetla-ss@yandex.ru

Persianinov Denis Gennadievich¹,

student,

e-mail: den.persianinov@mail.ru

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

The study is devoted to the analysis of reduced working capacity and driving style in men and women. The authors conducted a comparative analysis of driving style indicators and states of reduced working capacity among male and female drivers aged 27-55 years with at least 4 years of driving experience and at least 10,000 km of driving. The results of the study showed that drivers of both groups demonstrate similar characteristics of their driving style: balanced decision-making, moderately responsible attitude towards safety measures, a fairly high level of road behavior culture, average confidence in parking, and a moderately cautious driving style. The analysis also revealed that men demonstrate higher levels of monotony and satiety, while women experience more stress while driving than men.

Keywords: driving, drivers, driving style, performance, decreased performance

Актуальность исследования обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов: ростом числа водителей в России [1] и увеличением плотности дорожного движения, а также значимостью понимания стиля вождения как ключевого фактора предотвращения ДТП. Более того исследование обусловлено недостаточной изученностью сниженной работоспособности и стиля вождения с учётом половых и возрастных различий, необходимостью учёта психологических и физиологических аспектов управления транспортным средством в условиях утомления, развитием вспомогательных технологий, которые требуют нового подхода к оценке поведения водителя. Научная новизна исследования заключается в понимании половых особенностей сниженной работоспособности и вождения, на основе чего могут быть разработаны целевые программы по психологической работе с водителями с учётом результатов данного исследования. Целью исследования является выявление основных особенностей и характеристик состояний сниженной работоспособности и стилей вождения у водителей мужского и женского пола. Объектом исследования является стиль вождения у мужчин и женщин. В исследовании приняли участие 21 женщина и 20 мужчин водителей в возрасте 27-55 лет с суммарным стажем вождения не менее 4 лет и не менее 10 000 км. В настоящем исследовании применялись такие методы, как анкетирование с использованием опросника «Стиль вождения» Ю.И. Лобановой, а также с использованием методики дифференцированной оценки состояний сниженной работоспособности (ДОРС) А.Б. Леоновой и С.Б. Величковской. Более того в рамках настоящего исследования применялся метод статистической обработки данных с применением непараметрического U-критерия Манна-Уитни.

Деятельность водителя - это сложный процесс, включающий сознательный выбор действий, прогнозирование последствий и постоянное обновление навыков управления [2; 3; 4]. Эффективность деятельности зависит от внутренних и внешних факторов, таких как здоровье, профессионализм, условия труда и характеристики транспортного средства [3; 5]. Стиль вождения при этом определяется как многомерный феномен, включающий личностные особенности, профессиональные навыки, условия и социокультурные нормы, согласно концепции Ю.И. Лобановой [2; 6]. Ключевые характеристики стиля вождения: риск – безопасность, уверенность – неуверенность, отношение к средствам безопасности, планирование – импульсивность и культура вождения [6]. Э.Н. Кудряшова, описывая понятие работоспособности, указывает на то, что работоспособность - это способность индивида и возможности его организма выполнять деятельность в течение определенного количества времени с максимальной эффективностью и уровнем качества [7]. Работоспособность водителя же можно определить как способность выполнять водительскую деятельность с оптимальной производительностью, зависящей от физического и эмоционального состояния, квалификации и условий труда. Важно отметить, что утомление - основополагающий фактор в рассмотрении вопроса работоспособности, поскольку утомление - феномен, снижающий работоспособность. Выделяются следующие признаки утомления: снижение производительности, ухудшение координации и концентрации, появление сердечно-сосудистых и неврологических расстройств [8]. Утомление, как пишет Магамедэминова М.М., ухудшает работу организма: снижает мышечную силу, изменяет пульс, замедляет анализ информации. Вследствие этого производительность страдает: операции занимают больше времени, перерывы между действиями становятся короче, а ошибок и брака появляется больше. Это особенно опасно, когда человек управляет транспортным средством [9]. Если посмотреть на статистику ДТП с учётом пола водителей, видно, что мужчины попадают в аварии чаще женщин [10]. Но тут есть особенность: мужчин за рулём в целом больше, да и ездят они обыч-

но дольше – это тоже может влиять на статистику. Ещё на разницу в аварийности сильно влияют психология и особенности поведения. К примеру, мужчины нередко нарушают правила, делают рискованные манёвры, а также не слишком внимательно следят за безопасностью, и из-за этого риск аварии растёт [11; 12; 13].

В ходе сравнительного анализа данных по шкалам опросника «Стиль вождения» Ю.И. Лобановой был применён непараметрический U-критерий Манна-Уитни для двух независимых выборок. Результаты анализа не выявили статистически значимых различий между сравниваемыми группами. Дальнейший анализ позволяет сделать следующие выводы о закономерностях и характеристиках стиля вождения в указанных группах исследования.

Шкала безопасность/риск выражена у респондентов обеих групп ($m_1=28,52$; $m_2=28,15$) на уровне средних значений. Полученные данные могут говорить о том, что водители обеих групп демонстрируют схожий уровень осознанности в вопросах безопасности на дороге и придерживаются умеренно-осторожного стиля вождения, избегая как чрезмерной рискованности, так и излишней осторожности, мешающей нормальному движению. Возможно, осознание высокой цены ошибки на дороге побуждает водителей осознанно выбирать безопасные стратегии поведения.

Шкала планирование/импульсивность выражена у респондентов обеих групп ($m_1=21,67$; $m_2=22,15$) на уровне средних значений. Полученные результаты свидетельствуют о том, что респонденты обеих групп демонстрируют сбалансированный подход к процессу принятия решений за рулём - они не склонны к спонтанным, необдуманным действиям, но и не перегружают себя избыточным планированием в ситуациях, требующих быстрой реакции. Водители обоих полов способны в стандартных условиях заранее продумывать маршрут, оценивать риски и выбирать безопасную тактику, а в экстренных ситуациях действовать оперативно, не тратя время на детальное планирование.

Шкала отношение к средствам безопасности выражена у водителей обеих групп ($m_1=18,33$; $m_2=18,1$) на уровне средних значений. Исходя из показателей данной шкалы, можно сделать вывод о том, что водители обеих групп демонстрируют умеренно ответственное отношение к средствам безопасности - они осознают важность соблюдения базовых правил и использования защитных механизмов, но не проявляют гипертрофированной осторожности, которая могла бы мешать эффективному управлению транспортным средством. Водители в целом пристегиваются ремнями безопасности; следят за исправностью автомобиля; соблюдают скоростной режим в стандартных условиях; поддерживают безопасную дистанцию на дорогах.

Шкала культура дорожного поведения выражена у водителей обеих групп ($m_1=33,19$; $m_2=31,6$) на уровне средних значений. Полученные результаты могут быть показателем того, что водители обеих групп в целом знакомы с нормами дорожного этикета и придерживаются базовых правил взаимодействия на дороге, но могут не всегда демонстрировать эталонный уровень культуры поведения в сложных или конфликтных ситуациях.

Шкала уверенность при парковке выражена у водителей обоих полов ($m_1=6,38$; $m_2=6,6$) на уровне средних значений. Полученные результаты могут говорить о том, что водители обоих полов в целом уверенно справляются с задачей парковки, но не считают этот навык своей сильной стороной и не демонстрируют избыточной самоуверенности, которая может приводить к ошибкам. Водители в целом обладают достаточным набором умений для выполнения стандартных парковочных манёвров. При этом водители как женского, так и мужского пола не переоценивают свои навыки в нестандартных ситуациях, например, при тесной парковке или парковке в ограниченном простран-

стве, а также способны при необходимости обратиться за помощью или выбрать другое место для парковки.

По результатам проведённого сравнительного анализа с применением непараметрического U-критерия сравнения двух независимых выборок Манна-Уитни по шкалам методики дифференцированной оценки состояний сниженной работоспособности были выявлены достоверные различия между группами мужчин и женщин по шкалам монотонии ($p=0,018$) и пресыщения ($p=0,027$). Более детальный сравнительный анализ позволяет сделать следующие выводы о закономерностях в указанных группах.

Шкала утомления у женщин-водителей выражена на уровне низких значений ($m_1=15,9$), в то время как у водителей мужского пола данная шкала выражена на уровне умеренных значений ($m_2=17$). Из этого следует, что мужчины-водители в целом демонстрируют более выраженные признаки утомления в процессе управления транспортным средством по сравнению с женщинами-водителями. Разница между показателями хоть и не слишком большая ($m_1 = 15,9$; $m_2 = 17$), но становится важной, если речь идёт о долгих поездках или сложных условиях за рулём. Женщины, как правило, быстрее чувствуют, что начинают уставать, и сразу стараются что-то сделать, например, остановиться, отвлечься на что-нибудь, применить способы, чтобы взять себя в руки. Возможно, ещё и потому, что им проще выдерживать однообразную нагрузку – тут свою роль могут играть особенности работы вегетативной системы и гормональный фон. У мужчин же уровень утомления в среднем держится на умеренном уровне, но это не всегда хорошо: нередко они стараются показать, что отлично справляются с дорогой, и потому не обращают внимания на первые признаки усталости. В итоге усталость накапливается и может дойти до сильного истощения. К тому же распространённый образ «сильного водителя» подталкивает мужчин продолжать ехать, даже когда уже хочется отдохнуть.

Стоит сказать, что анализ в данном случае не показал достоверных отличий – по U-критерию Манна-Уитни уровень значимости получился $p=0,228$. Получается, разница в утомляемости у мужчин и женщин не считается статистически значимой.

Шкалы монотонии ($m_1=17,7$; $m_2=19,9$) и стресса ($m_1=19$; $m_2=18$) выражены на уровне умеренных значений как у водителей женского, так и у водителей мужского пола. При этом по шкале монотонии у мужчин и женщин были обнаружены статистически значимые различия. Похоже, мужчины-водители острее реагируют на однообразную дорогу: им быстрее становится скучно, и из-за этого падает концентрация. Женщины, скорее, умеют подстраиваться под такие условия – например, держат внимание за счёт мысленной работы или того, что внимательнее следят за техническими деталями вождения. Полученные показатели по шкале стресса ($m_1=19$; $m_2=18$) означают, что водители регулярно сталкиваются со стрессовыми ситуациями, но в целом неплохо к ним приспособляются. Причина может быть в том, что стресс тут скорее постоянный, «фоновый»: пробки, другие водители, которые ведут себя агрессивно, разная погода – всё это встречается почти каждый день. Из-за такой регулярности люди как будто привыкают к нагрузке, поэтому цифры и получаются умеренными. Ещё один момент: и мужчины, и женщины понимают, насколько важно ездить безопасно, поэтому стараются держать стресс под контролем и не давать ему сильно нарастать.

У женщин-водителей показатель по шкале пресыщения деятельностью невысокий ($m_1=14,9$), а у мужчин он чуть выше и попадает в диапазон умеренных значений ($m_2=18,1$). Статистический анализ при этом подтвердил эти различия. Похоже, женщины лучше переносят однообразную работу за рулём. Возможно, им интереснее сам процесс вождения – они могут видеть в нём не просто рутину, а возможность проявить себя. Ещё одна причина – они сильнее фокусируются на безопасности и стара-

ются всё держать под контролем, из-за чего скука ощущается меньше. Способы справляться с пресыщением у водителей разного пола тоже отличаются. Мужчины обычно не скрывают, что им становится скучно: они прямо фиксируют это ощущение как довольно сильное. Женщины, наоборот, нередко как будто «сглаживают» чувство пресыщения, например, включают музыку, чтобы отвлечься, или мысленно составляют планы на день. Так им проще не замечать усталость от однообразия за рулем.

Таким образом, в ходе сравнительного анализа с применением U-критерия Манна-Уитни были выявлены различия в проявлениях сниженной работоспособности у водителей-мужчин и водителей-женщин. Так, у женщин чаще фиксируется стресс, обусловленный эмоциональной вовлечённостью и потребностью в поддержании высокой бдительности. У мужчин, напротив, более выражены состояния утомления, монотонии и пресыщения. Это может быть связано с особенностями саморегуляции и распространёнными гендерными стереотипами. При этом статистически значимые отличия обнаружены только в аспектах монотонии и пресыщения. Более того базовые параметры стиля вождения у обеих групп схожи: и мужчины, и женщины демонстрируют сопоставимый уровень осознанности в вопросах безопасности и придерживаются умеренно-осторожного стиля управления транспортным средством

Список литературы

1. МВД раскрыло статистику по выдаче водительских прав с апреля по август // РИА Новости : [сайт]. – 2024. – 10 сентября. – URL: <https://ria.ru/20240910/mvd-1971722132.html> (дата обращения: 24.08.2025). – Текст : электронный.
2. Лобанова, Ю.И. Вождение как деятельность, поведение и стилевая характеристика // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2014. – № 4. – С. 97–107.
3. Малий, В.И. Подготовленность и надёжность водителя – составляющие безопасности дорожного движения // Молодой учёный. – 2019. – № 16 (254). – С. 31–35.
4. Морковкина, Е.А. Принятие решений в личностно-профессиональном развитии водителей транспортных средств // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. – 2014. – № 12. – С. 114–118.
5. Васильченко, А.С., Шпорт, С.В. Клинико-психологические факторы опасного вождения у различных категорий водителей // Социальная и клиническая психиатрия. – 2020. – № 4. – С. 47–54.
6. Лобанова, Ю.И. Стил вождения: определяющие факторы, характеристики, направления оптимизации // Российский гуманитарный журнал. – 2015. – № 1. – С. 76–84.
7. Кудряшова, Э.Н. Сущность работоспособности и методы её повышения // Молодой учёный. – 2025. – № 40 (591). – С. 90–95.
8. Дементьев, К.Н., Стронько, А.М., Жигалин, К.А. Понятия «утомление» и «переутомление». Средства восстановления // Вестник науки. – 2023. – № 12 (69). – С. 1301–1307.
9. Магамедэминова, М.М. Признаки утомления и переутомления, их причины и профилактика // Молодой учёный. – 2020. – № 8 (298). – С. 74–75.
10. Белов, М.Д., Казун, А.П. Берегись его автомобиля: почему мужчины за рулём опаснее женщин? // Социология власти. – 2024. – № 2. – С. 142–163.
11. Cordellieri, P., Baralla, F., Ferlazzo, F., Sgalla, R., Piccardi, L., Giannini, A.M. Gender Effects in Young Road Users on Road Safety Attitudes, Behaviors and Risk Perception // Frontiers in Psychology. – 2016. – Vol. 7. – P. 1412.
12. Granié, M.-A. Effects of Gender, Sex-Stereotype Conformity, Age and Internalization on Risk-Taking among Adolescent Pedestrians // Safety Science. – 2009. – Vol. 47, Issue 9. – P. 1277–1283.
13. Тюрина, Р.С., Минаева, В.А. Исследование влияния гендерных особенностей водителей на безопасность дорожного движения // Россия молодая : материалы X Всероссийской научно-практической конференции молодых учёных. – 2018. – С. 31317.1–31317.4.

ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Дегтярева Ирина Игоревна¹,

старший преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации,

e-mail: idegtyareva@yandex.ru

Гавриленко Екатерина Леонидовна¹,

студент,

e-mail: Ekaterina10_03@mail.ru

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

В статье рассмотрены проблемы перевода юридических текстов в современном международном праве, а именно: терминологическая неоднозначность, существующие различия правовых систем, особенности перевода неологизмов и влияние машинного перевода. На основе теоретических концепций и практических примеров перевода выявлены ключевые риски и предложены рекомендации для переводчиков и разработчиков ИИ-систем.

Ключевые слова: юридический перевод, международное право, права человека, машинный перевод, эквивалентность терминов, риск толкования, сравнительное правоведение.

PROBLEMS AND CHALLENGES OF TRANSLATING LEGAL TEXTS IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL LAW

Degtyareva Irina Igorevna¹,

Senior Lecturer, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication

e-mail: idegtyareva@yandex.ru

Gavrilenko Ekaterina Leonidovna¹,

student,

e-mail: Ekaterina10_03@mail.ru

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

The article discusses the challenges of translating legal texts in modern international law, including terminological ambiguity, differences in legal systems, the translation of neologisms, and the impact of machine translation. Based on theoretical concepts and practical examples of translation, the article identifies key risks and provides recommendations for translators and AI system developers.

Keywords: legal translation, international law, human rights, machine translation, equivalence of terms, risk of interpretation, comparative law.

В условиях глобализации и интенсивного развития международного права перевод юридических текстов приобретает стратегическое значение для обеспечения стабильности международных отношений. Ежегодно Организация Объединённых Наций (ООН) и другие международные организации регистрируют сотни новых многосторонних договоров, конвенций и протоколов, не говоря уже о том, что количество двусторонних соглашений исчисляется тысячами. Одновременно цифровизация юридической сферы и широкое внедрение искусственного интеллекта (AI-переводчики, Google Translate, DeepL и др.) радикально меняют практику перевода. Также стоит отметить, что

рост числа международных конфликтов, торговых споров и трансграничных кризисов (вооружённых, климатических, кибернетических) требует безупречной точности юридических формулировок, поскольку малейшая неточность может привести к неоднозначному толкованию обязательств государств и, как следствие, к эскалации споров.

В центре современной теории и практики юридического перевода лежит фундаментальный конфликт между требованиями буквальной точности (*fidelity*) и необходимостью культурно-правовой адаптации. Перед переводчиком стоит задача сохранить нормативную силу текста, т.к. любая вольность при переводе может привести к изменению права и обязанностей сторон, искажению смысла документа или созданию ложных эквивалентов. Специалисты часто сталкиваются с такими проблемами, и это можно ярко заметить на просторах международного права, где в состав официальных языков ООН входит шесть языков, в то время как многие договоры требуют аутентичности на двух и более языках одновременно.

В нашем исследовании выведены результаты комплексного анализа сложностей и вызовов при переводе юридических текстов (в условиях международного права), были выявлены основные проблемы и методы их решения.

В ходе работы авторы проанализировали теоретические основы юридического перевода, рассмотрели конкретные практические случаи, которые иллюстрируют типичные ошибки и их исправление за счет успешных переводческих стратегий. В актуальной статье авторами предложены рекомендации для переводчиков, международных организаций и разработчиков AI-систем.

Среди своеобразных черт юридического текста можно выделить следующие: императивность, высокая терминологическая плотность и необходимость сохранения юридической силы. А.С. Киндеркнехт в своей статье замечает, что «элементы юридического текста встречаются в текстах договоров, инструкций, сертификатов и других текстов широкого назначения, с которыми приходится сталкиваться переводчикам в своей профессиональной деятельности» [1]. Также он отмечает, что «основные трудности связаны, как правило, с интерпретацией профессиональной юридической терминологии, именно трактовка терминов и стоящих за ними юридических понятий в данной конкретной системе права – камень преткновения начинающих переводчиков» [1]. Ключевыми принципами остаются буквальный перевод (*literal translation*) согласно определению М.Б. Паренко, «пословный перевод оригинального текста с одновременным сохранением при переводе порядка слов предложения текста ИЯ; перевод, выполняемый на уровне отдельных слов без учета смысловых, синтаксических и стилистических связей между словами» [3], а также доместикация (*domestication*) – как отмечают Н. А. Крашенинникова, Е.В. Егорова и Е.И. Крашенинникова, «доместикация, в свою очередь, является стратегией максимальной адаптации текста к переводному языку» [2].

Международное право (в контексте перевода) характеризуется выраженным многоязычием и наличием специальных регламентов (Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г., правила внутреннего делопроизводства международных судов и арбитражей), требующих равной подлинности текстов на разных языках. Однако современные условия существенно усложняют задачу. Среди основных проблем выделяются:

- *неоднозначность ключевых терминов* – данная проблема является одной из центральных в юридическом переводе. Как отмечают исследователи, «achieving such equivalence becomes even more challenging due to systemic differences between civil-law and common-law traditions» [4]. Это приводит к тому, что один и тот же термин может трактоваться по-разному в зависимости от контекста и

правовой системы. Например, английское слово «jurisdiction» может означать как «юрисдикцию» в широком смысле, так и «подсудность» конкретного суда.

- *неологизмы и технологический жаргон*, возникающие в сфере киберпреступлений, климатических обязательств. Как в своей статье замечают эксперты DIIS, «Loss and Damage is used to refer to the concrete losses and damages we're seeing around the world. Yet disagreement arises regarding Loss and Damages in capital letters – this is a policy issue under the UN's climate convention, which involves questions of responsibility and, not least, financing»¹ [5].

- *культурно-правовые барьеры*, обусловленные различиями между правовыми семьями. Согласно наблюдениям А.В. Егер и Г.С. Хёк, «civil law and common law concepts often also differ from each other to a considerable extent and a simple translation of words constitutes no sufficient basis for a common understanding... Moreover there is Islamic law also referred to as Shari'a law»² [8]. Приведенная цитата подтверждает необходимость специалистов фокусироваться не просто на лексической замене, а обращать пристальное внимание еще и на системные различия между правовыми традициями (в случае с машинным переводом этот аспект часто игнорируется, но значительно ускоряет процесс).

Следовательно, можно утверждать, что на данный момент изучение проблем перевода юридических текстов является не просто актуальной задачей, а еще и необходимой для повышения эффективности международно-правового регулирования.

Чтобы наглядно продемонстрировать вышеописанные проблемы, мы предлагаем обратиться к реальным кейсам, которые были ранее зафиксированы в ключевых документах ООН по правам человека.

При анализе первого из примеров, мы сразу же сталкиваемся с конфликтом между «буквальной точностью» и «культурно-правовой адаптацией», вслед за этим можно еще заметить, как неоднозначность терминов, неологизмов и использование искусственного интеллекта (ИИ) влияют на искажение перевода.

Пример 1: Всеобщая декларация по правам человека (1948 г.), статья 1 - модальная неоднозначность и культурная адаптация

Официальный текст:

«All human beings are born free and equal in *dignity* and rights. They are endowed with reason and conscience and *should* act towards one another in a spirit of *brotherhood*» [6].

Официальный русский перевод:

«Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и *должны* поступать в отношении друг друга в духе братства».

Модальный глагол «should» в английском несёт рекомендательный характер (мягкое «следует»), в то время как в русском «должны» звучит как императивная обязанность. Это не ошибка переводчика, а результат доместикации: английский вариант соответствует традиции «common law» (декларативность), а русский – континентальной правовой культуре с акцентом на морально-юридическую

¹ «Термин «потери и ущерб» (Loss and Damage) используется для обозначения конкретных потерь и ущерба, которые мы наблюдаем по всему миру. Однако возникают разногласия по поводу терминов «Потери» и «ущерб», обозначенных заглавными буквами, - это политический вопрос в рамках климатической конвенции ООН, который подразумевает вопрос ответственности, и, что не менее важно, финансирования». (перевод автора)

² «Понятия гражданского и общего права также зачастую значительно отличаются друг от друга, и просто перевод указанных слов не является достаточной основой для общего понимания... Кроме того, существует исламское право, также называемое Законами шариата». (перевод автора)

ческий долг. В качестве рекомендации можно было бы предложить два варианта, первый это найти функциональный аналог, тем самым заменить «должны» на «следует» или «призваны относиться», второй это создать комментарий к переводу, который бы разъяснял: в оригинале – не юридическая обязанность, а этический ориентир.

Термин «brotherhood» / «братства» также приобретает в русском языке оттенок коллективной, в некотором смысле даже почти религиозной солидарности, что в постсоветском контексте может восприниматься как давление на индивидуальную автономию. В таком случае это вполне можно было бы заменить, например, на «в духе взаимного уважения».

Также стоит отметить, что в ряде языков (например, в некоторых восточных или африканских) отсутствует прямое соответствие понятию «достоинство \ dignity» как врожденного качества. Переводчики часто использовали термины, означающие «уважение» или «почет», что меняло смысл, поскольку достоинство в декларации – это то, что есть у человека по факту рождения, а не то, что нужно заслужить.

Чем опасны такие расхождения? В странах, использующих русский официальный текст, статья может трактоваться как источник прямых обязательств, что приводит к избыточному государственному регулированию частной жизни или, наоборот, к формальному выполнению «долга» без реальной защиты прав. На международном уровне это вызывает расхождения в мониторинге: одни государства ссылаются на «мягкость» английской версии, другие – на жёсткость русской, что ослабляет универсальность декларации и существенно усложняет разрешение споров в ООН.

Рассмотрим еще один яркий пример – статья 13:

Официальный английский текст: «Everyone has the right to freedom of movement and residence within the borders of each state» [6].

Официальный русский перевод: «Каждый человек имеет право свободно передвигаться и выбирать себе *местожительство* в пределах каждого государства».

1. Английский термин «Residence»:

- В международном праве этот термин охватывает как постоянное, так и *временное проживание*.
- Это право подразумевает, что человек может свободно менять свою локацию внутри страны, т.е. останавливаться в отеле, снимать квартиру на месяц или переезжать в другой город без разрешения властей, просто следуя своей воле.

2. Проблема русского перевода «Местожительство»:

- В русском языке (особенно в юридическом и бюрократическом контексте) «место жительства» – это строгий термин. Он, как правило, тождественен постоянной регистрации (прописке) и ассоциируется с «оседлостью».

- Существует отдельный термин «место пребывания» (для временного нахождения), но в тексте статьи 13 используется именно «местожительство».

Таким образом, использование слова «местожительство» вместо более нейтрального «проживание» действительно создает лингвистическую лазейку. Это может буквально восприниматься как попытка подмены права на свободное перемещение - правом на смену адреса постоянной регистрации.

Пример 2: Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г., МПГПП), статья 2(1) – неоднозначность термина «jurisdiction»

Официальный английский текст:

«Each State Party ... undertakes to respect and to ensure to all individuals within its territory and subject to its jurisdiction the rights recognized in the present Covenant ...» [7]

Официальный русский перевод:

«Каждое из участвующих в настоящем Пакте государств обязуется уважать и обеспечивать всем лицам, находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией, признаваемые в настоящем Пакте права...»

Английское «jurisdiction» охватывает как территориальную подсудность, так и «эффективный контроль». Русское «юрисдикция» в национальной правовой традиции чаще понимается узко – как компетенция государственных органов на своей территории. Комитет ООН по правам человека в своих замечаниях общего порядка и решениях (например, по делам о мигрантах) расширяет понятие до экстерриториального применения, чего русский буквальный перевод не предполагает. Однако Комитет ООН по правам человека в своем Замечании общего порядка №31 (2004 г.) дал принципиально иное толкование. Союз «и» (and) в английском оригинале, по мнению Комитета, означает, что достаточно *любого из двух условий*: либо лицо находится на территории государства, либо оно подпадает под его юрисдикцию. Государства, ориентирующиеся на русский текст, могут отказываться от ответственности за нарушения прав человека за пределами своей территории (например, в случаях морских инцидентов с мигрантами или военных операций). Это приводит к безнаказанности и эскалации международных конфликтов.

Хотя это не решит проблему юридически, для образовательных и правозащитных целей полезно предложить альтернативный, более точный перевод статьи:

«Каждое государство-участник обязуется уважать и обеспечивать права... всем лицам, находящимся *в пределах его территории или под его юрисдикцией*» (замена «и» на «или»).

Или, еще точнее (смысловой перевод):

«...всем лицам, *над которыми государство осуществляет власть или эффективный контроль, включая, но не ограничиваясь, территорией*».

Пример 3: МПГПП, статья 9 (1) – неоднозначность термина «arbitrary»

Официальный английский текст:

«No one shall be subjected to *arbitrary* arrest or detention» [7].

Официальный русский перевод:

«Никто не может быть подвергнут произвольному аресту или содержанию под стражей».

Дело в том, что английское слово «arbitrary» обозначает не просто «отсутствие законных оснований», а скорее отсутствие соблюдения «due process» (фундаментальный принцип права, по которому государство обязано соблюдать все установленные законом процедуры, до того, как лишить человека свободы, собственности или даже жизни). Проблемы начинаются из-за того, что в русском языке (в юридической практике) слово «произвольный» часто используется как эквивалент «без законных оснований». Этот пример демонстрирует нам базовый конфликт буквального перевода и адаптации, т.к. если версия оригинала требует комплексной оценки, то русская в свою очередь использует более формальное толкование. Основной недочет такой адаптации заключается в том, что в правоприменительной практике государств, которые используют русский текст как основной при переводе, вполне возможны оправдания длительных задержаний, так как они формально остаются законными, но не пропорциональными (административные аресты в связи с политическими причинами). В дальнейшем это может сказаться на качестве жизни, например привести к системным

нарушениям прав человека, отклонению индивидуальных жалоб в ООН, росту числа дел в международных инстанциях, где расхождения в терминологии могут привести к серьезному основанию для споров о применимости пакта.

Пример 4: Влияние машинного перевода и неологизмов (современный контекст применения МПГПП).

Рассмотрим практический сценарий перевода терминов, связанных с цифровыми правами (статьи 17 и 19 МПГПП – «arbitrary or unlawful interference with ... privacy» и свобода выражения мнений).

Английский оригинал (General Comment № 34 и современные интерпретации): «digital surveillance», «cyber harassment», «hate speech» (в контексте ограничений).

Типичный машинный перевод (Google Translate / DeepL):

1. digital surveillance – «цифровое наблюдение» (вместо юридически точного «цифровая слежка» или «электронное наблюдение»)

2. cyber harassment – «киберпреследование» или «киберхаррасмент» (без учёта правовых последствий);

3. hate speech – «речь ненависти» (буквально, без нюансов «подстрекательство к дискриминации»).

Машинный перевод даёт буквальный вариант, игнорируя правовой контекст и отсутствие точных эквивалентов в русской правовой системе. Неологизмы, появившиеся после 2010-х годов, не имеют устоявшихся русских юридических аналогов. В удалённой работе переводчиков такие тексты часто проходят только автоматизированную проверку, без постредактуры специалиста по сравнительному праву.

Автоматические переводы используются государствами и НПО при подготовке докладов в ООН, судебных документов или национальных законов. Ошибки могут привести к: неправильной имплементации ограничений свободы слова (например, чрезмерная цензура под видом борьбы с «речью ненависти»), отказам в защите приватности из-за размытого понимания такого термина, как «цифровая слежка», дипломатическим инцидентам и спорам в Комитете ООН по правам человека, когда стороны ссылаются на разные версии одного и того же документа. В конечном итоге это ослабляет юридическую силу пакта и повышает риск злоупотреблений в эпоху киберугроз и удалённого правосудия.

Анализ четырёх примеров подтверждает, что проблемы перевода юридических текстов в современных условиях международного права носят системный характер. Даже при наличии официальных аутентичных текстов расхождения между английским и русским вариантами возникают из-за лингвистической неоднозначности, культурно-правовых различий и влияния ИИ. Опасности носят как юридический (ослабление обязательств государств, рост споров), так и практический характер (безнаказанность нарушений, неэффективная защита прав человека, эскалация международных конфликтов).

Список литературы

1. Киндеркнехт, А.С. Особенности перевода юридических текстов // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2015. – № 4 (14). – С. 25–33.
2. Крашенинникова, Н.А., Егорова, Э.В., Крашенинникова, Е.И. Форенизация и доместикация в переводе текстов туристской направленности // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2022. – № 2. – С. 56–66.

3. *Раренко, М.Б.* Literal translation (буквальный перевод) // Художественный перевод: терминологический словарь-справочник / РАН, ИНИОН, Центр гуманит. науч.-информ. исслед., Отд. языкознания ; отв. ред. и сост. М.Б. Раренко. – Москва, 2014. – (Сер.: Теория и история языкознания). – С. 2.
4. *Badah, A.M., Khalaf, C.N., Dwaikat, F.J., AlQbailat, N.* The usage of artificial intelligence in legal translation: Bridging the gap between law and language // Ampersand. – 2026. – Vol. 16. – P. 1–10.
5. *Clausen, J., Lindegaard, L.S.* Three quick questions about Loss and Damage [Электронный ресурс] // Danish Institute for International Studies (DIIS). – Copenhagen, 2022.
6. Всеобщая декларация прав человека : принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций : официальный сайт. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (дата обращения: 15.06.2026). – Текст : электронный.
7. International Covenant on Civil and Political Rights : Adopted by General Assembly resolution 2200A (XXI) of 16 December 1966 [Электронный ресурс] // OHCHR. – URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights> (дата обращения: 15.06.2026). – Текст : электронный.
8. *Jaeger, A.-A., Hök, G.S.* Legal Systems // FIDIC – A Guide for Practitioners. – Berlin ; Heidelberg : Springer, 2009. – P. 1–38.

БЕЗОПАСНОСТЬ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ: НОВЫЕ ТЕОРИИ И ИДЕИ В ЭКОЛОГИИ**Жигунова Людмила Капитоновна¹,***кандидат химических наук, доцент,**доцент кафедры естественнонаучных дисциплин,**e-mail : l.zhigunova@mail.ru***Облеухов Сергей Алексеевич¹,***студент бакалавриата,**e-mail: aleksey12102@gmail.com*¹*АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия*

В наше время тема экологической безопасности является одной из центральных для устойчивого развития человеческой цивилизации. Антропогенное давление на планету достигло высокого уровня: изменение климата, нарушение в циклах фосфора и азота, закисление океана, потеря биоразнообразия и многое другое. Традиционные подходы в экологии уже не отвечают вызовам наших дней. В этой статье рассмотрены новые теории и концепции, которые выстраивают будущее экологической безопасности.

Ключевые слова: планетарные границы, антропоцен, угрозы, регулирование, механизмы стимулирования, глобальная безопасность, развитие.

TOMORROW'S SECURITY: NEW THEORIES AND IDEAS IN ECOLOGY**Zhigunova Lyudmila Kapitonovna¹,***Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor,**Associate Professor of the Department of Natural Sciences,**e-mail: l.zhigunova@mail.ru***Obleukhov Sergey Alekseevich¹,***undergraduate student,**e-mail: aleksey12102@gmail.com*¹*ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia*

Today, environmental security is a central issue for the sustainable development of human civilization. Humans are currently placing significant strain on the planet: climate change, disruption of the phosphorus and nitrogen cycles, ocean acidification, loss of biodiversity, and much more. Traditional approaches to ecology are no longer adequate to meet today's challenges. This article examines new theories and concepts that shape the future of environmental security.

Keywords: planetary boundaries, anthropocene, threats, regulation, incentive mechanisms, global security, development.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность данного исследования заключается в том, что совсем недавно мы пережили пандемию Covid-19, ученые оповещали нас, что возникновение неизвестных патогенных микроорганизмов будет чаще вследствие взаимодействия людей и животных. Активность такого взаимодействия росла и если не ослабить планку, то нас ждут новые пандемии. Давление на земную систему со стороны человека настолько выросло, что планета вступила в новую геологическую эпоху – ан-

тропоцен. Теперь экологическая безопасность является фундаментом для устойчивого человеческого существования и развития.

Целью работы является изучение и широкое распространение практик решения экологических проблем, которые создавали дискомфорт человеку. Объектами являются: общество, природа (планета) и связи, возникающие между ними. Ниже будут описаны одни из самых влиятельных и значимых современных концепций в экологии. При комплексном учете и применении будет сделан большой шаг в решении проблем экологической безопасности XXI века.

ТЕОРИЯ ПЛАНЕТАРНЫХ ГРАНИЦ

Для достижения этого Шведским ученым Йоханом Рокстрёмом и его командой была предложена теория планетарных границ. Было введено 9 планетарных границ:

1. Изменение климата;
2. Закисление океана;
3. Истощение стратосферного озона;
4. Атмосферная аэрозольная нагрузка;
5. Биогеохимические потоки: вмешательства в циклы фосфора и азота;
6. Глобальное использование пресной воды;
7. Изменение земельной системы;
8. Скорость потери биоразнообразия;
9. Химическое загрязнение.

Процесс выявления планетарных границ проходил по нескольким критериям. Во-первых, важно было опознать степень риска, на который готово пойти человечество: насколько приблизиться к опасной зоне, насколько долго существовать с нарушенной планетарной границей. Во-вторых, определены границы для процессов, в которых временные рамки достаточно короткие, для принятия решений, но достаточно длинные, для обеспечения устойчивого развития на будущие десятилетия. Также были определены соответствующие переменные: (i) универсальность переменной для подсистем, (ii) способность работать как достоверный индикатор изменения процесса, (iii) наличие открытых и истинных данных [6].

Очень важно заметить, что на практике многие планетарные процессы в первой степени оказывают влияние на уровне, не соответствующего земного характера, где демонстрируется различная степень чувствительности к изменениям.

Предлагаю рассмотреть одну из планетарных границ, а именно «Закисление океана». Данная проблема представляет большую угрозу для морского биоразнообразия и способности мирового океана работать как поглотитель CO_2 . (в воде сначала растворяется углекислый газ, а потом он поглощается морскими организмами). Добавление CO_2 увеличивает кислотность и соответственно снижает концентрацию pH, к этому чувствительны многие морские обитатели, особенно использующие карбонатные ионы для образования раковин или скелета. Содержание pH поверхностных вод уменьшилось приблизительно на 10%, что означает увеличение концентрации ионов водорода на 30% и снижению концентрации карбонатов на 16%. Эта тенденция в 100 раз интенсивнее, чем за последние 20 миллионов лет [1].

Существует серьезная проблема, что теория планетарных границ является новым направлением в экологии и остается много пробелов в знаниях. Так, например, еще у некоторых из перечислен-

ных планетарных границ не установлены четко барьеры, не обозначен период времени, в котором человечество может существовать, нарушая границы, без глобальных последствий для безопасности. Однако эта концепция выступает катализатором позитивных изменений в сфере экологической безопасности.

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И АНТРОПОЦЕН

Новые идеи и концепции для преодоления планетарных нагрузок были исследованы в докладах о человеческом развитии «Программы Развития Организации Объединенных Наций» [5]. В этом докладе сделан акцент, что наша планета уже проходила периоды неустойчивости самостоятельно, но подобное проходило многие миллионы лет, а человек всего 10–12 тысяч лет назад начал заниматься только сельским хозяйством и для нас это считается глубокой древностью. И поэтому у человека не остается возможности ждать решения планетой кризиса, нужно решать проблему самому.

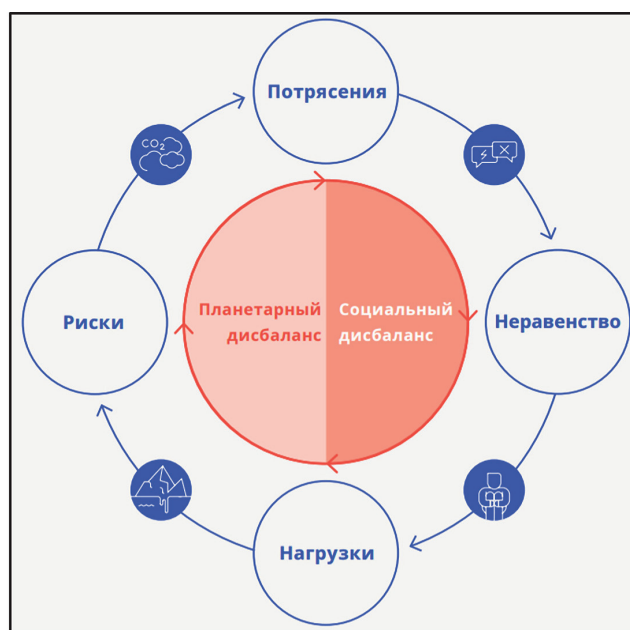

Рис. 1. Планетарный и социальный дисбаланс усиливают друг друга
Источник: Отдел по подготовке Доклада о человеческом развитии [5]

В этом докладе представлен подход, построенный на человеческом развитии, которое состоит в увеличении свобод человека и обеспечении больших возможностей выбора в соответствии со своими ценностями (рис.1). Также этот подход напоминает нам о том, что экономический рост является средством, а не целью [4]. Большой объем ресурсов играет роль, когда он справедливо распределен в рамках планетарных границ. Также рассматриваются такие аспекты человеческого развития: представительство (возможность принимать решения) и ценности (помогают принять решение).

Ценности содействуют нам в формировании направления жизненного выбора, они фундаментальны для нас в вопросе о представлении хорошей жизни. Но люди, имея ценности, не могут их реализовать без представительства. Почти 80% населения земли считают важными проблемы экологии, но лишь 40% готовы предпринять действия по защите планеты. Для сокращения и устранения этого разрыва обзревается вопрос стимулирования и регулирования, как они могут помочь человеку действовать в соответствии со своими ценностями. Особую роль в механизмах действия относят правительству, потому что оно обладает властью и полномочиями принимать решения.

Одним из механизмов является ценообразование, например стоимости углерода, он был оценен в 50–100 долларов США за тонну выброса углекислого газа. Однако политически это решение было не было поддержано практически всеми странами, так как повышая цену, это не гарантирует людям альтернативу и не снижение благополучия. Поэтому установление таких цен на выбросы углерода стоит применять в рамках широкого набора мер и программ. Так, например в Швеции цена превышает 100 долларов США за тонну [3], она была установлена в 1991 году, но для стабилизации правительство также понизило налоги в других секторах экономики и на зеленую энергетику. В итоге выбросы углерода уменьшились на 30% к пандемии, а экономика выросла более чем $\frac{3}{4}$ и составляют сейчас меньше 2-х процентов от общих. В Великобритании в 2013 году были введены налоги на выбросы углерода и электроэнергию, полученную от угля. В итоге за 5 лет такая политика привела к сокращению угольной электроэнергии с 40% до 3%.

Установление платы за выбросы углерода неминуемо приводит к росту цен на энергию и необходимы меры по защите уязвимых домохозяйств, упрощения их переходного процесса. Правительствам сначала нужно увеличить объем поддержки исследований и разработок, а потом постепенно уменьшать эту поддержку, когда технологии будут широко использоваться. Когда зеленая электроэнергия приближается к паритету затрат с электроэнергией на основе горючих ископаемых, тогда поддержка может быть направлена на внедрение, а затем постепенно отменена.

Еще одним успешным примером использования правительством механизмов регулирования экологически вредных процессов можно считать управление земельными ресурсами в Катскилл для обеспечения жителей Нью-Йорка чистой водой [7]. В 80-х годах XX века начала возникать проблема качества источников воды. Ситуацию осложняло то, что 70% земли в Катскилл было в частном владении, где фермеры в конкуренции использовали большое количество удобрений и концентрированное животноводство, что загрязняло воду. Стоимость системы фильтрации оценивалась в 5 миллиардов долларов США, а также годовые расходы эксплуатации в 250 миллионов долларов США. Правительство решило, что управление источниками загрязнения будет эффективнее, чем устранение его последствий. Поэтому департамент охраны окружающей среды города Нью-Йорка провел сессию учебных занятий с фермерами, в ходе которых улучшилось понимание обеих сторон и позволило совместно принять решение. В начале 1990-х годов была внедрена программа по борьбе с загрязнением при содействии процветанию местной деловой системы. У каждого фермера появилась команда, которая предоставила руководство по противодействию загрязнениям. Правительство оплатило расходы на персонал и капитальные затраты на борьбу с загрязнениями, а фермеры присоединились на добровольной основе. В итоге сейчас мы имеем, что вода в Нью-Йорке считается одной из самых чистых в мире. Более 9 миллионов жителей ежедневно получают водоснабжение в объеме 5 миллиардов литров.

В докладе о человеческом развитии говорится о том, что человечество должно развить ценности и представительство, чтобы снижать неравенство, стимулировать новые технологии и развивать культуру управления природными ресурсами. Соединить рост благополучия населения и снижением нагрузки на планету можно лишь тогда, когда инновации, равенство и рациональное управление будут в совокупности обладать большим весом при принятии разного рода решений и станут фундаментальными в определении представления о хорошей жизни.

БИОМИМИКРИЯ

Биомимикрия – это новое направление в науке и инженерии, основанное на заимствовании идей у природы для решения человеческих задач. Природа за миллиарды лет создала эффективные

механизмы адаптации, энергосбережения, очистки воды, воздуха и многое другое.

Примером заимствования может послужить изобретение самолета. Для взлета и полета люди старались скопировать взмахи крыльями птиц, а нужно было изучить строение крыла. Воздух над ним движется быстрее, чем под, и соответственно там понижается давление, что и позволяет птице парить продолжительное время в воздухе без взмахов [2].

Также люди стали изучать и процессы в природе, такие как мурмуляция. Мурмуляция – это явление скоординированного полёта огромных стай птиц, образующих динамические объёмные фигуры переменной плотности. Это явление прежде всего защитный механизм спасения от хищников. Одной особи достаточно следить за поведением семи соседей, чтобы успешно уворачиваться. Чем больше стая, тем тяжелее охотиться. Этот принцип взяло на вооружение Министерство обороны США. Они создали целую систему из микро-дронов, которые успешно стали выполнять разведку, доставлять взрывчатку, а также стаями нападать на вражескую технику. Всего в стае было 103 БПЛА, которые запустили из истребителей. Также такую технологию стали применять и в сельском хозяйстве (рис. 2).

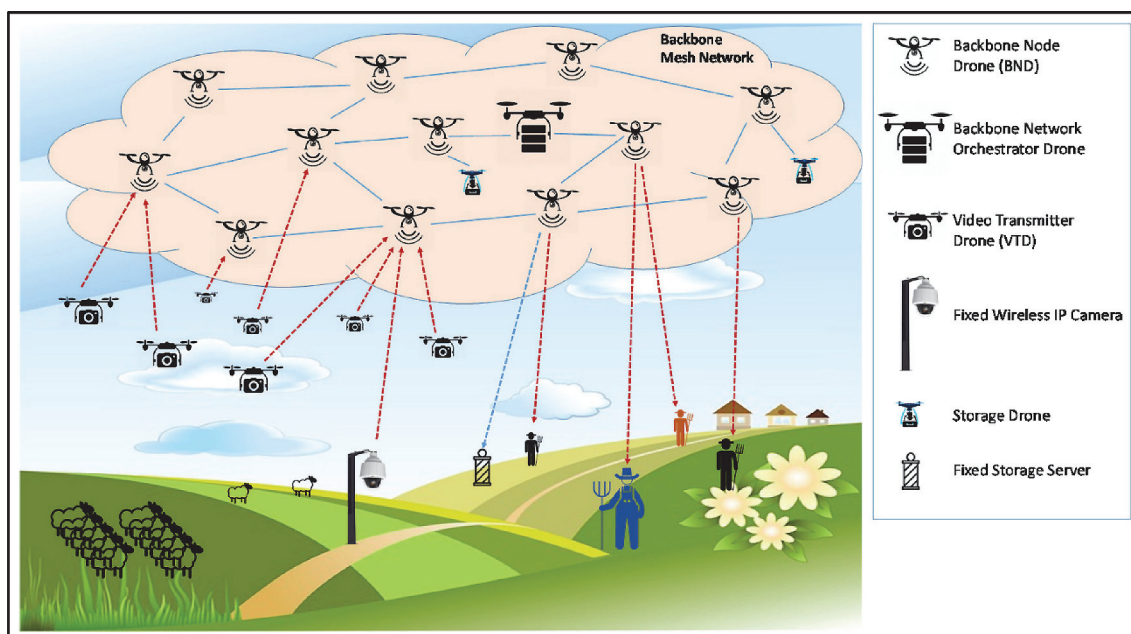

Рис. 2. Использование сети БПЛА на основе мурмуляции

Источник: Проектирование программно-определяемой сети, развернутой на базе флота беспилотников [8]

Таких технологий, которые опирались на заимствовании концепций у природы, очень много. Биомимикрия может играть роль моста между инженерской деятельностью человека и сохранением окружающей среды.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Безопасность завтрашнего дня невозможна без новых подходов в экологии. Выше были приведены передовые концепции, которые уже внесли большой вклад в науку, но необходима широкая интеграция научных, технологических, экономических и социальных инноваций для достижения устойчивого развития. Это задача не только чиновников и ученых, но и ответственность каждого человека, лишь объединив усилия на всех уровнях – от международного до личного – мы сможем сохранить планету для будущих поколений. Экология сегодня – это не только наука о природе, но и основа для формирования новой этики взаимоотношений человека и окружающего мира.

Список литературы

1. Гребнева, Е.А. Оценка водородного показателя pH как индикатора изменений геосистемы моря под влиянием климатических факторов и биогеохимических процессов : автореферат дис. ... кандидата географических наук / Гребнева Елена Александровна. – Севастополь, 2026. – 148 с. – Текст : непосредственный.
2. Бионические закономерности при проектировании воздушного транспорта / У. Ф. у. Исламов // Scientific Journal Impact Factor. – 2023. – С. 172–178. – Текст : непосредственный.
3. Исмаилова, О.Д. Ценообразование на углеродные выбросы: мировой опыт / О. Д. Исмаилова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2023. – Т. 39, № 4. – С. 470–495. – Текст : непосредственный.
4. Программа ООН по окружающей среде. Глобальная экологическая перспектива, седьмое издание: будущее, которое мы выбираем = Global Environment Outlook 7: a future we choose : доклад / Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП). – Найроби, 2025. – 1 файл (PDF). – URL: <https://www.unep.org/ru/> (дата обращения: 15.05.2026). – Текст : электронный.
5. Программа развития Организации Объединенных Наций. Доклад о человеческом развитии 2020: следующий рубеж: человеческое развитие и антропоцен = Human Development Report 2020: the next frontier: human development and the Anthropocene / Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН). – Нью-Йорк, 2021. – 410 с. – ISBN 978-92-1-126442-5. – Текст : непосредственный.
6. Rockström, J. Planetary boundaries: exploring the safe operating space for humanity / J. Rockström [et al.] // Ecology and Society. – 2009. – Vol. 14, no. 2. – Art. 32. – 32 p. – DOI: 10.5751/es-03180-140232. – Текст : непосредственный.
7. Environmental Protection Agency. Protecting Sources of Drinking Water: Selected Case Studies in Watershed Management / Environmental Protection Agency, Office of Water. – Washington, D.C., 1999. – 1 файл (PDF). – Report No.: EPA 816-R-98-019. – URL: <https://www.epa.gov/safewater/swp/swpcases.pdf> (дата обращения: 08.06.2026). – Текст : электронный.
8. Rametta, C. Designing a Softwarized Network Deployed on a Fleet of Drones for Rural Zone Monitoring / C. Rametta, G. Schembra. – Текст : электронный // Future Internet. – 2017. – Vol. 9, iss. 1. – Art. 8. – URL: <https://www.mdpi.com/1999-5903/9/1/8> (дата обращения: 08.06.2026).

**«КОМПЕНСАЦИЯ ЗА НАРУШЕНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА»
СТ. 1252.1 ГК РФ: ПРОБЛЕМЫ РАСЧЁТА И ДОКАЗЫВАНИЯ**

Задорожная Евгения Владимировна¹,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры гражданского и уголовного права и процесса

e-mail: evgenia.zadorojnaia@yandex.ru

Артамонов Иван Андреевич¹,

студент,

email: artamonovbivan@gmail.com

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

В статье автор указывает актуальность темы исследования, связанной с теоретическими основами гражданского права, в частности с новой статьёй 1252.1 Гражданского Кодекса РФ. Автор проводит анализ судебной практики, а также ряда теоретических работ, на основе этого анализа формирует авторское мнение о правовом регулировании, связанное с взысканием компенсации за нарушение исключительных прав в РФ – с акцентом на изменения в Гражданском Кодексе РФ от 7 июля 2025 года № 214-ФЗ (вступили в силу 4 января 2026 года), закрепившие статью 1252.1 ГК РФ «Компенсация за нарушение исключительного права».

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, исключительное право, компенсация, расчет компенсации, судебная практика, Гражданский кодекс Российской Федерации.

**«COMPENSATION FOR INFRINGEMENT OF AN EXCLUSIVE RIGHT»
UNDER ARTICLE 1252.1 OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION:
PROBLEMS OF CALCULATION AND PROOF**

Zadorozhnaya Evgeniya Vladimirovna¹,

Candidate of Law Sciences,

Associate Professor, Department of Civil and Criminal Law and Procedure,

e-mail: evgenia.zadorojnaia@yandex.ru.

Artamonov Ivan Andreevich¹,

student,

e-mail: artamonovbivan@gmail.com

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Russia, Moscow

In the article, the author points out the relevance of the research topic related to the theoretical foundations of civil law, in particular with the new article 1252.1 of the Civil Code of the Russian Federation. The author analyzes judicial practice, as well as a number of theoretical works, and based on this analysis forms the author's opinion on legal regulation related to the recovery of compensation for violations of exclusive rights in the Russian Federation, with an emphasis on amendments to the Civil Code of the Russian Federation No. 214-FZ dated July 7, 2025 (effective January 4, 2026) which fixed Article 1252.1 of the Civil Code of the Russian Federation "Compensation for violation of an exclusive right".

Keywords: intellectual property, exclusive right, calculation of compensation, intellectual property, judicial practice, Civil Code of the Russian Federation.

Современный оборот объектов интеллектуальной собственности связан с работой онлайн-платформ, позволяющих распространять контент. Увеличение количества произведений обуславливает количество нарушений исключительных прав, провоцируя все новые судебные споры.

Если есть нарушение, требуются меры, направленные на защиту права. Одним из таких инструментов защиты можно рассматривать компенсацию за нарушение исключительного права, предусмотренную ст. 1252 Гражданского кодекса Российской Федерации. Закрепленный механизм направлен на защиту правообладателей и не требует от правообладателей усилий по доказыванию размера убытков. Вместе с тем, он позволяет говорить о существующих проблемах в правоприменительной практике:

- 1) нет единого подхода к определению размера компенсации. Критерии «разумности» и «справедливости» подвижны. Нет единого понимания их пределов;
- 2) сам факт нарушения доказывать сложно, особенно в цифровой сфере;
- 3) нет единого подхода к выбору мер гражданско-правовой ответственности.
- 4) На практике возникают проблемы с расчётом размера компенсации, что существенно усложняет процесс доказывания деяния.

Цель исследования заключается в формулировании правовой характеристики механизма расчета и доказывания размера компенсации в соответствии с положениями статьи 1252.1 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Объект исследования – общественные отношения, возникающие в связи с реализацией права на защиту интеллектуальной собственности путем взыскания компенсации.

Предмет исследования составляют нормы гражданского законодательства РФ (ч. 4 ГК РФ), регулирующие порядок определения компенсации, судебная практика (постановления Пленумов ВС РФ, обзоры судебной практики, конкретные дела), а также доктринальные подходы к пониманию правовой природы компенсации.

Говоря об исключительных правах, следует дать общую характеристику интеллектуальных прав. Интеллектуальное право в субъективном смысле – исключительное право, являющееся имущественным правом, а в случаях, предусмотренных законом, также личные неимущественные права и иные права (право следования, право доступа и другие) на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации). Интеллектуальные права не зависят от права собственности и иных вещных прав на материальный носитель (вещь), в котором выражены соответствующие результаты интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации [6].

Итак, интеллектуальные права включают исключительное (имущественное) право, а также – в предусмотренных законом случаях – личные неимущественные и иные права (например, право следования и право доступа) на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. При этом они существуют независимо от права собственности на материальный носитель, в котором такие результаты или средства выражены.

Если рассматривать интеллектуальное право в объективном смысле, то это совокупность правовых норм, регулирующих отношения, связанные с установлением, осуществлением и защитой прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации [6].

То есть речь идёт не о субъективных правах конкретного лица, а о нормативно-правовой базе – законах, положениях и правилах, формирующих правовой режим охраны интеллектуальной собственности в обществе.

Компенсация, по мысли авторов ГК, должна упростить возмещение имущественных потерь правообладателя в условиях, когда точный размер, а в некоторых случаях – даже факт несения убытков (например, когда контрафактные экземпляры распространяются на территории, где правообладатель их не распространяет) может быть определен [10].

Статья 1252.1 ГК РФ предоставляет правообладателю право требовать от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации. При этом правообладатель, обратившийся за защитой своего права, освобождается от доказывания размера причиненных ему убытков [1]. Легальное определение компенсации отсутствует, однако в доктрине и судебной практике она рассматривается как особая форма гражданско-правовой ответственности, сочетающая в себе элементы возмещения вреда и штрафной санкции.

До введения статьи 1252.1 ГК РФ (с 4 января 2026 года) расчёт компенсации за нарушение исключительного права регулировался другими нормами ГК РФ, которые различались в зависимости от вида нарушенного права. Проанализировав несколько судебных решений по защите судебных прав (например, Решение № 2–4071/2025 от 26 октября 2025 г. по делу № 2–4071/2025; Решение № 2–3476/2025 2–3476/2025~М–2972/2025 М–2972/2025 от 27 октября 2025 г. по делу № 2–3476/2025), можно сделать вывод, что ранее суды пользовались следующими статьями, а именно:

1. Статья 1301 ГК РФ – ответственность за нарушение исключительного права на произведение. До изменений 2026 года эта статья предусматривала, что правообладатель мог требовать от нарушителя выплаты компенсации вместо возмещения убытков. Размер компенсации определялся судом в пределах, установленных законом, с учётом характера и последствий нарушения. Конкретные диапазоны размеров компенсации для разных видов нарушений тогда были иными, чем после введения ст. 1252.1;

2. Статья 1515 ГК РФ – защита прав на товарный знак. До изменений предусматривала возможность взыскания компенсации за нарушение прав на товарный знак. Минимальный и максимальный размеры компенсации для таких случаев также были ниже, чем после 2026 года;

3. Статья 1406.1 ГК РФ предусматривала порядок урегулирования вопроса о выплате компенсации в случае нарушения патентных прав, вводила определенные рамки относительно сумм выплат;

4. Защита исключительных прав предусмотрена ст. 1252 ГК РФ. Ранее она только в общих чертах позволяла сформировать представление о способах защиты. В ней отсутствовали правила расчета компенсации. Позднее это было исправлено дополнением указанного кодекса статьёй 1252.1 [4, 5].

Принцип возмещения убытков не в полной мере отражал потребности правоприменительной практики. Процесс взыскания компенсации усложнялся. Требовалось большое количество документов для подтверждения размера ущерба. Отсутствовал единый подход к определению степени вины правонарушителя [7].

С принятием ст. 1252.1 ГК РФ многие проблемы были решены. Унификация подходов к вопросу расчетов компенсации позволила изменить способы исчисления последней. Законодатель предусмотрел повышенные пределы при расчёте компенсации для определенных видов правонарушений. Изменились правила, касающиеся учета степени вины нарушителя и др.

Итак, до внесения поправок в законодательство размер компенсации рассчитывался с использованием различных статей ГК РФ.

В июле 2025 года часть четвертая Гражданского кодекса Российской Федерации была реформирована. Среди поправок отметим уже упоминаемое введение в действие с 4 января 2026 года статьи 1252.1 «Компенсация за нарушение исключительного права».

Пункт 2 указанной статьи предполагает взыскание компенсации при наличии факта правонарушения. Который является доказанным. Размер убытков правообладатель теперь доказывать не обязан.

Существуют различные способы расчета:

- 1) в твердом размере. В этом случае предусмотрен размер от 10000 до 1000000 рублей против ранее предусмотренного размера в 5000000 рублей;
- 2) в двукратном размере стоимости контрафактных носителей;
- 3) в двукратном размере стоимости права использования.

Сложности обычно вызывает определение размера количества объектов интеллектуальной собственности, располагающихся на одном носителе. Точку поставило определение в п. 4 ст. 1252.1 императивного правила, в соответствии с которым нарушенные права на одном носителе формируют единое нарушение.

Если на товаре использованы разные виды объектов (например, патент и товарный знак), расчет ведется от наибольшего минимального до наибольшего двукратного максимального предела, предусмотренного для этих объектов. В доктрине данное положение уже подвергнуто критике: создается парадокс, при котором использование десяти товарных знаков на одной единице товара может быть наказуемо менее строго, чем использование одного знака на десяти разных товарах [3].

Законодатель усилил роль суда в определении соразмерности ответственности. Во-первых, закреплено право суда изменить способ расчета: если выбранный истцом способ (например, двукратная стоимость) не применим к обстоятельствам дела, суд может самостоятельно перейти к взысканию компенсации в твердом размере (п. 3 ст. 1252.1). Ранее это влекло отказ в иске. Во-вторых, введен механизм снижения ответственности для добросовестного, но неосмотрительного предпринимателя. Пункт 7 статьи 1252.1 предоставляет суду право снизить компенсацию ниже установленных минимумов, если нарушитель, осуществляя предпринимательскую деятельность, «не знал и не должен был знать» о нарушении. В этом случае «твердая» компенсация может быть уменьшена до диапазона 10 000 – 500 000 рублей, а расчеты, кратные стоимости, — до однократного размера. Это правило направлено на защиту розничных продавцов и распространителей, ставших жертвами контрафактных поставок [8].

В целом, статья 1252.1 ГК РФ знаменует переход от формальной альтернативности способов расчета к гибкому усмотрению суда, связанному законодательными пределами. Увеличение верхней планки компенсации до 10 млн рублей повышает обеспечительную функцию права, а механизмы снижения и солидарной ответственности направлены на исключение злоупотреблений как со стороны «профессиональных» истцов, так и со стороны недобросовестных нарушителей. Введение «правила одного товара», несмотря на критику со стороны ряда экспертов, направлено на реализацию принципа соразмерности ответственности экономическому результату нарушения.

В рамках проведенного исследования института компенсации за нарушение исключительного права, закреплённого в статье 1252.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, были выявлены как теоретические, так и практические проблемы его применения, прежде всего связанные с порядком расчёта и доказывания размера компенсации.

Анализ действующего законодательства и судебной практики показал, что компенсация выступает эффективным альтернативным способом защиты исключительных прав, позволяющим правообладателю избежать сложностей, связанных с доказыванием реального ущерба. Отсутствие четких

критериев определения суммы компенсации, усложняет работу судей. Это подтверждается, в частности, различиями в подходах к снижению компенсации ниже минимального предела, учёту добросовестности нарушителя и определению последствий множественности нарушений.

Не менее значимым является вопрос доказывания. Несмотря на формальный отказ от необходимости доказывания убытков, правообладатель фактически обязан обосновывать заявленный размер компенсации, предоставляя косвенные доказательства (например, стоимость лицензии, рыночные условия, масштаб нарушения). Отсутствие чётких стандартов доказывания также способствует неоднородности судебной практики.

В целях совершенствования правового регулирования представляется целесообразным разработать более детализированные критерии определения размера компенсации; сформировать единые подходы в судебной практике, возможно, через разъяснения высших судебных инстанций; уточнить стандарты доказывания, снизив степень неопределённости для правообладателей.

Таким образом, несмотря на значительный потенциал института компенсации как средства защиты исключительных прав, его эффективность во многом зависит от дальнейшего развития законодательства и унификации правоприменительной практики.

Список литературы

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая)» от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.01.2026) // СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.
2. Федеральный закон от 07.07.2025 № 214-ФЗ «О внесении изменений в часть четвёртую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.
3. Разъяснения прокуратуры Владимирской области // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2025 (август). – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_33/activity/legal-education/explain/?ysclid=mqr8ucnefk208988218 (дата обращения: 30.07.2026). – Текст : электронный.
4. Судебное решение № 2–4071/2025 от 26 октября 2025 г. по делу № 2–4071/2025
5. Судебное Решение № 2–3476/2025 2–3476/2025~М–2972/2025 М–2972/2025 от 27 октября 2025 г. по делу № 2–3476/2025
6. Устинова, А.В. Гражданское право : учебник. – Москва : Проспект, 2025. – 496 с. – Текст : непосредственный.
7. Коломейцева, В.Ю., Агibalова, Е.Н. Возмещение убытков и компенсация как способы защиты нарушенных исключительных прав // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 3-1. – С. 203–206. – DOI: 10.24412/2500-1000-2021-3-1-203-206. – Текст : непосредственный.
8. Обзор изменений СПС «КонсультантПлюс» ; комментарий Р.И. Ситдиковой. – 2025. – Текст : электронный.
9. Новые правила определения и распределения компенсации... // Адвокатская газета. – 2026. – № 4 (453) (февраль).
10. Новоселова, Л.А. Компенсация за нарушение исключительных прав: основные тенденции развития // Вестник ФИПС. – 2024. – Т. 3, № 3 (9). – С. 220–231. – Текст : непосредственный.

УДК 349.6

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ИЗЪЯТИЯ ЖИВОТНЫХ И (ИЛИ) ПРОДУКЦИИ
ЖИВОТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПРИ ЛИКВИДАЦИИ ОЧАГОВ
ОСОБО ОПАСНЫХ БОЛЕЗНЕЙ ЖИВОТНЫХ**

Задорожная Евгения Владимировна¹,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры гражданского и уголовного права и процесса,

e-mail: evgenia.zadorojnaia@yandex.ru.

Бигун Маргарита Дмитриевна¹,

студент,

e-mail: enwyvn@yandex.ru

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

Статья посвящена комплексному юридическому анализу правовых оснований и механизмов принудительного изъятия животных и продукции животного происхождения в контексте обострения эпизоотической ситуации на территории регионов Сибири. Автор исследует действующее законодательство, регламентирующее порядок отчуждения имущества для обеспечения биологической и эпизоотической безопасности территорий. В статье выявляются существующие коллизии и проблемы в регулировании режима чрезвычайных ситуаций биологического характера.

Ключевые слова: регионы Сибири, эпизоотия, ветеринарное законодательство, изъятие животных, продукции животного происхождения, особо опасные болезни животных, указы губернаторов, карантин, компенсация, рыночная стоимость имущества, правила утилизации.

**THE LEGAL BASIS FOR THE REQUISITION OF ANIMALS AND (OR) PRODUCTS
OF ANIMAL ORIGIN IN THE LIQUIDATION OF CENTERS OF PARTICULARLY
DANGEROUS ANIMAL DISEASES**

Zadorozhnaya Evgeniya Vladimirovna¹,

Candidate of Law Sciences,

Associate Professor, Department of Civil and Criminal Law and Procedure,

e-mail: evgenia.zadorojnaia@yandex.ru

Bigun Margarita Dmitrievna¹,

student,

e-mail: enwyvn@yandex.ru

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Russia, Moscow

The article is devoted to a complex legal analysis of the legal basis and mechanisms for the forced requisition of animals and products of animal origin in the context of worsening epizootic situation in the Siberian regions. The author examines the current legislation regulating the procedure for the alienation of property to ensure the biological and epizootic safety of territories. The article identifies existing conflicts and problems in the regulation of biological emergencies.

Keywords: regions of Siberia, epizootics, veterinary legislation, requisition of animals, products of animal origin, particularly dangerous animal diseases, decrees of governors, quarantine, compensation, market value of property, rules of liquidation.

ВВЕДЕНИЕ

Эпизоотическая ситуация в Сибирском федеральном округе в 2026 году трансформировалась в масштабный биологический кризис регионального значения. Наиболее критическое положение зафиксировано на территориях Республики Хакасия, Республики Алтай, а также в южных регионах Красноярского края и Новосибирской области. Вспышка пастереллёза домашнего скота, а также очаги бешенства, приняли характер чрезвычайной ситуации биологического характера, которая потребовала введения жёстких ограничительных режимов и мобилизации органов ветеринарного надзора.

Государственные органы исполнительной власти акцентируют внимание на том, что распространение эпизоотических очагов связано с халатностью при ведении личных подсобных хозяйств, наряду с аномальными погодными условиями зимнего периода 2025-2026 года.

Отсутствие надлежащего ветеринарно-санитарного контроля, игнорирование требований по вакцинации поголовья, а также несанкционированное перемещение скота и продукции животного происхождения в условиях начавшегося кризиса способствовали стремительному распространению возбудителя.

Целью данного исследования является правовой анализ оснований и фактической процедуры изъятия животных и (или) продуктов животного происхождения, а также оценка законности ограничений в выплате компенсаций владельцам.

Задачи исследования:

1. Провести системный анализ федерального законодательства, в частности Закона РФ «О ветеринарии», и профильных подзаконных актов, определяющих основания и порядок отчуждения животных при возникновении биологических угроз;

1. Исследовать правовой механизм выплаты денежной компенсации;

2. Раскрыть противоречия в правилах утилизации животных и (или) продуктов животного происхождения;

3. Сформулировать проблемы, с которыми сталкиваются сельхозпроизводители Сибири в условиях эпизоотии 2026 года и предложить пути их решения.

Российское ветеринарное законодательство выстраивает чёткую последовательность действий при возникновении биологических угроз.

Согласно статье 17 Закона «О ветеринарии», обнаружение очагов инфекций на территориях двух и более субъектов Российской Федерации влечёт за собой обязательное введение ограничительных мероприятий (карантина) решением главы региона (губернатора) по представлению ветеринарной службы [4].

Данная норма накладывает на собственников животных обязанности по немедленному извещению специалистов о случаях внезапного массового заболевания, в том числе беспрекословное выполнение требований ветеринаров по изоляции больных особей.

В свою очередь, статья 19 выполняет роль «юридического предохранителя» для владельцев скота, гарантируя им компенсацию за потери, понесённые в интересах биологической безопасности общества.

Она устанавливает механизм принудительного изъятия (реквизиции) имущества в экстренных ситуациях, прямо закрепляя право собственников на полную компенсацию. Выплаты производятся за счёт бюджетных средств исходя из рыночной стоимости изъятых продуктов, что минимизирует финансовые потери граждан и организаций.

Практическая реализация положений статьи 17 Закона «О ветеринарии» находит своё отражение в указах глав субъектов РФ о введении ограничительных мероприятий (карантина).

Анализ данных правовых актов, принятых в ряде регионов Сибири в 2026 году, позволяет выделить жёсткую структуру зонирования территорий. Типичным примером служит Указ Губернатора Красноярского края от 16 марта 2026 года № 53-уг «Об установлении ограничительных мероприятий (карантина) по заболеванию — бешенству животных на отдельной территории городского округа Норильск Красноярского края».

В данном документе обособляется эпизоотический очаг (конкретные земельные участки с кадастровыми номерами) и неблагополучный пункт (зона риска в радиусе до 3 километров). Режим карантина, устанавливаемый в среднем на два месяца, предполагает полный запрет на перемещение животных, проведение выставок и ярмарок, лечение заболевших особей и прочее.

Согласно Постановлению Правительства РФ № 310, принудительное изъятие скота законно только при составлении индивидуального Акта об изъятии, фиксирующего состояние животного и подписываемого обеими сторонами [6].

На практике же, в частности в Новосибирской области, были зафиксированы случаи «потокowego» изъятия имущества без должного документального оформления. По сообщениям в СМИ и социальных сетях, процедура нередко сопровождается силовым давлением при участии полиции, угрозами административного или уголовного преследования, а также сокрытием информации о диагнозе [2].

Проведение ликвидационных мероприятий в отсутствии владельцев животных и без предъявления актов не только нарушает конституционные права граждан, но и лишает возможности получения компенсаций, предусмотренных статьёй 19 Закона «О ветеринарии».

Порядок реквизиции имущества определяется нормами ст. 242 ГК РФ. Предусмотренные федеральными гарантиями выплаты осуществляются за счет бюджетов иного уровня, что не всегда гарантирует получение денег на практике. Не решает проблему и обращение в суд. Отсутствие ресурсов не позволяет выполнить обязательства. Недовольные владельцы требуют увеличения размеров компенсации за каждую единицу скота, увезенного на утилизацию [10].

В 2026 году правоприменительная практика в Сибири обнажила глубокий конфликт между ветеринарными правилами и экологическим законодательством.

Исполнение Приказа Минсельхоза №677 требует немедленного сжигания павших животных, но введенный указами губернаторов особый противопожарный режим наложил юридический запрет на традиционное сжигание туш в траншеях, квалифицируя его как нарушение правил пожарной безопасности в лесах [7]. Параллельно с этим нормы ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» [9] и требования СанПин исключили возможность массового открытого горения из-за выбросов токсичных веществ.

Технологическим компромиссом могли стать мобильные инсинераторы, однако практика 2026 года показала их катастрофическую нехватку. В результате, согласно упоминаниям в СМИ, участились случаи незаконных захоронений в грунт, что прямо запрещено законом.

Исследование выявило комплекс системных проблем.

Проблема №1: Оценочное несоответствие

Статья 242 ГК РФ требует возмещения рыночной стоимости, а региональные акты устанавливают фиксированные ставки.

Решение: закрепить в Законе «О ветеринарии» обязательность привлечения независимого оценщика в момент изъятия.

Проблема №2: межотраслевая нормативная коллизия

Ветеринарные правила требуют сжигать туши, а противопожарный режим и законы об охране атмосферного воздуха это запрещают.

Решение: разработка и внедрение системы специализированных стационарных или мобильных комплексов для термической утилизации биологических отходов, оборудованных высокоэффективными инсинераторами.

Проблема №3: кадровый дефицит госветслужб

Нехватка квалифицированных ветеринарных инспекторов для оперативного и юридически грамотного оформления документов при массовых вспышках.

Решение: формирование мобильных групп из федерального резерва Россельхознадзора для усиления региональных служб в зонах ЧС.

Проблема №4: информационный вакуум

Недостаток официальных разъяснений о правах собственников и порядке получения выплат, что порождает слухи и социальное сопротивление.

Решение: создание системы автоматического СМС-информирования жителей карантинной зоны с пошаговой инструкцией действий и ссылками на образцы документов.

Опыт 2026 года подтвердил, что теоретическая основа действующего ветеринарного законодательства разбивается о практику неисполнения финансовых и инфраструктурных обязательств государства.

Противоречия между рыночным принципом оценки и региональными тарифными ставками создали условия для затяжных судебных конфликтов. Параллельно с этим отсутствие подготовленных площадок и дефицит мобильных крематоров привели к нарушению запрета захоронения в грунт.

Требуется интеграция ветеринарного, экологического и бюджетного законодательства. Необходимо предусмотреть законодательно единую систему оперативного реагирования для нивелирования риска повторения сибирского сценария.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.04.2026). – Текст : электронный.
2. В Новосибирской области ввели карантин из-за вспышки эпизоотии // РБК Новосибирск : [сайт]. – 2026. – 12 марта. – URL: <https://nsk.rbc.ru/nsk/12/03/2026/69b24acd9a794713a760828e> (дата обращения: 04.04.2026). – Текст : электронный.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.04.2026). – Текст : электронный.
4. Закон РФ от 14.05.1993 № 4979-1 «О ветеринарии» (ред. от 29.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.04.2026). – Текст : электронный.
5. Заплатили не всем: фермеры требуют пересмотра компенсаций // Деловой Петербург : [сайт]. – 2026. – 18 марта. – URL: <https://www.dp.ru/a/2026/03/18/zaplatili-ne-vsem-fermeri> (дата обращения: 04.04.2026). – Текст : электронный.
6. Постановление Правительства РФ от 26.05.2006 № 310 «Об утверждении Правил изъятия животных и (или) продукции животного происхождения при ликвидации очагов особо опасных болезней животных» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.04.2026). – Текст : электронный.

7. Приказ Министерства сельского хозяйства РФ от 11.11.2024 № 677 «Об утверждении Ветеринарных правил сбора, хранения, перемещения, утилизации и уничтожения биологических отходов» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.04.2026). – Текст : электронный.
8. Указ Губернатора Красноярского края от 16.03.2026 № 53-уг «Об установлении ограничительных мероприятий (карантина) по заболеванию — бешенству животных на отдельной территории городского округа Норильск Красноярского края» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.04.2026). – Текст : электронный.
9. Федеральный закон «Об охране атмосферного воздуха» от 04.05.1999 № 96-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.04.2026). – Текст : электронный.
10. *Штурма, Я.*, Башлыкова, Н. Было и стадо: ущерб фермеров от убоя скота за месяц оценили в 1,5 млрд // Известия. – 2026. – 19 марта. – URL: <https://iz.ru/2061828/iana-shturma-natalia-bashlykova/bylo-i-stado-ushcherb-fermerov-ot-uboya-skota-za-mesyac-ocenili-v-1-5-mlrd> (дата обращения: 04.04.2026). – Текст : электронный.

ФЕНОМЕН КОНСТИТУЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ**Задорожная Евгения Владимировна¹,***кандидат юридических наук,**доцент кафедры гражданского и уголовного права и процесса,**e-mail: evgenia.zadorojnaia@yandex.ru***Караев Илёс Джалолович¹,***студент,**e-mail: akhmedkaray@mail.ru*¹*АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Россия, Москва*

В статье исследуется феномен конституционной идентичности как ключевого элемента для обеспечения суверенитета и безопасности государства в условиях различного рода трансформаций. Конституционная идентичность рассматривается как совокупность национальных правовых и социокультурных особенностей государства. Сущность указанного принципа раскрывается как правовая преграда для сторонников непредсказуемой экспансии наднационального регулирования, базирующаяся на осознании гражданами причастности к укреплению России как самобытного государства-цивилизации, интегрирующего различные этносы и конфессии.

Ключевые слова: конституционная идентичность, суверенитет, национальный правопорядок, государство-цивилизация, идентичность.

THE PHENOMENON OF RUSSIA'S CONSTITUTIONAL IDENTITY**Zadorozhnaya Evgeniya Vladimirovna¹,***Candidate of Law Sciences,**Associate Professor, Department of Civil and Criminal Law and Procedure,**e-mail: evgenia.zadorojnaia@yandex.ru.***Karaev Iles Jalolovich¹,***student,**e-mail: akhmedkaray@mail.ru*¹*ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia*

The article examines the phenomenon of constitutional identity as a key element for ensuring the sovereignty and security of the state in the context of various transformations. Constitutional identity is considered as a set of national legal and socio-cultural features of the state. The essence of this principle is revealed as a legal barrier for supporters of the unpredictable expansion of supranational regulation, based on citizens' awareness of their involvement in strengthening Russia as an original state-civilization integrating various ethnic groups and faiths.

Keywords: constitutional identity, sovereignty, national legal order, state-civilization, identity.

Минимальные условия для организации жизни и основных сфер деятельности роста человечества в глобальных масштабах — это всеобщая идентичность, солидарность, ресурсная база и коллективная деятельность. В результате социальной и культурной эволюции, принимающей форму смены культур и технологий и их распространение, образуются благоприятные условия для разнообразия и процветания. Политическим следствием подобного разнообразия является не возникновение новых

мощных держав, а государств и международных сетевых структур, режимов и доменов, при которых общности и человеческие личности получают удовлетворение от открытости, свободы и автономии, пробуждающие творческую энергию [3].

Под конституционной идентичностью подразумевается совокупность национальных правовых и социокультурных особенностей того или иного государства, выражающихся в его конституционных нормах о фундаментальных правах и основах конституционного строя. По мнению российского ученого-конституционалиста В.Д. Зорькина, «...концепция национальной конституционной идентичности позволяет определять наиболее значимые положения Конституции и основанного на них национального правопорядка и служит сдерживающим фактором, правовой преградой на пути непредсказуемой активистской экспансии со стороны наднационального регулирования»¹. Программные положения конституционной идентичности России базируются на недопустимости посягательств на основы конституционного строя Российской Федерации, выраженные в Конституции Российской Федерации, имеющие, высшую юридическую силу. Под «посягательством» понимается субъективное толкование Европейским Судом по правам человека норм международного права в конкретном деле, содержащееся в его Постановлениях, подлежащих исполнению договаривающейся стороной, реализация которого не согласуется с конституционным правопорядком государства [7].

В научной литературе встречаются рассуждения о «принципе конституционной идентичности» [10], о национальной и культурной идентичности [12], об общероссийской культурной идентичности [11] о формировании культурной и политико-правовой идентичности индивидов и этнических групп [5], о закрепленных в Конституции РФ нравственных императивах выступающих гарантией русской национальной идентичности и основой конституционно-правовой защиты суверенитета многонациональной России [1], об утрате государственной идентичности, о кризисе национальной идентичности, о вызовах сохранению идентичности и суверенитета, о геополитической идентичности, об экономической идентичности [9], о формировании российской цивилизационной идентичности [2], о политической идентичности как источнике конфликтов [14], о национальной и гражданской идентичности [12].

Феномен идентичности становится предметом самостоятельных исследований. В доктринальных источниках рассматривается идентичность, под которой понимается «самосознание человека и общественной группы, отождествление себя с определённым устойчивым набором черт и свойств, позволяющим не только провести разграничение с другими людьми и группами, но и определяющим широкий круг целеполаганий, жизненных установок, потребностей и предпочтений, а в конечном итоге, прав и обязанностей индивида». Исследуются различные дефиниции идентичности и ее виды, связь идентичности и суверенитета, исторические основания российской идентичности [4]. Одной из важнейших черт российской идентичности является осознание российскими гражданами их причастности к общероссийскому единству, осмысление природы России как самобытного государства-цивилизации. В числе значимых признаков российской государственности следует назвать многообразие народов, религий, культур. Неслучайно, говоря о задаче укрепления нашего «исторического государства», Президент Российской Федерации В.В. Путин в 2012 г. определял его как государство-цивилизацию, «которое способно органично решать задачу интеграции различных этносов и конфессий» [8].

¹ Зорькин В.Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика. Доклад на Международной конференции «Конституционное правосудие: доктрина и практика». г. Санкт-Петербург, 16 мая 2017 года // <http://www.ksrf.ru>.

Список литературы:

1. *Бабурин, С.Н.* Российское государство и русская государственность в вихрях мировоззренческих трансформаций // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2024. – № 12 (124). – Текст : электронный.
2. *Багдасарян, С.Д.* Политические трансформации в Российской Федерации (1991–2020 гг.) // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2021. – № 3 (29). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-transformatsii-v-rossiyskoy-federatsii-1991-2020-gg> (дата обращения: 08.01.2026). – Текст : электронный.
3. *Воркунова, О.А.* Этапы исторического развития и трансформация региональных пространств // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2018. – № 1 (794). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-istoricheskogo-razvitiya-i-transformatsiya-regionalnyh-prostranstv> (дата обращения: 08.01.2026). – Текст : электронный.
4. Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2021. – Т. 17, № 1. – С. 6–12.
5. *Зорькин, В.Д.* Конституционная идентичность России: доктрина и практика : доклад на Международной конференции «Конституционное правосудие: доктрина и практика» (Санкт-Петербург, 16 мая 2017 г.) / В.Д. Зорькин ; участники: А.Е. Загребин, А.П. Козырев, А.В. Логинов, В.В. Наумкин, А.А. Маслов, В.И. Петрушко, А.Ю. Полунов, А.В. Саввин. – URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 15.06.2026). – Текст : электронный.
6. *Мухортов, В.В.* Политическая трансформация суверенных государств в условиях глобализации // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. – 2012. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-transformatsiya-suverennyh-gosudarstv-v-usloviyah-globalizatsii> (дата обращения: 08.01.2026). – Текст : электронный.
7. Основы российской идентичности : учебное пособие. – Москва : ФГБОУ ВО «РГУ им. А.Н. Косыгина», 2024. – 191 с. – Текст : непосредственный.
8. *Подольн, Д.А.* Формирование доктрины конституционной идентичности // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2017. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-doktriny-konstitutsionnoy-identichnosti> (дата обращения: 08.01.2026). – Текст : электронный.
9. *Путин, В.В.* Россия: национальный вопрос // Независимая газета. – 2012. – 23 января. – Текст : непосредственный.
10. *Мальченков, С.А.* Цивилизационный дискурс в высказываниях В.В. Путина // Дискурс-Пи. – 2022. – Т. 19, № 2. – С. 53–71. – Текст : непосредственный.
11. *Самтиев, И.М.* Трансформация государства и общества в условиях глобализации и становления многополярности // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14, № 1 (71). – С. 110–123. – DOI: 10.18522/2227-8656.2025.1.7. – EDN: TBZYGB.
12. *Теплова, Д.О.* Конституционная реформа 2020: некоторые аспекты постфактум // Образование и право. – 2020. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnaya-reforma-2020-nekotorye-aspekty-postfaktum> (дата обращения: 08.01.2026). – Текст : электронный.
13. *Хабриева, Т.Я.* Конституционная реформа в России в координатах универсального и национального // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2021. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnaya-reforma-v-rossii-v-koordinatah-universalnogo-i-natsionalnogo> (дата обращения: 03.06.2026). – Текст : электронный.
14. *Хабриева, Т.Я.* Заимствования в праве многополярного мира: на пути к новому научному консенсусу // Трансформации мира: проблемы и перспективы : доклад на пленарном заседании XXIII Международных Лихачёвских научных чтений, 22 мая 2025 г., 2025.
15. *Цветкова, О.В.* Национальная и гражданская идентичность: проблемы формирования в России : учебное пособие. – Москва : РГГУ, 2023. – 94 с. – Текст : непосредственный.

16. Якунин, В.И., Володенков, С.В., Багдасарян, В.Э., Вилисов, М.В. Политические трансформации в условиях глобальной нестабильности и неопределённости будущего (по материалам международного экспертного исследования) // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2021. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-transformatsii-v-usloviyah-globalnoy-nestabilnosti-i-neopredelennosti-buduschego-po-materialam-mezhdunarodnogo> (дата обращения: 08.01.2026). – Текст : электронный.

ПРИМЕНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЦИФРОВЫХ ПРОДУКТОВ В ОПЕРАЦИОННОМ МЕНЕДЖМЕНТЕ

Измайлова Светлана Анатольевна¹,

*кандидат экономических наук,
доцент кафедры менеджмента,
e-mail: s.izmailova@mtu.ru*

Дудоров Никита Владимирович¹,

*магистрант,
e-mail: dudorovnlck@yandex.com*

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

Современная цифровая трансформация производственных и логистических процессов становится ключевым фактором конкурентоспособности предприятий. В статье рассматриваются основные цифровые продукты и технологии, применяемые в операционном менеджменте, включая ERP, MES и WMS-системы, промышленный интернет вещей, искусственный интеллект, гиперавтоматизацию и цифровые двойники. Проведен анализ влияния цифровизации на эффективность производственных процессов, производительность труда и снижение операционных издержек. Рассмотрены практические примеры внедрения цифровых решений в международных и российских компаниях, а также основные барьеры цифровой трансформации, связанные с человеческим фактором, техническими ограничениями и кибербезопасностью.

Ключевые слова: операционный менеджмент, цифровизация, ERP, MES, WMS, Индустрия 4.0, искусственный интеллект, Big Data, цифровые двойники, гиперавтоматизация.

APPLICATION AND DEVELOPMENT OF DIGITAL PRODUCTS IN OPERATIONAL MANAGEMENT

Izmailova Svetlana Anatolyevna¹,

*Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department of Management,
e-mail: s.izmailova@mtu.ru*

Dudorov Nikita Vladimirovich¹,

*Master's student,
e-mail: dudorovnlck@yandex.com*

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

Digital transformation of production and logistics processes is becoming a key factor in enterprise competitiveness. The article examines the main digital products and technologies used in operational management, including ERP, MES and WMS systems, industrial Internet of Things, artificial intelligence, hyperautomation and digital twins. The influence of digitalization on production efficiency, labor productivity and cost reduction is analyzed. Practical cases of implementation in international and Russian companies are considered, as well as the main barriers to digital transformation.

Keywords: operational management, digitalization, ERP, MES, WMS, Industry 4.0, artificial intelligence, Big Data, digital twins, hyperautomation.

ВВЕДЕНИЕ

Под влиянием четвёртой промышленной революции подходы к организации операционной деятельности предприятий претерпели значительные изменения. В прошлом основой производственных процессов служили механизация и жёсткая стандартизация. А сегодня на передний план выходит интеграция цифровых технологий на каждом этапе создания продукта. Концепция Индустрии 4.0 подразумевает слияние физической и цифровой сред. Причём в этой новой реальности данные превращаются в важнейший ресурс для управленческих решений [3, с. 215–217].

Современные компании вынуждены приспосабливаться к высокому уровню конкуренции, нестабильному спросу и необходимости постоянно снижать издержки. В такой ситуации цифровые продукты уже не просто вспомогательное средство автоматизации. Они становятся фундаментом операционной стратегии. Применение ERP-систем, инструментов аналитики больших данных и искусственного интеллекта даёт возможность выстраивать гибкие производственные цепочки, сокращать потери, а также повышать точность планирования [1, с. 60–64].

Особенно ярко роль цифровизации проявляется в производственной и логистической сферах. Предприятия, которые активно внедряют цифровые решения, показывают более высокие результаты по эффективности, устойчивости и способности адаптироваться к внешним изменениям [6, с. 298–351]. При этом цифровая трансформация требует серьёзных вложений, пересмотра корпоративной культуры и развития цифровых навыков у персонала.

АРХИТЕКТУРНЫЕ УРОВНИ ЦИФРОВЫХ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ

Фундамент цифровой инфраструктуры предприятия формируют ERP, MES и WMS-системы. Каждая из них выполняет собственную функцию, однако максимальный эффект достигается при их интеграции в единую цифровую экосистему. ERP-системы обеспечивают управление ресурсами предприятия и объединяют данные финансов, закупок, логистики, кадров и производства. Главная задача ERP заключается в централизованном планировании деятельности компании и формировании производственных планов на основе прогнозируемого спроса. Использование ERP позволяет сократить временные затраты на обработку информации и повысить прозрачность бизнес-процессов.

MES-системы функционируют на уровне непосредственного управления производством. Они позволяют контролировать загрузку оборудования, отслеживать выполнение операций в режиме реального времени и минимизировать простои. В отличие от ERP, ориентированной на стратегическое планирование, MES обеспечивает оперативное управление технологическими процессами.

WMS-системы отвечают за управление складской логистикой. Их внедрение обеспечивает детализацию хранения товаров до конкретной ячейки, ускоряет процессы приемки и отгрузки, а также снижает количество ошибок при обработке заказов. Интеграция WMS с ERP и MES позволяет создать единый цифровой поток информации, обеспечивающий синхронизацию производства и логистики [2, с. 1–23].

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ДРАЙВЕРЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

В основе развития цифровых продуктов лежат несколько ключевых технологических направлений. Среди них — промышленный интернет вещей, искусственный интеллект, технологии работы с большими данными и облачные платформы.

Промышленный интернет вещей позволяет связывать воедино оборудование, датчики и цифровые системы в реальном масштабе времени. Благодаря этому предприятия могут постоянно от-

слеживать состояние техники и предсказывать возможные сбои до их наступления [5, с. 70–73]. Искусственный интеллект применяется для обработки больших объёмов информации, улучшения производственных графиков и обнаружения отклонений в ходе технологических процессов. Алгоритмы машинного обучения здесь играют особую роль. Они повышают точность прогнозов по спросу и берут на себя часть рутинных управленческих решений. Что касается больших данных, то они служат фундаментом для цифрового операционного менеджмента. С их помощью удаётся находить скрытые закономерности, рациональнее распределять ресурсы и увеличивать общую эффективность производства. В условиях нарастающей рыночной конкуренции способность оперативно обрабатывать информацию превращается в одно из решающих преимуществ.

Отдельное место занимают цифровые двойники – виртуальные модели физических объектов, которые функционируют в реальном времени. Использование цифровых двойников позволяет проводить моделирование производственных процессов без необходимости создания дорогостоящих физических прототипов [4, с. 122–127].

Рис. 1. Архитектурные уровни цифровых систем

Источник: составлено авторами на основе:

Системы автоматизации производства: ERP, MES, WMS и их бизнес-эффект – KT.Team.

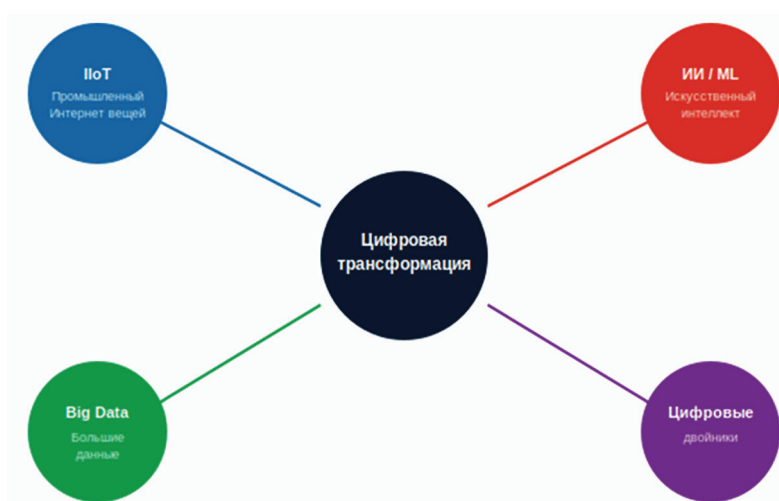

Рис. 2. Технологические драйверы цифровой трансформации

Источник: составлено авторами на основе: [3,4,5]

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Развитие цифровых технологий требует трансформации традиционных управленческих подходов. Одной из наиболее распространенных концепций является Lean Digital – сочетание бережливого производства и цифровых инструментов. Использование электронного Канбана, систем мониторинга и аналитических платформ позволяет выявлять потери и оптимизировать рабочие процессы.

Agile Manufacturing ориентировано на гибкость и способность предприятия быстро реагировать на изменения спроса. Данный подход предполагает использование модульного дизайна продукции, кросс-функционального взаимодействия и постоянного совершенствования процессов.

Гиперавтоматизация представляет собой новую концепцию, которая основана на интеграции искусственного интеллекта, роботизированной автоматизации процессов и машинного обучения. Ее использование позволяет автоматизировать сложные управленческие операции, в том числе обработку инвойсов, прогнозирование спроса и управление запасами [5, с. 70–73].

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ РЕШЕНИЙ

Эффективность цифровых продуктов в операционном управлении наглядно подтверждается реальными примерами из практики.

Возьмём компанию Walmart. После того как здесь внедрили RFID-метки и технологии промышленного интернета вещей, точность инвентаризации выросла с 63% до 95%. Такой рывок позволил заметно уменьшить потери и ускорить обработку заказов.

Другой показательный случай — Unilever. Эта корпорация развернула цифровую производственную систему UMS более чем на 120 своих заводах. По итогу производительность труда увеличилась на 5%, а операционные расходы сократились на 8%.

Интересен и опыт российского предприятия. В НПО «Энергомаш» после установки MES-системы время оперативного планирования уменьшилось на 40%. А прозрачность загрузки оборудования достигла 90%. Данный кейс особенно важен, так как он подтверждает положительный эффект от внедрения цифровизации не только глобальными гигантами, но и отечественным производителям [2, с. 1–23].

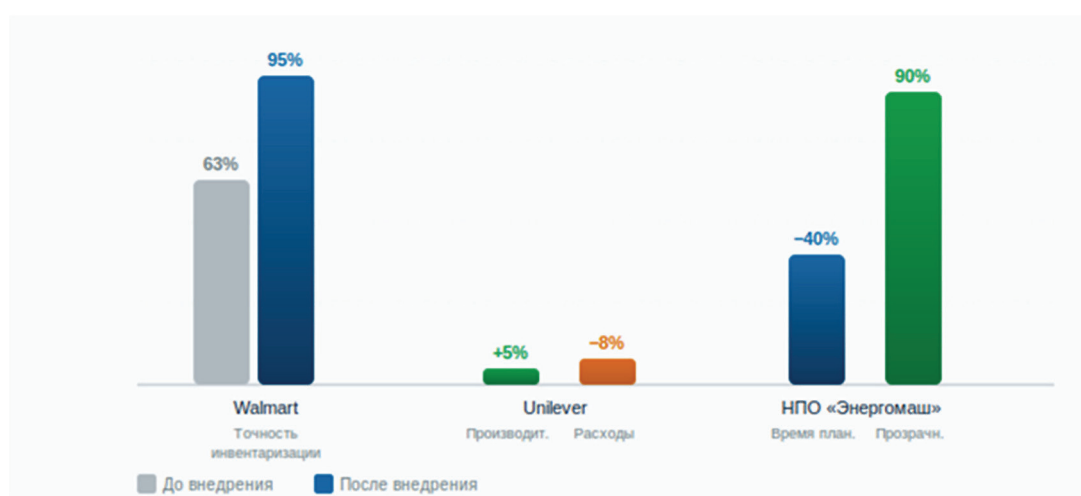

Рис. 3. Практические результаты внедрения цифровых решений
Источник: составлено авторами на основе: [2,6]

БАРЬЕРЫ И РИСКИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Несмотря на значительные преимущества цифровизации, внедрение цифровых продуктов сопровождается рядом серьезных барьеров. Одной из главных проблем остается человеческий фактор. Сотрудники часто воспринимают автоматизацию как угрозу сокращения рабочих мест, что приводит к сопротивлению изменениям. Серьезной проблемой являются и технические ограничения. Многие предприятия используют устаревшие информационные системы. Интеграция которых с современными платформами требует значительных затрат времени и ресурсов.

Дополнительную угрозу представляет кибербезопасность. Подключение оборудования к цифровым сетям делает производственную инфраструктуру уязвимой для кибератак и программ-вымогателей. В последние годы количество подобных инцидентов в промышленном секторе значительно возросло.

Важным фактором успешной цифровой трансформации становится развитие компетенций персонала. Компании, инвестирующие в обучение сотрудников, демонстрируют более высокие показатели успешности внедрения цифровых технологий [1, с. 61–64].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цифровизация операционного менеджмента представляет собой долгосрочный процесс, затрагивающий все уровни управления предприятием. Современные цифровые продукты обеспечивают повышение производительности, снижение издержек и рост гибкости производственных систем.

Наиболее перспективными направлениями развития являются искусственный интеллект, цифровые двойники, промышленный интернет вещей и гиперавтоматизация. Их внедрение позволяет предприятиям создавать самооптимизирующиеся производственные системы, основанные на анализе данных в режиме реального времени.

Однако успех цифровой трансформации зависит не только от технологий, но и от способности организации адаптироваться к изменениям. Компании, уделяющие внимание развитию цифровых компетенций персонала и формированию культуры инноваций, получают существенные конкурентные преимущества.

Таким образом, цифровые продукты становятся ключевым элементом современного операционного менеджмента и определяют стратегическое развитие предприятий в условиях Индустрии 4.0.

Список литературы

1. Измайлова, С.А., Толмачева, И.В., Толмачев, А.А. Искусственный интеллект в развитии бизнеса // Вестник Московского международного университета. – 2024. – № 3 (3). – С. 61–64. – Текст : непосредственный.
2. Забродина, В.Ю., Шленская, Н.М., Лагутцева-Ногина, Т.А. Ключевые факторы мотивации персонала: исследование на примере современных организаций // Мир науки. Педагогика и психология. – 2023. – Т. 11, № 4. – С. 1–23. – Текст : непосредственный.
3. Кожина, В.О., Рябиченко, С.А., Сюзева, О.В., Толмачева, И.В. Современные тенденции развития инновационного менеджмента в условиях цифровизации // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2024. – № 3. – С. 215–217. – Текст : непосредственный.
4. Кожина, В.О., Измайлова, С.А. Инновационное управление предпринимательскими структурами и цифровизация // Вестник Московского международного университета. – 2024. – № 1 (1). – С. 122–127. – Текст : непосредственный.
5. Кожина, В.О., Толмачев, А.А., Чепкасова, Е.А. Особенности менеджмента в цифровой экономике // Вестник Московского международного университета. – 2024. – № 3 (3). – С. 70–73. – Текст : непосредственный.
6. *Industry 4.0, AI and Big Data: Technological Progress and Ethical Responsibilities* // Transactions on Engineering and Computing Sciences. – 2025. – P. 298–351. – Текст : непосредственный.

УДК 331.101.3:005.32

ГЕЙМИФИКАЦИЯ И ЦИФРОВЫЕ СЕРВИСЫ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ИНСТРУМЕНТ МОТИВАЦИИ СОТРУДНИКОВ

Измайлова Светлана Анатольевна¹,

кандидат экономических наук,
доцент кафедры менеджмента,
e-mail: s.izmailova@mtu.ru

СерEGIN Александр Андреевич¹,

магистрант,
e-mail: alxs03@yandex.ru

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

В условиях цифровой трансформации и становления гибридных форм труда традиционные инструменты мотивации персонала – премии, KPI, корпоративные мероприятия – перестают обеспечивать устойчивый результат. Настоящая статья исследует геймификацию как альтернативный инновационный инструмент мотивации, рассматривает ее психологические основания, ключевые механики, опыт применения в российских компаниях, а также риски и перспективы развития на основе технологий искусственного интеллекта.

Ключевые слова: геймификация, мотивация персонала, вовлеченность сотрудников, игровые механики, цифровые HR-инструменты, AI-персонализация, теория самодетерминации.

GAMIFICATION AND DIGITAL SERVICES AS AN INNOVATIVE TOOL FOR EMPLOYEE MOTIVATION

Izmailova Svetlana Anatolyevna¹,

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department of Management,
e-mail: s.izmailova@mmu.ru

Seregin Alexander Andreevich¹,

Master's student,
e-mail: alxs03@yandex.ru

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

In the context of digital transformation and the development of hybrid work models, traditional personnel motivation tools – bonuses, KPIs, corporate events – are failing to deliver sustainable results. This article examines gamification as an alternative innovative motivation tool, explores its psychological foundations, key mechanics, experience of application in Russian companies, as well as risks and prospects for development based on artificial intelligence technologies.

Keywords: gamification, personnel motivation, employee engagement, game mechanics, digital HR tools, AI personalization, self-determination theory.

Проблема вовлеченности персонала сегодня обостряется на фоне масштабных изменений в организации рабочего процесса. Согласно данным, опубликованным Gallup в 2025 году, примерно две трети сотрудников находятся в состоянии низкой вовлеченности [1]. Последствия такого положения дел для экономики весьма существенны – сотрудник с высоким уровнем вовлеченности на

87% реже увольняется, а также показывает продуктивность выше на 43%. Существенный недостаток есть и у привычных методов стимулирования (премий, КРІ и корпоративов). Все они построены на отсроченном вознаграждении. Исследования в области психологии подтверждают, что мотивация возрастает намного сильнее, если человек получает обратную связь и награду сразу же после приложенных усилий [2, с.1-23]. В эпоху цифровизации и увеличения числа переходов на гибридный формат работы временной интервал между действием и его вознаграждением становится решающим фактором сохранения мотивации у сотрудников.

Чтобы грамотно выстраивать современные системы вовлеченности, необходимо опираться на фундаментальные психологические теории, объясняющие природу трудовой мотивации. Одна из ключевых – это теория самодетерминации (разработанная Деси и Райаном). В ее основе лежат три универсальные потребности питающие внутреннюю мотивацию человека. Во-первых, это автономия. То есть человеку важно чувствовать, что он сам выбирает и контролирует свою деятельность. Во-вторых, компетентность – это потребность в профессиональном росте и ощущении своего мастерства. И в-третьих, принадлежность к группе. Некое стремление быть частью команды, чувствовать социальную связь с коллегами. Именно эти три составляющих и образуют теоретический фундамент для разработки эффективных инструментов повышения вовлеченности персонала.

Концепция потока, разработанная Михаем Чиксентмихайи, исходит из простого, но важного правила. Речь идет о том, что наивысшая эффективность работы возможна лишь тогда, когда сложность поставленной задачи точно соответствует уровню квалификации сотрудника. Именно в этой точке равновесия рождается особое состояние. Состояние полного погружения в процесс (которое и называют потоком). В этом состоянии одновременно достигаются пик производительности и максимум удовлетворенности от труда. Отдельного внимания заслуживает классификация, предложенная Бартлом. Изначально она создавалась для анализа поведения игроков, но ее можно успешно применять и в организационной среде. Автор выделяет четыре психологических типа, каждый из которых по-своему воспринимает работу и взаимодействие с коллегами. Это – карьеристы (движимы достижением результатов), социальщики (ценят признание и общение), исследователи (мотивированы открытием нового) и конкуренты (максимально реагируют на сравнение с другими).

Совокупность данных теорий позволяет сформулировать следующий вывод – эффективная мотивационная система должна учитывать индивидуальные особенности каждого сотрудника и закрывать его базовые психологические потребности. Главный недостаток классических методов стимулирования заключается в их обезличенности. Именно поэтому они не могут в полной мере удовлетворить требования к мотивации на современном уровне. В эпоху цифрового перехода компаний этот недостаток становится еще более очевидным. Так как теперь инструменты поощрения должны быть адаптированы к новым ожиданиям и моделям поведения сотрудников, которые значительно изменились под влиянием технологий [3, с 215–217].

Геймификация представляет собой применение игровых механик в неигровых процессах. Ее существенное отличие от простых развлекательных активностей состоит в целенаправленном воссоздании психологических условий. Условий, при которых человек работает наиболее продуктивно – немедленной обратной связи, видимого прогресса и признания достижений.

Важно провести терминологическое разграничение между геймификацией как управленческим инструментом и «игрофикацией» в широком смысле слова. Геймификация совсем не означает превращения рабочих процессов в игру. Ее суть в другом – игровые механики используются здесь

для достижения сугубо практических бизнес-целей. Среди конкретных инструментов можно выделить таблицы лидеров, системы достижений, значки и индикаторы прогресса. Все они реализуются через корпоративные цифровые платформы и сервисы.

Каждый из этих элементов завязан на определенную психологическую потребность сотрудника. Так, балльные системы и шкалы для оценки навыков обращены к потребности в компетентности. Уровни, значки и прочие достижения закрывают сразу две потребности. Это потребности – в признании (особенно публичном) и в ощущении собственной компетентности. Рейтинги и доски лидеров дают возможность сравнивать себя с другими, но здесь важна тонкая настройка под конкретного человека. Командные активности удовлетворяют потребность в принадлежности к коллективу. А механика мгновенной обратной связи позволяет сотруднику тут же увидеть результат своих действий (таблица 1).

Таблица 1

Элементы геймификации и их психологический эффект

Элемент геймификации	Психологический эффект
Системы баллов, шкалы навыков	Удовлетворяют потребность в компетентности
Уровни, значки, достижения	Удовлетворяют потребность в признании (в том числе публичном) и компетентности
Рейтинги и таблицы лидеров	Удовлетворяют потребность в сравнении; требуют персонализации
Командные мероприятия	Удовлетворяют потребность в принадлежности к сообществу
Немедленная обратная связь	Позволяет сотруднику мгновенно получить информацию о результате деятельности

Источник: составлено авторами.

Ключевой особенностью перечисленных механик является их способность обеспечивать немедленное подкрепление – в отличие от традиционных систем отложенного вознаграждения. Это приближает геймифицированную рабочую среду к условиям, описанным в теории потока, и повышает устойчивость мотивации во времени.

РОССИЙСКИЙ ОПЫТ ГЕЙМИФИКАЦИИ

Ряд крупных российских компаний уже накопил значимый практический опыт внедрения геймификации в систему управления персоналом. Сбербанк реализовал программу «Лидер-клуб» – геймифицированную среду развития лидерских компетенций, включавшую личные и командные рейтинги, начисление баллов за активность и выполнение заданий. В качестве ключевого вознаграждения участникам предоставлялся доступ к закрытым встречам с топ-менеджментом. В результате вовлеченность в программу увеличилась с 20 до 100 активных участников.

Tele2 запустила корпоративную игру «Walk The Talk», в рамках которой сотрудники, разделенные по региональному принципу, проактивно выявляли и устраняли клиентские проблемы до их эскалации в службу поддержки. За каждую решенную проблему начислялись очки опыта и игровая валюта, обменивавшаяся на призы. В итоге было предотвращено 5 500 потенциальных проблем, а межфункциональная коммуникация значительно улучшилась при участии более 5 000 сотрудников.

МТС интегрировала в корпоративное приложение систему баллов за продажи, персональные челленджи, рейтинги и прогресс-бары. Результатом внедрения стал рост эффективности продаж до 30%. Приведенные кейсы демонстрируют широкий спектр применения геймификации: от развития

компетенций и улучшения клиентского сервиса до повышения коммерческих показателей. Это согласуется с выводами отечественных исследователей о перспективах использования инновационного менеджмента в условиях цифровизации [4, с.122-127].

ОГРАНИЧЕНИЯ И РИСКИ КЛАССИЧЕСКОЙ ГЕЙМИФИКАЦИИ

Несмотря на убедительные результаты, геймификация сопряжена с рядом системных рисков, которые необходимо учитывать при проектировании подобных программ. Приведем их сравнительный анализ (таблица 2).

Таблица 2

Риски классической геймификации и их последствия

Риск	Возможные последствия
Эффект избыточного обоснования	Снижение внутренней мотивации: сотрудники начинают хуже выполнять задачи без дополнительного поощрения
Токсичная конкуренция	Публичные рейтинги без учета индивидуальных условий провоцируют стресс и подрывают командный дух
Привыкание	Неизменяемая игровая система утрачивает мотивационный потенциал
Недостаточная персонализация	Часть сотрудников воспринимает систему как несправедливую и отказывается от ее использования

Источник: составлено авторами.

Наиболее принципиальным из перечисленных ограничений представляется недостаточная персонализация. То есть единая для всех система механик не способна одновременно удовлетворить потребности карьеристов, социализаторов, исследователей и конкурентов в соответствии с классификацией Бартла. В современных условиях эффективное управление персоналом требует индивидуализированного подхода, учитывающего ключевые факторы мотивации каждого работника [5, с.61-64].

AI-ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННАЯ ГЕЙМИФИКАЦИЯ

Современные исследования подтверждают, что эффект геймификации существенно модерируется индивидуальными предпочтениями сотрудника [7]. Применение технологий искусственного интеллекта открывает возможность преодоления ключевого ограничения классической геймификации – ее унифицированного характера. AI-персонализированная геймификация позволяет перейти от геймификации как корпоративного развлечения к инструменту мотивационного менеджмента. С помощью алгоритмов машинного обучения становится возможным адаптировать игровые механики для каждого конкретного сотрудника в режиме реального времени. Развитие подобных решений встраивается в общий тренд цифровизации HR-процессов и внедрения искусственного интеллекта в управление персоналом [6, с.70-73].

Логика такой системы включает четыре последовательных этапа:

- сбор поведенческих данных и показателей эффективности сотрудника;
- анализ ML-алгоритмом с выявлением индивидуального мотивационного профиля;
- адаптация механик с формированием персонализированного набора игровых элементов;
- динамическое применение изменений с учетом актуального поведения и результатов сотрудника.

Данный подход компенсирует три из четырех обозначенных выше рисков. Персонализация механик устраняет проблему нерелевантности; динамическое усложнение задач противодействует

привыканию; отказ от единого публичного рейтинга в пользу индивидуальных бенчмарков снижает токсичную конкуренцию. Риск эффекта избыточного обоснования остается – и здесь принципиально важно, чтобы система делала акцент на нарративных, а не только на бонусных механиках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Геймификация представляет собой не создание из работы игры, а целенаправленное воссоздание в рабочей среде тех условий, при которых человек функционирует наиболее эффективно. Это – немедленной обратной связи, видимого прогресса и признания достижений. Практический опыт Сбербанка, Tele2 и МТС подтверждает реалистичность достижения измеримых результатов при грамотном внедрении игровых механик в корпоративные процессы.

Тем не менее классические подходы к геймификации обнаруживают существенные ограничения, которые связаны с отсутствием персонализации. Переход к AI-персонализированным системам открывает новые возможности. Прежде всего, речь идет о создании индивидуальной мотивационной среды. Среда, которая подстраивается под психологический профиль каждого конкретного сотрудника. Такой подход позволяет избежать сразу нескольких проблем: эффекта избыточного обоснования, рисков, связанных с токсичной конкуренцией, а также явления привыкания к однотипным стимулам. Такое сочетание игровых механик с технологиями машинного обучения задает сегодня главное направление развития мотивационных систем для персонала в эпоху цифровой трансформации. Этот синтез становится приоритетным фактором, который выводит управление вовлеченностью на принципиально новый уровень.

Список литературы

1. Забродина, В.Ю., Шленская, Н.М., Лагутцева-Ногина, Т.А. Ключевые факторы мотивации персонала: исследование на примере современных организаций // Мир науки. Педагогика и психология. – 2023. – Т. 11, № 4. – С. 1–23. – Текст : непосредственный.
2. Кожина, В.О., Рябиченко, С.А., Сюзева, О.В., Толмачева, И.В. Современные тенденции развития инновационного менеджмента в условиях цифровизации // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2024. – № 3. – С. 215–217. – Текст : непосредственный.
3. Кожина, В.О., Измайлова, С.А. Инновационное управление предпринимательскими структурами и цифровизация // Вестник Московского международного университета. – 2024. – № 1 (1). – С. 122–127. – Текст : непосредственный.
4. Измайлова, С.А., Толмачева, И.В., Толмачев, А.А. Искусственный интеллект в развитии бизнеса // Вестник Московского международного университета. – 2024. – № 3 (3). – С. 61–64. – Текст : непосредственный.
5. Кожина, В.О., Толмачев, А.А., Чепкасова, Е.А. Особенности менеджмента в цифровой экономике // Вестник Московского международного университета. – 2024. – № 3 (3). – С. 70–73. – Текст : непосредственный.
6. Cheng, L., Du, Y. Gamified human resource management as a driver of employee work engagement: The moderating roles of gaming preference and perceived organizational support // Frontiers in Psychology. – 2026. – Vol. 16. – Art. 1746973. – DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1746973. – URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2025.1746973> (дата обращения: 17.05.2026). – Текст : электронный.
7. Gallup. State of the Global Workplace: 2025 Report. – [б. м.] : Gallup Press, 2025.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ГОСТИНИЧНОМ БИЗНЕСЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Исмаилов Нурлан Рамиз оглы¹,

магистрант,

e-mail: serebro.nurfan333@gmail.com

Кожина Вероника Олеговна¹,

кандидат экономических наук, доцент,

заведующий кафедрой менеджмента,

e-mail: v.kozhina@mti.ru

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

В статье представлен обзор трансформации маркетинговых коммуникаций гостиничных организаций под влиянием цифровизации. Цель исследования – систематизировать ключевые направления изменения коммуникационной практики. Используются методы анализа научных публикаций, обобщения и сравнительной систематизации. Выделены омниканальность, персонализация, цифровые каналы, аналитика данных и клиентский опыт.

Ключевые слова: маркетинговые коммуникации, гостиничный бизнес, цифровизация, омниканальность, персонализация, продвижение услуг, клиентский опыт.

DIGITALIZATION OF MARKETING COMMUNICATIONS IN THE HOTEL BUSINESS: A THEORETICAL REVIEW

Ismailov Nurlan Ramiz oglu¹,

Master's student,

e-mail: serebro.nurfan333@gmail.com

Kozhina Veronika Olegovna¹,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,

Head of the Department of Management,

e-mail: v.kozhina@mmu.ru

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

The article reviews the transformation of marketing communications of hotel organizations under the influence of digitalization. The purpose is to systematize key areas of communication practice change. The study uses analysis of scientific publications, generalization and comparative systematization. Omnichannel communication, personalization, digital channels, data analytics and customer experience are identified.

Keywords: marketing communications, hotel business, digitalization, omnichannel communication, personalization, service promotion, customer experience.

ВВЕДЕНИЕ

Гостиничный бизнес в современных условиях зависит не только от качества размещения, но и от способности организации выстраивать устойчивое коммуникационное взаимодействие с целевыми аудиториями. Потенциальный гость получает сведения об отеле через сайт, сервисы брониро-

вания, карты, социальные сети, отзывы, мессенджеры и рекламные сообщения. Поэтому маркетинговые коммуникации становятся частью управленческой системы, влияющей на спрос, репутацию, загрузку номерного фонда и повторные обращения.

Актуальность темы определяется ростом значения цифровых каналов в сфере услуг. В научной литературе маркетинговые коммуникации рассматриваются как комплекс средств информирования, убеждения и поддержания отношений с потребителями [7, с. 142–148]. Для гостиничной организации это особенно важно, поскольку услуга нематериальна и заранее оценивается потребителем через описание объекта, фотографии, рейтинг, отзывы, скорость ответа и понятность условий бронирования.

Цель статьи состоит в систематизации теоретических подходов к цифровой трансформации маркетинговых коммуникаций в гостиничном бизнесе. Объект исследования – маркетинговые коммуникации организаций сферы гостеприимства. Предмет исследования – направления их изменения под влиянием цифровых каналов, омниканальности, персонализации и аналитики данных. Методическую основу составили анализ научных публикаций, сравнение авторских подходов и обобщение результатов исследований.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Традиционная модель маркетинговых коммуникаций, включающая рекламу, PR, личные продажи и прямой маркетинг, в цифровую эпоху претерпела значительную трансформацию. Сегодня этот процесс охватывает управление репутацией, работу с контентом и непрерывную обратную связь. Как отмечают эксперты, смещение фокуса с маркетинга сбыта на маркетинг отношений превратило разрозненные инструменты в комплексную систему взаимодействия с клиентом [3].

Для индустрии гостеприимства такой подход особенно важен, так как качество услуги напрямую зависит от вовлеченности гостя на каждом этапе его пути – от бронирования до написания отзыва после выезда. Получается, что впечатление формируется на всех этапах клиентского пути: от выбора отеля до постпродажного взаимодействия. Услуга здесь является сотворчеством гостя и отеля. В свою очередь, Иванов [2] подчеркивает, что в условиях экономической нестабильности отелям необходимо интегрировать традиционные методы с ИИ – технологиями. Это требует от гостиничных предприятий гибкости – коммуникационная стратегия гостиницы должна быть адаптивной, оперативно реагируя на изменения рыночной конъюнктуры и поведения потребителей.

Цифровая трансформация гостиничного маркетинга развивается по двум путям. Первый путь охватывает развитие онлайн-каналов взаимодействия. Согласно исследованиям Кануниковой, Лесниковой и Кротенко [3] интернет стал главным источником бронирований. Интернет-пространство выступает важнейшим инструментом привлечения гостей, что требует от отелей обеспечения актуальности и достоверности рекламного контента. При этом сайт, агрегаторы, социальные медиа, мессенджеры и системы отзывов формируют единую коммуникационную экосистему.

Второй путь сфокусирован на омниканальности и персонификации клиентского опыта Ли Цзя-тун подчеркивает, что цифровая эволюция маркетинга базируется на внедрении ИИ, видеоконтента и интерактивных инструментов [4]. Омниканальность подразумевает синхронизацию данных об услугах и ценах во всех точках контакта, а персонализация – сегментирование предложений для различных категорий гостей (бизнес – путешественников, семей, постоянных клиентов), что позволяет адаптировать предложения под конкретные запросы. Как отмечают Олейник, Сога и Степанова [6],

грамотное использование данных инструментов является необходимым условием для укрепления конкурентных позиций гостиницы.

Анализ существующих подходов дает возможность систематизировать цифровую трансформацию маркетинга в гостиничном бизнесе по четырем векторам: оптимизация цифровых каналов, внедрение омниканального подхода, персонализация взаимодействия и аналитическая работа с данными (бронирования, трафик, конверсия, отзыв). Суть этих перемен в том, что цифровизация не отменяет классические коммуникации, а перестраивает их структуру. Данная трансформация меняет саму парадигму управления коммуникациями: фокус смещается с выбора рекламных площадок на интеграцию всех точек контакта с клиентом.

В условиях цифровизации качество сервиса становится максимально прозрачным, так как любой негативный опыт мгновенно отражается в отзывах, влияя на репутацию. Особая роль отводится социальным сетям: как отмечают Макушева и Коновалова [5], отсутствие отеля в медиапространстве делает его «невидимым» для современного гостя. Соцсети позволяют транслировать атмосферу отеля, демонстрировать инфраструктуру и программы лояльности, «оживить» бренд, тем самым формируя доверие и ожидания клиента еще до момента заселения.

Немаловажным направлением развития является также внедрение аналитики данных и автоматизация коммуникации с гостем. Согласно исследованиям Бацыной и Мордовченкова [1], ключевыми трендами цифровизации в сфере HORECA выступают использование агентских интерфейсов, технологий интернета вещей, биометрических систем и робототехники. В свою очередь, Хамирзова [8] с соавторами интерпретирует цифровую трансформацию индустрии гостеприимства как переход к формированию интегрированных цифровых экосистем и единого информационного пространства.

Практическая применимость данных подходов для городских отелей подтверждается опытом ООО «БКС Отель», которое представлено как оператор объектов Wellion Hotels в Москве. Специфика компании, ориентированной на бизнес-сегмент и туризм, предполагает наличие небольшого номерного фонда и персонализированный сервис. В таких условиях особенно важна гибкая настройка коммуникаций: для бизнес-гостей приоритетными являются оперативность бронирования и предсказуемость качества услуг, тогда как для туристов – локация, атмосфера и спектр дополнительных опций.

Таким образом, маркетинговые коммуникации отеля следует рассматривать не как набор разрозненных рекламных активностей, а как комплексную систему управления. Она включает в себя сегментирование аудитории, разработку уникального ценностного предложения, интеграцию каналов коммуникации, работу с контентом и репутацией, а также постоянный мониторинг эффективности и анализ обратной связи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ текущего состояния маркетинговых коммуникаций в секторе индустрии гостеприимства свидетельствует об их системной цифровой трансформации. Данный процесс выходит за рамки простого использования онлайн-рекламы и SMM, охватывая внедрение омниканальных моделей, персонализированных подходов, инструментов Big Data, а также технологий управления репутацией и клиентским опытом.

Актуальность данных изменений обусловлена спецификой гостиничного продукта, решение о покупке которого принимается потребителем на основе анализа цифрового контента еще до момен-

та оказания услуги. Научная новизна работы заключается в классификации векторов и направлений цифровизации маркетинга, а практическая ценность – в возможности применения полученных выводов при проектировании коммуникационных стратегий отелей.

Список литературы

1. Бацына Я.В., Мордовченков Н.В. Влияние тенденций цифровизации на индустрию гостеприимства // Креативная экономика. – 2020. – Т. 14. – № 4. – С. 497–508. DOI: 10.18334/ce.14.4.100867. – Текст: непосредственный.
2. Иванов А.М. Маркетинговые коммуникации в индустрии гостеприимства в условиях турбулентности национальной экономики // Экономика, предпринимательство и право. – 2023. – Т. 13. – № 2. – С. 523–536. DOI: 10.18334/ep.13.2.117174. – Текст: непосредственный.
3. Кануникова М.И., Лесникова О.В., Кротенко Т.Ю. Особенности рекламной деятельности на предприятиях гостеприимства: возможности цифрового маркетинга // Экономические системы. – 2022. – Т. 15. – № 2 (57). – С. 136–142. DOI: 10.29030/2309-2076-2022-15-2-136-142. – Текст: непосредственный.
4. Ли Цзятун. Развитие системы маркетинговых коммуникаций в условиях цифровизации экономики // Human Progress. – 2024. – Т. 10. – Вып. 7. DOI: 10.46320/2073-4506-2024-7a-18. – Текст: электронный.
5. Макушева О.Н., Коновалова Е.Е. Современные маркетинговые инструменты продвижения гостиничных услуг // Сервис plus. – 2024. – Т. 18. – № 3. – С. 186–200. DOI: 10.5281/zenodo.14510500. – Текст: непосредственный.
6. Олейник О.С., Согас С.В., Степанова Е.В. Выбор современных инструментов маркетинговых коммуникаций для повышения конкурентоспособности бизнеса // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. – 2022. – Т. 24. – № 1. – С. 81–90. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2022.1.8. – Текст: непосредственный.
7. Пальмов С.В., Болдова Е.И., Полоскова А.П. Анализ существующих маркетинговых каналов коммуникаций // Региональная и отраслевая экономика. – 2024. – № 2. – С. 142–148. DOI: 10.47576/2949-1916.2024.2.2.018. – Текст: непосредственный.
8. Хамирзова С.К., Кумпилова А.Р., Калашикова С.В., Хачемизова Э.А. Направления цифровой трансформации индустрии гостеприимства и туризма в современных условиях // Вопросы инновационной экономики. – 2023. – Т. 13. – № 4. – С. 2283–2296. DOI: 10.18334/vines.13.4.119939. – Текст: непосредственный.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО МАЛЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА НА ПРИМЕРЕ НИЖНЕКОЛЫМКОГО УЛУСА РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

Коломиец Анна Ивановна^{1,2},

доктор экономических наук,

доцент кафедры гуманитарных наук;

доцент кафедры экономики,

e-mail: kolomiez5@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4252-5975

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, МОСКВА, Россия,

²АНОВО «Университет мировых цивилизаций имени В. В. Жириновского», Москва, Россия

Целью статьи является изобразительное искусство малых народов Севера на примере Нижнеколымского улуса Республики Саха (Якутия). Дается характеристика различных стилей. Статья содержит библиографию художников малых народов Севера. Автор перечисляет объекты культуры на примере Нижнеколымского улуса, где можно ознакомиться с изобразительным искусством.

Ключевые слова: искусство, малые народы, стиль, традиции, художник.

FINE ARTS OF THE SMALL PEOPLES OF THE NORTH: THE CASE OF NIZHNEKOLYMSKY ULUS, REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

Kolomiets Anna Ivanovna^{1,2},

Doctor of Economics,

Associate Professor of the Department of Humanities;

Associate Professor of the Department of Economics,

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia,

²ANOVO "Zhirinovsky University of World Civilizations", Moscow, Russia

The article examines the visual arts of the indigenous peoples of the North on the example of the Nizhnekolymsky District of the Sakha Republic (Yakutia). The characteristics of various styles are given. The article contains a bibliography of artists of the indigenous peoples of the North. The author lists cultural sites on the example of the Nizhnekolymsky district, where it is possible to get acquainted with the fine arts.

Keywords: Art, indigenous peoples, style, traditions, artist.

ВВЕДЕНИЕ

Изобразительное искусство Республики Саха (Якутия) является ярким примером синтеза древних традиций народов республики с достижениями мирового художественного наследия. Местные художники, опираясь на творческий опыт предшественников и современников, создали уникальную эстетику, питающуюся из двух неисчерпаемых источников: национальных традиций и всемирного искусства.

Увидеть изобразительное искусство представителей малых народов Севера в Нижнеколымском улусе можно в Нижнеколымском музее истории и культуры народов Севера (п. Черский), музее-квартире С.Н.Курилова (п. Черский), музее-квартире им. А.И.Маринеско (п. Черский), этнографическом музее им. С.Н.Курилова (с. Андрюшкино), краеведческом музее им. Н.И.Таврата (с. Колымское) и музее старорусской культуры (с. Походск) [3].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В Нижнеколымском улусе Республики Саха (Якутия) есть представители изобразительного искусства малых народностей Севера, художники Николай Курилов и Екатерина Суржанинова.

Николай Николаевич Курилов (псевдоним Окат Бэй) – юкагирский художник и писатель, заслуженный деятель искусств Республики Саха (Якутия). Родился 11 июня 1949 года в селе Андрюшкино Нижнеколымского района Якутской АССР.

Также Николай Николаевич брат этнографа Семёна Николаевича Курилова и писателя Улуро Адо (Гаврил Николаевич Курилов).

Начал печататься, как журналист и публицист с 1975 года, автор более 10 книг на русском, юкагирском и якутском языках. С 1975 года участвует в художественных выставках. Николай Николаевич в 1975г. окончил Красноярское художественное училище им. В.И. Сурикова. Работал учителем черчения и эстетики, художником-оформителем в посёлке Черский и фотокорреспондентом газеты «Колымская правда». С 1976 года принимал участие в региональных и всесоюзных выставках. С 1982 года – член Союза художников СССР.

В 2024 году в Национальном художественном музее Республики Саха (Якутия) состоялась юбилейная выставка Курилова Н.Н., на которой он представил своё творчество.

Главная тема творчества художника – национальная картина мира юкагиров, жизнь и быт народов Арктики. Николай Курилов направляет все свое творчество на сохранение родной юкагирской культуры. В экспозициях Николая Курилова представлены такие произведения, как акварели, аппликации, работы в смешанной технике, и живописные полотна 80-х годов – «Морошка», «У берегов Олеры», «Под ледяным облаком» (1986), «Комары» (1987).

Курилов Н.Н. 23 марта 2016г. получил звание народного художника Республики Саха (Якутия) – за особый вклад в развитие изобразительного искусства Республики Саха (Якутия), заслуги в области культуры и духовного развития, многолетнюю творческую деятельность.

Екатерина Афанасьевна Суржанинова (1991г.) – юкагирский художник, уроженка посёлка Черский Нижнеколымского улуса. Екатерина окончила Якутское художественное училище им. П.П.Романова. На данный момент проживает в г.Якутск. В 2015 г. Е.А.Суржанинова выиграла в конкурсе эвенкийских открыток.

Самыми значимыми для Екатерины были конкурсы, проходившие в Арт-галерее «Ургэл» «Весна в декабре 2018» и «Солнце моего детства 2018», в котором она выиграла гран-при. С 2017 г. Екатерина всерьёз занялась масляной живописью.

Для аутентичности работ Суржанинова Е. погружалась в этнографические материалы, консультировалась с историками и с 2020 года участвовала в археологических экспедициях [2]. Например, картина «Тос. Я хотела бы приказать сердцу не думать о тебе», созданная под влиянием древнего пиктографического письма юкагиров. На полотне изображены молодые люди: девушка, протягивающая руку к юноше, с берестяной вставкой, содержащей традиционные письмена.

В 2024 году в Нижнеколымском музее истории и культуры народов Севера состоялась персональная выставка картин Екатерины Суржаниновой «Бегущая за солнцем». 26 декабря 2025г в Анадыре, в Музейном Центре «Наследие Чукотки» открылась персональная выставка «От Якутии до Чукотки» талантливого живописца Екатерины Суржаниновой [1].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изобразительное искусство коренных малочисленных народов Севера представляет собой особое направление в истории развития национальной художественной культуры.

В современном мире, на фоне активных процессов глобализации, стандартизации и унификации культуры особую остроту приобретают проблемы сохранения, но и дальнейшего развития этнических культур. В первую очередь это относится к традиционным культурам - «малых народов».

Список литературы

1. Выставочный зал художественного музея Якутии [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.sakhamuseum.ru> (дата обращения: 11.05.2026). – Текст : электронный.
2. Газета «Колымская правда» [Электронный ресурс]. – URL: <https://колымскаяправда.рф> (дата обращения: 11.05.2026). – Текст : электронный.
3. Музейный центр «Наследие Чукотки» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.chukotka-museum.ru/poster/ot-yakutii-do-chukotki> (дата обращения: 01.02.2026). – Текст : электронный.
4. Муниципальное казенное учреждение «Нижнеколымский музей истории и культуры народов Севера» Муниципального района «Нижнеколымский район» [Электронный ресурс]. – URL: <https://nk-museum.saha.muzkult.ru> (дата обращения: 01.02.2026). – Текст : электронный.
5. Муниципальный район «Нижнеколымский улус» [Электронный ресурс]. – URL: <https://mr-nizhnekolymskij.sakha.gov.ru> (дата обращения: 11.05.2026). – Текст : электронный.
6. Окружной центр народного творчества, г. Якутск [Электронный ресурс]. – URL: <https://ocnt-yakutsk.ru> (дата обращения: 11.05.2026). – Текст : электронный.
7. Портал коренных народов Севера «Илкэн» [Электронный ресурс]. – URL: <https://ilken.ru/2025/11/20/v-anadyre-otkrylas-personalnaya-vystavka-ekateriny-surzhaninovej/> (дата обращения: 01.02.2026). – Текст : электронный.

СПЕЦИФИКА КОМПОНЕНТОВ СОЦИАЛЬНО ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ

Коротаева Анастасия Игоревна^{1,2},

кандидат психологических наук, доцент,

доцент кафедры психологии и педагогики;

доцент кафедры педагогики и психологии начального обучения,

e-mail: a.korotaeva@mmu.ru

ORCID: 0000-0002-8647-9109

¹*АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия,*

²*ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет*

им. К.Д. Ушинского», Ярославль, Россия

Социально-психологическая адаптация имеет важнейшее значение для благополучия личности. Она характеризуется взаимосвязанной уровневой структурой. Статья посвящена проблеме специфики компонентов социально-психологической адаптации школьников при переходе в среднее звено, в пятый класс. Изучаемые параметры социально -психологической адаптации значимо отличаются от предыдущего этапа -младшего школьного возраста. При переходе в пятый класс школьники, находящиеся в группе риска, могут проявлять признаки дезадаптации. Для положительной динамики социально-психологической адаптации возникает необходимость ее психолого-педагогического сопровождения. Переходный период – от начальной школы в среднее звено может стать сензитивным для формирования деструктивных изменений личностного развития. Выявленные различия и особенности, характерные для учащихся объяснимы не только спецификой возраста и образовательной средой, но исследуемыми параметрами: социально-психологической адаптацией, динамическими характеристиками мотивации и тревожности, спецификой проявления гендерных особенностей. Использование результатов исследования позволяет реализовать индивидуальный и дифференцированный подходы.

Ключевые слова: *социально-психологическая адаптация, гендерные особенности, тревожность, мотивация, дезадаптация, социальная среда, школьники, педагоги.*

THE SPECIFICS OF THE COMPONENTS OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF SCHOOLCHILDREN

Korotaeva Anastasia Igorevna^{1,2},

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,

Associate Professor of Psychology and Pedagogy;

Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of Primary Education

ORCID: 0000-0002-8647-9109

e-mail: a.korotaeva@mmu.ru

¹*ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia,*

²*Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia*

Socio-psychological adaptation is of crucial importance for the well-being of the individual. It is characterized by an interconnected level structure. The article is devoted to the problem of the specifics of the socio-psychological adaptation of schoolchildren with different gender identities during the transition to secondary school, in the fifth grade. The studied parameters such as socio-psychological adaptation, meaningful and dynamic characteristics of motivation and anxiety, the specifics of the manifestation of gender characteristics

indicate not only the difficulties and problems in the selected period of study, but also the uniqueness, which significantly differs from the previous stage -primary school age. During the transition to the fifth grade, students at risk may show signs of maladaptation. For positive socio-psychological adaptation, there is a need to develop the competence of schoolchildren. The transition period from elementary school to secondary school can become sensitive to the formation of destructive changes in personal development. The differences and features identified that are characteristic of students are explained not only by the specifics of age and the educational environment, but also by the parameters studied: socio-psychological adaptation, dynamic characteristics of motivation and anxiety, and the specifics of gender characteristics. Using the research results allows for individual and differentiated approaches.

Keywords: socio-psychological adaptation, gender characteristics, anxiety, motivation, maladjustment, social environment, schoolchildren, teachers.

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе развития школьники находятся в условиях динамического общественного развития. Социально-психологическая адаптация личности на протяжении всего онтогенеза вызывает интерес, однако на ранних этапах представляется в наибольшей степени актуальной, именно здесь закладывается основа всех компонентов социально-психологической адаптации.

В широком смысле слова адаптация – это биологический термин, обозначающий приспособление к окружающей среде. В настоящее время понятие адаптация является общенаучным и понимается как свойство любой живой саморегулируемой системы, обеспечивающее ее устойчивость к условиям среды, как непосредственный процесс приспособления к условиям среды и одновременно как результат деятельности по достижению динамического равновесия между системами, которые адаптируются [2].

Содержание и структуру адаптации рассматривают состоящей из трех компонентов: социальной, психологической и физиологической. Данные виды адаптации можно рассмотреть, как уровневую характеристику. Так, физиологическая адаптация выступает основой для других. На следующих уровнях располагаются социально-психологическая и социальная, например, школьная, бытовая, кросс-культурная адаптации. Э. Эриксон также отмечал, что в процессе адаптации находится гомеостатическое равновесие между требованиями среды и внутренними потребностями личности.

Социально-психологическая адаптация — это непрерывный процесс приспособления к среде, а среды к личности. В отечественной психологии выделяются (Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин, В.А. Петровский и др.) сменяющие друг друга этапы адаптации – активизация механизмов и их функциональность чередуются более стабильными периодами. Чередования этих циклов зависят как от внешних, так и внутренних факторов. К внутренним факторам можно отнести субъективную необходимость адаптации, к внешним -частота смены социальной среды и возникновения провоцирующих и запускающих адаптивные процессы институтов.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

На протяжении всего обучения в школе проблема социально-психологической адаптации актуальна. Однако наибольшее значение она приобретает именно в переходные периоды. Зачастую возникает дезадаптация – невозможность адаптироваться к новым условиям. Признаки дезадаптации различны, могут быть полярны. Так, это может быть сниженная мотивация, усиление антимотивов деятельности и, как следствие, появление ниже среднего успеваемости, недисциплинированность, утрата смыслового содержания образования, доминирование долженствования – «все посещают

школу, и я поступаю как все». Для других школьников признаками дезадаптации могут выступать чрезмерная скромность, застенчивость, крайнее проявление страхов проверки знаний, при условии хорошего владения материалом, низкий социальный статус в классном коллективе.

В исследуемой выборке пятиклассников при исследовании проблемы гендерной идентичности, которая представлена такими компонентами, как самоидентификация, идентификация с отцом, идентификация с матерью, у большинства пятиклассников в личностном профиле доминирует самоидентификация. Однако встретились единичные случаи идентификации с родителями, соответственно своему полу. Отметим, что самоидентификация, как показатель сформированности собственной уникальной гендерной идентичности, одновременно интегрированной и эмансипированной от родительской, встречается у пятиклассников значительно чаще, чем младших школьников.

Среди обучающихся не выявлены школьники с высоким уровнем социально-психологической адаптации. Наблюдается постепенная смена учебного мотива на социальный и позиционный. Социальные мотивы, как широкие, так и узкие, оказывают положительное влияние на учебный процесс. Кроме того, все большее осознание социальной значимости учения – стремление быть полезным для общества через образование – показатель личностного развития школьника. Девочки имеют ведущий мотив позиционный, однако постепенно увеличивается число учащихся, имеющих социальные мотивы в качестве ведущих.

В целом по исследуемой выборке можно сказать, что количество школьников с ведущими позиционными мотивами постепенно увеличиваются.

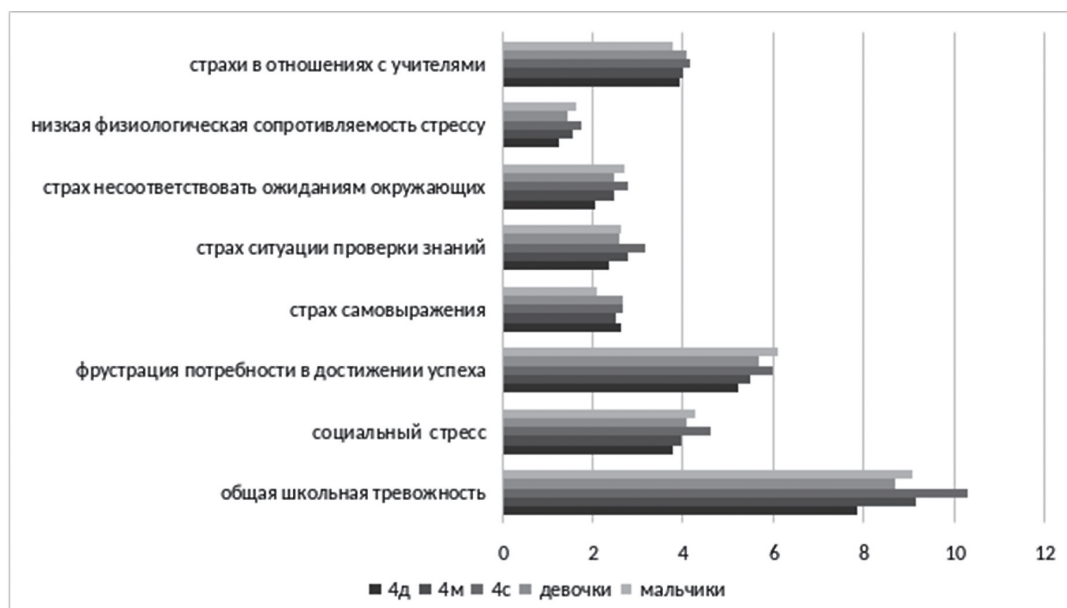

Рис 1. Показатели школьной тревожности в исследуемой группе учащихся пятых классов.

Выборки представителей обоих полов имеют значимые отличия (рис.1).

- все виды тревожности, изучаемые на данном этапе, выражены у всей выборки младших школьников. Если обратиться к многочисленным исследованиям школьной тревожности на протяжении последних двух десятилетий [3, 10, 11, 13], можно выявить выраженность данного эмоционально-личностного образования на всех ступенях школьного обучения.

- большая часть изучаемых компонентов школьной тревожности у представителей обоих полов отличается: у мальчиков выше, чем у девочек. Косвенно это может служить подтверждением

той мысли, что феминное окружение образовательной среды в большей степени гармонизирует личностное развитие девочек, чем мальчиков.

- параметры тревожности, которые доминируют у мальчиков и девочек различны. Так, для мальчиков в большей степени характерны переживания общей тревожности, их переживания недифференцированные, содержат неосознаваемые компоненты. Подобный результат отражает особенности темповой характеристики психоэмоционального развития: мальчикам свойственно менее интенсивное развитие на данном этапе, чем девочкам.

– Проблема самовыражения «волнует» девочек. В большей степени они ориентированы на социально положительное поведение, внешнюю оценку авторитет педагога и реже нарушают школьную дисциплину явно;

Значительное увеличение показателей школьной тревожности (рис.1) по данным факторам указывает на переживание негативного эмоционального фона школьниками. Вероятно, это может быть связано как с изменениями в условиях и требованиях обучения, прежде всего с учителями, так и со сменой ведущей деятельности, проходящей в этот возрастной период. Учащиеся во время смены учебной ступени сталкиваются с резко возрастающим числом педагогов и значительно дольше к этой ситуации адаптируются.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

- Социально-психологическая адаптация имеет поликомпонентную структуру, некоторые из которых на данном возрастном этапе рассмотрены;

- интерпретируя полученные результаты, можно отметить, что фрустрирующая потребность мальчиков в достижении успеха в выбранный адаптационный период только усиливается. Это свидетельствует о том, что имеющиеся в школьной жизни возможности для самореализации не всегда удовлетворяют их потребности;

- склонность к соревновательной мотивации, специфика познавательной деятельности, свободное отношение к школьным правилам мальчиков в понимании феминной учительской среды не приводит к успеху, и, следовательно, должно корректироваться. Исправление поведения может подавлять инициативу учеников и создавать контр – объединения. Важно знать специфику и способствовать познавательному и личностному развитию мальчиков с учетом их гендерных особенностей

- специфика содержания учебного материала и его использование на уроке также способствуют росту компетентности учащихся, если методически педагог подготовлен к проблеме усвоения изучаемого материала мальчиками и девочками. Репродуктивные и творческие задачи должны быть адаптированы к познавательной деятельности представителям обоего пола. Исследовательская и проектная деятельность, активно внедряемая в процесс обучения, способствует формированию собственнo мотивов учения в том случае, если учащиеся осознают смысл их выполнения, этому способствует учет гендерной специфики;

- динамическая характеристика социально – психологической адаптации указывает на тот факт, что переходный период – от начальной школы в среднее звено может стать сензитивным для формирования деструктивных изменений личностного развития, таких как высокий уровень тревожности и ее компонентов, сдвиг положительной учебной мотивации на антимотив, выраженная гендерная дифференциация проявлений социально-психологической адаптации, затрудняющей подбор репертуара психолого-педагогических инструментов для работы с классным коллективом;

- использования результатов исследования позволяет реализовать индивидуальный и дифференцированный подходы в психологическом сопровождении образовательного процесса.

Список литературы

1. *Афанасьева, С.А.* Характеристика понятий «адаптация», «социально-психологическая адаптация» и «дезадаптация» // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 11-2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-ponyatiy-adaptatsiya-sotsialno-psihologicheskaya-adaptatsiya-i-dezadaptatsiya> (дата обращения: 20.06.2026). – Текст : электронный.
2. *Зинько, Е.В.* Соотношение характеристик самооценки и уровня притязаний. Часть 1. Самооценка и её параметры // Психологический журнал. – 2006. – Т. 27, № 3. – С. 18–30.
3. *Кайгородова, Н.З., Волкова, Т.Г., Яценко, М.В., Каменек, Д.В.* Половые особенности социально-психологической адаптации подростков в контексте их социально-психологических типов // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2023. – № 1 (75). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polovye-osobennosti-sotsialno-psihologicheskoy-adaptatsii-podrostkov-v-kontekste-ih-sotsialno-psihologicheskikh-tipov> (дата обращения: 22.06.2026). – Текст : электронный.
4. *Клецина, И.С.* Психология гендерных отношений: теория и практика. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2004. – 391 с.
5. *Козырева, П.М., Смирнов, А.И.* Психологические аспекты социальной адаптации // Россия реформирующаяся. – 2023. – № 21. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-aspekty-sotsialnoy-adaptatsii> (дата обращения: 20.06.2026). – Текст : электронный.
6. *Коротаева, А.И.* Динамика развития гендерной идентичности младших школьников [Электронный ресурс]. – 2011. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-razvitiya-gendernoy-identichnosti-mladshih-shkolnikov/viewer> (дата обращения: 20.06.2026). – Текст : электронный.
7. *Коротаева, А.И.* Гендерные особенности проявления агрессивности у правонарушителей младшего школьного возраста // Проблемы современного педагогического образования. – 2017. – № 56- 1. – С. 322–330.
8. *Кузнецова, Е.В.* «Образ телесного я» и социально-психологическая адаптация подростков // Вестник экспериментального образования. – 2022. – № 4 (33). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-telesnogo-ya-i-sotsialno-psihologicheskaya-adaptatsiya-podrostkov> (дата обращения: 22.06.2026). – Текст : электронный.
9. *Соколова, К.И., Козырева, В.В.* Анализ психологических факторов социально-психологической адаптации подростков с ожирением // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 2-1 (77). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-psihologicheskikh-faktorov-sotsialno-psihologicheskoy-adaptatsii-podrostkov-s-ozhireniem> (дата обращения: 22.06.2026). – Текст : электронный.
10. *Лебеденко, О.А.* Взаимосвязь социально-психологической адаптации и самоотношения подростков // Гуманитарные науки. – 2022. – № 3 (59). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-sotsialno-psihologicheskoy-adaptatsii-i-samootnosheniya-podrostkov> (дата обращения: 22.06.2026). – Текст : электронный.
11. *Литвененко, Н.В.* Адаптация школьников в критические периоды развития как предмет психолого-педагогического исследования // Вестник ОГУ. – 2006. – № 10. – С. 122–127.
12. *Лесных, И.И., Алонцева, А.И.* Взаимосвязь агрессивности и социально-психологической адаптации у студентов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 12-1 (111). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-agressivnosti-i-sotsialno-psihologicheskoy-adaptatsii-u-studentov> (дата обращения: 22.06.2026). – Текст : электронный.
13. *Прихожан, А.М.* Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. – Воронеж : НПО «МОДЭК», 2000. – 304 с.

14. Тамкова, Е.А., Дианова, Н.Ф. Социально-психологическая адаптация: классификация и механизмы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 5-3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskaya-adaptatsiya-klassifikatsiya-i-mehanizmy-1> (дата обращения: 22.06.2026). – Текст : электронный.
15. DeLay, D., Martin, C.L., Cook, R.E., Hanish, L.D. The Influence of Peers During Adolescence: Does Homophobic Name Calling by Peers Change Gender Identity? // Journal of Youth and Adolescence. – 2018. – Vol. 47, No. 3. – P. 636–649. – DOI: 10.1007/s10964-017-0749-6.

КРАНИОФАЦИАЛЬНАЯ ЦИФРОВАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ НА ОСНОВАНИИ ДАННЫХ КОНУСНО-ЛУЧЕВОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТОМОГРАФИИ

Лётченко Виктория Владимировна¹,

студент (практикующий врач стоматолог-хирург-имплантолог),

e-mail: Wika_777@mail.ru

Ткачёва Наталья Николаевна¹,

кандидат политических наук,

доцент кафедры гуманитарных наук,

e-mail: n.tkacheva@mtu.ru

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

В статье рассматривается становление методики новый метод трансформации антропологической реконструкции лица – от классического скульптурного подхода, разработанного советским ученым М.М. Герасимовым в середине XX века, к современным цифровым технологиям трёхмерного моделирования. Автором предложен и реализован автоматизированный программный пайплайн 3D-реконструкции лица по данным компьютерной томографии (КЛКТ) на языке Python с использованием библиотек pydicom, scikit-image и open3d. Проведён сопоставительный анализ традиционного ручного метода реконструкции облика человека и цифрового методов по критериям длительности, воспроизводимости, доступности и научной точности. Установлено, что цифровая реконструкция позволяет сократить время процесса от нескольких месяцев до нескольких минут при сохранении принципов зависимости мягких тканей от рельефа костной основы, обоснованных Герасимовым. Точность реконструкции на верифицированных клинических случаях составила 89–92 %, воспроизводимость – 100 %. Полученные результаты имеют значение для историко-антропологических исследований, криминалистической идентификации и предоперационного планирования в челюстно-лицевой хирургии.

Ключевые слова: антропологическая реконструкция, метод Герасимова, 3D-моделирование, компьютерная томография, DICOM, краниофациальная реконструкция, цифровая антропология, marching cubes, Python.

CRANIOFACIAL DIGITAL RECONSTRUCTION BASED ON CONE-BEAM COMPUTED TOMOGRAPHY DATA

Letchenko Viktoriya Vladimirovna¹,

student,

e-mail: Wika_777@mail.ru

Tkacheva Natalia Nikolaevna¹,

candidate of political sciences,

Associate Professor, Department of Humanities,

e-mail: n.tkacheva@mtu.ru

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

The article examines the development of a new method for transforming anthropological facial reconstruction – from the classical sculptural approach developed by the Soviet scientist M. M. Gerasimov in the mid-20th century to modern digital 3D modeling technologies. The author proposes and implements an automated software pipeline for 3D facial reconstruction from computed tomography

(cone-beam CT) data using the Python programming language and the libraries pydicom, scikit-image, and open3d. A comparative analysis of the traditional manual method of facial reconstruction and the digital method is carried out according to the criteria of duration, reproducibility, accessibility, and scientific accuracy. It is established that digital reconstruction reduces the processing time from several months to several minutes while preserving the principles of the dependence of soft tissues on the underlying bone relief, as substantiated by Gerasimov. The reconstruction accuracy on verified clinical cases was 89–92%, and the reproducibility was 100%. The obtained results are significant for historical and anthropological research, forensic identification, and preoperative planning in maxillofacial surgery.

Keywords: anthropological reconstruction, Gerasimov's method, 3D modeling, computed tomography, DICOM, craniofacial reconstruction, digital anthropology, marching cubes, Python.

ВВЕДЕНИЕ

Реконструкция облика человека по его костным останкам относится к числу наиболее сложных, наглядных междисциплинарных направлений современной антропологии. Метод позволяет восстановить прижизненный внешний вид как ископаемого предка человека, так и исторического деятеля, останки которого сохранились до наших дней. Настоящий прорыв в реконструкции лица был совершён в XX веке благодаря работам советского учёного антрополога Михаила Михайловича Герасимова (1907–1970), впервые научно обосновавшего прямую зависимость между рельефом черепа и формой мягких тканей лица.

Несмотря на неоспоримые достижения данного подхода, традиционный скульптурный метод обладает рядом значительных ограничений и недостатков: высокая трудоемкость и длительность процесса (на восстановление одного бюста затрачивается от нескольких недель до нескольких месяцев), зависимость результата от субъективных навыков и художественной интерпретации эксперта, низкая воспроизводимость и невозможность тиражирования. В то же время в условиях стремительного развития медицинской визуализации (особенно компьютерной конусно-лучевой томографии) и трёхмерной графики создаются предпосылки для принципиальной автоматизации процесса реконструкции. С непрерывным развитием компьютерных технологий компьютерная 3D-реконструкция черепа и лица позволяет достичь более эффективной и объективной реконструкции [3]. Однако этот метод по-прежнему сталкивается с такими проблемами, как, например, большие объёмы данных облака точек и неточная калибровка опорных точек [3].

Актуальность настоящего исследования определяется тремя группами факторов. Прежде всего, существует острая необходимость в объективизации метода антропологической реконструкции и выработке унифицированного подхода к построению цифровых 3D-моделей лица. С практической стороны метод востребован в историко-антропологических исследованиях, криминалистической идентификации личности и предоперационном планировании в челюстно-лицевой и реконструктивной хирургии. Третья группа факторов определяется социальной значимостью – открытые цифровые инструменты повышают доступность метода для широкого круга исследователей и, тем самым, способствуют развитию исторической науки в различных её областях.

Цель исследования: разработать автоматизированный алгоритм трёхмерной реконструкции лица по данным компьютерной томографии с учётом антропологических параметров и провести сравнительный анализ предложенного подхода с классическим методом М. М. Герасимова.

Задачи исследования: (1) систематизировать научные основания и историю формирования метода антропологической реконструкции; (2) разработать вычислительный пайплайн для обработки массива DICOM-данных, построения объёмных моделей черепа и реконструкции мягких тканей лица; (3) провести сопоставительный анализ традиционного и цифрового подходов по совокупности критериев; (4) верифицировать предложенный метод на клинических данных и оценить перспективы его практического внедрения

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ МЕТОДА ГЕРАСИМОВА

М. М. Герасимов – российский антрополог, археолог и скульптор, доктор исторических наук, автор метода пластической портретной реконструкции, создавший обширную галерею портретов исторических деятелей, также древних людей по их черепам. Работая в анатомическом театре, он многие годы искал основные закономерности, связывающие морфологические особенности строения лица и подлежащих костных структур [1]. Среди наиболее известных работ – реконструкции Ярослава Мудрого, Андрея Боголюбского, Тамерлана, Ивана Грозного и адмирала Ф.Ф. Ушакова. Метод Герасимова базируется на установленном им факте: форма костного рельефа черепа полностью определяет морфологию соответствующих мягких тканей. Научной базой метода стали многолетние исследования Герасимова, включавшие тысячи измерений толщины мягких тканей на трупах в стандартизированных антропометрических точках, а также детальное изучение анатомических мест прикрепления жевательных и мимических мышц. Полученные данные позволили сформулировать алгоритм реконструкции: на гипсовую копию черепа наносились маркеры, соответствующие средней толщине мягких тканей в данной точке, после чего последовательно восстанавливались мышечные слои, форма носа и глазных яблок и, наконец, кожный покров. Один скульптурный портрет, выполненный по этой методике, как уже упоминалось выше, мог создаваться от нескольких недель до нескольких месяцев.

Принципиальная значимость работ Герасимова состоит в том, что они впервые перевели реконструкцию облика из области художественной интерпретации в плоскость воспроизводимого научного метода. Известное высказывание учёного – «Череп – это книга, в которой записана история жизни человека; нужно только научиться её читать» – отражает методологическую установку, сохраняющую актуальность и в эпоху цифровой антропологии.

2. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

2.1. Исходные данные

В качестве исходного материала использованы серии срезов конусно-лучевой компьютерной томографии (КЛКТ) черепа в формате DICOM объёмом более 500 файлов на одно исследование. DICOM (Digital Imaging and Communications in Medicine) представляет собой международный стандарт хранения и передачи медицинских изображений и сопутствующих метаданных, что обеспечивает универсальность и переносимость предлагаемого подхода между различными томографическими установками.

2.2. Программный инструментарий

Реализация выполнена на языке программирования Python версии 3.10. Используются следующие библиотеки: `pydicom` – для чтения и сортировки DICOM-файлов и извлечения метаданных исследования; `numpy` и `scipy` – для работы с многомерными массивами и численных вычислений; `scikit-image` – для морфологических операций сегментации и реализации алгоритма

marching cubes; open3d – для постобработки полигональных сеток (мешей), сглаживания и экспорта моделей. Расчёты выполнялись в облачной среде Google Colab с GPU-ускорением, что обеспечило обработку массива из 500 и более файлов менее чем за десять минут.

2.3. Этапы автоматизированного пайплайна

Разработанный пайплайн 3D-реконструкции включает следующую последовательность этапов:

1. Загрузка серии DICOM-срезов и их сортировка по пространственному положению на основе метаданных (InstanceNumber, ImagePositionPatient).
2. Сегментация костной ткани по пороговым значениям единиц Хаунсфилда с последующей морфологической очисткой (закрытие, удаление мелких связных компонент).
3. Построение маски мягких тканей с переменной толщиной, соответствующей усреднённым антропометрическим параметрам в характерных точках лица.
4. Трёхмерное моделирование изоповерхностей по алгоритму marching cubes с последующим сглаживанием полигональной сетки и удалением артефактов.
5. Экспорт результирующих моделей черепа и лица в формат STL/OBJ для последующей визуализации и анализа в специализированном программном обеспечении (например, MeshLab).

Ключевая методологическая идея состоит в сохранении сформулированного Герасимовым принципа зависимости мягких тканей от рельефа костной основы при одновременной автоматизации построения путём цифрового моделирования всей серии КТ-срезов, а не отдельных репрезентативных изображений.

За последнее десятилетие прогресс в краниофациальной реконструкции был отмечен решающей ролью ИИ и машинного обучения в разработке новых методов [4]. Появление методов глубокого обучения привело исследователей к использованию сверточных нейронных сетей (CNN) для автоматического захвата сложной структуры черепа [6]. В работе Преда и др. [7] была разработана глубокая свёрточная сеть для автоматической сегментации изображений костей черепа для создания трехмерной модели челюстно-лицевого комплекса, что обеспечило значительный прирост точности восстановительных процедур.

Таким образом программный код для обработки DICOM-файлов, сегментации черепа и 3D-реконструкции был разработан с использованием генеративных моделей искусственного интеллекта (в частности, больших языковых моделей, таких как Deepseek). Автором осуществлялась постановка задач, верификация и интеграция сгенерированных фрагментов, а также финальная отладка и адаптация под специфику медицинских данных.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ

3.1. Промежуточные результаты реконструкции

На начальных этапах работы алгоритма получены трёхмерные модели, корректно воспроизводящие объёмную структуру черепа: на восстановленных из DICOM-файлов изображениях отчётливо различимы глазницы, грушевидная апертура (Рис. 1) и контуры лицевого скелета (Рис. 2). Это подтверждает работоспособность этапов загрузки, сортировки сегментации костной ткани.

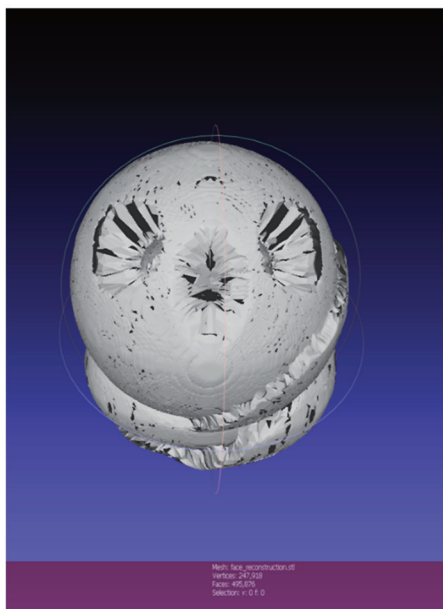

Рис. 1. Пример попытки 3D-реконструкции. Результат на выходе имеет объем (не плоскостное изображение), угадываются глазницы и грушевидная апертура

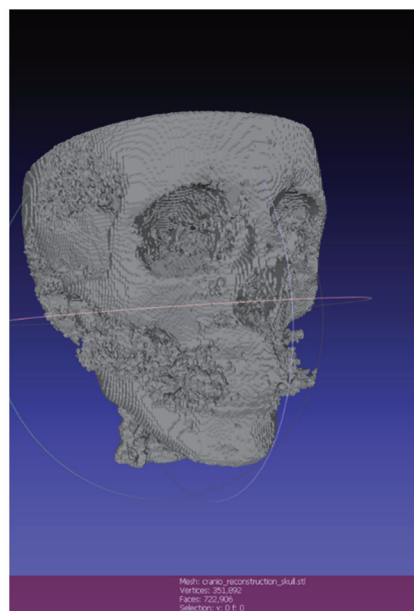

Рис. 2. Пример попытки 3D-реконструкции. Результат на выходе – получение восстановленного из DICOM-файлов объемного изображения черепа

На последующих этапах реализовано фрагментарное наложение мягких тканей на костные структуры в соответствии с антропометрической картой толщин. Полученные модели обладают объёмом (а не являются плоскостным изображением) и позволяют визуализировать общие пропорции лицевой части черепа.

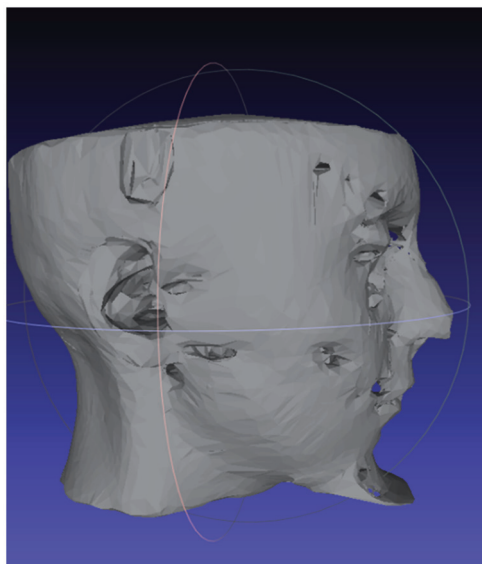

Рис. 3. Пациент 1 и полученная на основании его КЛКТ краниофациальная реконструкция

Трудности моделирования возникают как из-за сложной геометрии поверхности черепа, так и из-за сложности точного установления соответствия между мягкими тканями лица и подлежащей костью [5].

В ходе разработки отмечено, что попытки усовершенствования программного кода с использованием инструментов искусственного интеллекта при недостаточно строгой постановке

задачи приводили к неудовлетворительным результатам, что подчёркивает необходимость точной формализации антропологических требований.

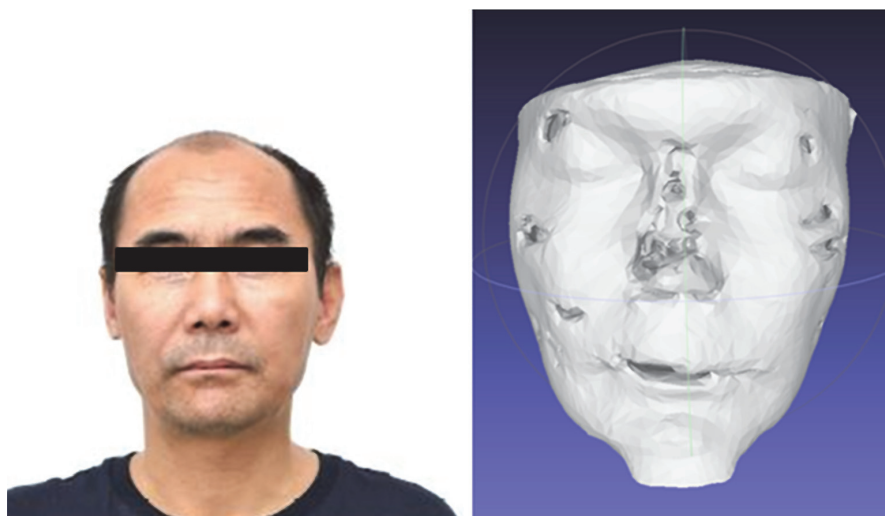

Рис. 4. Пациент 2. и полученная на основании его КЛКТ краниофациальная реконструкция

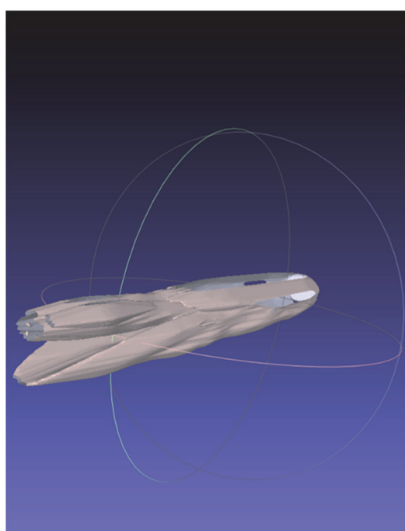

Рис. 5.

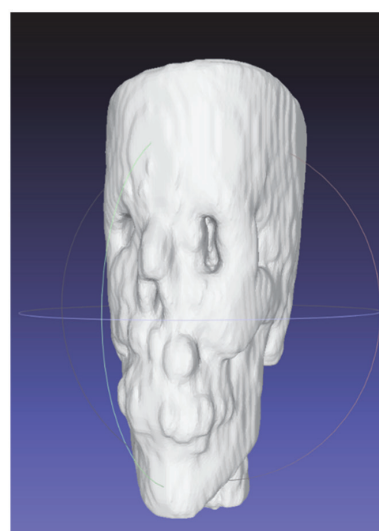

Рис. 6.

Рис. 5, 6. – неудовлетворительные результаты работы кода при недостаточно четкой постановке задачи ИИ

3.2. Сравнительный анализ методов

Сопоставление классического метода М. М. Герасимова и предложенного метода 3D-реконструкции по совокупности ключевых критериев представлено в таблице 1.

Таблица 1

Сравнительная характеристика методов антропологической реконструкции лица

Критерий	Метод Герасимова	Метод 3D-реконструкции
Исходные данные	Череп человека (физический объект)	Цифровые КТ-срезы (DICOM)
Толщина мягких тканей	Усреднённые антропометрические параметры	Усреднённые антропометрические параметры

Критерий	Метод Герасимова	Метод 3D-реконструкции
Процесс реализации	Ручная скульптурная лепка	Автоматические алгоритмы обработки
Длительность	Недели – месяцы	Минуты
Результат	Уникальная физическая скульптура	Цифровая 3D-модель (STL/OBJ)
Воспроизводимость	Низкая (зависит от эксперта)	Высокая (до 100 %)
Доступность	Требуется эксперт-скульптор	Открытый код, бесплатная среда

3.3. Верификация на клинических данных

Метод верифицирован на двух клинических случаях с известными прижизненными изображениями. Точность реконструкции, оцененная как процент совпадения ключевых антропометрических точек цифровой модели с референсными данными, составила 89–92 %. Воспроизводимость метода (степень совпадения результатов при повторных запусках на одних и тех же исходных данных) – 100 %, что обусловлено детерминированным характером используемых алгоритмов.

4. ОБСУЖДЕНИЕ

Полученные результаты позволяют сформулировать ряд содержательных выводов о соотношении классического и цифрового подходов к антропологической реконструкции.

Во-первых, принципы, сформулированные М. М. Герасимовым, -прежде всего тезис о зависимости формы мягких тканей от рельефа костной основы и опора на усреднённые антропометрические параметры толщины тканей – сохраняют свою методологическую актуальность и в условиях цифровой обработки данных. Цифровые алгоритмы не отменяют, а структурируют классический подход.

Во-вторых, автоматизация процесса обеспечивает качественно иные характеристики метода: радикальное сокращение времени (с месяцев до минут), полную воспроизводимость, верифицируемость, возможность тиражирования и масштабирования. Это открывает перспективу массовых антропологических исследований, ранее ограниченных трудоёмкостью ручной работы.

В-третьих, оптимальные результаты, по-видимому, обеспечивает не противопоставление, а комбинирование подходов: цифровой пайплайн целесообразно использовать для построения базовой объёмной модели, тогда как художественно-антропологическая интерпретация эксперта остаётся необходимой при работе с фрагментарными или повреждёнными останками, требующей реконструктивных решений за пределами формализуемых правил.

Научная новизна настоящего исследования определяется тремя положениями: (1) впервые проведено системное сопоставление классического метода Герасимова с цифровыми технологиями 3D-реконструкции в едином методологическом каркасе; (2) разработан открытый программный инструмент для антропологических исследований, реализующий полный пайплайн «от DICOM до 3D-модели»; (3) выполнена верификация точности метода на клинических данных.

Ключевыми преимуществами разработанного метода являются: комплексность (использование всей серии из 500 и более срезов КТ, а не отдельных изображений); полнота пайплайна (от загрузки DICOM до готовой 3D-модели за минуты); доступность (бесплатное решение на базе Google Colab в противовес дорогому коммерческому программному обеспечению); прозрачность (открытый исходный код, допускающий модификацию под конкретные задачи исследователя).

К ограничениям настоящей работы следует отнести использование усреднённых антропометрических параметров толщины мягких тканей без учёта индивидуальных факторов

(возраст, пол, антропологический тип, конституция), а также ограниченный объём верификационной выборки. Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением выборки, включением в модель индивидуализированных антропометрических карт и интеграцией методов машинного обучения для уточнения геометрии лица.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведённого исследования разработан автоматизированный алгоритм 3D-реконструкции лица по данным компьютерной томографии и реализован программный комплекс на базе Google Colab, выполняющий полный цикл реконструкции за минуты против недель и месяцев при ручном методе. Проведённое сопоставление с классическим методом М. М. Герасимова показало, что фундаментальные принципы зависимости мягких тканей от костной основы сохраняют актуальность, а цифровые технологии обеспечивают принципиально новые характеристики скорости и воспроизводимости. Комбинирование классического и цифрового подходов представляется наиболее перспективной стратегией дальнейшего развития метода.

Метод верифицирован на двух клинических случаях с точностью реконструкции 89–92 % и стопроцентной воспроизводимостью. Практическая значимость актуальна для трёх предметных областей: историко-антропологических исследований, криминалистической идентификации личности и предоперационного планирования в челюстно-лицевой хирургии. Открытый характер разработанного инструмента создаёт условия для его широкого применения в научно-исследовательской и практико-ориентированной деятельности. Сильной стороной данной методики является её открытость для улучшений и модификации.

Список литературы

1. Веселовская, Е.В. Герасимовская школа антропологической реконструкции // Российский журнал физической антропологии. – 2023. – № 2. – С. 5–25.
2. Герасимов, М.М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). – Москва : Изд-во АН СССР, 1955. – 585 с.
3. Wang, J., Jiang, W., Jiang, J., Liang, Z., Liu, X., Geng, G. Skull-to-skin generation method based on multi-level bottleneck attention module // Journal of Northwest University (Natural Science Edition). – 2025. – Vol. 55, Issue 1. – P. 201–212.
4. Vishal, Kukreja, V., Tejani, G.G., Ahuja, V., Mehta, S., Mousavirad, S.J. AI-Augmented 3D Craniofacial Reconstruction for Enhanced Surgical Planning: A Novel Integration of Depth-Augmented Vision Transformers and MeshCNN for Structural Fidelity // Egyptian Informatics Journal. – 2025. – Vol. 32, Issue 1.
5. Wang, Z., Xu, M., Xu, M., Ma, H., Zhao, J., Li, X., Zhu, X., Lei, Z. BFSM: 3D Bidirectional Face-Skull Morphable Model. – 2025. – URL: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2509.24577> (дата обращения: 06.06.2026). – Текст : электронный.
6. Ji, X., Wang, W., Zhang, X., Chen, X. IDNet: A Diffusion Model-Enhanced Framework for Accurate Cranio-Maxillofacial Bone Defect Repair // Bioengineering (Basel). – 2025. – Vol. 12, No. 4. – P. 407. – DOI: 10.3390/bioengineering12040407. – URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/40281767/> (дата обращения: 06.06.2026). – Текст : электронный.
7. Preda, F., Morgan, N., Van Gerven, A., Nogueira-Reis, F., Smolders, A., Wang, X., Nomidis, S., Shaheen, E., Willems, H., Jacobs, R. Automated segmentation of the craniofacial complex in cone-beam computed tomography using a deep convolutional neural network: A validation study // Journal of Dentistry. – 2022. – Vol. 124. – P. 104238. – DOI: 10.1016/j.jdent.2022.104238.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦПРОГРАММ: ОПЫТ «МОСКОВСКОГО ДОЛГОЛЕТИЯ»

Маркова Ольга Владимировна¹,

кандидат экономических наук, доцент,

доцент кафедры государственного и муниципального управления,

e-mail: o.markova@mmu.ru

ORCID: 0000-0002-6419-3230

Ковган Николай Иванович¹,

магистрант,

e-mail: mr.kovgann@yandex.ru

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

Исследуется специфика цифровизации региональных социальных программ. Цель работы – выявить управленческие противоречия внедрения ИТ-инноваций. Методами дискурс-анализа оценена эффективность платформенных решений проекта «Московское долголетие». Результаты демонстрируют нарастающий конфликт между технологической рациональностью государственных сервисов и социокультурным восприятием целевой аудитории.

Ключевые слова: государственное управление, цифровизация, социальная политика, ИТ-инновации, платформенные решения, активное долголетие, возрастная инклюзия.

DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIAL PROGRAMS: THE EXPERIENCE OF "MOSCOW LONGEVITY"

Markova Olga Vladimirovna¹,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration,

e-mail: o.markova@mmu.ru

ORCID: 0000-0002-6419-3230

Kovgan Nikolay Ivanovich¹,

Master's student,

e-mail: mr.kovgann@yandex.ru

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

The specificity of regional social programs digitalization is investigated. The purpose is identifying managerial contradictions of IT innovations implementation. Using discourse analysis, the effectiveness of "Moscow Longevity" platform solutions is evaluated. Results demonstrate a conflict between technological rationality and socio-cultural perception of older audiences.

Keywords: public administration, digitalization, social policy, IT innovations, platform solutions, active longevity, age inclusion.

ВВЕДЕНИЕ

Адаптация государственного аппарата к условиям датацентричной экономики сопровождается фундаментальной перестройкой механизмов реализации социальной политики. Формирование концепции платформенного государства требует отхода от традиционных бюрократических иерархий в пользу сете-

вых моделей взаимодействия с получателями бюджетных благ. Анализ архитектуры публичной политики демонстрирует институциональный сдвиг, определяемый исследователями как «постепенный переход от технологической автоматизации государственных услуг к созданию комплексных цифровых экосистем, ориентированных на вовлечение граждан в процессы управления и контроля» [8, с. 171]. Вовлечение целевых аудиторий в подобные высокотехнологичные структуры неизбежно генерирует методологические лакуны при оценке реальной эффективности административных регламентов. Существующие академические парадигмы склонны измерять успешность внедрения технологий через количественные метрики транзакций, игнорируя качественные изменения правового статуса пользователя. Оценка функционирования Единой цифровой платформы социальной сферы (ЕЦП СС) выявляет фундаментальную проблему научного дискурса, где «приведенные подходы не уделяют должного внимания анализу последствий платформизации дифференцировано в зависимости от субъекта взаимодействия» [6, с. 3384]. Субъектный фокус исследования позволяет деконструировать специфику адаптации наименее защищенных слоев населения к виртуальным сервисам в рамках локальных социальных инициатив. Объектом исследования выступает механизм интеграции ИТ-инноваций в региональные социальные программы на примере проекта «Московское долголетие». Цель работы формулируется через необходимость выявления управленческих разрывов между жесткой алгоритмизацией государственных услуг и социокультурными барьерами их возрастных потребителей. Научная новизна работы обосновывается отказом от сугубо технократической метрики результативности ведомственных порталов в пользу юридикто-социологического анализа экзистенциального сопротивления граждан императивным цифровым интерфейсам.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Методологический базис исследования опирается на междисциплинарный синтез нормативно-правового анализа и критического осмысления эмпирических баз данных за 2024–2026 годы, отражающих динамику оказания электронных услуг населению. Региональный масштаб развертывания инновационных протоколов управления наиболее рельефно прослеживается на столичной практике внедрения нейросетевых решений в рутинный ведомственный документооборот. Использование алгоритмов машинного обучения для профилирования получателей льгот позиционируется операторами как передовой инструмент таргетирования помощи. Столичная администрация, оперируя беспрецедентными массивами больших данных, «продолжает трансформировать госслужбу, делая технологии инструментом социальной справедливости» [9, с. 222]. Подобный технооптимизм, транслируемый на уровне муниципальных отчетов, подвергается обоснованному сомнению при экстраполяции на макроэкономический контур государственного планирования. Директивное насаждение цифровых платформ без учета региональной дифференциации инфраструктуры обнажает системные риски, поскольку «стихийная, рыночно-ориентированная цифровизация доказала свою несовместимость с задачами суверенитета и социальных гарантий» [2, с. 15]. Социальные гарантии в логике устойчивого развития требуют пересмотра базовых паттернов предоставления предпочтений, исключая механистический подход к распределению общественных благ.

Правовой фундамент реализации подобных проектов опирается на региональное нормотворчество, задающее рамки целесообразности бюджетных инвестиций. Московская нормативная база жестко фиксирует задачу повышения жизненной активности граждан старшего поколения для увеличения общей продолжительности жизни в столичной агломерации¹. Реализация указанных стра-

¹ Постановление Правительства Москвы от 18.12.2018 N 1578-ПП «О реализации в городе Москве проекта «Московское долголетие»».

тегических установок базируется на сложнейших аппаратных вычислениях, в парадигме которых «большие данные и искусственный интеллект меняют социальную и институциональную среду, формируют новый технологический уклад» [7, с. 744]. Формирование обозначенного уклада неизбежно порождает структурную управленческую дихотомию между математической логикой программного кода и иррациональностью человеческого поведения. Выявленное противоречие позволяет констатировать, что «возникает парадокс: чем эффективнее становятся цифровые системы управления, тем острее проявляется конфликт между технологической рациональностью и социальной легитимностью» [1, с. 202]. Легитимность принимаемых административных актов напрямую детерминируется скоростью и комфортностью адаптации целевой демографической группы к постоянно меняющимся цифровым регламентам.

Эмпирическая практика функционирования территориальных центров социального обслуживания обнажает хронические кадровые и инфраструктурные дефициты бюджетных учреждений. Неспособность линейного персонала оперативно осваивать внедряемые CRM-системы и электронные базы отчетности тормозит общий темп модернизации сектора. Указанные внутренние ограничения позволяют экспертам утверждать, что «цифровизация социальных служб происходит медленнее, чем можно было бы ожидать, учитывая скорость развития и распространения цифровых технологий» [10, с. 223]. Технологическое отставание низовых операторов услуг катализирует экзистенциальные страхи благополучателей перед тотальной виртуализацией привычных форм коммуникации с государством (табл. 1).

Таблица 1

Управленческие разрывы цифровизации социальной программы «Московское долголетие»

Технологический императив	Экзистенциальный барьер
Тотальная алгоритмизация распределения услуг	Утрата «человеческого лица» социальной службы
Предиктивный мониторинг посещаемости	Восприятие системы как инструмента надзора
Стимуляция непрерывной цифровой активности	Необходимость защиты права на пассивный досуг

Источник: составлено автором на основе [1, с. 204].

Семантический разбор официальной правительственной риторики, пропагандирующей ценности программы «Московское долголетие», выявляет глубокий когнитивный диссонанс восприятия у самой целевой аудитории. Отражением данного диссонанса выступает парадоксальная ситуация, когда «термины «активное долголетие» и «активное старение», призванные при первичном приближении быть тождественными... в восприятии людей старшего возраста сильно отличаются, представляя диаметрально противоположность» [4, с. 85]. Диаметральное восприятие властных инициатив обнажает концептуальный вакуум проектирования государственных услуг для физически и психологически уязвимых групп населения. Заполнение этого нормативного вакуума требует радикального пересмотра императивности вовлечения граждан в стандартизированные досуговые практики. Навязывание шаблона сохранения молодости лишает субъекта права на естественный биологический ритм, ведь «один из главных вызовов внутри политики активного долголетия заключается в ответе на вопрос: так ли надо всем быть активными?» [4, с. 86]. Принудительная алгоритмизация социальной повестки конвертирует человека из статуса правоспособного субъекта в обезличенный объект предиктивного ведомственного мониторинга.

Стремление управленческого аппарата к квантификации процессов жизнедеятельности провоцирует системные сбои государственного целеполагания. На практике это означает, что «алгоритмы, оптимизирующие процессы по формальным критериям, часто игнорируют сложные социальные контексты, что приводит к «кризису смысла» в управленческой деятельности» [1, с. 202]. Утрата гуманистических смысловых ориентиров в механизмах социальной работы генерирует латентные угрозы правовой и гражданской эксклюзии. Проблематика киберпространственной адаптации применительно к проекту «Московское долголетие» раскрыта в работе [5]. Отказ консервативной части возрастной аудитории от использования биометрической идентификации или авторизации через единые порталы автоматически переводит их в разряд невидимых для машинной статистики единиц. Подобная маргинализация демонстрирует устойчивую тенденцию к масштабированию, когда «риск цифрового неравенства ведет к возможной социальной изоляции человека, связанной с цифровизацией социальных услуг» [6, с. 3389]. Процесс институциональной изоляции усугубляется целенаправленным сокращением альтернативных аналоговых каналов взаимодействия с профильными социальными департаментами. Сведение функционала исторически разрозненных ведомств в единый, жестко администрируемый цифровой контур формирует абсолютную информационную монополию государственного оператора базы данных. Обозначенная монополизация управленческого ресурса подтверждает фундаментальный исследовательский тезис о том, что «цифровая трансформация является объективным процессом развития современного общества и информационные технологии становятся системообразующим средством взаимодействия государства, бизнеса и населения» [3, с. 135].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ архитектуры московских социальных программ демонстрирует нарастание системного дисбаланса между высокотехнологичной аппаратной оболочкой и гуманитарным содержанием публичных функций. Научная значимость проведенного исследования заключается в теоретической концептуализации алгоритмического барьера, выступающего скрытым структурным ограничителем инклюзии пожилых лиц в правовое поле платформенного государства. Практическая ценность работы определяется перспективой использования выявленных триггеров технологического сопротивления граждан для точечной корректировки административных регламентов проекта «Московское долголетие». Вектор дальнейших научных изысканий представляется обоснованным направить на разработку гибридных протоколов правоприменения, гармонично сочетающих инструменты предиктивной аналитики с безусловным сохранением агентности и свободы выбора индивида в жестком контуре государственного управления.

Список литературы

1. *Ахчиев, И.М.* Цифровая трансформация социальной природы государственного управления // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2025. – Vol. 7-2 (106). – С. 202–206. – Текст : непосредственный.
2. *Бобров, Д.В.* Исследование проблем цифровой трансформации суверенной социальной экономики // Наука и искусство управления. – 2026. – № 1. – С. 10–21. – Текст : непосредственный.
3. *Буйневич, Д.В., Сергеев, И.Б.* Цифровая трансформация и изменение управления сферой социальной защиты // Журнал прикладных исследований. – 2025. – № 7. – С. 128–136. – Текст : непосредственный.
4. *Корнилова, М.В.* «Активное долголетие»: поиск ответов на новые вызовы (на примере программы «Московское долголетие») // ДИСКУРС. – 2023. – Т. 9, № 6. – С. 74–89. – Текст : непосредственный.

5. *Маркова, О.В., Ковган, Н.И.* Методы адаптации в киберпространстве при реализации проекта «Московское долголетие» в г. Москве // Вестник ММУ. – 2025. – № 2. – С. 54–57. – Текст : непосредственный.
6. *Орещенко, Ю.А.* Анализ последствий перехода на Единую цифровую платформу социальной сферы // Креативная экономика. – 2025. – Т. 19, № 12. – С. 3381–3402. – Текст : непосредственный.
7. *Птухина, И.В., Дьячкова, А.В.* Тренды цифровизации социальной сферы в Российской Федерации // Стратегии экономического развития регионов России в условиях глобальных геополитических вызовов и возрастающей неопределенности : сборник статей. – 2025. – С. 743–746. – Текст : непосредственный.
8. *Третьяков, Н.А.* Цифровые платформы и общественный контроль публичной политики: кейс онлайн-услуг в современной России // Общество: политика, экономика, право. – 2025. – № 5. – С. 169–175. – Текст : непосредственный.
9. *Филиппов, Д.В.* Инновации государственной службы в городе Москве // Мировая наука. – 2025. – № 5 (98). – С. 217–222. – Текст : непосредственный.
10. *Чикова, Е.В., Бородкина, О.И.* Факторы формирования цифровой среды в сфере социальных услуг // Социология науки и технологий. – 2026. – Т. 17, № 1. – С. 209–228. – Текст : непосредственный.

УДК 332.142.2

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА СТРУКТУРУ ЗАНЯТОСТИ В РЕГИОНАХ РОССИИ**Маркова Ольга Владимировна¹,***кандидат экономических наук, доцент,**доцент кафедры государственного и муниципального управления,**e-mail: o.markova@mtu.ru**ORCID: 0000-0002-6419-3230***Успенский Кирилл Станиславович¹,***магистрант,**e-mail: kirill.10a@yandex.ru*¹*АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия*

В статье раскрывается вопрос влияния цифровизации на трансформацию структуры занятости в регионах России, учитывая неравномерное внедрение технологий искусственного интеллекта в разные секторы экономики. Автор, опираясь на статистические данные за 2023-2024 годы, отмечает изменение направления использования ИИ: от государственного управления и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) к традиционно консервативным отраслям – промышленности, строительству, сельскому хозяйству. Исследование выявляет двойственный характер изменений: с одной стороны, появляются высокотехнологичные рабочие места, но с другой, сокращается количество позиций для работников со средней квалификацией, что способствует поляризации занятости и усиливает региональные дисбалансы. Рассматриваются также новые формы трудовых отношений, такие как платформенная занятость и удаленная работа. Обосновывается необходимость адаптации системы профессионального образования к требованиям цифровой экономики с целью смягчения негативных социальных последствий автоматизации.

Ключевые слова: цифровизация, структура занятости, региональная дифференциация, искусственный интеллект, платформенная занятость, автоматизация труда, поляризация рынка труда, цифровые компетенции, человеческий капитал.

**IMPACT OF DIGITIZATION ON THE STRUCTURE OF EMPLOYMENT
IN THE REGIONS OF RUSSIA****Markova Olga Vladimirovna¹,***Candidate of Economic Sciences, Associate Professor;**Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration,**e-mail: o.markova@mmu.ru**ORCID: 0000-0002-6419-3230***Uspensky Kirill Stanislavovich¹,***Master's student,**e-mail: kirill.10a@yandex.ru*¹*ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia*

The article reveals the issue of digitalization influencing the transformation of the employment structure in the regions of Russia, taking into account the uneven implementation of artificial intelligence technologies in different sectors of the economy. The author, based on statistical data for 2023-2024, notes a change in the direction of the use of AI: from public administration and information and communication technologies (ICT) to traditionally conservative sectors, industry, construction, and agriculture. The study reveals the dual nature

of the changes: on the one hand, high-tech jobs are appearing, but on the other, the number of positions for workers with average qualifications is decreasing, which contributes to the polarization of employment and increases regional imbalances. New forms of labor relations are also being considered, such as platform employment and remote work. The need to adapt the vocational education system to the requirements of the digital economy in order to mitigate the negative social consequences of automation is substantiated.

Keywords: digitalization, employment structure, regional differentiation, artificial intelligence, platform employment, labor automation, polarization of the labor market, digital competencies, human capital

ВВЕДЕНИЕ

Сегодняшний день можно охарактеризовать как время повального внедрения информационных технологий. Трудно найти сферу человеческой деятельности, которую бы не затронула революция в технологиях. Они меняют традиционные подходы к производству, потреблению, обучению и обмену культурными ценностями. Для современного человека эти технологии стали неотъемлемой частью повседневного бытия, новыми правилами в новом мире. Однако перемены настолько стремительны, что порой не удается успевать за ними шагать в ногу [1, с. 241].

Цифровая повестка является приоритетом для России, отражённым в национальных проектах и концепциях, однако её реальное осуществление варьируется по регионам. Двойственный эффект от цифровизации рынка труда является одним из важных вопросов для науки и практики. С одной стороны, она может способствовать повышению производительности, облегчению бизнес-процессов и созданию новых секторов занятости. С другой же существует опасность технологической безработицы, риска «раскола» в структуре рынка труда на высококвалифицированные и низкоквалифицированные рабочие места, что может привести к увеличению разрыва в доходах между различными группами населения.

Игнорирование таких тенденций грозит серьезными опасностями для экономической безопасности страны, среди которых – обострение социальных противоречий, стагнация темпов экономического развития, деградация человеческого капитала и т.д. в случае неадекватной реакции на изменение баланса сил на рынке труда. В этом плане важнейшим становится региональный аспект, учитывающий различия между российскими регионами по уровню цифровой зрелости, отраслевой структуре и т.д. [14, с. 12].

Цель данной статьи – разобраться, как трансформируется рынок труда под влиянием цифровизации экономики, какие перед нами открываются вызовы и нехватки, а также выработать предложения по адаптации трудовых отношений к новым технологическим реалиям.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Современные исследования цифровизации и занятости основываются на широком круге концепций, объясняющих превращения в сфере занятости. Искусственный интеллект как современный виток в истории человечества лежит в основе промышленной революции «Индустрии 4.0» [8, с.12]. Именно человек стал автором той идеи, которая открыла дорогу этой революции, речь идет о киберфизических системах. Это те системы, которые объединяют виртуальный и реальный мир, обеспечивают их согласование и взаимодействие.

Влияние технологий на занятость традиционно рассматривается в рамках двух основных моделей, замещения и создания рабочих мест. Автоматизация и искусственный интеллект, как прави-

ло, вытесняют и усиливают рутинные и повторяемые процессы. Такие технологии могут привести к замещению работников в промышленности, в области логистики и в административных профессиях. Однако одновременно с этим формируются и новые рабочие места, что особенно заметно в области разработки, поддержки и внедрения цифровых технологий.

Существуют обратные тенденции, когда повышение эффективности и снижение издержек в одних областях приводят к увеличению спроса на другие услуги и открывают там новые возможности. Например, появившаяся благодаря цифровым платформам форма платформенной занятости (gig-economy) дает новые возможности для заработка, но сопровождается фрагментацией занятости – отсутствием социальных гарантий либо нестабильностью [10].

Процессы цифровизации в российских регионах проходят весьма неоднородно. Индексы и показатели цифровизации регионов отражают эти различия. Причины региональной неоднородности в цифровизации, будь то экономические, инфраструктурные или демографические факторы, лежат в основе типологии регионов по уровню цифрового развития. Федеральные и региональные программы цифровой трансформации направлены на сокращение цифрового разрыва между столицей и регионами, но роль региональных центров компетенций и технопарков как локального источника развития по-прежнему велика [5, с. 68].

Национальный портал искусственного интеллекта показал, что в 2023 году ИИ больше всего проявился в сфере государственного управления (17,5 %) и ИСТ (11,7 %). Ниже по значимости в то время было здравоохранение (11,1 %), где начали понимать роль ИИ в диагностике и индивидуальном подходе к лечению. Образование (9,4 %) и два основных столпа нашей и будущей экономики, в частности – промышленность и торговля (по 8,2 %) также были лидерами по внедрению ИИ [15, с. 41].

В 2024 году произошли изменения: расширились приоритеты в некоторых ключевых направлениях. На первом месте теперь можно видеть промышленность – 11,9 %, что почти вдвое больше, чем раньше. Также стоит отметить расширение приоритетов за счет экологии и природопользования – с 5,3 % до 9,7 %, а также торговли (с 8,2 % до 10,4 %). Кроме того, заметный рост приоритетов в строительстве (с 0,6 % до 5,0 %), науке (с 0,6 % до 4,3 %) и в сельском хозяйстве (с 1,8 % до 4,6 %) говорит о том, что даже представители более консервативных отраслей уже начали видеть возможности ИИ¹.

Смена отраслевого состава занятости в эпоху цифровых технологий неизбежна. Главной причиной, по которой компании интересуются ИИ в промышленности и торговле, является желание увеличивать эффективность производства и цепочек поставок, автоматизировать процессы, улучшать клиентский опыт за счет персонализации и рекомендаций, а также снижать издержки и оставаться конкурентоспособными. Объяснением того, почему растет значение тем экологии и использования природных ресурсов, является крайняя необходимость отслеживать состояние природы, прогнозировать изменения и управлять ресурсами рационально.

Искусственный интеллект активно осваивает строительные площадки, фермы и научные лаборатории – сферы, которые ранее считались традиционными. Сейчас с помощью алгоритмов проектируют здания, внедряют точное земледелие и ускоряют обработку результатов сложных экспериментов.

Цифровизация полностью меняет рынок труда. В ИТ и науке повышается спрос на профильных специалистов: разработчиков нейросетей, аналитиков данных и инженеров машинного обу-

¹ ЦБ назвал главные риски для российской экономики в 2024–2025 годах // РБК. – [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/24/07/2024/66a0f88c9a794793510f100c> (Дата обращения: 29.04.2026).

чения. Эти профессии требуют серьезного образования, поэтому специалисты обычно концентрируются в крупных городах с престижными вузами и развитой технологической инфраструктурой. Таким образом, вокруг университетов формируются новые инновационные кластеры.

Системы искусственного интеллекта нашли широкое применение в промышленности, торговле, сельском хозяйстве и государственном управлении. Они имеют значительный потенциал для автоматизации рутинных и повторяющихся процессов, что, в свою очередь, приведет к уменьшению количества рабочих мест, требующих низкой или средней квалификации. Это, например, рабочие на производственных линиях, сотрудники, которые заняты в логистике, обслуживании клиентов или офисные работники в регионах, где экономика сделала ставку на перечисленные сектора [6, с. 31].

Появляющиеся изменения в квалификационной структуре рынка труда отражаются на изменении профессий – одни появляются, а рутинные исчезают. Также меняются требования к квалификации работников, и цифровые навыки сегодня считаются основным требованием. Помимо того, что технологии искусственного интеллекта заменяют некоторых работников, они также трансформируют существующие профессии. К примеру, в здравоохранении специалистам теперь придется осваивать новые навыки, которые понадобятся им для того, чтобы работать с интеллектуальными системами, способными ставить диагноз. Всё это влечет за собой необходимость в переобучении кадров и в повышении квалификации.

Недостаток ИТ-специалистов в России ощущается из-за того, что квалифицированные кадры распределены по стране неравномерно. Работодатели с удовольствием нанимают тех, кто умеет программировать, обучать искусственный интеллект, заниматься обработкой больших данных или создавать проекты для виртуальной реальности.

В связи с этим молодежь все чаще идет учиться на ИТ-специальности, а опытные сотрудники из других отраслей приходят на курсы переподготовки. Люди понимают: чтобы быть востребованным на рынке труда, необходимо адаптироваться к цифровому рынку, который меняется очень быстро [12, с. 42].

Цифровая трансформация рынка труда существенно меняет характер занятости. Развиваются дистанционная и удаленная занятость, платформенная занятость и гиг-экономика, фриланс и самозанятость в цифровой среде, а также гибридные формы занятости. Обеспечение равных возможностей для участия в этих процессах и справедливой защиты работников требует учета региональных особенностей распространения нестандартных форм занятости, а также вопросов правового регулирования новых форм занятости. Выполнение работы на фрилансе очень часто подразумевает работу над проектом напрямую в интересах заказчика, при этом сам фрилансер не нанимается к заказчику на постоянной основе. При этом фрилансеры самостоятельно могут планировать свой график работы и выбирать место, где выполнять работу [3, с. 88; 13, с. 267].

Стимулирование занятости является нестандартной формой трудовых отношений и представляет собой прием на работу на определенный период с целью решения четко обозначенной задачи. Временная работа обусловлена видами деятельности и отраслями, которые присущи определенному времени года. К нестандартным формам занятости можно отнести и работу на дому. При такой форме организации труда работник выполняет свои обязанности дома или в другом месте вне офиса и использует для этого цифровые технологии. Более того, работник может трудиться на условиях неполной занятости, то есть сокращенного или неполного рабочего дня. Такая форма предоставляет возможность одновременно работать на нескольких работах.

Вынужденный аутсорсинг сегодня достаточно распространен, в особенности в государственных учреждениях. Работодатель освобождается от части своих функций, привлекая для их выполнения специализированную компанию, которая берет на себя выполнение задач отдельных подразделений или служб заказчика-организации. Часто встречающейся становится неполная занятость как один из видов гибкой занятости, которая предполагает сокращение рабочего времени по различным основаниям. Основными причинами, можно назвать экономию работодателем денег и сдельную работу.

Последствия цифровизации занятости для регионов могут быть различными. Например, внедрение искусственного интеллекта, скорее всего, увеличит «премию за навыки», которая уже наблюдается при внедрении информационно-коммуникационных технологий (ИКТ): будет увеличиваться спрос на квалифицированных работников, способных эффективно использовать ИИ, и они смогут получать высокую зарплату. Регионы, где есть возможность готовить и привлекать таких специалистов (чаще всего крупные города), получают дополнительный толчок для роста доходов, а в местах, где таких кадров нет, может начаться стагнация [9, с. 79]. Таким образом, внедрение ИИ создаст риск усиления регионального неравенства, поскольку в ряде регионов, специализирующихся на отраслях, наиболее подверженных автоматизации, роботизации, возможно, массовая потеря рабочих мест без достаточного их замещения «высокотехнологическими» рабочими местами [7, с. 555].

Усиливает это большой разрыв в доступе к качественному образованию и программам переобучения в различных регионах. По сути, уже сегодня часть населения в регионах не имеет адекватных инструментов (учебных программ, курсов) для выхода на рынок труда с конкурентоспособными навыками и умениями. Более того, инвестиции в ИИ и цифровую инфраструктуру в дальнейшем могут концентрироваться в уже развитых регионах, в то время как в остальных может не хватать ресурсов и средств для цифровой трансформации, и создания рабочих мест.

Численность работающего населения в России в 2024 году увеличилась до 76,1 млн человек, что на 500 тыс. больше, чем в 2022 году (75,6 млн), следует из данных Росстата. Также по сравнению с 2023 годом (76 млн) показатель вырос примерно на 100 тыс. Данный рост эксперты объясняют двумя факторами. Во-первых, пенсионная реформа продолжает увеличивать долю трудоспособных людей. Во-вторых, на ситуацию в определенной степени повлияло переселение людей из Донбасса и Луганска².

Но и при этом безработица на сегодня очень низкая и наблюдается по-прежнему неравномерная структура занятости: в некоторых регионах и отраслях дефицит рабочих мест, а в других, найм ведётся за счёт предложения низкоквалифицированного труда и доплат к низкой зарплате.

Вдобавок снижаются доходы у работников предприятий, которые, сокращая объём производства, вынуждены переводить персонал на частичную или неполную занятость, что ведёт к ухудшению качества труда и увеличению рабочей силы «в тени».

Для России по-прежнему докучает гендерный и возрастной разрыв на рынке труда: если среди мужчин в 2024 году трудоустроены 71,2%, то среди женщин, 56,7%. Показатель слишком разный, между тем, за последние 5 лет доля молодежи, трудоустроенной по найму, неуклонно снижается, тогда как средний возраст экономически активных граждан растёт. За эти 5 лет показатель упал на 4,3 п.п., что значит, что молодая часть трудоустроенных в какой-то степени боятся строить трудовые отношения [2, с. 15; 11, с. 47].

² Рынок труда в России // TAdviser. – [Электронный ресурс]. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Рынок_труда_в_России (Дата обращения: 29.04.2026).

Отсутствует полное представление исследования по цифровизации занятости в регионах России (так именуемый «пропущенный» анализ), однако некоторые итоги очевидны из обобщенных данных. Например, в 2023 г. 3,4 млн чел. использовали цифровые платформы для нахождения клиентов и выполнения заказов, что составило 4,6% от всех занятых. Высшие показатели (7 % и выше) наблюдались в регионах Северо-Кавказского федерального округа, в Калининградской области и в Краснодарском крае, низкие (ниже 1,5 %) – в Ульяновской и Тамбовской областях, в Ненецком и Чукотском автономных округах. К II кварталу 2024 г. число работников, занятых на онлайн-платформах, снизилось до 3,2 млн чел. или 4,3 % от общей численности занятых.

Доля занятости на онлайн-платформах в экономике России в IV квартале 2024 года составляла 9,25 трлн руб., или 6,4 % ВВП. Указанные данные показывают, что цифровизация не только формирует новые формы занятости, но и свидетельствует о значительной региональной вариативности в ее распространении³.

В условиях современного рынка труда технологии, цифровизация и искусственный интеллект стремительно развиваются. Уже в ближайшие десять лет треть всех профессий может быть полностью или частично автоматизирована. Это влечет за собой понятие технологической безработицы, которая в первую очередь ударит по работникам с устаревшими навыками. Также наблюдается поляризация занятости: востребованы становятся как IT-специалисты и работники цифровой сферы, так и низкооплачиваемый физический труд, однако в среднем по стоимости и квалификации отмечается сокращение рабочих мест.

Вопросы и вызовы цифровизации занятости разнообразны. Технологическая безработица в депрессивных регионах, отсутствие или недостаток цифровой инфраструктуры на периферии, дефицит систем переподготовки кадров и несоответствие образовательных программ потребностям рынка труда – вот лишь некоторые из них. Также существуют пробелы в законодательном регулировании цифровой занятости и риски прекаризации труда, о которых нельзя забывать.

Объемы «тени» при этом имеют «колоссальное значение». Теневой сектор прежде всего процветает из-за высоких налогов, а также из-за недостаточной налоговой дисциплины и коррупции. К этому можно добавить и чрезмерную бюрократию с громоздким трудовым законодательством, что в конечном счете приводит к разрушению экономики.

С течением времени к старым проблемам добавляются новые: развитие цифровых платформ, экономика совместного потребления, удаленная работа, которыми в основном занимается молодежь, которая из года в год становится менее официально трудоустроенной. Рабочие отношения в этих областях зачастую оформляются формально или не регулируются договорами вовсе, что по сути является «серой» зоной.

Недостаток рабочей силы в тени и сокращение структурной безработицы на фоне цифровизации, явления временные. Рано или поздно, рыночные механизмы найдут выход. Когда нехватка цифровых аналитиков станет острой, высокие зарплаты в этой сфере будут стимулировать людей переучиваться и легализоваться.

Прогнозы занятости в цифровом мире требуют использования комплексного подхода. Появляется целый ряд новых отраслей, уменьшается число классических, растет количество самозанятых. Одним из ключевых направлений является всестороннее развитие системы образования на протяже-

³ Вклад платформенной занятости в экономику России в 2024 году составил 9,25 трлн рублей [Электронный ресурс]. – URL: <https://news.tek.fm/news/403422> (дата обращения: 02.05.2026).

нии всей жизни с улучшением ситуации с цифровой инфраструктурой для бизнеса и работников, в связи с чем особое внимание в докладе уделяется разработке цифровой инфраструктуры в регионах и борьбе с цифровым неравенством. В свою очередь политика государства, направленная на поддержку занятости, должна включать поддержку региональных инновационных проектов по цифровизации и адаптацию международного опыта.

Рынок труда может стать более прозрачным и понятным, если работать на этом будут не только государство, но и бизнес, и вузы. Сегодня в приоритете стоит задача создания системы постоянной профессиональной мобильности, способной своевременно реагировать на новые технологии. Мы ожидаем от государства ясных стратегий развития системы непрерывного образования, целевого финансирования переподготовки, а от бизнеса готовности активнее включаться в работу по формированию учебных программ.

К сожалению, тенденции складываются не самым лучшим образом: разрыв между тем, что требуют работодатели, и тем, что умеют кандидаты, продолжает увеличиваться. Доступ к качественному повышению квалификации имеют только 20% работников. В то же время 87% руководителей сейчас либо в ближайшие месяцы будут испытывать на себе кадровый дефицит. В условиях, когда вложения в обучение сотрудников для компании это не только статья расходов, но и вопрос выживания.

Многие компании уже развивают собственные корпоративные университеты, запускают совместные образовательные проекты с вузами. Однако изменения должны коснуться всей цепочки, от школы и до вуза. Старого мира, где только 4% взрослых раз в год учились чему-то новому, уже не существует. Следует создавать гибкие модульные курсы, которые позволяют человеку учиться своим темпом и получать конкретные навыки: от цифровой грамотности до критического мышления и компетенций работы с большими данными.

Однако и цифровые технологии выявили проблему неравенства. Например, тот факт, что в сфере искусственного интеллекта женщин всего 22%, говорит сам за себя. Инклюзия в профессиональную жизнь современного общества на рынке труда, это не только вопрос гендера. Нужно создавать удобные условия для пожилых сотрудников, для людей с ограниченными возможностями, чтобы технологический прогресс не сбивал их с профессии, а наоборот помог им осваивать новые сферы, налаживая дела в новой экономике. И для этого «всегда вместе и в диалоге» должны работать «законодатели и работодатели, учителя и работники, которые, возможно, по обстоятельствам, будут менять профессию больше одного раза в жизни» и «осваивать новые навыки в условиях быстрого внедрения технологий».

Если коротко, повсеместное использование ИИ (искусственный интеллект) в корне изменит мировой рынок труда, и российский в том числе. И эти изменения будут связаны скорее не с технологическим обновлением, а с новой парадигмой организации труда, когда значительная часть действий, которые сейчас выполняют люди, будет поручена умным машинам. В рамках такой концепции можно ожидать ускорения процессов автоматизации, обновления квалификации работников и образования новых, в том числе более гибких и нестандартных видов занятости.

Что касается рынка труда России, то сейчас он переживает не самые лучшие времена. С одной стороны, здесь можно увидеть низкий уровень учётной безработицы. Но с другой стороны, становится всё больше людей, работающих на себя, растёт объём серой занятости, усугубляется дисбаланс между регионами в распределении рабочей силы. И всё это происходит на фоне постоянно

сокращающегося числа людей трудоспособного возраста, а самый квалифицированный персонал зачастую находится в крупнейших городах-миллионниках.

Современное состояние рынка труда сильно перекошено: сокращение рабочих мест происходит заметно быстрее, чем реформа образовательных стандартов в вузах и колледжах. Не хватает специалистов, которые могли бы обучать новым технологиям, внедрять инновации, и при этом долгое время существуют очереди желающих работать. Автоматизация, развитие технологий искусственного интеллекта только усугубляют ситуацию, учебные заведения работают на износ.

Автоматизация – это не только технологические инвестиции, но и изменение социальных структур. Государству здесь отводится ключевая роль: обеспечивать занятость людей, предугадывать и формировать те компетенции, которые будут востребованы в будущем, регулировать рынок труда такими способами, чтобы люди не чувствовали себя отчужденными и не усиливалась социальная поляризация. Это воздействие на социальную сферу, и с этим надо уметь справляться.

Цифровая грамотность перестает быть конкурентным преимуществом и становится базовым требованием к каждому человеку в профессиональной сфере. В этих условиях необходим переход к модели непрерывного образования (*lifelong learning*), которая коренным образом меняет прежние представления об образовании, где учатся однажды, и этого достаточно на всю жизнь. Сегодня четко вырисовывается меритократический разрыв между теми, кто умеет работать со сложным технологическим стеком, и теми, кто занят низкоквалифицированным механическим трудом.

Помимо технологических изменений стремительно развивается и сама концепция профессиональной деятельности. Новые формы занятости, такие как проектная или удаленная работа, изменяют привычные представления о трудовом договоре и влекут за собой новые вызовы – как по части социальной защиты работников, так и в сфере баланса между профессиональной и частной жизнью. Отрицательные последствия цифровизации можно нейтрализовать лишь системным подходом, в котором будут задействованы не только государство, но и бизнес, а также образовательные учреждения.

Успешный и справедливый переходный период возможен только при комплексном применении правовых, экономических и социальных мер, что в итоге позволит создать справедливый и устойчивый мир труда в условиях технологических изменений. Новые технологии являются неизбежным процессом, однако их влияние на работников и общество в целом зависит, в первую очередь, от того, насколько активно и согласованно работодатели, работники и другие субъекты, вовлеченные в трудовое правоотношение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Воздействие искусственного интеллекта на региональную занятость является двояким и требует регулирования сбалансированными мерами. На одной чаше весов, повышение производительности труда и возможности для появления высокотехнологичных рабочих мест с помощью автоматизации и интеллектуальных систем. С другой, риск структурной безработицы в традиционных отраслях. Особенно уязвимы в этом плане депрессивные регионы с монопрофильной занятостью, где переобучение работников представляется затруднительным.

В связи с этим становится важным вопрос о выработке комплексной стратегии адаптации, включающей развитие систем образования на протяжении всей трудовой деятельности, поддержку малого и среднего бизнеса в цифровом мире, создание эффективных механизмов социальной за-

щиты. Актуальными остаются исследование отраслевой специфики трансформации труда и оценка эффективности различных моделей переподготовки кадров. Только комплексные меры позволят минимизировать негативные последствия технологических сдвигов и гарантировать устойчивое развитие региональных рынков труда.

Список литературы

1. Гильтман, М.А., Терехова, Г.И., Чистякова, О.В. Различия цифровизации занятости в регионах России // *Всероссийский экономический журнал ЭКО*. – 2024. – № 5 (599). – С. 240–262. – Текст : непосредственный.
2. Григорян, Ю.С. Диспропорции и противоречия на рынке труда // *Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение*. – 2025. – № 2 (82). – С. 14–24. – Текст : непосредственный.
3. Ермошкина, Е.Н., Филиппова, К.В. Тенденции цифровой трансформации рынка труда // *Вестник Тихоокеанского государственного университета*. – 2024. – № 1 (72). – С. 87–96. – Текст : непосредственный.
4. Зинич, Л.В. Новые подходы к устранению дисбаланса на рынке труда // *Экономика труда*. – 2024. – Т. 11. – № 12. – С. 2039–2050. – Текст : непосредственный.
5. Калинина, Е.В. Направления цифровой трансформации российской экономики // *Международный научно-исследовательский журнал*. – 2024. – № 9 (147). – С. 68. – Текст : непосредственный.
6. Каманина, А.Н., Славин, Б.Б. Современные тренды цифровой трансформации экономической деятельности сельского хозяйства: анализ отечественной и мировой практики // *Вестник евразийской науки*. – 2023. – Т. 15. – № 3S. – С. 31. – Текст : непосредственный.
7. Камарова, Т.А., Тонких, Н.В. Цифровизация занятости: понятийный аппарат // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. – 2023. – Т. 14. – № 4. – С. 554–571. – Текст : непосредственный.
8. Кирильчук, С.П., Наливайченко, Е.В. Взаимосвязь промышленной цифровизации с динамичными изменениями в экономике труда региона в контексте Индустрии 4.0 и 5.0 // *π-Economy*. – 2025. – Т. 18. – № 1. – С. 7–20. – Текст : непосредственный.
9. Красноперов, Е.В. Цифровая трансформация на рынке труда: переход на платформенную форму занятости // *Социально-экономические проблемы и перспективы развития трудовых отношений в инновационной экономике : сборник статей*. – 2025. – С. 79. – Текст : непосредственный.
10. Маркова, О.В., Мельниченко, Н.Ф. Мир труда в XXI веке: состояние и динамика человеческого капитала // *Мир труда в XXI веке: состояние и динамика человеческого капитала : сборник материалов IX Международной научно-практической конференции*. – Москва, 2023. – С. 202–207. – Текст : непосредственный.
11. Никонец, О.Е. Гендерный дисбаланс на рынке труда России // *Шаг в будущее: глобальный форсайт, искусственный интеллект и стратегическое лидерство : сборник материалов конференции*. – Москва, 2024. – С. 46–54. – Текст : непосредственный.
12. Подвойский, Г.Л., Прокудин, В.А. Дефицит работников в новых условиях развития национальной экономики // *Социально-трудовые исследования*. – 2024. – № 2 (55). – С. 41–53. – Текст : непосредственный.
13. Полякова, М.В. Влияние цифровой трансформации на рынок труда в Российской Федерации // *Прогрессивная экономика*. – 2025. – № 5. – С. 266–279. – Текст : непосредственный.
14. Романюк, Е.В., Копеева, А.Ю., Бородина, А.С., Петрова, Е.А. Влияние процессов цифровизации экономики на российский рынок труда // *Экономика труда*. – 2025. – Т. 12. – № 1. – С. 11–24. – Текст : непосредственный.
15. Фоменко, Н.М., Кузьмина, Д.А., Миргород, Е.П. Применение искусственного интеллекта в сфере государственного управления: риски, возможности, перспективы // *Вестник евразийской науки*. – 2025. – Т. 17. – № 4. – С. 41. – Текст : непосредственный.

РИСК-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ АНТИКОРРУПЦИОННЫЙ МОНИТОРИНГ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Мезенцева Елена Георгиевна¹,
магистрант кафедры юриспруденции,
e-mail: popova543@yandex.ru

Поляков Михаил Борисович¹,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры юриспруденции,
e-mail: m.polyakov@mtu.ru

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

В статье рассмотрен региональный антикоррупционный мониторинг в Свердловской области. На основе нормативных актов, отчетов Департамента и судебной практики раскрыты элементы профилактической модели: декларационный контроль, экспертиза нормативных актов, цифровая обработка сведений, общественное участие и анализ бытовой коррупции. Предложены показатели оценки результативности мониторинга.

Ключевые слова: антикоррупционная политика, Свердловская область, антикоррупционный мониторинг, конфликт интересов, декларационный контроль, ГИС «Посейдон», независимая экспертиза, публичная служба.

RISK-BASED ANTI-CORRUPTION MONITORING IN THE SVERDLOVSK REGION

Elena Georgievna Mezentseva¹,
Master's Student, Department of Law,
e-mail: popova543@yandex.ru

Mikhail Borisovich Polyakov¹,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Jurisprudence
e-mail: m.polyakov@mtu.ru

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

The article examines regional anti-corruption monitoring in the Sverdlovsk Region. Based on regional legal acts, departmental reports and judicial practice, it describes a preventive model combining income control, legal review, digital processing, public participation and surveys on petty corruption. The author proposes indicators for evaluating monitoring performance.

Keywords: anti-corruption policy, Sverdlovsk Region, anti-corruption monitoring, conflict of interest, income declarations, Poseidon information system, independent legal review, public service.

Именно на региональном уровне становится видно, во что на практике превращаются федеральные запреты, декларационные обязанности и требования к служебному поведению: в работающие управленческие процедуры или в формальность, которую служащие, органы власти и граждане выполняют без внутреннего понимания смысла. Для Свердловской области этот вопрос имеет практическое значение из-за масштаба публичной службы, большого числа муниципальных образований и развитой системы областных органов, которую нужно удерживать в едином антикоррупционном поле.

Закон Свердловской области от 20 февраля 2009 г. № 2-ОЗ «О противодействии коррупции в Свердловской области» закрепляет в качестве самостоятельных мер профилактики антикоррупционный мониторинг, экспертизу нормативных актов, доступ к информации, общественный контроль и формирование нетерпимости к коррупционному поведению [1].

Научная новизна статьи состоит в рассмотрении регионального антикоррупционного мониторинга как системы раннего выявления рисков, в которой правовая экспертиза, декларационный контроль, цифровая обработка сведений, анализ обращений граждан и результаты социологических замеров позволяют определить сферы публичного управления, административные процедуры и виды служебных полномочий, наиболее подверженные коррупционным рискам.

Цель исследования – оценить возможности такой модели на примере Свердловской области.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся при предупреждении коррупции в субъекте Российской Федерации; предметом – организационно-правовые средства мониторинга и контроля, применяемые в работе Департамента противодействия коррупции Свердловской области.

Организационная модель Свердловской области строится вокруг специального исполнительного органа – Департамента противодействия коррупции Свердловской области (далее – Департамент). Положение о Департаменте определяет его как орган государственной власти, который реализует региональную антикоррупционную политику, выступает уполномоченным органом по профилактике коррупционных правонарушений и находится в непосредственном подчинении Губернатора Свердловской области [2]. Такое прямое подчинение сокращает дистанцию между выявлением риска и управленческим решением – это особенно заметно в работе с декларациями о доходах и во взаимодействии с муниципальным уровнем.

Региональная антикоррупционная программа, утвержденная Указом Губернатора Свердловской области от 12.05.2025 № 168-УГ, задает основные направления антикоррупционной политики региона: повышение результативности антикоррупционной экспертизы нормативных актов, соблюдение ограничений и запретов, контроль за доходами и расходами, работу комиссий, антикоррупционное просвещение, оценку коррупционных рисков в закупках, взаимодействие с независимыми экспертами [3]. В этой логике антикоррупционный мониторинг сводит данные из разных процедур в одну картину и позволяет увидеть, где профилактика дает реальный результат, а где ограничивается соблюдением формального срока или фактом размещения документа на сайте. Показатели антикоррупционного мониторинга в Свердловской области представим в табл. 1.

Данные таблицы показывают, что региональный мониторинг охватывает несколько типов информации, которые взаимно дополняют друг друга. Декларационная кампания фиксирует, насколько служащие и лица, замещающие муниципальные должности, соблюдают обязанности имущественного характера. Работа комиссий и проверочные мероприятия показывают, превращаются ли эти сведения в реальные кадровые и дисциплинарные решения.

Независимая экспертиза и публичное размещение проектов позволяют оценить открытость нормотворчества. А социологические данные выводят анализ за пределы аппарата власти и показывают, в каких жизненных ситуациях гражданин допускает для себя вероятность взятки.

Показатели антикоррупционного мониторинга в Свердловской области

Направление мониторинга	Данные 2024 г.	Данные 2025 г.	Аналитическое значение
Декларационный контроль	409 справок о доходах; 95 уточняющих справок; 17 решений о проверках; 4 предупреждения	405 пакетов сведений; 78 уточняющих сведений; 7 проверок; 1 предупреждение	Снижение числа проверочных решений требует анализа причин
Цифровая обработка сведений	2834 сведения о доходах обработаны в ГИС «Посейдон»	3723 справки обработаны в ГИС «Посейдон»	Рост цифровой обработки повышает охват контроля
Расходы и конфликт интересов	92 лица охвачены анализом расходов; 5 контролей за расходами; 22 уведомления о личной заинтересованности	94 лица охвачены анализом расходов; 4 контроля за расходами; 25 уведомлений о личной заинтересованности	Связывает декларации, конфликт интересов и кадровые решения
Экспертиза нормативных актов	Данные учитывались в рамках ведомственных и региональных процедур	19 проектов размещены для независимой экспертизы; направлены уведомления по 6 проектам 21 эксперту; по 2 проектам подготовлены заключения	Полное размещение проектов сочетается с низкой активностью независимых заключений
Обращения и социология	Исследование бытовой коррупции проведено по методике Правительства РФ	164 обращения граждан; 600 респондентов в исследовании; 16% указали на ситуацию возможного неформального вознаграждения	Позволяют сопоставлять правовой контроль с восприятием коррупции в конкретных услугах и территориях

Источник: составлено автором на основе [4; 5; 6; 7; 8].

В 2024 г. Департамент провел 41 мероприятие, предшествующее решению о проверке, после чего было принято 17 решений о проверках достоверности и полноты сведений о доходах; в отношении четырех лиц применены предупреждения [5]. В 2025 г. число проверок в отношении лиц, замещающих муниципальные должности, сократилось до семи, а предупреждение получило только одно лицо [4]. Само по себе снижение числа проверок еще не говорит об уменьшении коррупционных рисков – этот показатель зависит и от качества предварительного отбора, и от состава проверяемых лиц, и от объема поступающих сведений, важнее другое: регион уже накопил достаточный цифровой и организационный материал, чтобы строить на его основе не только годовое описание работы, но и риск-профили по сферам и территориям.

Показателен рост работы с ГИС «Посейдон»: если в 2024 г. система обработала 2834 сведения о доходах [5], то в 2025 г. – уже 3723 справки [4]. Цифровой инструмент меняет саму природу декларационного контроля: акцент смещается с ручного просмотра документов на сопоставление сведений, выявление несоответствий и последующую правовую оценку. Для регионального уровня это особенно важно, поскольку Департамент опосредованно охватывает более 17 тыс. государственных и муниципальных служащих, лиц, замещающих государственные и муниципальные должности [4]. При таком масштабе результат напрямую зависит от качества алгоритма отбора случаев, компетентности проверяющих и от того, как на сигнал реагирует представитель нанимателя.

Отдельный блок мониторинга связан с антикоррупционной экспертизой. По сведениям за 2025 г., Департамент разработал 19 проектов нормативных правовых актов, и все они были размещены в подразделе «Антикоррупционная экспертиза»; по 6 проектам уведомления направлялись независимым экспертам, а число экспертов, получивших такие уведомления, составило 21 [8]. При этом реальные заключения поступили лишь по двум проектам, и коррупционных факторов в них

не выявлено [8]. Формально процедура выглядит безупречной: проект опубликован, эксперт уведомлен, заключение принято к учету. Но за этим фасадом стоит практический вопрос – как повысить содержательную отдачу независимой экспертизы. Один из возможных ответов – короткая аналитическая карточка к проекту с указанием предмета регулирования, возможных рисков и конкретного срока для заключений: такая карточка облегчила бы работу эксперта и позволила бы гражданину быстрее понять, о чем идет речь в проекте.

Социологическое исследование 2025 г. дает материал для учета в просветительской и сервисной части антикоррупционной политики. В опросе о бытовой коррупции участвовали 600 жителей Екатеринбурга, Нижнего Тагила, Каменска-Уральского, Первоуральска и других муниципальных образований [7]. Результатом обращения за услугой полностью удовлетворены 63,9% респондентов – на 9,2 процентного пункта больше, чем в 2024 г.; при этом 16% признались, что попадали в ситуацию, где, как им казалось, требовалось неформальное вознаграждение [7]. Эти данные помогают понять, в каких услугах граждан чаще ожидает незаконное требование.

Имеет прикладное значение и отношение жителей к коррупции: 66,5% респондентов осудили и взяткодателя, и взяткополучателя – рост на 8,7 процентного пункта по сравнению с 2024 г. [7]. При этом информированность остается неполной: за мерами органов власти постоянно следят только 10,3% респондентов, еще 26,7% знают о них без специального наблюдения, а 21,3% не знают вообще [7].

Отчет о работе с обращениями граждан подтверждает ту же потребность – в более точном разъяснении компетенции органов власти. В 2025 г. в Департамент поступило 164 обращения: по 34 даны ответы по существу, 115 направлены в иные органы, 12 разъяснены на личном приеме, 3 оставлены без ответа [6]. То, что 70% обращений пришлось перенаправить по компетенции, говорит о том, что граждане воспринимают антикоррупционный орган как универсальный адресат жалобы на любую управленческую несправедливость.

Судебная практика напоминает, что профилактика коррупции работает только тогда, когда выявленные нарушения влекут реальные персональные последствия. В Апелляционном определении Свердловского областного суда от 17 февраля 2026 г. по делу № 33-2641/2026 суд удовлетворил требование прокурора об изменении формулировки основания увольнения лица, занимавшего руководящую должность в системе противопожарной службы. Основанием стали неполные и недостоверные сведения о доходах, неотраженные счета, систематические денежные поступления и отсутствие уведомлений о конфликте интересов и иной оплачиваемой работе [9]. Этот случай иллюстрирует, что декларационный контроль обретает смысл только тогда, когда за сокрытием сведений следует правовая реакция.

Дальнейшее развитие регионального мониторинга разумно связывать с тремя шагами: подготовкой аналитических профилей риска по органам власти, муниципальным образованиям и видам публичных услуг; публикацией обезличенных обзоров типичных нарушений с указанием правовой оценки и последствий; более активной работой с независимыми экспертами – через краткие пояснения к проектам актов и публичное описание учтенных предложений. Важно, что все три шага укладываются в действующую модель и не требуют радикальной перестройки правовой базы.

Таким образом, антикоррупционный мониторинг в Свердловской области сложился как система взаимосвязанных процедур: нормативная экспертиза, декларационный контроль, контроль расходов, работа комиссий, цифровая обработка сведений, социологические исследования и учет обращений граждан. Дальнейшее развитие этой системы должно идти через качество анализа. Имея

ГИС «Посейдон», региональную программу и специализированный Департамент, область уже располагает организационной основой для перехода к по-настоящему риск-ориентированному подходу. Рассмотренный подход важен тем, что позволяет оценивать антикоррупционную политику Свердловской области через измеримые процедуры, их результаты и управленческие последствия. Наиболее перспективным направлением видится публичная аналитическая сводка по типовым коррупционным рискам, объединяющая данные отчетов, социологии, экспертизы нормативных актов, обращений граждан и судебной практики.

Список литературы

1. О противодействии коррупции в Свердловской области: Закон Свердловской области от 20.02.2009 № 2-ОЗ (ред. от 22.04.2026 № 27-ОЗ). – URL: http://www.pravo.gov66.ru/media/pravo/70-%D0%9E%D0%97_ffqrOSW.pdf (дата обращения: 26.06.2026).
2. Об утверждении Положения о Департаменте противодействия коррупции Свердловской области: Указ Губернатора Свердловской области от 25.01.2023 № 23-УГ (ред. от 30.03.2026 № 117-УГ). – URL: <https://anticorruption.midural.ru/documents/active/42594/> (дата обращения: 26.06.2026).
3. Об утверждении региональной антикоррупционной программы Свердловской области: Указ Губернатора Свердловской области от 12.05.2025 № 168-УГ. – URL: <https://spsob66.ru/files/potcor/1/%D0%BE%D1%82%2012.05.2025%20%E2%84%96%20168-%D0%A3%D0%93.pdf> (дата обращения: 26.06.2026).
4. Отчет о работе Департамента противодействия коррупции Свердловской области в 2025 году. – URL: <https://anticorruption.midural.ru/about/otchety-o-deyatelnosti-departamenta/> (дата обращения: 26.06.2026).
5. Отчет о работе Департамента противодействия коррупции Свердловской области в 2024 году. – URL: <https://anticorruption.midural.ru/about/otchety-o-deyatelnosti-departamenta/> (дата обращения: 26.06.2026).
6. Отчет о работе с обращениями граждан Департамента противодействия коррупции Свердловской области за 2025 год. – URL: <https://anticorruption.midural.ru/documents/reports/> (дата обращения: 26.06.2026).
7. Результаты социологических исследований в целях оценки уровня коррупции в Свердловской области, проведенных в 2025 году. Екатеринбург, 2026. – URL: <https://anticorruption.midural.ru/activity/1558/> (дата обращения: 26.06.2026).
8. Сведения о проведении независимой антикоррупционной экспертизы Департамента противодействия коррупции Свердловской области за 2025 год. Екатеринбург, 2026. – URL: <https://anticorruption.midural.ru/about/protivodeystvie-korrupcii/antikorrupcionnaya-ekspertiza/> (дата обращения: 26.06.2026).
9. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 17.02.2026 по делу № 33-2641/2026 (УИД 66RS0027-01-2025-000945-50). – URL: https://meganorm.ru/mega_doc/fire_update_01062026/opredelenie/0/apellyatsionnoe_opredelenie_sverdlovskogo_oblastnogo_suda_ot_27987.html (дата обращения: 26.06.2026).
10. Банных, Г.А., Паливода И.Р. Региональная антикоррупционная политика: современные управленческие практики реализации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2024. № 4. С. 531-545. – Текст : непосредственный.

УДК 330.3

КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА» МЕНЯЕТ СИСТЕМУ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ

Мельниченко Надежда Федоровна¹,

кандидат экономических наук, доцент,

заведующий кафедрой государственного и муниципального управления,

e-mail: n.melnichenko@mtti.ru

ORCID: 0000-0003-0054-3163

Лепехин Максим Алексеевич¹,

студент магистратуры,

e-mail: maxlepi@yandex.ru

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва Россия

В статье рассматриваются актуальные вопросы цифровой экономики и влияние цифровизации на оказание государственных услуг. Авторы акцентируют внимание на ключевых направлениях трансформации системы предоставления государственных услуг, таких как автоматизация административных процессов, развитие электронных сервисов, оптимизация временных затрат и повышение доступности государственных услуг. Методологическая основа исследований включает анализ статистических данных, сравнительный анализ практик, системный подход к оценке изменений и методы оценки качества услуг.

Ключевые слова: цифровые технологии, государственные услуги, качество услуг, национальный проект, государственная программа, клиентоцентричность.

HOW THE NATIONAL PROJECT «DIGITAL ECONOMY» IS CHANGING THE SYSTEM OF PUBLIC SERVICES

Nadezhda F. Melnichenko¹,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,

Head of the Department of state and municipal administration,

e-mail: n.melnichenko@mmu.ru

ORCID: 0000- 0003-0054-3163

Maxsim A. Lepekhn¹,

master's student,

e-mail: maxlepi@yandex.ru

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

The article discusses current issues of the digital economy and the impact of digitalization on the provision of public services. The authors focus on key areas of transformation in the public service delivery system, such as the automation of administrative processes, the development of electronic services, the optimization of time costs, and the improvement of the accessibility of public services. The research methodology includes the analysis of statistical data, a comparative analysis of practices, a systematic approach to assessing changes, and methods for evaluating the quality of services.

Keywords: digital technologies, public services, service quality, national project, state program, and customer centricity

ВВЕДЕНИЕ

Данное исследование опирается на данные научных публикаций, направленных на изучение и анализ эффекта воздействия современного цифрового общества, созданного на основе перестройки коммуникации от живого общения на общение посредством гаджетов, на систему государственного управления. В статье проанализированы механизмы реализации нормативно-правового регулирования, методология оценки успешного внедрения и продуктивности цифровизации, трансформация процессов предоставления государственных услуг и развитие соответствующей инфраструктуры. Методологическая основа исследования охватывает анализ статистических данных, сравнительный анализ практик реализации перевода в «цифру» государственных и муниципальных услуг, системный подход к оценке изменений и методы оценки качества предоставления государственных услуг.

В исследовании определены первостепенные направления преобразования системы предоставления государственных услуг, в частности автоматизация процессов, развитие электронных сервисов, оптимизация и повышение доступности услуг. В ходе исследования авторы пришли к выводу о том, что несмотря на внушительное количество исследований, исследуемая тема нуждается в дальнейшем изучении в части оценки долгосрочного влияния цифровизации в сфере государственного и муниципального управления и оказания государственных услуг.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

На начальном этапе развития государственной политики информатизации в Российской Федерации ключевую роль играло правительство [10]. В этот период были приняты стратегические законодательные акты, определяющие цели и задачи государственного регулирования в сфере информатизации.

Используемый в практике управления программно-целевой подход, стал основой для разработки Федеральной программы «Электронная Россия на 2002-2010 гг» [1]. Цель данной программы заключалась в том, чтобы повысить качество государственных и муниципальных услуг, а также расширить доступ гражданам к информации о деятельности органов исполнительной власти. Принятая в 2002 году целевая программа заложила основу формирования стандартов, основными критериями которой стали: доступность, информативность, оперативность в предоставлении государственных и муниципальных услуг, а также обеспечение контроля за деятельностью органов власти; внедрение электронных сервисов для государственных услуг и функций.

Для достижения поставленных целей и задач необходимо было на том этапе развивать информационные и цифровые технологии.

Следующей инициативой правительства стала программа «Информационное общество (2011-2020 гг)». Основной акцент был сделан на электронном формате предоставления государственных услуг, формирование целостной, единой инфраструктуры, обеспечивающей безопасность в предоставлении государственных услуг [12].

Данный период характеризуется внедрением платформ электронного правительства:

- 1) в 2009 году внедрен ЕПГУ (Единый портал государственных и муниципальных услуг), обеспечивающий широкий доступ к государственным и муниципальным услугам гражданам и бизнесу;
- 2) в 2010 году ЕСИА (Единая система идентификации и аутентификации). Данная система позволила обеспечить доступ к государственным информационным платформам [2];
- 3) в 2010 году внедрена СМЭВ (Система межведомственного электронного правительства), которая позволила обеспечить защищенный доступ и обмен информацией для различных структур

на всех уровнях власти. Именно благодаря этой системе был реализован принцип так называемого «единого окна» [20;21].

Период с 2009 по 2010 годы явился фундаментом для формирования электронного правительства, и позволило создать надёжную инфраструктуру и внедрить необходимые технологии и данные решения стали отправной точкой для последующих инноваций и улучшений в сфере электронных государственных услуг. Обеспечение качественного технологического фундамента - ключевая задача, которая определила вектор развития электронного правительства на многие годы вперёд [6].

Следующим вектором в развитии «Электронного правительства» стали цифровая трансформация и клиентоцентричность: в 2019 году была принята национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Цель данного проекта заключалась во внедрении принципа клиентоцентричности госуслуг, юольших данных и Искусственного Интеллекта (ИИ), а также акцент был сделан на подготовке кадров, работающих в различных сферах государственного и муниципального управления [6;16].

В январе 2025 года стартовал национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация». Данный проект будет реализовываться до конца 2030 года и его основная цель связана с цифровой трансформацией государственного и муниципального управления, а также ключевых отраслей экономики и социальной сферы, включая здравоохранение и образование. Данный проект направлен на решение задач организационного и технологического плана –оптимизация процессов, повышение эффективности и качества государственных и муниципальных услуг.

Данные решения позволят Российской Федерации достичь «цифровой зрелости» и повысить конкурентоспособность страны в глобальной экономике.

Электронное правительство - это система государственного управления, которая использует информационно-коммуникационные технологии для оптимизации предоставления услуг населению и бизнесу. Электронное правительства способствует повышению прозрачности работы органов исполнительной власти и приумножает возможности самообслуживания граждан [4].

Цифровизация взаимодействия между представителями власти и заявителями является движущей силой становления электронного правительства. Автоматизация услуг через иные, привычным каналам (телефонный звонки, личное посещение), такие как государственные, региональные и муниципальные порталы услуг, мобильные приложения и единые системы электронного документооборота, ускоряет и упрощает взаимодействие между заявителем и органом представляющим услуги. Единая система взаимодействия между различными органами власти способствует координации и оперативному обмену сведений.

Основная цель электронного правительства состоит в оптимизации предоставления услуг, повышая участие обычных людей в жизни муниципалитета, региона и государства в целом, снижая влияния географии [18].

Отметим неотъемлемое достоинства электронного правительства: улучшение пользовательского опыта при получении услуг, в том числе снижает издержки как для заявителя, так и для органа предоставляющего госуслуги; доступность услуг в любое время, информирование заявителей и подача заявления за услугами не зависит от часов работы работников и служащих, что предоставляют их.

Исследование процесса цифровизации госуслуг в Российской Федерации проводилось с использованием научных методов, что позволило осуществить анализ текущее состояние и перспек-

тивы развития механизмов оказания услуг. Изучение предмета исследования, направленных на систематизацию и аналитику различных источников об информатизации государственного и муниципального управления в различных странах, но с упором на отечественные источники и сопутствующие особенности, включая нормативно-правовое регулирование, доступных статистических источников и из данных, социологических опросов.

Авторами исследования была осуществлена выборка и систематизация информации, в том числе источники такие, как порталы исполнительных органов, за период с 2020 по 2025 годы; проведен анализ национального проекта «Цифровая экономика», федеральные законы, постановления Правительства, результаты указанных источников, позволили выбрать направления перспективные направления для совершенствования механизмов оказания госуслуг.

В 2025 году количество пользователей зарегистрированных на портале гослуг достигало более 120 миллионов пользователей (около 82% населения Российской Федерации [11]). По данным о росте использования государственных услуг посредством портала госуслуги, можно сделать закономерный вывод о повышении доверия граждан российской федерации и (или) иных заявителей к предложенным способам взаимодействия в расках оказания госуслуг. Согласно данным Организации Объединённых Наций за 2024 год, Российская Федерация занимает 16-е место «Индекса местных онлайн-услуг» во всем мире, а также Россия занимает 43 место по развитию электронного правительства в Европе за 2024 год, демонстрируя значительный потенциал для дальнейшего совершенствования [14; 22].

Анализ данных, представленных Лищук Е.Н. и Капелюк С.Д. в 2024 году в своей статье «Цифровизация государственных услуг в России: статистический анализ» [14], показал значительные различия в уровне охвата электронными услугами в различных регионах РФ. В регионах, таких как, Москва, Санкт-Петербурге и Татарстан востребованность на практике оказания госуслуг посредством электронных платформ составила 90–95%. Но в отдаленных от центральных регионов Сибири и Дальнего Востока спрос на способ на обращение за и получение результатов посредством электронных сервисов госуслугами составляет 50–60%, что говорит на наличие значительных различий в уровне цифровизации государственных услуг между макрорегионами и субъектами Российской Федерации. Это приводит к выводу о том, что существует необходимость процесса по повышению охвата представления госуслуг посредством современных электронных сервисов, но с учетом уникальных особенностей каждого субъекта нашей большой страны.

Герасимчук З.В. и Баранова И.С. в своей работе делают акцент на том, что значительное влияние на процесс цифровизации госуслуг оказал вынужденный для всего мира инцидент, а именно, пандемия COVID-19 [9].

В период пандемии наблюдался активный рост спроса на получение результатов, включая подачу заявления посредством сети Интернет, на 40% больше «доковидного» периода. Это, по мнению авторов, свидетельствует о высокой эффективности уже созданной цифровой инфраструктуры и современных технологий в условиях кризисных ситуаций. Эти данные подчёркивают важность развития электронных услуг в условиях кризисных ситуаций, когда традиционные методы взаимодействия с государственными органами могут быть затруднены или невозможны.

Результаты опросов, проведённых Южаковым В.Н., Покидой А.Н., Зыбуновской Н.В., Старостиной А.Н. в период с 2022 по 2024 годы, показали высокий уровень удовлетворённости граждан качеством электронных государственных услуг [17]. Наиболее заметные успехи связаны с повыше-

нием доступности государственных услуг в электронном формате: 77,1% респондентов в 2024 году отметили, что цифровые технологии обеспечивают равный доступ к административным услугам, а 72% – к бюджетным (медицинским, образовательным и социальным). Это свидетельствует о высокой удовлетворенности граждан удобством и оперативностью получения услуг через интернет.

По мимо этого, наблюдается повышенное, относительно предшествующего периода, доверие к справедливости и единообразию в оказании госуслуг посредством современных технологий: заявители, оценивающие, что цифровизация создает помехи произволу властей, выросла до 54,7% в 2024 году.

Афанасьева О.Н. и Коростышевская Е.М. обосновывают основные «слабые места», сжимаемые продуктивность внедрения современных технологий в оказании госуслуг [7]. Неравномерность адаптации оказания госуслуг современным стандартам и запросам заявителей, причиной которой является разница между инфраструктурой различных регионов.

Отметим, что передача сведений из одной информационной системы в другую может сопровождаться сбоями, а проблематика защиты персональных данных являются особо острым предметом проработки для реализации ввода в эксплуатацию государственных порталов, особенно из-за обострённых кибератак от враждебных государств.

Лебезова Э.М. и Овчаренко Л.А. в своей работе освещают: «в современном мире, как для государства, так и для и коммерческих лиц возникла надобность в единой системы требований к этим компетенциям для лиц, оказывающих госуслуги» [13]. Отметим, что на данный момент отсутствует конкретная технология для развития этих компетенций, что создает препятствия для цифровой трансформации государственного управления. Большинство авторов предлагают свою технологию формирования цифровых компетенций, включающую несколько ключевых компонентов: уровень образования, стаж работы, базовые знания и умения, а также цифровые компетенции. Согласно с авторами [8;10;11], помимо выше перечисленных методов, следует подчеркнуть, что методы контроля за исполнение поставленных задач, также важны, как их исполнение. Развитие компетенции посредством индивидуального обучения, которое разнится по подвидам: базовые цифровые компетенции для всех служащих и (или) специализированные компетенции [13; 15].

Несмотря на достигнутые успехи, результатов внедрения современных технологий, исследование выявило ряд проблематичных мест. Одним из выявленных слабых мест является неравенство доступности электронных госуслуг по региону обширной нашей страны. Для успешного перехода к модели «цифрового правительства» необходимо не только автоматизировать и оптимизировать текущие процессы, но и интегрировать в единый информационный контур порталы, содержащие, в том числе, персональные сведения. Проактивное предоставление услуг, позволит заявителям, не тратить время на подачу заявления на предварительную оценку, а сразу переходить на выявление соответствия обязательным требованиям со стороны органа власти, оказывающего услуги и требованиям к потенциальным заявителям.

Однако переход к «цифровому правительству» и вовлечение граждан в цифровое управление сталкиваются с рядом проблем (Таблица 1).

PEST-анализ

Фактор	Позитивное влияние	Негативное влияние / Риски
Политический	1) Нацпроект «Цифровая экономика» (стратегия, финансирование) 2) Импортзамещение (развитие отечественных ИТ) 3) Нормативное регулирование (стандартизация и прозрачность) 4) Поддержка региональных инициатив	1) Санкции (ограничение доступа к зарубежным технологиям) 2) Региональная дифференциация в финансировании 3) Бюрократические барьеры 4) Сокращение объёма публикуемых официальных государственных данных
Экономический	1) Сокращение транзакционных издержек (бумажный документооборот) 2) Рост ИТ-сектора (новые рабочие места) 3) Частные инвестиции в инфраструктуру 4) Управление на основе данных (оптимизация бюджета)	1) Ограниченность бюджетных ресурсов (дефицит федерального бюджета) 2) Экономические кризисы (сокращение финансирования) 3) Зависимость от госзаказа (снижение конкуренции) 4) Риски для рынка труда из-за автоматизации 5) Нехватка свободных кадров 6) Стоимость импортзамещения и затраты на обучение
Социальный	1) Рост цифровой грамотности 2) Проактивное предоставление услуг 3) Доступ к информации о госуслугах 2) Персонализация сервисов	1) Цифровое неравенство (между городской и сельской цифровой инфраструктурой, между регионами) 2) Низкая цифровая грамотность части населения 3) Недоверие к цифровым сервисам (опасения утечек данных) 4) Риск «обезличивания» услуг (снижение качества поддержки)
Технологический	1) Развитие инфраструктуры (интернет, 4G/5G) 2) Облачные технологии (масштабируемость и надёжность) 3) ИИ и big-DATA (автоматизация, прогнозирование) 4) Отечественные ИТ-решения (снижение зависимости от импорта)	1) Скорость устаревания технологий 2) Киберугрозы (утечки данных, хакерские атаки) 3) Технические сбои (риски массовых сбоев) 4) Недостаточная интеграция систем между ведомствами 5) Проблема «этики ИИ»

Источник: составлено авторами на основе обзора [12;16;17]

В таблице наглядно отражены системные проблемы, требующие комплексного подхода. Основными проблемами на данном этапе являются: отсутствие системного подхода к подготовке кадров; сохраняющееся региональное неравенство; фрагментарное регулирование вопросов кибербезопасности и этики использования искусственного интеллекта, а также медленная межведомственная интеграция.

Данные факторы, на наш взгляд, не только замедляют процесс цифровой трансформации, но и оказывают негативное влияние на качество госуслуг.

В исследовании сделана попытка спроектировать возможные предложить решения данных проблем (Таблица 2).

Таблица 2

Пути решения системных проблем

Проблема	Решение
Отсутствие системной подготовки кадров для цифровой экономики	1. Необходим комплексный подход, включающий создание федеральной программы переподготовки с акцентом на практические ИТ-навыки. 2. Разработать систему привлечения ИТ-специалистов в госсектор, включающую конкурсные программы, стажировки и льготные условия трудоустройства.

Региональное неравенство	1. Следует ускорить развитие инфраструктуры в сельской местности, что позволит обеспечить равный доступ к цифровым сервисам для всех граждан.
Кибербезопасность и этика использования ИИ	1. Внедрение обязательного аудита уязвимостей с последующим устранением выявленных проблем, обучение сотрудников основам кибербезопасности и создание резервных систем на случай технических сбоев. 2. Разработать и утвердить стандарты использования искусственного интеллекта в госуправлении, обеспечить их обязательное общественное обсуждение и обеспечить прозрачность алгоритмов принятия решений
Медленная межведомственная интеграция	1. Ускорить создание единой цифровой платформы для обмена данными между ведомствами. 2. Единообразие формат данных о заявителях
Посредственный, не глубокий уровень информированности об процессе оказания госуслуг со стороны заявителя	3. Доработка и проработка более эффективно информационной поддержкою процедуре оказания услуг.

Источник: составлено авторами

На основе изложенного, можно сделать вывод о том, что цифровизация государственного и муниципального управления в Российской Федерации развивается в рамках, заданных национальными проектами. Все чаще используется системный подход не только для реализации проектов, но и для выявления проблемных зон при оказании государственных услуг гражданам и бизнесу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Считаем, что реализация мер предложенных в данном исследовании позволит совершенствовать существующий механизм оказания госуслуг, сделать государственные услуги доступными и удобными для всех граждан нашей страны, и будет способствовать повышению эффективности государственного управления, улучшению качества жизни населения и укреплению позиций России на международном уровне.

Список литературы

1. Постановление Правительства РФ от 28 января 2002 г. N 65 «О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002 - 2010 годы)» (с изменениями и дополнениями). – URL: <https://base.garant.ru/184120/> (дата обращения: 04.06.2026)
2. Постановление Правительства РФ от 28.11.2011 N 977 (ред. от 23.03.2024) «О федеральной государственной информационной системе «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» (вместе с «Требованиями к федеральной государственной информационной системе «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме»)). – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=473079#hJ6e2MVfja7NrhuZ> (дата обращения: 02.06.2026)
3. Постановление Правительства РФ от 08.09.2010 N 697 (ред. от 23.04.2026) «О единой системе межведомственного электронного взаимодействия» (вместе с «Положением о единой системе межведомственного электронного взаимодействия»). – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&vkart=card&nd=102141235> (дата обращения: 02.06.2026)
4. Распоряжении Правительства Российской Федерации от 6 мая 2008 года №632-р «О Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года». – URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/rasp_6-05-2008_N632-r_1.pdf (дата обращения: 02.06.2026)

5. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства». - URL: <http://government.ru/rugovclassifier/923/about/> (дата обращения: 02.06.2026)
6. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 N 7). – URL: <http://government.ru/info/35568/> (дата обращения: 02.06.2026)
7. *Афанасьева, О.Н., Коростышевская Е.М.* Проблемы внедрения цифровых технологий в государственное управление и формирование умного Правительства // Экономика науки. 2024. №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-vnedreniya-tsifrovyyh-tehnologiy-v-gosudarstvennoe-upravlenie-i-formirovaniya-umnogo-pravitelstva> (дата обращения: 04.06.2026)
8. *Вершицкая, Е.Р., Згонникова, А.Е.* Трансформация государственного управления в цифровую эпоху: анализ «Электронного» и «Цифрового» Правительства // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2025. № 6. С. 30-38. - URL: <https://vael.ru/ru/article/view?id=4189> (дата обращения: 04.06.2026)
9. *Герасимчук, З.В., Баранова, И.С.* Перспективы использования цифровых технологий в государственном управлении в условиях кризиса (на примере COVID-19) // StudNet. 2020. №9. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-ispolzovaniya-tsifrovyyh-tehnologiy-v-gosudarstvennom-upravlenii-v-usloviyah-krizisa-na-primere-covid-19> (дата обращения: 04.06.2026)
10. *Жаркова, Е.А.* Информационная экономика: становление государственного правового регулирования // Вестник СГУПС: гуманитарные исследования. 2021. №1 (9). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-ekonomika-stanovlenie-gosudarstvennogo-pravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 04.06.2026)
11. *Калганов, И.С.* Оценка результатов функционирования электронного правительства и цифровизации государственных услуг // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2024. №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-rezultatov-funktsionirovaniya-elektronnogo-pravitelstva-i-tsifrovizatsii-gosudarstvennyh-uslug-1> (дата обращения: 09.06.2026)
12. *Косоруков, А.А.* Цифровая трансформация государственного управления: сравнительно исторический аспект // Государственное управление. Электронный вестник. 2026. №114. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-gosudarstvennogo-upravleniya-sravnitelnoistoricheskiy-aspekt> (дата обращения: 04.06.2026)
13. *Лебезова, Э.М., Овчаренко, Л.А.* МОДЕЛЬ ЦИФРОВОГО УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В СМАРТ-СРЕДЕ // Journal of new economy. 2022. №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-tsifrovogo-uchastiya-grazhdan-v-smartsrede> (дата обращения: 04.06.2026)
14. *Лищук, Е.Н., Капелюк, С.Д.* Цифровизация государственных услуг в России: статистический анализ // ЭПП. 2024. №12. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-gosudarstvennyh-uslug-v-rossii-statisticheskiy-analiz> (дата обращения: 09.06.2026).
15. *Овчинников, С.С.* Технология формирования цифровых компетенций государственных служащих // Социодинамика. 2024. №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-formirovaniya-tsifrovyyh-kompetentsiy-gosudarstvennyh-sluzhaschih> (дата обращения: 04.06.2026).
16. *Фоменко, Д.А., Кохан, А.Н.* Сравнительный анализ национальных проектов в сфере цифровизации России: итоги 2019-2024 гг и перспективы до 2030г // Вестник молодежной науки. 2025. №5 (52). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-natsionalnyh-proektov-v-sfere-tsifrovizatsii-rossii-itogi-2019-2024-gg-i-perspektivy-do-2030-g> (дата обращения: 04.06.2026)
17. *Южаков, В.Н., Покида, А.Н., Зыбуновская, Н.В., Старостина, А.Н.* Влияние цифровизации на качество государственного управления – через призму оценок граждан (на основе социологических опросов РАНХиГС 2022–2024 гг.) // Вопросы государственного и муниципального управления. 2024. №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovizatsii-na-kachestvo-gosudarstvennogo-upravleniya-cherez-prizmu-otsenok-grazhdan-na-osnove-sotsiologicheskikh> (дата обращения: 04.06.2026).

18. Информационное агентство ТАСС. Минцифры: ежедневная аудитория «Госуслуг» в 2025 году составила 14 млн человек. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/26089481> (дата обращения: 02.06.2026)
19. Сетевое издание «СенатИнформ» / В Правительстве заявили, что почти 100% социально значимых услуг переведены в электронный вид. – URL: https://senatinform.ru/news/v_pravitelstve_zayavili_chno_pochti_100_sotsialno_znachimyykh_uslug_perevedeny_v_elektronnyy_vid/ (дата обращения: 04.06.2026).
20. Федеральная государственная информационная система «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» (ЕСИА). – URL: <https://esia.gosuslugi.ru> (дата обращения: 02.06.2026)
21. Федеральная государственная информационная система «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)». – URL: <https://www.gosuslugi.ru> (дата обращения: 02.06.2026)
22. Электронное правительство 2024: исследование / Департамент экономического и социального развития ООН. – Нью-Йорк : ООН, 2024. – 256 с. – URL: <https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2025-01/E-Government%20Survey%202024%20RUS-compressed.pdf> (дата обращения: 09.06.2026).

УДК: 332.1

ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Морозова Анна Анатольевна¹,
магистрант,
e-mail: morozova.anna2016@yandex.ru

Щетинина Ирина Сергеевна¹,
кандидат технических наук,
доцент кафедры юриспруденции,
e-mail: shetinina62@mail.ru

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

В статье автор указывает актуальность темы исследования в современных условиях, связанных с глобальными вызовами, социально-экономическими изменениями и экологическими угрозами. Автор рассматривает понятие устойчивого развития территории, факторы, оказывающие влияние на устойчивое развитие, основные проблемы устойчивого развития, методики оценки и перспективы совершенствования.

Ключевые слова: устойчивое развитие территорий, стратегия устойчивого развития, экологическое благополучие, факторы устойчивого развития, методика оценивания.

PROBLEMS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE TERRITORY IN MODERN CONDITIONS

Morozova Anna Anatolyevna¹,
master student,
e-mail: morozova.anna2016@yandex.ru

Schetinina Irina Sergeevna¹,
candidate of technical sciences,
associate professor of the department of jurisprudence,
e-mail: shetinina62@mail.ru

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

In the article, the author indicates the relevance of the research topic in modern conditions related to global challenges, socio-economic changes and environmental threats. The author considers the concept of sustainable development of the territory, factors influencing sustainable development, the main problems of sustainable development, assessment methods and prospects for improvement.

Keywords: sustainable development of territories, sustainable development strategy, environmental well-being, sustainable development factors, assessment methodology.

В настоящее время устойчивое развитие территорий становится не просто концепцией, а практической необходимостью для обеспечения качества жизни нынешних и будущих поколений. Санкционное давление, изменение глобальных экономических цепочек и стремление к технологическому суверенитету усложняют реализацию моделей устойчивого развития. В условиях ограниченных ресурсов необходимо находить баланс между экономической эффективностью и экологическими целями.

Устойчивое развитие как концепт охватывает мировые экологические угрозы, а также борьбу с их устранением (или их минимизирование) путём разработки чётких стратегий.

После принятия в 2015 году Генеральной Ассамблеей ООН повестки «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», в основе чего заложены 17 целей устойчивого развития (ЦУР), государствами-членами Организации Объединённых Наций (далее – ООН) было заявлено: обеспечение мира и процветания планеты и её жителей, в том числе благодаря глобальным партнёрским отношениям, – приоритет [1].

Это в очередной раз доказывает, что устойчивое развитие имеет колоссальное значение для процветания человечества в условиях, соответствующих достойному уровню жизни человечества на «здоровой» планете.

Следует отметить, что под устойчивым развитием традиционно понимается процесс, направленный на удовлетворение нынешних человеческих потребностей и не оказывающий негативное влияние на возможности удовлетворения своих потребностей следующим поколениям [2, с. 7].

Немаловажно, что в Российской Федерации (далее – РФ) уже в конце прошлого века Указом Президента страны от 1 апреля 1996 г. № 440 была утверждена концепция перехода страны к устойчивому развитию. Основой выступили рекомендации и принципы, изложенные в документах состоявшейся в Рио-де-Жанейро (с 3 по 14 июня 1992 года) Конференции ООН по окружающей среде и развитию [3].

Стратегию устойчивого развития современности в Российской Федерации определяют следующие документы стратегического планирования, в том числе определяющие устойчивой экономике и углеродной нейтральности:

- 1) Стратегия социально-экономического развития РФ с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 (утверждена Распоряжением Правительства РФ 29 октября 2021 года № 3052-р) [4];
- 2) Климатическая доктрина РФ.

Сценарии Стратегии социально-экономического развития РФ с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 представлены на рис. 1.

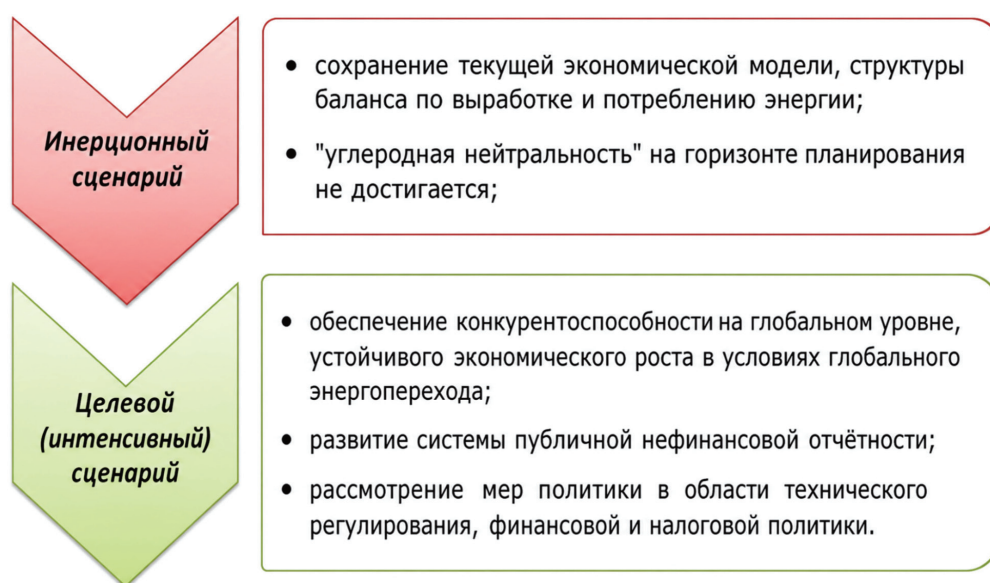

Рис. 1. Сценарии Стратегии социально-экономического развития РФ с низким уровнем выбросов парниковых до 2050 года

Иными словами, устойчивое развитие – процесс гармоничного развития в долгосрочном плане.

Основами для устойчивого развития являются [5, с. 8]:

- экологическое благополучие;
- развитие общества;
- рост экономики.

Экологическое благополучие, или экологический фактор устойчивого развития – это такое состояние окружающей среды человека, благодаря которому наряду с прочими факторами сохраняется защита его здоровья, а также удовлетворение эстетических потребностей.

Развитие общества, или социальный фактор устойчивого развития характеризует высокое качество жизни населения, включающее свободный доступ к образованию и медицинской помощи. Данный фактор является неотъемлемой частью в процессе обеспечения экологического благополучия и роста экономики.

Так называемым девизом социального фактора можно справедливо считать обоснованное убеждение: «При растущей пропасти между богатыми и бедными, а также при нарушении прав людей прогресс в устойчивом развитии недостижим».

Рост экономики, или экономический фактор устойчивого развития включает в себе не просто максимально эффективное использование ресурсов и поддержание «зелёной» повестки, действующей непременно на долгосрочной основе. Сюда также включены инновационные технологии, которые позволяют снизить пагубное влияние на природу, и поддержка процветания общества.

Резюмируя сказанное выше, экономический фактор (то есть экономический рост в рамках устойчивого развития) создаёт финансовую «почву» для социальных и экологических программ. Тем не менее, рост экономики в таком случае не должен идти в противовес сохранению экологии.

Основа устойчивого развития – гармоничное удовлетворение человеческих потребностей наряду с потреблением ресурсов планеты [6].

Таким образом, основные факторы, влияющие на процесс устойчивого развития территорий, представлены на рис. 2.

Рис. 2. Факторы, оказывающие влияние на устойчивое развитие

Исходя из всего изложенного ранее, устойчивое развитие территорий – деятельность, направленная на развитие определённой территориальной единицы (область, район и т.д.). Её ядром выступает поддержание сохранения баланса между экологическим, социальным и экономическими факторами, тем самым обеспечивая благоприятную среду для человечества повсеместно.

Проблемы для развития устойчивого развития территорий в современном мире характеризуются неоднородностью и непостоянностью ввиду самых разных причин. Барьерами выступают как

внешние, так и внутренние кризисы, предугадать некоторые из которых зачастую просто невозможно из-за постоянных перемен, которые зачастую невозможно предугадать (рис. 3).

Достижение баланса между основными факторами устойчивого развития сталкивается с конфликтом между экономической и экологической составляющей, а удовлетворение социальных потребностей населения требует кропотливой работы со стабильным и порой долгосрочным финансированием.

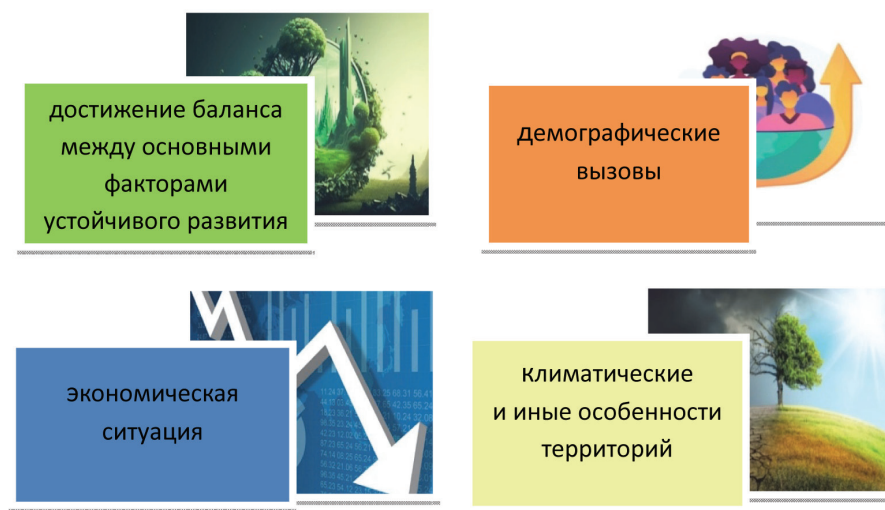

Рис. 3. Проблемы устойчивого развития территорий
Составлено автором на основе источника [7].

Демографическая проблема основана первостепенно на высокой степени оттока молодого населения в более перспективные регионы, ускоренное старение «оставшихся» и, естественно, понижение рождаемости на определённых территориях. Вследствие этого возникает дефицит кадров, а также диспропорция между населением регионов, что существенно влияет на экономические показатели.

Политическая обстановка в мире оказывает воздействие на экономическую ситуацию, что ставит на первое место не устойчивое развитие территорий, а борьбу с последствиями санкционное ограничения и иного давления. Всё это «стопорит» финансирование и разработку соответствующих программ, а также реализацию уже утверждённых.

Климатические и иные особенности территорий определяют непосредственный подход к устойчивому развитию. Например, в степной зоне преобладает производство сельскохозяйственной продукции, в результате чего разумно развивать непосредственно данную отрасль, то есть в устойчивом развитии отводить важное место сельскому хозяйству.

Устойчивое развитие РФ сталкивается с большим количеством проблем, одной из которых является загрязнение атмосферного воздуха (рис. 4).

По данным Росгидромета в России в 2025 году зафиксировано 336 случаев высокого и экстремально высокого загрязнения атмосферного воздуха, что на 87 случаев меньше пикового значения данного показателя в 2021 году, однако на 97 случаев больше по сравнению с 2024 годом. То есть после снижения уровня загрязнения атмосферного воздуха в 2022 году наблюдается рост значения данного показателя на 60% и в 2025 году уровень загрязнения воздуха достиг наибольшего значения за последние 4 года [8].

На увеличение уровня загрязнения атмосферного воздуха влияют как климатические изменения, так и количество источников загрязнений и объёмы выбросов. В частности, по данным Росги-

дромета на долю энергетического сектора приходится около 78% от всех выбросов, на промышленные процессы и использование продукции – около 12% и около 6% выбросов приходится на сельское хозяйство. Приведенные данные подчеркивают сложность достижения устойчивого развития в России и необходимость разработки комплексных мер в области экологии, энергетики, управления природными ресурсами и финансирования «зеленых» проектов. Следует отметить, что основные вызовы связаны с экологическими рисками, финансированием «зеленых» проектов и управлением природными ресурсами.

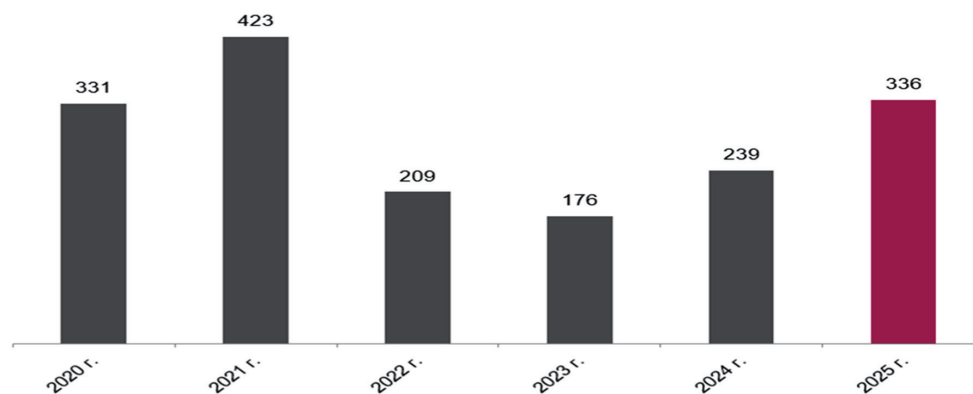

Рис. 4. Количество высоких и экстремально высоких загрязнений воздуха за 2020-2025 гг.

Методики оценки устойчивого развития территорий разнообразны, так как каждый исследователь приходит к проблеме выявления индикаторов, которые он будет использовать в своих расчетах, получения необходимой информации из статистических сборников, что составляет ограничение исследования [9, с. 49]. Тем не менее, можно выделить основные методики.

Ретроспективный анализ основан на динамике статистических данных за минувшие периоды для того, чтобы выявить общее направление изменений в развитии территории, а также оценить данные перспективы.

Метод индикаторов включает в себя расчёт системы количественных и качественных показателей экономического, социального и социального показателей. Это валовой региональный продукт на душу населения, уровень доходов и безработицы, доступность медицинских услуг и образования, объём выбросов и так далее

Статистический анализ основан на исследовании временных отрезков для составления прогнозов развития и определения динамики развития.

Метод «Technique for Order of Preference by Similarity to Ideal Solution» (далее – TOPSIS) является инструментом анализа с множеством критериев и используется для ранжирования территорий по уровню их устойчивого развития. Благодаря TOPSIS определяются оптимальные альтернативы с минимальным отрывом от «идеального» решения и максимальным отрывом от худшего варианта.

Таким образом, в качестве главного тренда устойчивого развития территории в современных условиях стоит отметить необходимость перехода общества к сбалансированному развитию [10, с. 173]. Именно продвижение «зелёной» повестки без ущерба экономической составляющей повысит социальную вовлеченность и позволит повысить качество жизни людей. Устойчивое развитие станет инструментом долгосрочного процветания территорий. Это поспособствует возникновению приоритета для существования человечества, в котором поддерживается гармоничный баланс между техногенным прогрессом и сохранением природного наследия.

Список литературы

1. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/70/1 от 25 сент. 2015 г. – [Электронный ресурс]. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 18.03.2026).
2. Дегтярёва, В.В. Управление устойчивым развитием: учебник / В. В. Дегтярёва. – Москва: Русайнс, 2025. – 159 с. – ISBN 978-5-466-10584-1. – URL: <https://book.ru/book/960711> (дата обращения: 16.03.2026).
3. Указ Президента Российской Федерации от 01.04.1996 г. № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9120> (дата обращения: 21.03.2026).
4. Распоряжение Правительства РФ от 29.10.2021 N 3052-р «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года» – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_399657/ (дата обращения: 21.03.2026).
5. Никифорова, Е.В. Анализ устойчивого развития экономического субъекта: учебник / Е.В. Никифорова. – Москва : КноРус, 2023. – 157 с. – ISBN 978-5-406-10777-5. – URL: <https://book.ru/book/949652> (дата обращения: 17.03.2026).
6. Официальный сайт «Национальный ESG Альянс». – URL: <https://esg-a.ru/ru/sustainable-development> (дата обращения: 19.03.2026).
7. Захаров, В.М., Трофимов И.Е. Устойчивое развитие: экология и экономика: учеб. пособие. – М.: Московский университет им. С.Ю. Витте / Центр устойчивого развития и здоровья среды ИБР РАН, 2021. – URL: https://sustainabledevelopment.ru/upload/File/Books/Zakharov_Trofimov_2021.pdf (дата обращения: 19.03.2026).
8. Официальный сайт Росгидромета: meteof.gov.ru. – URL: <https://www.meteorf.gov.ru/> (дата обращения: 25.03.2026).
9. Бородин, С.Н. (2023). Модель оценки устойчивого развития региона на основе индексного метода. Экономика региона, 19(1), с. 45–59. – URL: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-1-4> (дата обращения: 19.03.2026).
10. Захаров, В.М., Семенов А.В., Трофимов И.Е. Устойчивое развитие: экология, экономика, общество и культура: учебник. / В.М. Захаров, А.В. Семенов, И.Е. Трофимов. – 2-е изд., 2023. – 212 с. – URL: <https://esg-library.mgimo.ru/publications/ustoychivoe-razvitie-ekologiya-ekonomika-obshchestvo-i-kultura/> (дата обращения: 19.03.2026).

УДК 327.8

**КОЛОНИАЛИЗМ БЕЗ КОЛОНИЙ: ПОЧЕМУ США МОЖНО НАЗВАТЬ ИМПЕРИЕЙ
XX–XXI ВЕКА И КАК НЕОКОЛОНИАЛИЗМ ЗАМЕНИЛ СТАРЫЕ МЕТОДЫ****Парада Матвей Сергеевич¹,***студент,**e-mail: paradamatvei@yandex.ru***Ткачёв Сергей Викторович¹,***кандидат политических наук,**доцент кафедры гуманитарных наук,**e-mail: sertk@mail.ru*¹*АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия*

В статье анализируется неформальная империя США как система глобального контроля без прямого колониального управления. Выявляются ключевые инструменты неокOLONIALИЗМА и прослеживается их эволюция от политики «открытых дверей» до стратегий превентивной гегемонии XXI века.

Ключевые слова: неокOLONIALИЗМ, США, империализм, политика «открытых дверей», гегемония, Pax Americana, тайные операции, военное кейнсианство, внешняя политика.

**COLONIALISM WITHOUT COLONIES: WHY THE UNITED STATES
CAN BE CALLED AN EMPIRE OF THE 20TH–21ST CENTURY
AND HOW NEOCOLONIALISM REPLACED OLD METHODS****Parada Matvey Sergeevich¹,***student,**e-mail: paradamatvei@yandex.ru***Tkachev Sergei Viktorovich¹,***candidate of political science,**associate professor in the department of Humanities,**e-mail: sertk@mail.ru*¹*ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia*

The article analyzes the U.S. informal empire as a system of global control without direct colonial rule. It identifies key instruments of neocolonialism and traces their evolution from the Open Door policy to preventive hegemony strategies in the 21st century.

Keywords: neocolonialism, United States, imperialism, Open Door policy, hegemony, Pax Americana, covert operations, military Keynesianism, foreign policy.

Вооружённые конфликты последних десятилетий – от Ближнего Востока до Латинской Америки – всё сложнее объяснить в рамках классических представлений о суверенном равноправии государств. Несмотря на формальное признание независимости большинства стран, современная международная система всё чаще демонстрирует выраженную иерархию государств [14]. На протяжении более века центральное место в этой системе занимают Соединённые Штаты. При этом провозглашаемые принципы американской внешней политики не всегда совпадают с практическими механизмами её реализации.

Интерес к данной проблематике обусловлен тем, что распространённые объяснения американской внешней политики – «распространение демократии», «сдерживание коммунизма» и «борьба с терроризмом» – не позволяют в полной мере объяснить устойчивость и характер американского глобального влияния. Изучение неформальных механизмов поддержания политического и экономического доминирования даёт возможность по-новому взглянуть на современные международные процессы, включая события вокруг Ирака, Украины, Ближнего Востока, а также функционирование мировой финансовой системы.

Исследование объединяет подходы У. Э. Уильямса [1], Г. Колко [2, 3, 4, 5], У. Лафебера [6], У. Блума [7], Н. Хомского [8], К. Нкрумы [9] и Г. Магдоффа [10] в рамках единой аналитической модели, позволяющей рассматривать неоколониализм как целостную историческую систему со своей внутренней логикой развития. В отечественной историографии труды этих исследователей чаще рассматриваются по отдельности, тогда как попытки сопоставить их концепции и использовать их для комплексного анализа неоколониальной системы встречаются значительно реже.

Цель статьи заключается в выявлении сущности и основных инструментов неформальной империи США в исторической перспективе – от конца XIX до начала XXI века. Объектом исследования выступает внешнеполитическая стратегия Соединённых Штатов в указанный период. Предмет исследования составляют механизмы неоколониального контроля, обеспечивающие поддержание глобальной гегемонии при формальном соблюдении принципа государственного суверенитета.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологическую основу исследования составили историко-критический анализ первичных и вторичных источников, сопоставление концептуальных подходов представителей различных национальных и исследовательских традиций, а также системный подход, позволяющий рассматривать неоколониализм как целостную институциональную конструкцию, а не как совокупность отдельных внешнеполитических решений. Для выявления взаимосвязи между корпоративными интересами и внешнеполитическим курсом США дополнительно использовались элементы политэкономического анализа.

1. ОТ «ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ» К REX AMERICANA: ИСТОКИ НЕОКОЛОНИАЛИЗМА

Связывать возникновение американского неоколониализма исключительно с послевоенной эпохой было бы неверно. Его интеллектуальные и институциональные предпосылки начали складываться ещё в конце XIX века, когда экономическая экспансия всё чаще рассматривалась американскими политическими и деловыми кругами как необходимое условие дальнейшего развития страны. Депрессия 1893–1897 годов стала катализатором принципиального сдвига в понимании американскими элитами связи между внутренним процветанием и внешней экспансией. Согласно У. Лафеберу, именно в эти годы сформировался консенсус бизнеса, политиков и стратегических интеллектуалов (прежде всего А. Т. Мэхэна и Брукса Адамса) вокруг идеи «коммерческого фронта»: если географический фронт закрыт (тезис Ф. Дж. Тёрнера, 1893 г.), то его роль должна взять на себя торговая экспансия [6, с. 62].

Инструментальное воплощение этой логики – доктрина «открытых дверей» государственного секретаря Джона Хэя (ноты 1899–1900 гг.), провозгласившая принцип равного доступа для американских товаров на рынки Китая и всего остального мира. Уильям Эпплман Уильямс, по существу, разработал концепцию этой доктрины как системообразующего принципа американского импери-

ализма: «Американские фабрики производят больше, чем американцы могут потребить; ... судьба написала нашу политику для нас» [1, с. 29] – эти слова сенатора А. Бевериджа (1897 г.) стали выражением не частного мнения, а стратегического консенсуса.

Испано-американская война 1898 года обнажила логику этого консенсуса: США захватили Филиппины, Пуэрто-Рико и установили контроль над Кубой не из колониального романтизма, а для обеспечения стратегических «ступенек» к азиатским рынкам [6, с. 400–408]. Формальная территориальная аннексия при этом оставалась минимальной – американский вариант империализма с самого начала предпочитал контроль без прямого управления. Так складывался *Rax Americana* – мировой порядок, в котором гегемония обеспечивается не флагом над захваченными территориями, а господством американских условий доступа к рынкам.

Таким образом, к началу XX века сформировалась базовая логика американской экспансии, основанная на приоритете экономического контроля над территориальным. В послевоенный период эта логика получила институциональное оформление, превратившись в системный механизм глобального влияния.

2. ПЛАН МАРШАЛЛА КАК ПРОТОТИП НЕОКОЛОНИАЛЬНОГО ИНСТРУМЕНТА

Институциональная база для послевоенного неокOLONиализма была заложена ещё до окончания войны. На Бреттон-Вудской конференции 1944 года США закрепили господство доллара как мировой резервной валюты и учредили МВФ и Всемирный банк – институты, которые, как покажет дальнейшее развитие событий, стали ключевыми инструментами финансовой зависимости периферии от центра. Послевоенный период предоставил США уникальную возможность институционализировать неокOLONиальный контроль в глобальном масштабе. Экономика Западной Европы оказалась в тяжёлом положении: хотя, по убедительному тезису А. С. Милворда, «кризис 1947 года» был прежде всего кризисом платёжного баланса, а не производственным коллапсом, нехватка долларов создавала реальную политическую уязвимость для прозападных правительств [2, с. 4–5].

Именно эту уязвимость План Маршалла обратил в инструмент американского влияния. Джойс и Габриэль Колко в работе «Пределы власти» интерпретируют План Маршалла прежде всего как инструмент перестройки западноевропейской экономики в соответствии с интересами американского капитала, а не как исключительно программу послевоенного восстановления. По их оценке, важную роль играло также ослабление британской стерлинговой зоны и переориентация экономических связей Европы на Соединённые Штаты [2, с. 360]. Существенным элементом этой политики стал механизм «встречных фондов» (*counterpart funds*), позволявший Вашингтону влиять на внутренние решения государств-получателей помощи через условия её предоставления и требования к торговой политике.

В администрации Гарри Трумэна понимали, что добиться поддержки Конгресса будет значительно проще при акцентировании советской угрозы. Вместе с тем, как отмечают Колко, стратегическая задача заключалась в формировании единого западноевропейского рынка, открытого для американских товаров и инвестиций. Характерно их замечание о том, что «приписывать причину – Россию – всему, что хотят сделать США, стало критически важным для самого проведения американской внешней политики» [2, с. 13]. В этом смысле План Маршалла стал одним из первых примеров использования экономической помощи как инструмента долгосрочного политического и экономического влияния.

За четыре года объём американской помощи составил около 13 млрд долларов, что соответствовало менее 3 % совокупного ВВП стран-реципиентов. Сам по себе этот объём не мог обеспечить восстановление европейской экономики, однако программа способствовала укреплению позиций некоммунистических правительств и закреплению экономической ориентации Западной Европы на американский рынок [2, с. 107].

Если План Маршалла можно рассматривать как прототип неоколониального механизма, то в последующие десятилетия США выработали целостный набор инструментов, позволяющих воспроизводить подобный контроль в различных регионах мира.

Следует отметить, что описанная модель неоколониального контроля не является исключительно американским феноменом. Политика Франции в франкофонной Африке – так называемая «*Françafrique*» – представляет собой структурно близкий случай: через зону франка КФА, привязанную к французской казне, военные соглашения о взаимной обороне и сеть политических клиентов Париж на протяжении десятилетий сохранял определяющее влияние на экономический и политический курс бывших колоний, формально независимых с 1960-х годов. Эта параллель лишний раз подтверждает, что неоколониализм есть не национальная особенность, а системная логика управления зависимостью, доступная любой достаточно мощной державе.

3. АНАТОМИЯ НЕФОРМАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ: ИНСТРУМЕНТАРИЙ

К середине XX века США сформировали полноценный арсенал неоколониального контроля, не требующий прямой аннексии. Гарри Магдофф в «Веке империализма» выявил экономический базис этого арсенала: к 1960-м годам США превратились из нетто-экспортёра в нетто-импортёра стратегического сырья – нефти, железной руды, бокситов, марганца, – что превратило контроль над ресурсами «третьего мира» в вопрос национальной безопасности [10, с. 47]. Внешние рынки обеспечивали до 50% спроса в ряде ключевых отраслей американской тяжёлой промышленности [10, с. 153].

Кваме Нкрума точно описал суть системы: государство, подпавшее под неоколониальный контроль, «в теории независимо и обладает всеми внешними атрибутами международного суверенитета. В действительности его экономическая система и, следовательно, его политический курс направляются извне» [9, с. 10]. Механизмами этого «направления» служили: программы «привязанной помощи» (*tied aid*), обязывающие реципиентов закупать американские товары; неравноправная торговля, консервирующая роль беднейших стран как поставщиков дешёвого сырья; контроль над ценообразованием через транснациональные корпорации [18].

Параллельно действовал инструментарий ЦРУ и психологической войны, детально задокументированный Уильямом Блумом. Иранская операция 1953 года обнажила логику системы: народно избранный премьер-министр Мохаммад Мосаддык, осмелившийся национализировать нефтяную промышленность, был свергнут совместной операцией ЦРУ и британской МИ-6, а на трон возвращён шах – гарант нефтяных концессий для западных компаний [7, с. 64–72]. В 1954 году аналогичная судьба постигла президента Гватемалы Хакобо Арбенса – его земельная реформа угрожала интересам United Fruit Company [7, с. 72–83]. Эта логика не утратила актуальности в XXI веке. Венесуэла при Уго Чавесе и Николасе Мадуро представляет собой показательный современный кейс: попытки национализировать нефтяную отрасль и выйти из долларовой системы расчётов повлекли за собой масштабные американские санкции, поддержку оппозиции и признание альтернативного пре-

зидента – стандартный арсенал дестабилизации, неотличимый по логике от операций середины XX века, хотя и осуществляемый преимущественно финансово-правовыми, а не военными средствами.

Ниже представлены основные инструменты неформальной империи в систематизированном виде.

Таблица 1.

Основные инструменты неокOLONиального контроля США

Инструмент	Механизм и функция
Доктрина «открытых дверей»	Обеспечение беспрепятственного доступа для американских товаров, капитала и корпораций на рынки стран-«партнёров»; формальный суверенитет сохраняется, реальный контроль – нет.
Программы «помощи» (МВФ, ВБ, AID)	Привязанные займы (tied aid) обязывают реципиентов закупать американские товары и соблюдать выгодные США условия; долговая зависимость ограничивает самостоятельность правительств.
ЦРУ и тайные операции	Свержение нелояльных режимов (Иран, 1953; Гватемала, 1954; Чили, 1973), поддержка про-американских диктатур; психологическая война и дезинформация.
Военные базы и договоры	Сеть баз на пяти континентах создаёт инфраструктуру постоянного силового давления; союзные договоры закрепляют политическую лояльность.
Долларовый стандарт	США как «мировой банкир»; дефицит платёжного баланса – инструмент экспорта инфляции и финансирования военной экспансии за счёт остального мира.

Однако перечисленные инструменты не являются самодостаточными: их применение обусловлено более глубокой экономической логикой, связанной с потребностями американского капитализма.

4. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ БАЗИС: РЕСУРСЫ, КОРПОРАТИВНЫЙ ИНТЕРЕС, ВОЕННОЕ КЕЙНСИАНСТВО

Одним из ключевых вопросов критической историографии американской внешней политики является вопрос о движущей силе имперской экспансии: идеология, безопасность или экономика? Габриэль Колко в «Корнях американской внешней политики» предложил убедительный ответ, основанный на детальном анализе кадрового состава государственного аппарата: 59,6% ключевых должностей в Государственном департаменте и Министерстве обороны в период 1944–1960 годов занимали выходцы из крупного бизнеса и связанных с ним юридических фирм [3, с. 98]. Внешняя политика оказывается не инструментом абстрактных «национальных интересов», но проекцией интересов конкретного господствующего класса.

Особую роль играл нефтяной фактор. К 1960-м годам США контролировали около 82% мировой нефтедобычи за пределами социалистического блока – цифра, наглядно демонстрирующая экономическую подоплёку военно-политических решений на Ближнем Востоке [3, с. 71]. Секретный документ NSC-68 (1950) формализовал логику «военного кейнсианства»: наращивание оборонных расходов до \$50 млрд в год решало не только стратегические, но и экономические задачи, стимулируя спрос в ВПК и смежных отраслях [2, с. 437].

Магдофф аргументирует, что статус доллара как мировой резервной валюты превратился в самостоятельный инструмент извлечения ренты: дефицит платёжного баланса США финансировался не за счёт американских ресурсов, а за счёт обязанности остального мира накапливать долларовые резервы – то есть, по существу, кредитовать американскую военную экспансию [10, с. 89–92]. Союз государства, корпораций и военно-промышленного комплекса образовывал самовоспроизводящийся механизм: прибыль корпораций за рубежом требовала государственной защиты; защита требовала военных расходов; военные расходы требовали контроля над рынками сырья.

5. ЦЕНА ИМПЕРИИ: ВЬЕТНАМ КАК КЕЙС ПРОВАЛА

Война во Вьетнаме стала первым масштабным свидетельством системных ограничений неформальной империи – её принципиальной неспособности достичь политических целей с помощью военных инструментов. Колко в «Анатомии войны» показал, что с самого начала интервенция строилась на глубоком непонимании природы вьетнамского национализма и социальной природы конфликта [5, с. 188]. Ставка на авиационные бомбардировки (всего за годы войны на Индокитай было сброшено около 7,5 млн тонн бомб – больше, чем на всех театрах Второй мировой войны вместе взятых) разрушила традиционную деревенскую экономику и вызвала массовую урбанизацию, но не сломила волю противника.

Программа «Феникс» – операция по точечной ликвидации инфраструктуры NLF – уничтожила десятки тысяч предполагаемых сочувствующих, но не решила политическую проблему: отсутствие в Сайгоне правительства, способного предложить населению реальную альтернативу. Политика «вьетнамизации», призванная переложить бремя войны на южновьетнамские силы, потерпела закономерный крах: без решения земельного вопроса и коррупционной проблемы никакие военные реформы не могли обеспечить легитимность режима [5, с. 461].

Уильям Блум фиксирует более широкий контекст: за период с 1945 по 1999 год США инициировали или поддержали более 50 интервенций и смен режимов по всему миру [7, с. 1–20]. Вьетнам оказался редким случаем, когда эта машина дала заметный публичный сбой – во многом потому, что война впервые транслировалась в прямом эфире американского телевидения. Хомский указывает: при всей катастрофичности военного поражения экономические интересы США в регионе были в значительной мере защищены последующей интеграцией вьетнамской экономики в глобальный рынок [8, с. 94].

Несмотря на очевидные ограничения, выявленные во Вьетнаме, сама логика неформальной империи не была пересмотрена. Напротив, после окончания Холодной войны она получила новое теоретическое обоснование и более радикальные формы реализации.

6. ПОСЛЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: ОТ СДЕРЖИВАНИЯ К ПРЕВЕНТИВНОЙ ГЕГЕМОНИИ

Распад СССР в 1991 году поставил американскую имперскую стратегию перед концептуальным вызовом: исчезла легитимирующая угроза, на борьбу с которой была выстроена вся система обоснований. Ответом стала доктрина «единственной сверхдержавы» и переход от реактивного сдерживания к превентивной гегемонии. «Стратегия национальной безопасности» 2002 года – так называемая «доктрина Буша» – провозгласила право США на превентивные удары против любых потенциальных конкурентов или угроз, фактически объявив себя верховным арбитром мирового порядка [8, с. 11–12].

Колко в «Эпохе войны» вскрывает диалектику «блэкбэка» (обратного удара), ставшую ключевым системным противоречием позднего Pax Americana. На протяжении десятилетий Холодной войны США систематически поддерживали исламских фундаменталистов – в Афганистане, Саудовской Аравии, Иране до 1979 года – как противовес левым националистам и советскому влиянию [13; 15]. Секулярная националистическая оппозиция была уничтожена или маргинализирована; освободившуюся политическую нишу заняли радикальные исламистские движения, которые обратились против своего бывшего покровителя [4, с. 20–25].

Результатом стали события 11 сентября 2001 года, которые Колко характеризует как прямое следствие полувековой американской политики на Ближнем Востоке: «То, что американские лидеры не могли полностью осознать, – это то, что глобальные претензии США сделают их магнитом для неприятностей и что война может прийти на их собственные берега» [4, с. 48]. Военная операция против Ирака в 2003 году во многом повторила проблемы, проявившиеся ещё во время войны во Вьетнаме. Быстрое военное поражение режима Саддама Хусейна не привело к достижению долгосрочных политических целей. Напротив, распад прежней государственной системы сопровождался усилением внутренней нестабильности, ростом влияния радикальных вооружённых группировок, включая «Исламское государство», а также расширением региональных позиций Ирана. Одновременно усиливающееся соперничество между США и Китаем всё отчётливее демонстрирует ограничения однополярной модели международных отношений [11].

В сравнительно-исторической перспективе американская система неформальной гегемонии обнаруживает разительное сходство с Делосской симмахией – Афинским морским союзом V века до н. э. Союзники Афин формально сохраняли суверенитет и автономию, однако реально были обязаны выплачивать форос (союзную подать), а военная гегемония Афин обеспечивала контроль над их внешнеполитическим курсом. Мелосский диалог у Фукидида – где афиняне прямо заявляют, что «сильные делают то, что им позволяет их мощь, а слабые принимают то, что им приходится принять», – с поразительной точностью воспроизводит логику американских дипломатических ультиматумов эпохи *Rex Americana*. Делосская симмахия, как известно, рухнула именно тогда, когда её внутреннее противоречие сделали гегемонию Афин невыносимой для союзников. Не менее существенно и другое: американская система отличается исключительным структурным консерватизмом. В отличие от Британской империи, последовательно адаптировавшей формы управления к меняющимся условиям – от прямого колониального управления к Содружеству наций, – и от Рима, гибко трансформировавшего механизмы включения провинций в имперскую систему, Соединённые Штаты на протяжении почти двух столетий воспроизводят практически неизменную логику доктрины Монро. Эта консервативность обеспечивала предсказуемость и устойчивость системы, однако одновременно сделала её ригидной: она плохо адаптируется к принципиально новым вызовам – подъёму незападных держав, фрагментации глобального порядка, кризису долларовой гегемонии. Жёсткая система, как правило, либо трансформируется под давлением, либо ломается – и это обстоятельство придаёт дискуссии о пределах *Rex Americana* не только академическое, но и вполне практическое измерение.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Проведённый анализ позволяет сделать несколько выводов. Рассмотренные материалы свидетельствуют о том, что в XX–XXI веках Соединённые Штаты сформировали систему международного влияния, сочетающую сохранение формального суверенитета зависимых государств с использованием экономических, политических и военных механизмов контроля. В отличие от классических колониальных империй, подобная модель не предполагала повсеместного прямого административного управления. Её устойчивость обеспечивалась за счёт финансовых инструментов, рыночных механизмов, военно-политических союзов и принятия государствами правил, задаваемых центром мировой системы.

Прослеживая развитие американской внешней политики от доктрины Монро до начала XXI века, можно отметить относительную преемственность её базовых принципов, несмотря на изме-

нение конкретных инструментов. Политика «открытых дверей» получила развитие в институтах Бреттон-Вудской системы, стратегия сдерживания сопровождалась поддержкой союзных режимов, а после окончания холодной войны всё более заметное место заняли концепции гуманитарных интервенций и превентивного применения силы. Менялись формы реализации, однако сама логика сохранения благоприятных условий для американского политического и экономического лидерства оставалась достаточно устойчивой.

Последствия подобной модели оцениваются исследователями неоднозначно. Критическая историография связывает её с многочисленными вооружёнными конфликтами, человеческими потерями, длительной нестабильностью в отдельных регионах и возникновением эффекта «обратного удара» (blowback), при котором ранее поддерживаемые политические силы впоследствии начинают противодействовать своему прежнему покровителю. Ещё Кваме Нкрума обращал внимание на то, что неоколониальные практики способны создавать долгосрочные проблемы не только для зависимых государств, но и для самого центра мировой системы [9, с. 239].

Не утратил актуальности и вывод Ноама Хомского о том, что выбор между сохранением глобальной гегемонии и международной безопасностью способен приобретать принципиальный характер [8, с. 236]. В условиях усиливающейся конкуренции великих держав, роста числа региональных конфликтов и постепенного ослабления монополии доллара вопрос о возможностях и границах неформальной империи выходит далеко за рамки академической дискуссии.

Таким образом, проведённое исследование позволяет рассматривать внешнюю политику США XX–XXI веков как систему неформального имперского влияния, основанную на сочетании экономических, политических и военных инструментов. При изменении конкретных методов её фундаментальная логика, связанная с сохранением глобального лидерства при формальном признании государственного суверенитета других стран, сохраняла преемственность.

Список литературы

1. *Williams, W.A.* The Tragedy of American Diplomacy. – New York: W. W. Norton & Company, 2009. – 384 p.
2. *Kolko, G., Kolko, J.* The Limits of Power. – New York: Harper & Row, 1972. – 820 p.
3. *Kolko, G.* The Roots of American Foreign Policy. – Boston: Beacon Press, 1969. – 166 p.
4. *Kolko, G.* The Age of War. – Boulder: Lynne Rienner, 2006. – 199 p.
5. *Kolko, G.* Anatomy of a War. – New York: The New Press, 1994. – 674 p.
6. *LaFeber, W.* The New Empire. – Ithaca: Cornell University Press, 1998. – 444 p.
7. *Blum, W.* Killing Hope. – London: Zed Books, 2003. – 469 p.
8. *Chomsky, N.* Hegemony or Survival. – New York: Henry Holt, 2003. – 304 p.
9. *Nkrumah, K.* Neo-Colonialism. – New York: International Publishers, 1966. – 280 p.
10. *Magdoff, H.* The Age of Imperialism. – New York: Monthly Review Press, 1969. – 208 p.
11. *Layne, C.* The US–China power shift // *International Security*. – 2020. – Vol. 44(4). – P. 142–176.
12. *Tooze, A.* Shutdown: How Covid Shook the World Economy. – London: Allen Lane, 2021.
13. *Beckley, M.* Rogue superpower // *Foreign Affairs*. – 2020.
14. *Ikenberry, G.* After victory revisited // *International Affairs*. – 2019.
15. *Mearsheimer, J.* The inevitability of great power competition // *Foreign Affairs*. – 2021.
16. *Stokes, D., Raphael, S.* Global energy security and US strategy // *Review of International Studies*. – 2020.
17. *Cooley, A., Nexon, D.* Exit from Hegemony. – Oxford: Oxford University Press, 2020.
18. *Robinson, W.* Global capitalism and imperialism // *Third World Quarterly*. – 2022.

19. *Панова, В.В.* Трансформация мировой гегемонии США // МЭиМО. – 2021. – № 5.
20. *Лукьянов, Ф.А.* Постамериканский мир? // Россия в глобальной политике. – 2022.

УДК 37.013.73

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: ВЫЗОВЫ, ТРАНСФОРМАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Пашковская Наталья Дмитриевна¹,

кандидат педагогических наук, доцент,

заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации,

e-mail: n.pashkovskaia@mmu.ru

ORCID: 0000-0002-2116-3189

Чечетка Валентина Ивановна¹,

кандидат филологических наук, доцент,

доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации,

e-mail: v.chechetka@mmu.ru

ORCID: 0000-0002-6016-2234

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

В статье рассматривается роль гуманитарного знания в современном образовательном процессе в условиях технологической трансформации и геополитических изменений. Анализируются причины кризиса гуманитарного образования, обосновывается необходимость его гуманитаризации и формирования социально-гуманитарного ядра в высшей школе. Авторы приходят к выводу о фундаментальной значимости гуманитарных дисциплин для формирования критического мышления, нравственных ориентиров и культурной идентичности личности.

Ключевые слова: гуманитарное знание, гуманитаризация образования, социально-гуманитарное ядро, кризис гуманитарного образования, цифровизация образования, духовно-нравственное развитие, высшее образование, критическое мышление.

HUMANITARIAN KNOWLEDGE IN THE MODERN EDUCATIONAL PROCESS: CHALLENGES, TRANSFORMATIONS AND PROSPECTS

Pashkovskaia Natalia Dmitrievna¹,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,

Head of the Department of Linguistics and Intercultural Communication

SPIN-code: 1848-3324

ORCID: 0000-0002-2116-3189

e-mail: n.pashkovskaia@mmu.ru

Chechetka Valentina Ivanovna¹,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication,

ORCID: 0000-0002-6016-2234

e-mail: v.chechetka@mmu.ru

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

The article examines the role of humanities knowledge in the modern educational process under the conditions of technological transformation and geopolitical changes. The authors analyze the causes of the crisis in humanities education, substantiate the need for its humanitarization and the formation of a socio-humanitarian core in higher education. The conclusion is made about the fundamental importance of humanities disciplines for the formation of critical thinking, moral guidelines and cultural identity of the individual.

Keywords: humanities knowledge, humanitarization of education, socio-humanitarian core, crisis of humanities education, digitalization of education, spiritual and moral development, higher education, critical thinking.

ВВЕДЕНИЕ

Современная эпоха характеризуется стремительным развитием технологий, цифровизацией всех сфер общественной жизни и сменой ценностных ориентиров. Эти процессы не могли не затронуть систему образования, которая оказалась перед необходимостью переосмысления собственных целей, содержания и методов. В условиях, когда инженерно-технические и естественно-научные специальности рассматриваются как приоритетные для обеспечения технологического суверенитета страны, вопрос о месте и роли гуманитарного знания в образовательном процессе приобретает особую остроту¹.

Актуальность данной работы определяется несколькими взаимосвязанными факторами. Во-первых, в современном образовании наблюдается доминирование технократического мышления и утилитарного подхода к обучению, что ведёт к кризису духовности и нравственности, размыванию традиционных ценностей и потере целостного мировоззрения. Во-вторых, цифровая трансформация общества ставит новые вызовы перед гуманитарным образованием, требуя пересмотра его содержания и методов преподавания. В-третьих, происходящие в России изменения в системе высшего образования, связанные с отказом от Болонской системы и формированием новой модели образования, актуализируют вопрос о социально-гуманитарном ядре как обязательной компоненте подготовки специалистов любого профиля [2].

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к анализу проблем современного гуманитарного образования, выявлении глубинных противоречий между существующими образовательными парадигмами и задачами духовно-нравственного воспитания личности. Цель настоящей статьи – выявить основные вызовы, стоящие перед гуманитарным знанием в современном образовательном процессе, определить пути его трансформации и обосновать фундаментальную значимость гуманитарных дисциплин для формирования личности в условиях технологической эпохи.

Объектом исследования выступает гуманитарное знание как системообразующий элемент современного образовательного процесса. Предметом исследования являются роль, функции и трансформации гуманитарного знания в условиях технологических и геополитических изменений.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Гуманитарное знание: сущность, структура и функции в образовании

Гуманитарное знание, как известно, представляет собой сложный и многогранный феномен, включающий в себя философию и филологию, право и мораль, искусство, педагогику и риторику. В отличие от естественно-научного и технического знания, ориентированного на познание объективных законов природы и создание материальных благ, гуманитарное знание направлено на изучение человека, его внутреннего мира, культуры, истории и общественных отношений.

Подчеркнем, что функциональная значимость гуманитарного знания определяется его местом в обществе и возможностями применения в повседневной жизни. Как отмечают исследователи, гуманитарное знание даёт людям представление о собственном обществе, о том, как устроены другие общества вокруг нас. Оно формирует способность к рефлексии, критическому осмыслению действительности и пониманию другого [5].

¹ Ректоры о будущем гуманитарного образования в России. 2025. URL: <https://tsr-online.ru> (дата обращения: 13.06.2026). – Текст: электронный.

В структуре гуманитарного знания традиционно выделяют несколько ключевых компонентов. *Историческое* знание обеспечивает понимание прошлого, формирует историческую память и культурную идентичность. *Философское* знание развивает способность к абстрактному мышлению, постановке мировоззренческих вопросов и поиску ответов на них. *Филологическое* знание формирует языковую и коммуникативную компетенцию. *Культурологическое* знание позволяет осмысливать многообразие культурных форм и традиций. *Педагогическое* и *психологическое* знание обеспечивает понимание закономерностей развития и воспитания человека.

2. Кризис гуманитарного образования: причины и проявления

В настоящее время современное гуманитарное образование переживает глубокий кризис, который имеет как объективные, так и субъективные причины. Как отмечают исследователи, «это перманентный кризис», в котором гуманитарные и социальные сферы находятся постоянно [9]. Рассмотрим основные причины и проявления этого кризиса.

Одной из главных причин является усиление прагматических мотивов профессионального выбора, когда получение образования сводится к достижению материального благополучия или карьерному росту. В массовом сознании утверждается представление о том, что гуманитарное образование менее престижно и менее выгодно с экономической точки зрения, чем техническое или естественно-научное. Это приводит к сокращению числа абитуриентов, выбирающих гуманитарные специальности, и к перераспределению бюджетных мест в пользу инженерно-технических направлений.

Вторая причина связана с сокращением количества часов, выделяемых на изучение гуманитарных дисциплин в негуманитарных вузах. Как показывают исследования, это имеет следствием снижение качества образования и ограничивает возможности эффективного использования новых образовательных технологий. Гуманитарные дисциплины нередко рассматриваются как второстепенные, факультативные, что ведёт к их маргинализации в образовательном процессе [1].

Третья причина обусловлена доминированием технократического мышления в обществе в целом. В условиях, когда технологический прогресс становится главным мерилом общественного развития, гуманитарное знание оказывается в тени, воспринимается как «украшение», а не как необходимость. Это проявляется в размывании традиционных ценностей, преобладании материальных установок над духовными и потере целостного мировоззрения [7].

Четвёртая причина – цифровизация образования, которая, с одной стороны, открывает новые возможности, а с другой – создаёт новые риски. Цифровые технологии делают информацию более доступной, но одновременно порождают проблему её достоверности и качества. Сегодня молодёжь обладает высоким уровнем цифровой грамотности и стремится к активному использованию цифровых инструментов, что, к сожалению, не всегда сопровождается развитием критического мышления и способностью к глубокому анализу [8].

Следует подчеркнуть, что проявления кризиса гуманитарного образования многообразны: снижение интереса к чтению классической литературы, падение уровня исторической грамотности, неспособность многих выпускников формулировать и аргументировать собственную позицию, рост агрессии и нетерпимости в обществе и мн.др. Как справедливо отмечают исследователи, кризис гуманитарного образования сопровождается кризисом духовности и нравственности в обществе в целом [3].

3. Гуманитаризация образования как стратегический ответ на вызовы времени

В ответ на кризисные явления в образовательной сфере формируется концепция гуманитаризации образования. Как показывает проведенный анализ, курс на гуманитаризацию образования

должен быть системным и поддерживаться на уровне государства, общества и личности. Это позволит дистанцироваться от получившего распространение утилитарно-прагматического мировоззрения и направить молодое поколение по гуманистическому вектору развития [4].

Гуманитаризация образования предполагает не просто увеличение количества гуманитарных дисциплин в учебных планах, а качественное изменение всего образовательного процесса. Она включает в себя несколько взаимосвязанных аспектов.

Во-первых, это формирование *ценностно-коммуникативной модели* гуманитарного образования, которая позволит преодолеть противоречие между прагматической и культурно-гуманитарной парадигмами. Такая модель предполагает, что гуманитарное образование не сводится к передаче суммы знаний, а становится пространством диалога, дискуссии, совместной рефлексии, процедур понимания и интерпретации.

Во-вторых, это интеграция гуманитарных и естественно-научных дисциплин, развитие трансдисциплинарности и метапредметного характера гуманитарных наук. Как отмечается в исследованиях, гуманитарное образование должно стать «гуманитарным сопровождением» технологических процессов, обеспечивая их этическое осмысление и социальную ответственность.

В-третьих, это разработка новых методик и приёмов организации учебной работы, обеспечивающих гуманитаризацию образовательного процесса. Речь идёт о переходе от репродуктивных методов обучения к интерактивным, проектным, исследовательским, которые развивают критическое мышление, творческие способности и коммуникативные навыки [6].

4. Социально-гуманитарное ядро в новой модели высшего образования

Важным шагом на пути гуманитаризации образования в России стало формирование социально-гуманитарного ядра в новой модели высшего образования. Как заявил министр науки и высшего образования РФ, в обновлённой системе будет предусмотрено единое социально-гуманитарное ядро, включающее единую концепцию преподавания социально-гуманитарных дисциплин, где центральное место занимают история и философия².

Формирование социально-гуманитарного ядра преследует несколько целей. Во-первых, оно призвано обеспечить единство образовательного пространства страны, гарантировать, что все выпускники вузов независимо от специальности обладают базовыми знаниями в области истории, философии и основ государственности. Во-вторых, оно направлено на формирование гражданской идентичности и патриотизма, на воспитание у молодёжи уважения к истории и культуре своей страны. В-третьих, оно развивает критическое мышление, способность анализировать информацию и принимать осознанные решения. Однако, с нашей точки зрения, в гуманитарную составляющую как профильного, так и гуманитарного вуза, должно быть включено также изучение/-совершенствование иностранного языка.

Однако формирование социально-гуманитарного ядра – это лишь первый шаг. Как подчёркивают эксперты, университетские курсы должны принципиально отличаться от школьных: они должны «учить анализу, выявлению причинно-следственных связей, работе с информацией». Это не просто передача знаний, а формирование мышления, без которого высшее образование не может считаться полноценным³.

² Фальков В.Н. О формировании социально-гуманитарного ядра в новой модели высшего образования. – 2024. URL: Фальков объяснил, зачем фокусироваться на истории и философии в вузах (дата обращения: 14.06.2026). – Текст: электронный.

³ Могилевский К.И. О составе социально-гуманитарного ядра высшего образования. – 2025. . URL: Минобрнауки назвало обязательные предметы новой модели высшего образования | Аргументы и Факты (дата обращения: 14.06.2026). – Текст: электронный.

5. Гуманитарное знание как основа духовно-нравственного развития личности

Особое место в современном образовательном процессе занимает духовно-нравственное развитие личности, которое невозможно без гуманитарного знания. Как показывают исследования, гуманитарное знание, и особенно историческое образование, играет ключевую роль в формировании патриотизма, нравственных ориентиров и культурной идентичности личности.

Духовно-нравственное развитие личности в современном образовании рассматривается через призму гуманитарного знания. Авторы указывают на то, что гуманитарное знание является основой для преодоления дисбаланса между гуманитарным и техническим знанием, обосновывают необходимость гуманитаризации образовательного процесса.

Важно отметить, что гуманитарное знание выполняет не только познавательную, но и воспитательную функцию. Оно формирует у человека систему ценностей, учит различать добро и зло, прекрасное и безобразное, справедливое и несправедливое; развивает эмпатию, способность к состраданию и пониманию другого, и, наконец, помогает человеку осознать своё место в мире, свою идентичность и предназначение [4].

В условиях, когда традиционные ценности размываются, а информационное пространство переполнено противоречивыми сообщениями, роль гуманитарного знания как нравственного ориентира становится критически важной. По мнению исследователей, гуманитарное образование должно стать «гуманитарным сопровождением» технологических прорывов, обеспечивая их этическое осмысление и социальную ответственность [2].

6. Гуманитарное образование в цифровую эпоху: новые возможности и риски

Цифровая трансформация общества ставит перед гуманитарным образованием новые вызовы, и в то же время открывает и новые возможности. С одной стороны, цифровые технологии делают информацию более доступной, позволяют использовать интерактивные методы обучения, создают условия для персонализации образования. С другой стороны, они порождают проблему «клипового мышления», снижения глубины понимания, утраты способности к длительному сосредоточению и критическому анализу.

Как отмечают исследователи, «современная эпоха характеризуется стремительным развитием технологий, что неизбежно меняет систему высшего образования» [8]. В этих условиях особую актуальность приобретает проблема «обесценивания гуманитарных дисциплин». Цифровизация создаёт иллюзию, что любую информацию можно получить мгновенно, а значит, нет необходимости в глубоком изучении гуманитарных наук.

Однако именно в цифровую эпоху гуманитарное знание становится особенно востребованным. Оно даёт инструменты для навигации в информационном пространстве, для критической оценки источников, для понимания контекста и различения фактов и интерпретаций, а также помогает человеку сохранить свою идентичность в условиях глобализации и культурной унификации.

Цифровая гуманитаристика становится новой областью исследований и образования, объединяющей традиционные гуманитарные методы с цифровыми технологиями, что открывает новые перспективы для анализа текстов, визуальных материалов, исторических источников с использованием методов машинного обучения и искусственного интеллекта.

7. Перспективы развития гуманитарного образования в России и мире

Перспективы развития гуманитарного образования связаны с несколькими ключевыми тенденциями. Рассмотрим некоторые из них.

Во-первых, это *интеграция гуманитарного и технического образования*. Как отмечают исследователи, необходим поиск путей интеграции гуманитарных и естественно-научных дисциплин, развитие трансдисциплинарности и метапредметного характера гуманитарных наук [1]. В условиях, когда технологии проникают во все сферы жизни, специалист любого профиля должен обладать не только профессиональными, но и гуманитарными компетенциями – способностью к критическому мышлению, коммуникации, пониманию культурных контекстов.

Во-вторых, это *формирование новой модели гуманитарного образования*, ориентированной не на передачу знаний, а на развитие личности. Как показывает анализ, необходимо формирование модели культурно-гуманитарной направленности, которая позволит преодолеть противоречие в существующих парадигмах гуманитарного образования.

В-третьих, это *адаптация гуманитарного образования к вызовам цифровой эпохи*. Речь идёт не о замене традиционных методов обучения цифровыми, а о разумном сочетании того и другого, о развитии цифровой грамотности в сочетании с гуманитарной культурой.

В-четвёртых, это *усиление воспитательной функции гуманитарного образования*. В условиях геополитических изменений и ценностного кризиса гуманитарное знание становится инструментом формирования гражданской идентичности, патриотизма и нравственных ориентиров.

Как отмечают руководители ведущих гуманитарных вузов России, качественно подготовленные кадры социально-гуманитарных направлений остаются высоко востребова⁴нными. Если будет создаваться ситуация с их нехваткой, то эти кадры станут редким, а потому более ценным и, соответственно, более дорогостоящим ресурсом на рынке труда.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Гуманитарное знание в современном образовательном процессе переживает глубокий кризис, обусловленный усилением прагматических мотивов профессионального выбора, доминированием технократического мышления, сокращением часов на изучение гуманитарных дисциплин и цифровизацией образования. Этот кризис проявляется в снижении интереса к гуманитарным наукам, падении уровня исторической и культурной грамотности, размывании нравственных ориентиров.

2. Ответом на кризисные явления выступает стратегия гуманитаризации образования, которая предполагает не просто увеличение количества гуманитарных дисциплин, а качественное изменение всего образовательного процесса. Гуманитаризация должна быть системной и поддерживаться на уровне государства, общества и личности.

3. Важным шагом на пути гуманитаризации образования в России стало формирование социально-гуманитарного ядра в новой модели высшего образования, включающего дисциплины «История России», «Основы российской государственности» и «Философия». Перечисленные предметы призваны формировать осознанный патриотизм, критическое мышление, давать минимум знаний, без которого высшее образование не может считаться полноценным.

4. Гуманитарное знание является основой духовно-нравственного развития личности, формирует нравственные ориентиры, культурную идентичность, критическое мышление и способность к эмпатии. В условиях ценностного кризиса и информационной перегрузки роль гуманитарного знания как нравственного ориентира становится критически важной.

⁴ Ректоры о будущем гуманитарного образования в России. – 2025. URL: <https://rsr-online.ru/news/2025/9/23/rektory-o-budushem-gumanitarnogo-obrazovaniya-v-rossii/> дата обращения: 14.06.2026). – Текст: электронный.

5. Цифровая эпоха ставит перед гуманитарным образованием новые вызовы и в то же время открывает новые возможности. Цифровые технологии делают информацию более доступной, но требуют развития критического мышления и способности к анализу. Цифровая гуманитаристика становится новой областью исследований и образования.

6. Перспективы развития гуманитарного образования связаны с интеграцией гуманитарного и технического образования, формированием новой модели, адаптацией к вызовам цифровой эпохи и усилением воспитательной функции.

Дальнейшие направления исследований могут быть связаны с изучением эффективности внедрения социально-гуманитарного ядра в образовательный процесс, анализом опыта интеграции гуманитарных и технических дисциплин, исследованием влияния цифровых технологий на качество гуманитарного образования и разработкой новых методик преподавания гуманитарных дисциплин в цифровую эпоху.

Список литературы

1. *Голудин, И.А., Шигаев, А.А.* Современное высшее образование: соотношение гуманитарного и профессионального компонентов // Роль образования и науки в эпоху быстро меняющихся технологий : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, Белгород, 14 апреля 2025 года. – Белгород : ООО «Агентство перспективных научных исследований» (АПНИ), 2025. – С. 59–61. – EDN: LSEDXN. – Текст : непосредственный.
2. *Елисеева, Е.В., Денисова, О.С.* Гуманитарное знание как основа духовно-нравственного развития личности в современном образовании // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2025. – Т. 6, № 5. – С. 176–183. – Текст : непосредственный.
3. *Кононова, Е.С., Филина, Е.Д.* Проблемы гуманитарной составляющей в высшем образовании // ABYSS. – 2023. – № 3. – С. 47–61. – DOI: 10.33979/2587-7534-2023-3-47-61. – Текст : непосредственный.
4. *Маршак, А.Л., Анисимова, Т.Г.* Суверенное образование: социальные возможности и реалии // Гуманитарий Юга России. – 2024. – Т. 13, № 5. – С. 92–107. – DOI: 10.18522/2227-8656.2024.5.7. – EDN: AGLTIA. – Текст : непосредственный.
5. *Поляничко, М.В.* Роль социально-гуманитарного образования в высших учебных заведениях // Вестник ЗКУ. – 2024. – № 2. – С. 62–67. – Текст : непосредственный.
6. *Сайганова, В.С.* Социально-гуманитарное образование в условиях современных информационных вызовов // Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в высшей школе: проблемы и перспективы : сборник материалов XX научно-методической конференции. – Минск : БГУ, 2023. – С. 196–199. – Текст : непосредственный.
7. *Чечетка, В.И.* Лингвострановедческий и социокультурный компоненты в практике обучения иностранным языкам // Актуальные проблемы романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков : материалы XV Международной научной конференции (Гомель, 24 октября 2025 года) : научное электронное издание / М-во образования Республики Беларусь, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины ; редкол.: Е.В. Сажина (гл. ред.) [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2025. – С. 158–161. – ISBN 978-985-32-0109-3. – Текст : непосредственный.
8. *Чечетка, В.И., Пашковская, Н.Д., Рыжков, О.И.* Технологии искусственного интеллекта (ИИ) как средство персонализации обучения и повышения вовлечённости студентов // Антропоцентрические науки в образовании: междисциплинарный контент : сборник научных статей III Международного форума, 7–8 апреля 2026 года (Воронеж, Россия) / редкол.: Э.П. Комарова (отв. ред.) [и др.]. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2026. – С. 156–161. – ISBN 978-5-4446-2180-6. – Текст : непосредственный.
9. *Шевченко, О.В.* О формировании ценностно-коммуникативной модели гуманитарного образования // Общество: философия, история, культура. – 2024. – № 11. – С. 91–96. – Текст : непосредственный.

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПЛАТФОРМ ОПТИМИЗАЦИИ ФИНАНСОВЫХ ПОТЕРЬ ПРЕДПРИЯТИЙ

Петров Валерий Станиславович¹,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры экономики и управления,
e-mail: valeriy.s.petrov@gmail.com
ORCID: 0009-0001-9418-0924

Чухнюк Анастасия Юрьевна¹,
магистрант,
e-mail: chuhnuk.anastasia@gmail.com

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

Актуальность работы вызвана необходимостью замены реактивных подходов к управлению финансовыми потерями проактивными платформами, объединяющими прогнозную аналитику и автоматизированный риск-менеджмент. Цель – разработка модели платформы, снижающей прямые и косвенные убытки предприятий. Методы включают системный анализ, экономико-математическое моделирование и сравнение ERP-систем. Новизна состоит в архитектуре с модулями прогнозирования, динамической оценки рисков, самообучения и сценарного анализа, а также в интегральном индексе оптимизации потерь. Апробация в ООО «Итава Стар» показала сокращение потерь на 62,4%, рост индекса оптимизации до 0,82, ROI 345,6% при окупаемости 3,5 месяца.

Ключевые слова: финансовые потери, цифровая платформа, предиктивная аналитика, риск-менеджмент, ERP-системы, ликвидность, оптимизация.

WAYS TO IMPROVE MODERN PLATFORMS FOR OPTIMIZING FINANCIAL LOSSES OF ENTERPRISES

Petrov Valeriy Stanislavovich¹,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Economics and Management
e-mail: valeriy.s.petrov@gmail.com

Chukhnyuk Anastasia Yurievna¹,
Master's student,
e-mail: chuhnuk.anastasia@gmail.com

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

The relevance of the study is driven by the need to replace reactive financial loss management with proactive platforms integrating predictive analytics and automated risk management. The aim is to develop a platform model that reduces direct and indirect losses of enterprises. Methods include systems analysis, economic-mathematical modeling and comparison of ERP systems. The novelty lies in the architecture with modules for forecasting, dynamic risk assessment, self-learning and scenario analysis, as well as an integral loss optimization index. Testing at "Itava Star" LLC showed a 62.4% loss reduction, an increase in the optimization index to 0.82, ROI of 345.6% with a payback period of 3.5 months.

Keywords: financial losses, digital platform, predictive analytics, risk management, ERP systems, liquidity, optimization.

ВВЕДЕНИЕ

Современные предприятия сталкиваются с ростом финансовых потерь из-за высокой рыночной нестабильности и ограниченных возможностей традиционных инструментов контроля. Под финансовыми потерями понимается сокращение чистой прибыли или появление убытка вследствие таких событий, как просроченная дебиторская задолженность, кассовые разрывы, порча запасов и штрафы. Обычные методы управления, основанные на ретроспективной отчётности, не способны своевременно выявлять угрозы; требуется переход к платформам, работающим в реальном времени с применением прогнозных алгоритмов. Существующие ERP-решения («1С:Предприятие», «Бит. Финанс», «Финансист», «Контур-Эксперт») хорошо автоматизируют учёт, но не содержат развитых предиктивных модулей и механизмов автоматической блокировки рискованных операций. Анализ научных публикаций [1–4] подтверждает, что локальные модели прогнозирования не интегрированы в единую цифровую среду предприятия, способную одновременно собирать данные, диагностировать состояние, предсказывать потери и самообучаться. Таким образом, научный пробел состоит в отсутствии целостной архитектуры платформы оптимизации финансовых потерь (ПОФП), объединяющей указанные функции.

Цель исследования – разработать инновационную модель платформы оптимизации финансовых потерь предприятия и экспериментально подтвердить её эффективность.

Научная новизна работы:

- предложена архитектура ПОФП из семи функциональных модулей (сбор данных, диагностика, прогнозирование на основе байесовских сетей, поддержка решений, мониторинг KPI, самообучение, отчётность);
- введён механизм скользящего прогнозирования на 30, 90 и 180 дней с динамической корректировкой коэффициентов снижения вероятности и тяжести рисков;
- разработан интегральный индекс оптимизации потерь I_{opt} , агрегирующий снижение потерь, трудоёмкости и времени реакции;
- на реальных данных доказано сокращение совокупных потерь на 62,4%, достижение ROI 345,6% и срока окупаемости 3,5 месяца.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Архитектура платформы ПОФП

ПОФП встраивается в ИТ-ландшафт компании через API, взаимодействуя с ERP-системой (в рассматриваемом кейсе – «Бит.Финанс»), банковскими сервисами, складским учётом и внешними базами контрагентов. В её состав входят:

- модуль сбора и нормализации данных, ежедневно извлекающий и унифицирующий информацию о платежах, дебиторской/кредиторской задолженности, складских остатках, валютных курсах;
- диагностический блок, рассчитывающий показатели ликвидности, оборачиваемости, долговой нагрузки и фиксирующий отклонения от динамических порогов;
- ядро прогнозирования, использующее адаптивные байесовские сети и ансамблевые методы машинного обучения для оценки вероятности и масштаба рисков на горизонтах 30, 90, 180 дней;
- модуль поддержки решений, генерирующий рекомендации (изменение кредитных лимитов, досрочное погашение, перераспределение запасов, хеджирование) с расчётом ожидаемого эффекта;
- мониторинговый модуль, отслеживающий KPI и визуализирующий динамику I_{opt} ;

- модуль самообучения, ежемесячно пересчитывающий параметры моделей на новых данных;
- блок отчётности для финансистов и риск-менеджеров.

Схема интеграции платформы в деятельность ООО «Итава Стар» приведена на рис. 1.

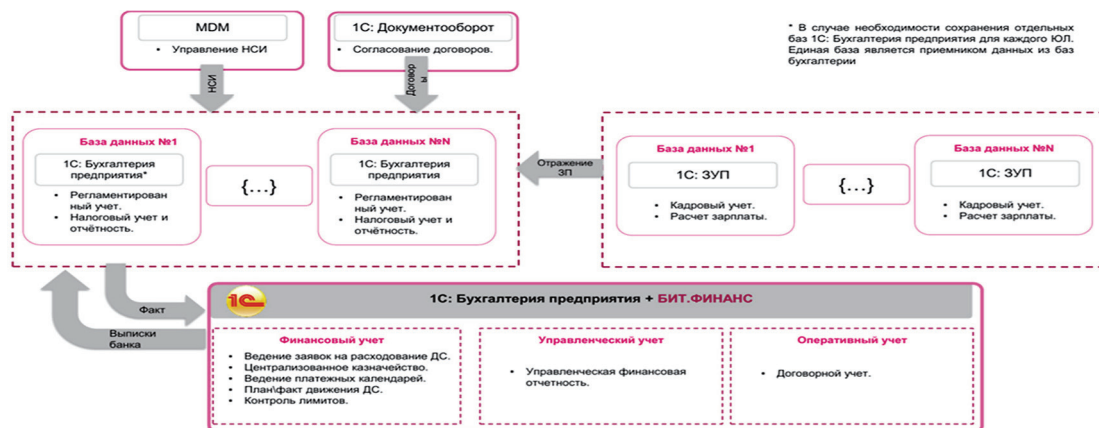

Рис. 1. Схема интеграции платформы ПОФП в деятельность ООО «Итава Стар» (составлено авторами)

Экономико-математическая модель

Формализуем оценку потерь. Пусть L_{total} – совокупные потери за период T ; p_i и S_i – вероятность и тяжесть i -го риска. До внедрения ПОФП ожидаемые потери:

$$E(L^{base}) = \sum_{i=1}^n p_i^{base} \cdot S_i^{base}.$$

После внедрения вводятся коэффициенты α_i , β_i ($0 \leq \alpha_i, \beta_i \leq 1$), отражающие снижение вероятности и тяжести:

$$p_i^{new} = p_i^{base} \cdot (1 - \alpha_i), S_i^{new} = S_i^{base} \cdot (1 - \beta_i).$$

Тогда ожидаемые потери с платформой:

$$E(L^{new}) = \sum_{i=1}^n p_i^{base} (1 - \alpha_i) \cdot S_i^{base} (1 - \beta_i).$$

Экономический эффект за период: $\Delta E = E(L^{base}) - E(L^{new})$.

Коэффициент эффективности: $K_{eff} = \Delta E / E(L^{base})$.

Интегральный индекс оптимизации потерь I_{opt} учитывает три составляющих – снижение потерь, сокращение трудоёмкости управления T (чел.-ч/мес.) и уменьшение среднего времени реакции на риск R (ч):

$$I_{opt} = (\Delta E / E(L^{base})) + (T_{base} - T_{new}) / T_{base} + (R_{base} - R_{new}) / R_{base} / 3.$$

Значения I_{opt} находятся в диапазоне $[0; 1]$, приближение к 1 означает максимальную эффективность.

Дополнительно финансовая устойчивость оценивается коэффициентом текущей ликвидности $K_{лик} = \text{Оборотные активы} / \text{Краткосрочные обязательства}$, рост которого отражает укрепление платёжеспособности.

Апробация на примере ООО «Итава Стар»

Эксперимент проведён на данных компании оптовой торговли стройматериалами (выручка 520,3 млн руб., чистая прибыль 68,2 млн руб. за 4 квартал 2025 г.). Сначала был выполнен сравнительный анализ функционала распространённых в РФ финансовых систем (табл. 1), подтвердивший отсутствие в них прогнозных и самообучающихся модулей.

Сравнительный анализ информационных систем для управления финансами

Показатель	«Бит.Финанс»	«Финансист»	«Контур-Эксперт»
Многоуровневое планирование	+	+	+
Автоформирование баланса	+	+	–
Использование отдельных статей баланса	+	+	+
Предварительные и промежуточные расчёты	+	+	+
Интеграция с внешними системами (СКУД)	+	–	+
Администрирование прав доступа	+	+	+
Соответствие РСБУ и МСФО	+	+	–
Длина кода статьи (знаков)	до 2	до 2	до 3
Сбор статистики по подразделениям	–	+	+
Графическая визуализация	+	+	+
Учёт потребностей в оборотных средствах	–	+	+
Уровни оргструктуры	до 3	не ограничено	до 5
Бюджетирование по МВЗ	+	+	–
Работа в локальной сети	+	+	+
Режим Terminal Server	+	+	+
Итого	13/15	14/15	12/15

Источник: составлено авторами на основе данных официальных сайтов¹

Далее оценена трудоёмкость управления ликвидностью до и после автоматизации с помощью ИС «Бит.Финанс» (табл. 2). Месячная трудоёмкость снизилась с 58,7 до 2,9 чел.-ч, т.е. на 95,1%.

Таблица 2

Трудоёмкость анализа ликвидности до и после автоматизации

Операция	Частота в квартал	Без автоматизации		Показатели с использованием «Бит.Финанс»	
		Время, мин.	Трудоёмкость, мин.	Время, мин.	Трудоёмкость, мин.
Заполнение форм по балансу	1	46,3	46,3	1,3	1,3
Расчёт коэффициентов ликвидности	3	2,3	6,9	0,3	0,9
Расчёт дефицита оборотных средств	1	1,9	1,9	0,1	0,1
Сравнение с нормативами	3	1,2	3,6	0,2	0,6
Итого	–	–	58,7	–	2,9

Источник: составлено авторами

После внедрения ПОФП в контур управления компанией зафиксированы следующие изменения. До старта совокупные квартальные потери составляли 17,3 млн руб. (прямые – 12,8 млн руб., косвенные – 4,5 млн руб.), среднее время реакции на рисковое событие – 48 ч, трудоёмкость – 58,7 чел.-ч/мес.

После внедрения потери сократились до 6,5 млн руб. (прямые – 4,2 млн руб., косвенные – 2,3 млн руб.), время реакции – до 6 ч, трудоёмкость – до 2,9 чел.-ч/мес. Коэффициент текущей ликвидности вырос с 1,92 до 2,31. Сводные показатели эффективности представлены в табл. 3.

¹ Официальные сайты: «Бит.Финанс» – URL: <https://1solution.ru/>; «Контур-эксперт» – URL: <https://www.kontur165.ru/services/kontur-expert/>; «Финансист» – URL: <https://fin-ctrl.ru> (дата обращения: 25.03.2026).

Показатели эффективности внедрения ПОФП в ООО «Итава Стар»

Показатель	До внедрения	После внедрения	Изменение
Совокупные финансовые потери за квартал, млн руб.	17,3	6,5	-10,8 (-62,4 %)
Трудоёмкость управления, чел.-ч/мес.	58,7	2,9	-55,8 (-95,1 %)
Среднее время реакции на риск, ч	48	6	-42 (-87,5 %)
Коэффициент текущей ликвидности	1,92	2,31	+0,39 (+20,3 %)
Экономический эффект за квартал, млн руб.	–	10,8	–
Годовой экономический эффект, млн руб.	–	43,2	–
Затраты на внедрение, млн руб.	–	12,5	–
Срок окупаемости, мес.	–	3,5	–
ROI, %	–	345,6	–
K_eff	–	0,624	–
I_opt	0,00 (эталон)	0,816	+0,816

Источник: составлено авторами

Расчёт I_{opt} после внедрения: $(0,624 + 0,951 + 0,875) / 3 = 0,816$. Коэффициент эффективности $K_{eff} = 10,8 / 17,3 = 0,624$. Годовой ROI = $(43,2 / 12,5) \times 100\% = 345,6\%$; срок окупаемости = $12,5 / (10,8 \times 4) \approx 0,29$ года $\approx 3,5$ месяца.

Полученные данные свидетельствуют, что ПОФП обеспечивает кардинальное улучшение управления потерями. Снижение потерь на 62,4% обусловлено одновременным уменьшением вероятности рисков (в среднем $\alpha_i \approx 0,35$) и тяжести последствий ($\beta_i \approx 0,28$). Резкое сокращение трудоёмкости и времени реакции исключает перерастание мелких инцидентов в крупные убытки. Рост ликвидности подтверждает укрепление финансового положения. Сравнение с традиционным использованием «Бит.Финанс» без прогнозного модуля показывает, что именно интеграция аналитики, прогнозов и автоматических решений переводит управление с реактивного уровня на проактивный.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования создана научно обоснованная модель платформы оптимизации финансовых потерь предприятий, объединяющая прогнозную аналитику, машинное обучение и автоматизированный риск-менеджмент. Отличительными чертами архитектуры являются модули динамического прогнозирования, самообучения и сценарного анализа, а также интегральный индекс I_{opt} , позволяющий комплексно оценить результативность. Практическая проверка на базе ООО «Итава Стар» доказала сокращение потерь на 62,4%, повышение ликвидности и достижение $I_{opt} = 0,82$ при ROI 345,6% и окупаемости 3,5 месяца. Перспективы дальнейших работ связаны с отраслевой адаптацией платформы, подключением технологий распределённого реестра и созданием общедоступного бенчмарка показателей управления потерями.

Список литературы

1. Григорьев, А.Н. Цифровые двойники финансовых потоков: методология и практика // Экономика и математические методы. – 2025. – Т. 61, № 1. – С. 72–88.
2. Захаров, И.Л. Цифровые платформы управления корпоративными рисками: архитектура и эффективность // Экономика и управление. – 2024. – № 5. – С. 112–125.
3. Кузнецов, С.А., Лебедева, И.В. Предиктивная аналитика в управлении финансовыми рисками промышленных предприятий // Финансы и кредит. – 2025. – № 2. – С. 34–48.

4. *Морозова, Е.А.* Применение машинного обучения в прогнозировании денежных потоков предприятия // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2025. – № 3. – С. 45–59.
5. *Осипов, А.В.* Платформенные решения в казначействе: от автоматизации к интеллектуальному управлению ликвидностью // Управление финансовыми рисками. – 2026. – № 1. – С. 56–67.
6. *Соколов, Д.В.* Интегральные показатели оценки риск-менеджмента // Управление финансовыми рисками. – 2024. – № 2. – С. 23–34.
7. *Петров, В.С., Скудин, Д.Д.* Значение управления доходами и расходами предприятия в условиях экономических санкций // Проблемы и перспективы развития экономики и управления : сборник статей. – Москва, 2024. – С. 334–342.
8. *Петров, В.С., Тебекин, А.В.* Экономические факторы распространения серой теневой экономики в современной России // Транспортное дело России. – 2023. – № 2. – С. 3–10.
9. *Ivanov, A., Smirnova, M., Volkov, D.* Artificial Intelligence in Corporate Finance: Predictive Models for Risk Mitigation // Journal of Digital Economy. – 2025. – No. 3. – P. 15–29.

СПЕЦИФИКА ЛОГИСТИЧЕСКИХ РИСКОВ ИНТЕРНЕТ-ТОРГОВЛИ И СТРАТЕГИИ ИХ СНИЖЕНИЯ

Понамарев Данила Евгеньевич¹,

магистрант,

e-mail: ponamarev.322@mail.ru

Кожина Вероника Олеговна¹,

кандидат экономических наук, доцент,

заведующий кафедрой менеджмента

e-mail: v.kozhina@mti.ru

ORCID: 0000-0001-5429-8250

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

Актуальность работы вызвана высокими логистическими рисками в растущем секторе интернет-торговли: возвратами, отказами от выкупа, проблемами «последней мили». Цель – классификация рисков и разработка стратегий их снижения. Методы включают многомерную систематизацию и количественную оценку ущерба. Результаты: предложены трёхмерная модель рисков и комплекс превентивных, операционных и компенсационных мер, проиллюстрированных на примере российских маркетплейсов.

Ключевые слова: логистические риски, интернет-торговля, классификация, возвраты, невыкуп, «последняя миля», стратегии снижения, бизнес-аналитика.

SPECIFICS OF LOGISTICS RISKS IN ONLINE TRADE AND STRATEGIES FOR THEIR MITIGATION

Ponamarev Danila Evgenievich¹,

Master's Student,

e-mail: ponamarev.322@mail.ru

Kozhina Veronika Olegovna¹,

PhD in Economics, Associate Professor,

Head of the Department of Management,

e-mail: v.kozhina@mmu.ru

ORCID: 0000-0001-5429-8250

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

The relevance of the study is driven by high logistics risks in the growing e-commerce sector: returns, refusal to accept deliveries, and last-mile challenges. The aim is to classify these risks and develop mitigation strategies. Methods include multidimensional systematisation and quantitative damage assessment. The results propose a three-dimensional risk model and a set of preventive, operational and compensatory measures, illustrated through cases of Russian marketplaces.

Keywords: Logistics risks, e-commerce, classification, returns, non-redemption, last mile, mitigation strategies, business analytics.

ВВЕДЕНИЕ

Современная российская розница демонстрирует постепенный перенос потребительского спроса в интернет-сегмент. По данным на октябрь 2023 года эксперты ожидают, что к концу 2025 года доля онлайн-каналов в общем объеме розничного оборота превысит 18%. Вместе с тем взрывной рост электронной коммерции сопровождается еще более глубокими логистическими трудностями при выполнении заказов. Типичный клиент видит товар в офлайн-магазине, присматривается к нему и автоматически завершает оформление. Между онлайн-оплатой и фактической передачей товара существует временной разрыв – в этот период может произойти многое, и далеко не всё окажется благоприятным: от повреждений, полученных отправлением при его отгрузке, до отказа людей забирать свои посылки в пункте получения. Кроме того, закон о защите прав потребителей предоставляет покупателю 7-дневный срок, в течение которого он может в одностороннем порядке вернуть товар надлежащего качества, не приводя причин, обосновывающих такой возврат, тем самым увеличивая неопределенность для любого продавца.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Выявление и структурирование угроз – первый шаг к успешному противодействию им. Классификации логистических рисков, основанные в основном на промышленной или оптовой перевозке, не в полной мере отражают специфику электронной коммерции. Сорт операций, которые практически отсутствуют в офлайн-ритейле: комплектация запасов по индивидуально подобранному ассортименту товаров, упаковка с определённой степенью брендинга, доставка в постамат или пункт самовывоза (click and collect), а также обработка возвратов в крупном масштабе, инициируемая клиентом. Таким образом, рекомендуется применять многомерный подход к систематизации рисков, при котором следует учитывать три независимых измерения: источник происхождения, характер последствий и логистическую стадию. В таблице 1 приведена классификация рисков в интернет-торговле [4].

Таблица 1

Классификация логистических рисков в интернет-торговле

Измерение	Категории	Примеры проявления в e-commerce
По источнику	Внутренние (зависят от компании)	Ошибки персонала склада, проблемы в системе учета WMS, плохое планирование запасов и ограниченная пропускная способность упаковочной линии
	Внешние (обусловлены средой)	Изменения правил торговой площадки, сбои в работе логистических партнеров, погодные условия, колебания валютных курсов и новые законодательные требования.
По этапу цикла	Приёмка и хранение	Пожары, наводнения, кражи со склада и проблемы с температурным режимом для хрупких товаров.
	Комплектация заказа	Неправильные товары, размеры или количество в заказах; перепутанные упаковки.
	Упаковка и маркировка	Повреждение товаров из-за неподходящей упаковки, ошибок в адресных этикетках или штрих-кодах.
	Транспортировка (включая «последнюю милю»)	Дорожно-транспортные происшествия, перекрытия дорог, задержки рейсов, кражи курьерской службой и неудачные доставки в отсутствие клиента.
	Выдача в ПВЗ или постамате	Очереди, потерянные отправления или отказ клиентов от получения товара.
	Обратная логистика	Замена товаров при возврате, ложные заявления о дефектах с использованием фотографий или расходы, связанные с проверками и переупаковкой.

По характеру последствий	Финансовые	Прямые убытки, связанные с дефектами, недоставленные посылки, штрафы, утилизация и увеличение логистических затрат.
	Временные	Увеличение времени обработки заказов, простои склада и сверхурочная работа сотрудников.
	Репутационные	Негативные отзывы, снижение лояльности клиентов и потеря клиентуры.
	Правовые	Судебные иски от покупателей, поручения Роспотребнадзора и юридические споры с партнерами.
	Технологические	Сбой в работе ИТ-систем, потеря данных о заказах и поломки сортировочного оборудования.

Эта таблица позволяет нам не только перечислить угрозы, но и понимать, как они связаны между собой. Например, ошибка при сборке (источник – внутренний; стадия – сборка) может привести к финансовым потерям (стоимость повторной отгрузки), задержкам сроков (проблемы с доставкой клиенту) и репутационному ущербу (недовольство среди клиентов). В то же время, если будет реализован дополнительный внешний риск – в форме сбоя в карьере – это кумулятивное бедствие создает общий вред, многократно больший.

Главная особенность любых действий, предпринимаемых в условиях нестабильного рынка, – остаточная неопределенность. В сфере логистики электронной коммерции вводятся четыре уровня такой неопределенности [3]. Уровень 1: вполне ясное будущее – когда объемы заказов и сезонные изменения очень легко прогнозировать (например, для товаров повседневного спроса). На втором уровне вы представляете себе «альтернативное будущее»: возможны два или три сценария развития, которые с высокой вероятностью могут реализоваться (например, рост заказов перед праздниками; или снижение заказов из-за погодных условий). Уровень 3: Диапазон будущего: вы знаете, что существует коридор где-то рядом и насколько он может отклониться, но точный сценарий не определен (например, можно ожидать от 20% до 40% доли возвратов в сегменте одежды). Уровень 4: Истинная неопределенность – самый высокий, самый сложный уровень неопределенности, где нет способа предсказать поведение клиентов или новое правило на рынке, которое изменит всё (например, внезапный ночной вирусный всплеск и/или драматические изменения в нормативной среде). На первый взгляд: когда вы понимаете, на каком уровне неопределенности находится компания, это определяет, какие инструменты управления рисками следует выбирать. Общение с перевозчиками будет касаться только стандартных процедур и страхования на низком уровне неопределенности, а при высокой неопределенности появляется место для сценарного планирования, создания резервных мощностей и гибких контрактов с перевозчиками.

Даже в одно и то же время, если реализуется дополнительный внешний риск – событие, нарушающее карьеру, такое как один из распространенных смягчающих факторов нарушения карьеры, эта кумулятивная катастрофа гораздо больше, чем сумма по годам и надлежащие корректировки.

Оцените, какой ущерб может быть нанесен до того, как вы разработаете стратегию по его смягчению. На практике эти показатели используются чаще всего. Первый – это норма возвратов, Return Rate (RR), которая определяется как отношение количества возвращенных единиц к общему количеству отправленных единиц. Она сильно различается по категориям товаров: 5-10% для электроники, 40-50% для обуви и до других видов одежды: 20-40%. Следующее измерение – это норма отказов, Refusal Rate: это доля отгрузок, от которых клиент отказывается в пункте выдачи. Обычно это число составляет около 15–25% в случае наложенного платежа на российских маркетплейсах.

Любой такой отказ приводит к удвоению транспортных затрат (туда и обратно) и, как правило, к необходимости списания товара. Третьим, и это будет ключевой мерой, является ожидаемая стоимость риска для каждого заказа. Здесь – восприимчивости, это наши прямые потери от «неполучения», возвратов и брака, расходы на повторную отправку и повторную обработку данных. Например, рассмотрим пример из интернет-магазина бытовой техники. Например: средний чек – 6000 рублей; доля возвратов/отказов по заказам – 12%; средняя стоимость доставки 350 рублей для возвратов; доля возвратов с браком – 4%. В этом случае потери от заказов, которые не были вручены, составят 720 рублей, при этом 56 рублей составит обратная логистика [8].

Таблица 2

Расчёт ожидаемых логистических потерь на один заказ по категориям товаров

Категория товара	Средний чек, руб.	Норма возвратов (RR), %	Норма отказов (Refusal), %	Доля возвратов с браком, %	Потери от невручения, руб. (чек × отказы)	Затраты на обратную логистику, руб. (доставка × (RR + брак))	Общие ожидаемые потери на заказ, руб.
Электроника	10 000	8	15	2	1500	35	1535
Одежда	4 000	30	20	5	800	122,5	922,5
Обувь	5 000	45	25	6	1250	178,5	1428,5

Анализ логистических издержек показал существенные различия в зависимости от товарной группы. По объему потерь, которые составляют 1535 рублей за заказ, лидирует электроника. Это объясняется высокой стоимостью среднего чека и значительного процента отказов (около 15%). При этом анализируя среднюю стоимость заказа, можно отметить, что потери составляют лишь 15,4%. В то же время обувь характеризуется максимальными относительными потерями – 28,6% от стоимости заказа. Это обусловлено высокой долей возвратов (45%) и отказов (25%). Это соответствует третьему уровню неопределенности («диапазон будущего») согласно классификации, приведенной выше [5]. Следовательно, в такой ситуации необходимо разрабатывать грамотные сценарии и заключать гибкие контракты с логистическими компаниями. Для одежды показатели более умеренные: 923 рубля или 23,1% от чека.

Полученные данные доказывают, что необходим дифференцированный подход к управлению рисками. В частности, для электроники в приоритете будет снижение отказов, например, через систему предоплаты или верификацию данных. В сегментах обуви и одежды акцент следует сместить на снижение доли возвратов, включая внедрение фотофиксации упаковки и передачу этих процессов на аутсорсинг.

Далее необходимо перейти к примеру управления рисками на практике.

Рассмотрим практические инструменты управления рисками, которые основаны на комплексном подходе. Такой подход включает три группы мер. Первая – превентивные меры, реализуемые до момента отправки заказа. Прежде всего, это фотофиксация упаковки, т.е. создание визуального ар-

хива каждого отправления. Это своего рода страховка от необоснованных претензий по состоянию товара и его комплектации. Также действенный способ: предложить покупателю сделать предоплату со скидкой в размере 3-7%. Это мощный психологический инструмент: покупатели, оплатившие заказ заранее, отменяют заказы на 40-50% реже, чем те, кто выбирает оплату при получении.

Кроме того, это включает валидацию данных адресов посредством интеграции с API почтовых служб для сокращения возвратов отправок, а также QR-кодированные объекты, которые упрощают идентификацию при возвратах и одновременно затрудняют подделку.

Вторая группа – это меры операционного менеджмента, осуществляемые в процессе доставки. Она содержит важнейшую среди них – выбор тарифа с расширенным страхованием у логистического партнера. Некоторые фирмы предлагают страхование всего за 0.8-1.5% от объявленной стоимости груза, возмещая только расходы в случаях утраты и повреждения. И еще стоит на всякий случай отдать предпочтение пунктам выдачи с видеонаблюдением и ячейками-локерами – это почти исключает кражи курьером, одновременно снижая нагрузку на персонал. Динамическое перепланирование маршрутов на основе информации о пробках и погодных условиях позволяет снижать задержки и увеличивать предсказуемость «последней мили».

Третья группа включает в себя компенсационные и посттранспортные меры, связанные с обработкой возвратов. Важно выделить на складе отдельную зону для приёма и проверки возвращённого товара, а в идеале – создать специальный склад обратной логистики с собственной командой. Эта команда будет заниматься сортировкой, тестированием, переупаковкой товаров, а также принимать решения – списывать товар или возвращать его в продажу. Есть и другой вариант – передать обработку возвратов специализированной компании на аутсорсинг. Такие компании берут на себя не только сам процесс, но и риски, связанные с мошенничеством (например, подменой товара или искусственным созданием дефектов). В любом случае важно заранее определить чёткие правила возврата: требовать наличие чека или заводской этикетки, установить сроки возврата, предусмотреть возможность отказа в приёме товара при наличии следов использования.

Правила и положения превращаются в формальные документы без хорошей системы анализа и отслеживания проблем по мере их возникновения. Управление логистическими рисками разделяет аналитику на три основных уровня, каждый из которых имеет свое назначение [10].

Описательная аналитика собирает основные факты. Она показывает такие детали, как количество возвратов, причины их возникновения и задействованные склады. Диагностическая аналитика углубляется в поиск причин проблем. Например, если в одном упаковочном цехе постоянно возникают проблемы, причиной может быть неисправное оборудование. Прогностическая аналитика смещает фокус на будущее. Она использует историю клиентов – например, привычки возврата, модели расходов и местоположение – для прогнозирования вероятности рисков для каждого отдельного заказа.

Переход от простой фиксации фактов к предиктивной аналитике позволяет компаниям сменить реактивную модель управления на проактивную. Вместо устранения последствий компании пытаются их предвидеть. Специальные дашборды помогают отследить такие метрики, как уровень невозвратных средств, скорость обработки возвратов и частоту споров, становятся основой этой работы. Однако даже самые продвинутые технологии не срабатывают без соответствующей организационной культуры. Культура наказаний за ошибки создает «информационный вакуум», препятствующий своевременному реагированию, тогда как культура доверия способствует прозрачности

и оперативному решению проблем. Исследования подтверждают: высокий уровень доверия между подразделениями минимизирует сопротивление инновациям, например, смене логистических партнёров или упаковки. В конечном счете, корпоративная культура – это мощный экономический рычаг, повышающий эффективность управления рисками [11].

Для наглядности проанализируем два кейса, которые демонстрируют риски в логистике крупных российских маркетплейсов. Первый: в 2022г. на складе произошел сильный пожар, который уничтожил товарные запасы на 10, 8 млрд.руб. При этом страховые выплаты составили лишь 6, 4 млрд.руб. Данный случай иллюстрирует «эффект домино»: невыполнение обязательств перед поставщиками привели к отменам заказов от клиентов, в результате – к судебным искам и потере репутации. В процессе разбирательств выяснилось, что многие контрагенты не страховали свои активы отдельно, полагаясь на покрытие со стороны маркетплейса [9].

Второй пример относится к августу 2025 года, когда сезонная нагрузка на логистику привела к коллапсу: из-за нехватки мощностей сотни грузовых автомобилей простаивали в очередях несколько суток у распределительного центра. В итоге уровень отмен заказов вырос на 2%, а поставщики понесли убытки. Исследование подтвердило, что использование резервных складов могло бы минимизировать негативные последствия [6].

Анализ подобных кейсов позволяет выделить четыре этапа преодоления логистических кризисов. На первом этапе компаниям необходимо активизировать взаимодействие с альтернативными перевозчиками или складами. Далее проинформировать клиентов о задержках и сгладить негатив предоставлением компенсационных бонусов. На третьем этапе – пересмотреть график поставок с акцентом на наиболее маржинальные заказы. И наконец, выявить слабые места в текущей системе превентивных мер и провести необходимые корректировки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ логистических рисков в онлайн-ритейле позволяет сделать следующие выводы. Риски в данной сфере многогранны и не ограничиваются лишь вопросами транспортировки. Сложности также возникают на этапах сборки заказов и работы с возвратами, которые в офлайн-ритейле встречаются гораздо реже. Для эффективного управления такими рисками крайне важно подойти системно к их оценке. Для этого необходимо проводить всесторонний анализ процентов возврата, или невостребованных заказов и стоимости риска. Без этих данных управление превращается в интуитивные действия. Стратегия минимизации рисков должна включать превентивные меры (предоплата, фотоконтроль), операционные инструменты (страхование, выбор логистических каналов) и планы в случае сбоев (аутсорсинг возвратов). Бизнес – аналитика позволяет перейти от реактивного управления к проактивному планированию. При этом важно помнить, что успех этих инструментов зависит от корпоративной культуры компании: открытости сотрудников и готовности руководства к конструктивным изменениям.

Список литературы

1. Грузина, Ю. М. Интегративный подход к стратегическому планированию в динамичной бизнес-среде / Ю. М. Грузина. – Текст : непосредственный // Вестник евразийской науки. – 2025. – Т. 17, № 3. – С. 4–9.
2. Ефимова, Е.А. Управление логистическими рисками в цепях поставок: теория и методология : учебное пособие / Е. А. Ефимова ; Самарский национальный исследовательский университет имени С. П. Королева. – Самара : Издательство Самарского университета, 2023. – 1 электрон. опт. диск. –

- ISBN 978-5-7883-1872-1. – Текст : электронный // Репозиторий Самарского университета : [сайт]. – URL: <http://repo.ssau.ru/handle/123456789/57490> (дата обращения: 25.05.2026).
3. *Иванова, Т.Л.* Стратегическое управление организацией в условиях неопределённости внешней среды (концептуализация понятий и подходов) / Т. Л. Иванова, М. А. Мызникова. – Текст : электронный // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2022. – № 16-1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskoe-upravlenie-organizatsiey-v-usloviyah-neopredelennosti-vneshney-sredy-kontseptualizatsiya-ponyatiy-i-podhodov> (дата обращения: 11.03.2026).
4. Классификация логистических рисков на примере маркетплейса Ozon. – Текст : электронный // Евразийский союз учёных. – 2025. – № 6(27). – URL: <https://esj.today/PDF/27FAVN625.pdf> (дата обращения: 11.03.2026).
5. *Князев, В.Р.* Взаимосвязь между экономической устойчивостью промышленного предприятия и неопределённостью экономической политики / В. Р. Князев. – Текст : электронный // ЕГИ. – 2024. – № 2(52). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-mezhdu-ekonomicheskoy-ustoychivostyu-promyshlennogo-predpriyatiya-i-neopredelennostyu-ekonomicheskoy-politiki> (дата обращения: 11.03.2026).
6. Куда делись грузчики? Выяснились вероятные причины проблем на складах Ozon в Москве и регионах. – Текст : электронный // Оборот.ру. – 2025. – 18 августа. – URL: <https://oborot.ru/news/kuda-delis-gruzchiki-vuyasnilis-veroyatnye-prichiny-problem-na-skladah-ozon-v-moskve-i-regionah-i251888.html> (дата обращения: 25.05.2026).
7. О защите прав потребителей : статья 26.1 «Дистанционный способ продажи товара» : [фрагмент] / Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по г. Москве. – Текст : электронный // 77.rospotrebnadzor.ru : официальный сайт. – 2025. – URL: <https://77.rospotrebnadzor.ru/index.php/napravlenie/zpp/13817-pravila-vozvrata-tovarov-pri-pokupke-dstantsionnym-sposobom-09-01-2025> (дата обращения: 25.05.2026).
8. *Поздеева, С.Н.* Управление логистическими рисками : учебное пособие / С. Н. Поздеева. – Москва : РИО Российской таможенной академии, 2016. – 124 с. – ISBN 978-5-9590-0883-3. – Текст : электронный // Электронная библиотека Руконт : [сайт]. – URL: <https://library.rucont.ru/file.ashx?guid=f00244a1-889b-4597-8526-5a2a25d6ceb0> (дата обращения: 25.05.2026).
9. Суд отказал во взыскании с Ozon 3,7 млрд руб. из-за пожара на складе / А. Ильина. – Текст : электронный // Право.ру. – 2025. – 13 мая. – URL: <https://pravo.ru/news/258611/> (дата обращения: 25.05.2026).
10. *Шатохин, Н.А.* Оценка рисков в условиях неопределённости: применение бизнес-аналитики для устойчивости бизнеса / Н. А. Шатохин, Е. В. Сенотрусова, Н. С. Лапшин [и др.]. – Текст : электронный // Human Progress. – 2024. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-riskov-v-usloviyah-neopredelennosti-primenenie-biznes-analitiki-dlya-ustoychivosti-biznesa> (дата обращения: 11.03.2026).
11. *Цыцарова, Н.М.* Сильная корпоративная культура как условие обеспечения прочности организации в условиях неопределённости / Н. М. Цыцарова. – Текст : непосредственный // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2022. – № 3(165). – С. 125–128.
12. Data Insight. E-commerce in Russia 2026 : market research / Data Insight. – Text : electronic. – 2026. – URL: https://datainsight.ru/DI_eCommerce_2026 (accessed: 25.05.2026).

УДК 372.881.111.1

**КОНЦЕПЦИЯ «ОБУЧЕНИЕ КАК ПРИКЛЮЧЕНИЕ» В КОНТЕКСТЕ
ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (ПО КНИГЕ ДЕЙВА БЕРДЖЕСА)****Поташова Анастасия Александровна¹,***кандидат филологических наук,**старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации»,**e-mail: potashova93@inbox.ru***Князева Виктория Витальевна¹,***студент,**e-mail: drgmnst@yandex.ru*¹*АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия*

В статье рассматривается концепция «обучение как приключение» американского педагога Дэйва Берджеса и возможности её адаптации к преподаванию английского языка в школах. Проанализированы ключевые компоненты подхода, выявлены барьеры, характерные для традиционного обучения. Предложены практические сценарии уроков для разных возрастных групп с учётом требований ФГОС. Особое внимание уделено сравнению концепции Д. Берджеса с российскими исследованиями в области сторителлинга и геймификации.

Ключевые слова: обучение как приключение, преподавание английского языка, сторителлинг, геймификация, мотивация, P.I.R.A.T.E., ФГОС.

**CONCEPT OF «LEARNING AS ADVENTURE» IN TEACHING ENGLISH
(BASED ON THE BOOK BY DAVE BURGESS)****Potashova Anastasia Aleksandrovna¹,***PhD in Philology,**Senior Lecturer, Department of Linguistics and Intercultural Communication,**e-mail: potashova93@inbox.ru***Knyazeva Viktoriya Vitalyevna¹,***student,**e-mail: drgmnst@yandex.ru*¹*ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia*

The article examines the concept of “learning as adventure” by the American educator Dave Burgess and the possibilities of its adaptation to teaching English in schools. The key components of the approach are analyzed, and the barriers characteristic of traditional teaching are identified. Practical lesson scenarios for different age groups are provided, taking into account the requirements of the Russian Federal State Educational Standard (RFSES). Special attention is paid to comparing Burgess’s concept with Russian research in the field of storytelling and gamification.

Keywords: learning as adventure, teaching English, storytelling, gamification, motivation, P.I.R.A.T.E., RFSES.

Идея Дэйва Берджеса «обучение как приключение» по-новому смотрит на уроки английского языка. В её основе – сочетание игровых элементов и драматургии, из-за чего занятие начинает напоминать живую историю. В такой форме ученики не ограничиваются простым слушанием и заучиванием, а вовлекаются в квесты и проблемно-поисковые задания [8].

Сейчас, когда обучение всё активнее переходит в цифровую среду, привычные уроки часто становятся менее интересными, особенно при изучении грамматики. Исследования по геймификации, в том числе материалы Edutopia и British Council, показывают: игровые форматы усиливают интерес и помогают лучше понимать и запоминать материал [5]. В российских условиях, где английский нужен и для работы, и для поездок, такие подходы особенно ценны. Они помогают школьникам чувствовать себя увереннее и меньше бояться говорить.

В данной работе соблюдены требования Федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования.

Согласно данному стандарту, развитие коммуникативных умений, а также обучение через деятельность и формирование универсальных учебных действий особенно важны в образовательном процессе.

Цель работы – разобрать концепцию Д. Берджеса и ее методическую основу путем нахождения практических способов ее применения в процессе обучения английскому языку.

Задачи:

1. Разобрать и раскрыть понятие концепции «обучение как приключение»;
2. Обозначить сложности, связанные с отсутствием или потерей мотивации, с которыми встречаются ученики при изучении английского языка;
3. Собрать и проанализировать методическую базу концепции Берджеса;
4. Составить варианты планов уроков для учеников разных возрастов.

Методика «обучение как приключение» формирует процесс обучения из обычного урока в интересное путешествие. Участвуя в таком захватывающем «квесте», ученики не просто заучивают материал, а эмоционально проникают в него. Д. Берджес отмечает, что лучший способ получения знаний – это история и сюжет, построенный вокруг этого материала. Учитель становится фасилитатором: он составляет план занятия, но оставляет возможность для неожиданного поворота сюжета.

Методика Дэйва Берджеса обозначается аббревиатурой P.I.R.A.T.E., которая расшифровывается:

- Passion (страсть) – интерес самого учителя к своему предмету;
- Immersion (погружение) – процесс переноса ученика во внутрь темы;
- Rapport (взаимопонимание) – установка доверительного контакта учителя с учениками;
- Ask and Analyse (вопрос и анализ) – постоянная проверка эффективности методов во время урока;
- Transformation (трансформация) – развитие не только в знаниях и умениях, но и критического мышления учеников;
- Enthusiasm (энтузиазм) – эмоциональное состояние, которое передается через атмосферу в классе.

В статье используется эта концепция как основа, применяемая в обучении английскому языку.

Главной задачей является развитие компенсаторной компетенции, где учитель – наставник. Заранее спланированная цель и содержание урока формирует более свободный процесс и не создает непреодолимые рамки. Когда четкие границы правильно сочетаются со свободой действий, интерес учеников к изучению английского возрастает.

Стоит обратить внимание на подход «сторителлинг», который в своих работах упоминает Н.В. Багрецова [1, с. 25]. Она пишет, что он помогает учителю вовлечь учеников в процесс урока путем погружения их в определенную историю. Такой подход стимулирует эмоциональный отклик, который в свою очередь помогает лучше разбираться и воспринимать языковые и культурные особенности.

Также отличными вариантами эффективного внедрения учеников в процесс обучения является интерактивные методы, такие как ролевые игры и симуляции: они способствуют хорошей отработке языковых навыков. В литературе указывается, что главная цель учителя – это найти проблему, обозначить возможные пути ее решения и предоставить подходящий материал [2, с. 28].

Одним из наиболее распространенных психологических барьеров в изучении английского языка является страх допущения ошибки, который вызывает определенную тревожность у обучающихся. В работах Л.В. Бугаковой и А.П. Преображенского [3, с. 4] упоминается, что если учебный материал не столь личностно ориентирован, то вероятность снижения внутренней мотивации учащихся сильно возрастает.

Относительно ФГОСа развитие коммуникативной компетенции является приоритетом обучения иностранному языку, но учителя часто склоняются к грамматико-переводному методу. Все это происходит из-за нехватки времени, подготовки к тестам, к тому же намного легче использовать старые учебники, так как они привычнее. В итоге урок становится процессом механического запоминания материала, что значительно снижает интерес к обучению у учащихся [4].

Приключение является источником изменения атмосферы в классе, так ученики понимают, что сидят не просто в классе, а в каком-то другом месте, где происходит история, а сами обучающиеся герои этого приключения. Учитель выступает в роли режиссера, который развивает вовлеченность учеников через перевоплощение и театральную игру.

Обыденные задания можно изменить, создать из учебного процесса интересное путешествие, что поможет развить познавательные способности ученика и перенаправить фокус с заучивания материала на решение проблемы в сюжете, созданном педагогом.

Конец урока представляет собой осмысление пройденного учебного сюжета через «дебрифинг», подход систематизации цикла и закрепления приобретенных знаний через их эмоциональное проживание [7, с. 217].

Концепция Д. Берджеса не является закрытой и непопулярной. Есть исследования, которые соприкасаются с его идеей и у российских педагогов, хотя некоторые элементы все же разнятся.

На занятиях по русскому как иностранному Я. В. Приступа [6, с. 13] рассматривает сторителлинг как способ формирования коммуникативной компетенции. Истории помогают понимать язык в контексте, но акцент тут сделан на пассивном слушании, без элементов приключения и геймификации.

Д. Берджес использует живую театральность, смены ролей, личную заинтересованность учителя (Е - Enthusiasm), а Я.А. Макакенко – баллы и уровневую мотивационную систему. В сочетании они выглядят особенно привлекательно в условиях ФГОС. Методика Приступа дает языковой фундамент, геймификация Макакенко - мотивационную систему, приключенческий формат Берджесса – эмоциональное волнение.

Методика разработана специально для российского образования, которое, несмотря на глобализацию, по-прежнему нацелено на коллективные формы обучения и придерживается единого ФГОС.

Нормативные предписания по урочной организации препятствуют импровизациям. Используемые в методике нарративные элементы должны быть адаптированы в соответствии с российским культурным и национальным контекстом.

ФГОС ООО предусматривает ориентацию обучения иностранному языку на развитие коммуникативной компетенции (умение общаться в устной и письменной форме).

Применяемый в методиках приключенческий формат обеспечивает именно развитие коммуникативной компетенции, поскольку ученик в процессе игры не запоминает правила языка, а применяет язык для выполнения конкретной задачи, согласно ФГОС: деятельностный характер обучения и развитие универсальных учебных действий (планирование, сотрудничество, работа с информацией).

Пример 1. Дети 7-10 лет. «Пиратская охота за сокровищами»

Завязка (5 мин): учитель в пиратской шляпе создаёт проблемную ситуацию: «Мы пираты, охотящиеся за сокровищами в Англии!»

Задания: команды ищут карту, выполняя задания на лексику (цвета, предлоги) и диалоги («Где сокровище? - Оно за дверью!»).

Погружение: реквизит (бумажные монеты), песня.

Заключение: «сокровище» - наклейки. Рефлексия: «Какие слова вы использовали?»

Результат: высокий уровень вовлечённости, активное использование новой лексики в речи.

Пример 2. Подростки 11-14 лет. «Тайна старого особняка» (Present Simple vs Present Continuous)

Сюжет: ученики - детективное агентство, расследующее странные события в старом особняке. Нужно разделить: что происходит прямо сейчас (Present Continuous) и что происходит вообще / обычно (Present Simple).

Завязка (5 мин): видео без звука: хлопающая дверь, шаги, летучая мышь. Учитель шепотом: «Something strange is happening. We are investigating NOW. But first, what USUALLY happens here?»

Задания:

- Станция «Факты» (Present Simple): ученики получают «досье» с описанием обычной жизни дома (The house stands on a hill. The old clock strikes at midnight.)

- Станция «События» (Present Continuous): аудиозапись: «Help! Someone is breaking the window! The dogs are barking!»

- Игра-расследование: учитель показывает картинки, ученики в парах составляют предложения («The cat usually sleeps on the sofa, but today it is hiding under the table!»)

Анализ: обсуждение ошибок - почему одна команда «не нашла улики»? Потому что перепутала факты (обычно) и действия (прямо сейчас).

Результат: длительная (до 20 минут) практика разговорной речи, заметное снижение тревожности при спонтанных высказываниях.

Пример 3. Старшеклассники. «Бизнес-квест в Сибири»

Сюжет: ученики - молодые предприниматели в сибирском городе (Томск, Иркутск, Красноярск). Им нужно создать англоязычную презентацию, чтобы привлечь иностранных туристов на местный фестиваль или природу (озеро Байкал, горы, этно-деревня).

Завязка: учитель показывает фото красивых мест Сибири и говорит: «Local tourism is dying. Foreigners don't know about our region. You are a start-up team. Create an English tour advert to save the local business».

Задания:

- Ролевая игра: турист из Лондона звонит в офис. Ученик-менеджер отвечает на вопросы про цены, погоду, трансфер на фольклорном фестивале («Масленица»).

- Дебаты: «Which is better for tourists: a luxury hotel in the city or a tent near the lake?» (лексика: cheaper, exciting, unforgettable).

· Проект (в паре): создать на Canva постер на английском для тура «One day in Siberia». Включить local food (пельмени, блины), local activity (катание на собачьих упряжках), local legend (сказ о Хозяйке Байкала).

Рефлексия: «Would you buy your own tour? What did you learn about your region?»

Результат: улучшение беглости речи, высокий уровень запоминания лексики благодаря эмоциональной вовлечённости.

На основе проведённого анализа можно сделать следующие выводы.

Концепция «обучение как приключение» Дэйва Берджеса представляет собой системную трансформацию педагогического процесса, интегрирующую энтузиазм преподавателя, нарративные структуры и интерактивные методы.

Трансформация пассивного усвоения материала в динамичное исследование с элементами игры и сторителлинга позволяет учащимся стать активными соавторами образовательного нарратива.

Концепция Берджеса не требует изменения учебных программ, но предполагает изменение роли учителя - от контролёра к организатору языковых путешествий. Ученик становится активным участником образовательного процесса, а не пассивным получателем информации.

Таким образом, из анализа следует, что приключенческий формат обучения способствует повышению мотивации и снижению страха ошибки при изучении английского языка в школе.

Список литературы

1. Багрецова, Н.В. Сторителлинг в обучении иностранному языку: ключевые аспекты // Педагогика и психология образования. – 2020. – № 2. – С. 25–38.
2. Банарцева, А.В. Методика проектной работы на уроках английского языка // Альманах современной науки и образования. – 2013. – № 3. – С. 28–30.
3. Бугакова, Л.В., Преображенский, А.П. О проблемах мотивации студентов к изучению иностранных языков // Вестник Воронежского института высоких технологий. – 2025. – № 1. – С. 1–7.
4. Гаффаров, В.Р. Педагогические условия формирования учебной мотивации у младших школьников // VII SON. – 2025. – С. 218–221.
5. Макакенко, Я.А. Геймификация и нарративные практики в современном образовании // Koinon. – 2022. – № 3. – С. 88–97.
6. Приступа, Я.В. Storytelling как способ формирования коммуникативной компетенции на занятиях по русскому как иностранному // 59-я научная конференция аспирантов, магистрантов и студентов БГУИР. – Минск, 2023. – С. 13–14.
7. Черкес, Т.В. Возможности летней школы как интенсивного курса обучения РКИ: из опыта работы // Методика преподавания иностранных языков: традиции и инновации. – Курск, 2016. – С. 216–218.
8. Берджес, Д. Обучение как приключение: как сделать уроки интересными и увлекательными. – Москва : Альпина Паблишер, 2016. – 240 с.

МЕДИАОБРАЗ РОССИЙСКОГО МУЗЕЯ В ОБЩЕФЕДЕРАЛЬНЫХ СМИ

Распопова Светлана Сергеевна¹,
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой журналистики,
e-mail: s.raspopova@mti.ru
ORCID:0000-0003-4169-7361

Бобровская Надежда Александровна¹,
студент,
e-mail: Bobrovskaan029@gmail.com

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

В статье автор указывает актуальность темы исследования, связанной с необходимостью научного осмысления того, как российские музеи репрезентируются в информационном поле в условиях стремительной цифровизации и технологического развития. Автор проводит анализ определений ряда ученых, на основе этого анализа формулирует авторское определение понятия медиаобраз и музей. Производит анализ материалов трех ведущих общенациональных СМИ, на основе которых выявляют медиаобразы российского музея, формируемые средствами массовой информации.

Ключевые слова: медиаобраз, музей, федеральные СМИ, контент-анализ, репрезентация, информационное поле.

THE MEDIA IMAGE OF THE RUSSIAN MUSEUM IN THE FEDERAL MEDIA

Raspopova Svetlana Sergeevna¹,
Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Journalism,
e-mail: s.raspopova@mmu.ru
ORCID:0000-0003-4169-7361

Bobrovskaya Nadezhda Aleksandrovna¹,
student,
e-mail: Bobrovskaan029@gmail.com

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

In the article, the author points out the relevance of the research topic related to the need for a scientific understanding of how Russian museums are represented in the information field in the context of rapid digitalization and technological development. The author analyzes the definitions of a number of scientists, on the basis of this analysis formulates the author's definition of the concept of media image and museum. Analyzes the materials of three leading federal media outlets, on the basis of which they identify the media images of the Russian museum formed by the mass media.

Keywords: media image, museum, federal media, content analysis, representation, information field.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью научного осмысления того, как российские музеи репрезентируются в информационном поле в условиях стремительной цифровизации и технологического развития. Сегодня музей перестаёт быть исключительно хранилищем артефактов и памятником прошлому. Благодаря внедрению мультимедийных, иммерсивных и ин-

терактивных технологий он превращается в живое пространство сопричастности, где история становится переживаемым опытом, а доступ к знаниям многократно расширяется. В связи с этим возникает потребность в системном анализе механизмов формирования целостного образа российской музея в медиапространстве, где музей выступает одним из ключевых смысловых узлов.

В центре исследования находится следующий вопрос: как создаётся медиаобраз российского музея в повестке общефедеральных СМИ и какие цели – патриотическое воспитание, демонстрация инноваций или обеспечение культурной доступности – лежат в основе этой репрезентации.

Цель работы – выявить специфику формирования медиаобраза российских музеев на примере трёх ведущих общефедеральных изданий: «Российская газета», «Известия» и «Ведомости». Нас интересует, какими средствами, нарративами и акцентами СМИ конструируют этот образ и какие ценностные ориентиры при этом транслируют.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют труды отечественных учёных, изучающих медиарепрезентацию культурных институтов. Мы опираемся на работы Т.Н. Галинской, Д.Э. Горбаль, Богдан Е. Н., и других авторов. Эти подходы показывают, что музей – это не просто хранилище старых вещей, а нечто живое, что постоянно меняется. Его образ создается тем, как о нем пишут в газетах и журналах: какие темы выбирают, как их преподносят и какие смыслы вкладывают.

Эмпирическая часть исследования организована следующим образом. В качестве объекта анализа выбраны материалы трёх общефедеральных газет – «Российская газета», «Известия» и «Ведомости». Временные рамки исследования охватывают трёхмесячный период: с 1 марта по 31 мая 2025 года. Сбор материала осуществлялся методом контент-анализа, статьи отбирались по ключевым словам: «музей, выставка, экспозиция» с последующей систематизацией, качественной интерпретацией и обобщением результатов.

Для достижения поставленной цели используется комплекс методов:

- анализ литературы – для уточнения понятийного аппарата, в частности определений «медиаобраз» и «музей в цифровую эпоху»;
- контент-анализ – для выявления частотности, тематической структуры и тональности публикаций о музейной деятельности;
- типологизация – для классификации выявленных медиаобразов по доминирующим нарративным моделям (инновационный, просветительский, патриотический, социально-ориентированный и др.);
- индукция – для перехода от частных эмпирических данных к общим теоретическим выводам о стратегиях медиарепрезентации.

В ходе исследования мы планируем ответить на вопрос, какой именно образ музея доминирует в федеральной повестке: является ли он прежде всего площадкой технологического прогресса, инструментом формирования гражданской идентичности или пространством равного доступа к культуре. Полученные результаты позволят не только описать текущие медиатренды, но и предложить рекомендации по оптимизации коммуникационных стратегий музейных институций, а также развитию музейной журналистики.

Структура исследования состоит из теоретической части, в которой даются ключевые понятия работы такие как медиаобраз, музей и практической части, в которой проведен контент-анализ для формирования выводов работы и списка используемой литературы.

О самом термине медиаобраз пока не так много исследований, но первый кто заговорил о нем была Е.Н. Богдан. Так в работе автор дает следующее понятие слова «медиаобраз» – «особый образ реальности, предъявляемый массовой аудитории медиаиндустрией». [1]

В виду наличия разных трактовок понятия медиаобраза в современных научных работах нужно провести анализ мнений разных исследователей данного вопроса и на основе собранного материала сформировать свое видение понятия медиаобраз.

Д.Э. Горбаль дает следующие определение понятию медиаобраз – «виртуальный образ реальности, обособленный совокупностью своих отличительных черт и условий, который возникает в общественном сознании благодаря материалам СМИ и других объективных и субъективных источников информации». [2, с. 73]

В свою очередь Т. Н. Галинская понятие «медиаобраз» в своей статье рассматривает в узком и широком смыслах. В узком понимании автора медиаобраз «это фрагменты реальности, описанные в текстах только профессиональных журналистов, отражающих их мировоззрение, ценностные ориентации, политические предпочтения, а также психологические качества». [3, с. 91]

В широком смысле Т.Н. Галинская понимает слово медиаобраз как «образ реальности, конструируемый во всех текстах, созданных в медиaprостранстве (профессиональными журналистами, блоггерами, интернет-пользователями и т.д.)». [Там же]

Исходя из вышеизложенных определений, мы теперь можем сформулировать в нашем понимании что такое медиаобраз. Это представление о каком-либо объекте, материальном или нематериальном, которое формируется у каждого человека через средства массовой информации или любого другого стороннего источника информации, например, в сети Интернет или социальных сетях.

После того как медийный образ сформировался у пользователей, аудитории объекта, он может быть еще в последствии изменен. Поскольку человеку свойственно менять свое мнение в виду различных жизненных факторов. Из-за этого сформированный медиаобраз может просуществовать энное количество времени в обществе, что может привести к нестабильному существованию. Все зависит от того, насколько активно люди ищут информацию об объекте и как быстро закончат ее искать.

Перед тем как давать определения понятия музей из научных статей мы обратились к тому как сам Международный совет музеев определяет слово музей.

«Музей – это некоммерческое учреждение, постоянно действующее в интересах общества, которое занимается исследованием, сбором, сохранением, интерпретацией и экспонированием материального и нематериального наследия. Открытые для публики, доступные и инклюзивные музеи способствуют развитию многообразия и устойчивого развития. Они работают и взаимодействуют с обществом этично, профессионально и при участии местных сообществ, предлагая разнообразные возможности для обучения, развлечения, размышлений и обмена знаниями». [4]

Помимо этого, например, А. С Котлярова дает следующие определение музею «это учреждения, которые собирают, охраняют и делают доступными артефакты и образцы, которые они хранят в доверительном управлении для общества». [5]

Т.Н. Третьякова дает схожее определение тому что такое музей «Музей – (лат. museum от гр. museion – храм муз), культурная форма, исторически выработанная человечеством для сохранения, актуализации и трансляции последующим поколениям наиболее ценной части культурного и природного наследия». [6, с. 311]

В статье «Музей как феномен культуры» владимирской областной научной библиотеки дается следующее на первый взгляд простое, но точное на наш взгляд определение тому что такое музей. «Музей – то место, где человек встречается не только с прекрасными произведениями искусства, но прежде всего с историей». [7]

Так можно сделать вывод что музей на наш взгляд – это учреждение, которое хранит и пополняет коллекцию истории, экспонирует ее и несет познавательно-образовательную функцию в целях сделать культуру доступной каждому, кто ей интересуется.

Для проведения данного анализа были проанализированы три общедоступные газеты (это издания, которые распространяются по всей территории России) – Российская газета, Известия, Ведомости. Анализ производился в период с 1.03.25 по 31.05.25 года. Сбор материала осуществлялся методом контент-анализа, статьи отбирались по ключевым словам: «музей, выставка, экспозиция».

«Российская газета». В анализируемый период по ключевым заданным словам всего нашлось 113 материалов.

Больше всего в материалах упоминались следующие музеи: «Музей Победы», «Государственный Эрмитаж», «ГМИИ им. А. С. Пушкина», «Русский музей» и «Третьяковская галерея», вкратце, то все самые крупные музеи России.

Как же «Российская газета» формирует медиаобраз российского музея?

На основе контент-анализа и теоретических знаний, мы выделили следующие медиаобразы:

1. Музей как пространство памяти и патриотического воспитания, как институт национальной идентичности. Данное СМИ в этот промежуток времени с 01.03.25 по 31.05.25 делает акцент на выставках, приуроченных к 80-летию Победы, освещает выставки, связанные с государственными праздниками и юбилеями. Например, статья за 05.05.25 *«Мэр Собянин и министр культуры Любимова открыли экспозицию «Путь к Победе» в Музее Победы на Поклонной горе»*, статья от 14.04.25 *«Солдаты и маршалы Победы встретились на выставке в Музее современной истории»*, статья за 26.04.25 *«В «Остафьево» открылась выставка к 80-летию Победы «На страже закона»»*, статья за 19.03.25 *«В Екатеринбурге открылась выставка художников - участников Великой Отечественной»*, статья от 11.03.25 *«ГМИИ им. Пушкина показывает выставку к 100-летию своей Картинной галереи»*, статья за 18.03.25 *«В Доме русского зарубежья открылась выставка к 150-летию Евгения Лансер»* и другие.

2. Музей как культурный бренд и центр притяжения. Газета осветила международное сотрудничество и проекты в сфере культуры, а именно, освещение выставок в рамках года культуры, сотрудничества России и Китая. Например, статья за 12.04.25 *«В Музеях Московского Кремля проходит выставка о гастрономии Древнего Китая»*, статья от 28.03.25 *«Как Российский этнографический музей сотрудничает с Китаем»*.

Подводя промежуточный результат «Российская газета» формирует медиаобраз музея как института национальной памяти, как патриотическое воспитание массы, которое соответствует повестке дня и ориентируется на широкую аудиторию.

«Ведомости». В анализируемый период по ключевым заданным словам всего нашлось 50 материалов.

Поскольку газета «Ведомости» – это деловая газета, то новости будут здесь соответствующими. По сравнению с Российской газетой, в материалах Ведомостей не преобладают упоминания о государственных музеях. Наоборот, в силу того, что это деловая газета, данное СМИ представляет музей как:

1. Место для совместного проведения выставок, коллаборации, партнёрские отношения между крупными компаниями и музеями. Например, статья от 19.05.25 «ОТП Банк вступает в диалог с искусством», статья за 21.05.25 «При поддержке «Роснефти» в Нижневартовске открылся музейный комплекс «Дорогами подвига: Берлин – Соматлор», статья от 29.04.25 ««Роснефть» провела для школьников Тулуна патриотическую акцию, посвященную 80-летию Великой Победы», статья за 24.04.25 «К 80-летию Победы: Гознак показывает боевые и трудовые награды XX века», статья от 07.03.25 ««РН-Няганьнефтегаз» презентует уникальную выставку кукол» и подобные статьи.

Конечно, основной упор ставится на то что музей это место для совместного проведения выставок и прочее. Но так как в рамки исследования входит такой праздник как День Победы, то и в газете Ведомости эта тема тоже подсвечена, но через призму партнерских взаимоотношений между компаниями и музеями, например, статья за 24.04.25 «К 80-летию Победы: Гознак показывает боевые и трудовые награды XX века», статья от 30.04.25 «Творческие работы сотрудников «Роснефти» и их детей представлены на выставке ко Дню Победы на ВДНХ», статья от 07.05.25 «Творческая выставка в Саратове: Великой Победе посвящается».

При анализе материалов мы выявили еще один образ музея, который формирует газета «Ведомости»:

2. Музей как современное пространство. Данное СМИ освещает не только известные, крупные государственные музеи, но и другие малоизвестные музеи. В связи с этим расширяется круг освещения в СМИ о культуре и соответственно освещают больше современных экспозиций. Так, например, статья за 27.05.25 «Вера Подгузова приняла участие в открытии Музея вышитой карты России в Чебоксарах», статья от 27.03.25 ««Метриум»: Искусство становится ближе – самые интересные арт-объекты в новостройках Москвы», статья за 18.04.25 «Тренд – неосюрреализм, или чем запомнилась дизайн-выставка Maison & Objet 2025», статья от 02.05.25 «7 выставок-блокбастеров, ради которых стоит отправиться в путешествие».

Подводя промежуточный результат, можно сказать следующие. В силу того, что это деловая газета, то и материалы будут отличаться от той же Российской газеты, потому что одна рассчитана на массового читателя, а другая уже на людей, которые связаны с бизнесом, предпринимательством. Данное СМИ формирует медиаобраз музея в обществе таким образом, что музей является местом, в котором можно организовать совместную экспозицию на ту или иную тематику. А также для данного СМИ музей перестает быть просто хранилищем ценностей и артефактов, для них он не стоит на месте и развивается, становясь технологичней и современной.

Третье СМИ, которое мы проанализировали это общественно-политическая и деловая газета «Известия». В анализируемый период по ключевым заданным словам всего найдено 66 материалов.

Так, исходя из контент-анализа мы выявили следующие медиаобразы газеты «Известия»:

1. Музей как пространство памяти и патриотического воспитания, как институт национальной идентичности. Данное СМИ в этот промежуток времени с 01.03.25 по 31.05.25 тоже делает акцент на выставках, приуроченных к 80-летию Победы. Например, статья от 05.05.25 «Выставка военных фотографий МИЦ «Известия» открылась к годовщине Великой Победы», статья от 23.04.25 «Новый сезон проекта «Парк Победы. Главный патриотический» стартует на Поклонной горе», статья за 16.04.25 «Главный выставочный проект к 80-летию Великой Победы откроется в Историческом музее» и подобные статьи.

2. Музей как современное пространство. Еще один образ который формирует газета «Известия». Помимо анонсов о выставках традиционного искусства, газета освещает выставки о совре-

менном искусстве. Так, например, статья от 28.04.25 «Классная работа: Юра Борисов на «Уроке», Германика на «Арт Москве»». В этой статье упоминается о прошедших выставках недели как классического искусства, так и современного. Также статья от 31.03.25 «МИЦ «Известия» запустил виртуальный интерактивный музей «Великая Победа»», статья за 18.03.25 «Открыли в космосе: экспозицию в честь Леонова показали на орбите», статья за 03.05.25 «Поезд Победы прибыл на Сахалин».

3. Музей как учреждение массового культурного потребления. Музеи расширяются и становятся доступными каждому в каждом уголке России. Например, статья от 20.04.25 «Лучшие мы к ним: зачем туристу ехать в Коголым», статья от 03.05.25 «Поезд Победы прибыл на Сахалин», статья за 26.04.25 «Первый в истории филиал Политехнического музея открылся в Великом Новгороде».

Подводя промежуточный результат можно сказать, что данное СМИ формирует медиаобраз музея как место памяти и продвижения русской традиции, но несмотря на это представляет музей как современное пространство, которое можно посетить либо в виртуальном мире, либо там, где это малодоступно. Тем самым СМИ еще выдвигает образ музея как доступное каждому человеку учреждение.

Если делать общий вывод, то мы проанализировали два СМИ, рассчитанных на массового читателя это «Российская газета» и «Известия», а «Ведомости» является деловой газетой. Конечно, между материалами данных трех СМИ есть общий медиаобраз это пространство памяти и патриотического воспитания, только газета Ведомости формирует этот образ с точки зрения еще и партнёрства между крупными компаниями и музеями. Известия и Ведомости, считают, что музей это уже гораздо больше, чем историческая память, а современное пространство, в котором уместны новые технологии.

Список литературы

1. Богдан, Е.Н., Медиаобраз России как средство консолидации общества: структурно-функциональные характеристики : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.10 / Богдан Елена Николаевна; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. – Москва, 2007. – 224 с. : ил. – Текст непосредственный.
2. Горбаль, Д.Э. Современные подходы к феномену медиаобраза // Наука и образование сегодня. 2020. - №11 (58). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-podhody-k-fenomenу-mediaobraza>. (дата обращения 23.06.2026).
3. Галинская, Т.Н. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике // Вестник ОГУ. - 2013. - №11 (160). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-mediaobraza-i-problema-ego-rekonstruktsii-v-sovremennoy-lingvistike> (дата обращения 23.06.2026).
4. Официальный сайт Международного совета музеев – URL: <https://icom.museum/en/resources/standards-guidelines/museum-definition/>. (дата обращения 23.06.2026).
5. Котлярова, А.С. Музей как феномен культуры / А. С. Котлярова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2022. – № 2 (397). – С. 363-365. – URL: <https://moluch.ru/archive/397/87922> (дата обращения 23.06.2026).
6. Третьякова, Т.Н. Музееведение: Учебное пособие. Часть 2. – Челябинск: УралГУФК, 2011. – 316 с.
7. Официальный сайт Владимирской областной научной библиотеки// Музей как феномен культуры // – URL: <https://library.vladimir.ru/news/muzej-kak-fenomen-kultury.html> (дата обращения 17.05.2026).

УДК 778.534.4

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ КИНО КАК ИНСТРУМЕНТ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ЛИТЕРАТУРЫ

Распопова Светлана Сергеевна¹,
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой журналистики,
e-mail: cspmiass@mail.ru
ORCID:0000-0003-4169-7361

Саламов Султан Уматалиевич²,
магистрант,
e-mail: da.bliiin@yandex.ru

¹*АНОVO МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия*

²*Московский политехнический университет, Москва, Россия*

В статье рассматривается документальное кино как инструмент популяризации литературы в современной медиакультуре. Цель исследования заключается в выявлении способов, с помощью которых экранная документалистика формирует интерес зрителя к литературному наследию, личности писателя, истории создания произведений и практике чтения.

Ключевые слова: документальное кино; популяризация литературы; литературное наследие; аудиовизуальная культура; культурная память.

DOCUMENTARY CINEMA AS A MEANS OF PROMOTING LITERATURE

Raspopova Svetlana Sergeevna¹,
Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Journalism,
e-mail: cspmiass@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4169-7361

Salamov Sultan Umatalievich²,
Master's student,
e-mail: da.bliiin@yandex.ru

¹*ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia,*

²*Moscow Polytechnic University, Moscow, Russia*

The article examines documentary film as a tool for popularizing literature in contemporary media culture. The aim of the study is to identify the ways in which screen documentary filmmaking fosters the audience's interest in literary heritage, the writer's personality, the history of works' creation, and reading practices.

Keywords: documentary film; popularization of literature; literary heritage; audiovisual culture; cultural memory.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях современной медиакультуры проблема популяризации литературы приобретает особую актуальность. Если ранее книга являлась преимущественно самостоятельным источником интеллектуального и нравственного опыта, то сегодня она всё чаще включается может быть представлена через кино, телевидение, интернет-платформы, социальные сети, подкасты, видеолекции и другие форматы массовой коммуникации.

Одним из новых форматов получения информации о книгах стали документальные фильмы. «Документальный фильм – это отделение кинопроизводства, которое анализирует, фотографирует (сохраняет), редактирует и формирует реальность» - пишет в своей статье Е.А. Девликамова [1, с. 102, 2019]. Д.Н. Семибратов в то же время пишет, что документальное кино – это вид киноискусства, материалом для которого являются съемки подлинных событий [5, с. 3, 2018]. В.В. Смирнова в своей статье говорит, что документальное кино (*документальный* – основанных на документах и фактах) – род кинематографа снимающий и показывающий реальных людей в окружении реального мира, либо сам этот мир с его событиями и явлениями [5, с. 1, 2019]. Изменение способов получения информации, в том числе изменение читательских привычек, которое связано с развитием цифровых платформ и визуальных форм коммуникации существенно влияют на то, как аудитория взаимодействует с художественным текстом, биографиями писателей, литературным наследием и культурной памятью в целом.

При этом падения спроса на книги, как первоисточники информации, не всегда означает конец «читательской» эпохи. Наоборот, возникновение новых форматов потребления информации, в том числе литературы, позволяет продвигать печатный текст в массы. Благодаря экранизации великих литературных произведений, документальных фильмам о популярных писателях и об истории литературы, достигается эффект массовости, которая комбинируется с долгосрочностью восприятия, периодичностью и цикличностью, о чем говорил А.В. Степанян [5, с. 45, 2018].

Однако, В.Ф. Познин [3, с. 43, 2016] писал: что «аудитория у документального кино не может быть массовой», но сразу отметил, что «фильм с интересной темой, выразительно снятый, показывающий самобытных людей, поднимающий острые проблемы, способен вызвать интерес у многих зрителей».

Документальные фильмы достигают массовой аудитории разными способами. Для более точного и полного анализа, рассмотрим документальные фильмы, которые вещали по *ТВ каналам*, на *большом экране* (кинотеатр) и фильмы, которые размещены на *цифровых площадках*. Документальное кино может по-разному восприниматься в зависимости от того, где оно демонстрируется: на телевидении, в кинотеатре или на цифровой платформе.

В рамках данной статьи подробнее остановимся на трёх документальных кинокартинах разных моделей: «Булгаков. Этот мир – мой!» как пример кинотеатральной модели; «Настоящий XX век» как пример телевизионной модели и «Знаковые места русской литературы» как пример цифровой модели.

1. Документальное кино как медиатор между литературой и массовой аудиторией

Документальное кино возникло в 1895 году вместе с зарождением кинематографа, и многие исследователи уже занимались опубликовали свои труды, где выявлены характеристики, виды и особенности документалистики. Например, Д.Н. Семибратов выделяет различные виды документального кинематографа: кинохроника, киножурнал, фильмы военных лет, кинопортрет, историко-биографические, историко-поэтические, музыкальные, публицистические и т.д. [5, с. 4, 2018]. Вместе с этим А.В. Степанян выделяет еще два вида документального кино: авторское и телевизионное. Он отмечает, что авторскому документальному кино свойственен многослойный язык, представляющий собой сложно сконструированную систему звуко-зрительных средств выразительности, знаков, образов, кодов, монтажа и семантических взаимосвязей между ними. Телеязык же более прост и доступен и включает в себя элемент комментария [7, с. 88, 2016]. Документальное кино не-

посредственно о литературе занимает промежуточное положение между научно-просветительским высказыванием, художественной интерпретацией и медиапродуктом, рассчитанным на зрительское восприятие. Его задача заключается не только в передаче сведений о писателе или произведении, но и в создании особого способа контакта аудитории с литературным наследием.

В отличие от академического литературоведческого текста, документальный фильм действует через совокупность визуальных и звуковых средств: изображение, монтаж, музыку, голос рассказчика, интервью, архивные документы, хронику, реконструкцию, съёмку реальных мест [2, с. 5, 2019]. Благодаря этому литература становится не только объектом рационального анализа, но и предметом эмоционального переживания.

За время своего существования документальное кино пережило три основных периода. Вначале оно было новшеством, затем превратилось в средство развлечений, а на последнем, третьем этапе, документалистика стала инструментом, с помощью которого выполняется тысяча важных работ [6, с 5, 1972]. Популяризация литературы относится к одной из тысячи работ, которые в наше время выполняет документальное кино.

Таким образом, документальное кино о литературе следует рассматривать как самостоятельную форму медиатизации литературного наследия. Оно не заменяет чтение, но посредством просмотра документальных кинокартин стимулируется интерес к литературе, формируется предварительное знание, расширяется культурный контекст и актуализируются литературные произведения и исторические фигуры для новых аудиторий.

2. Кинотеатральная модель: фильм «Булгаков. Этот мир – мой!»

Кинотеатральная модель документального кино предполагает особый режим зрительского восприятия. В отличие от телевидения или цифрового просмотра, кинозал требует сосредоточенного внимания, коллективного присутствия и временной включённости в завершённое произведение. Поэтому документальный фильм, выходящий на большой экран, приобретает не только информационный, но и событийный статус.

Показательным примером является документальный фильм Светланы Астрецовой «Булгаков. Этот мир – мой!». В карточках фильма указано, что картина создана в России в 2023 году. Режиссёром и сценаристом является Светлана Астрецова, жанр определяется как документальный, биографический и исторический, а российский прокат начался 15 мая 2023 года. Документальная природа картины подтверждается использованием ряда выразительных и доказательных приёмов. Автор включает в повествование реальные фотографии Булгакова, его родственников и современников, обращается к архивным документам, письмам, рукописям и визуальным свидетельствам эпохи. Помимо этого, выстраивает повествование вокруг съёмок в подлинных местах, связанных с биографией писателя. Это – городские пространства, дома, интерьеры и культурные локации, сохраняющие память о жизни и творчестве писателя. Важную роль играет закадровое чтение фрагментов произведений Булгакова. Благодаря которому художественный текст становится не иллюстрацией, а самостоятельным способом раскрытия авторского мировидения. Кроме того, фильм использует монтажное сопоставление прошлого и настоящего. Архивные изображения и современные съёмки вступают в диалог, создавая эффект исторической преемственности. В результате, документальность картины формируется не только за счёт обращения к фактическому материалу, но и через особую структуру экранного высказывания. Где биография Булгакова, его литературное наследие и реальные места памяти соединяются в целостный визуально-публицистический образ.

Обращение к фигуре Михаила Булгакова обладает очевидным популяризаторским потенциалом. Булгаков является одним из наиболее узнаваемых авторов русской литературы XX века. А его творчество связано не только с прозой, но и с театром, драматургией, сценической культурой. Фильм акцентирует внимание именно на Булгакове-драматурге, что позволяет рассматривать писателя не только как автора «Мастера и Маргариты», но и как художника. Художника, чьё творчество сформировалось в тесной связи со сценой.

Сюжет фильма основан на воспоминаниях, мемуарах, письмах самого Булгакова и его окружения, показанных через призму театра. В фильме поднимаются вопросы о природе «театра Булгакова», причинах устойчивого интереса режиссёров к его пьесам и влиянии писателя на последующие поколения драматургов.

Такой подход позволяет избежать простого пересказа биографии. Булгаков представлен не как неподвижная фигура литературного канона, а как художник, находящийся в постоянном диалоге с театром, зрителем, актёром, режиссёром и исторической эпохой. В результате фильм выполняет не только информационную, но и интерпретационную функцию: он предлагает зрителю определённый способ понимания писателя через театральность его художественного мира.

Вместе с тем кинотеатральная модель имеет ограниченный массовый охват. По данным «Бюллетеня кинопрокатчика», в уикенд 18–21 мая 2023 года фильм «Булгаков. Этот мир – мой!» стартовал на 20 экранах и собрал 46 970 рублей при 218 зрителях¹. Эти показатели свидетельствуют о нишевом характере проката, однако не отменяют культурной значимости самого факта выхода документального фильма о писателе на большой экран.

Следовательно, популяризаторская функция кинотеатрального документального фильма определяется не только количественными показателями аудитории. Его значение связано с символическим статусом показа, художественной завершёностью экранного высказывания и возможностью представить литературную тему как предмет общественного культурного внимания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Документальное кино в современной медиакультуре выступает важным инструментом популяризации литературы. Его значение определяется способностью переводить литературное знание в аудиовизуальную форму, соединять фактическую информацию с эмоциональным воздействием и формировать у зрителя интерес к писателям, произведениям и литературным эпохам. Документальное кино не заменяет чтение художественной литературы, но выполняет функцию культурного посредника между текстом и аудиторией. Оно пробуждает интерес к произведениям, делает биографии писателей более близкими, визуализирует литературную историю и способствует сохранению культурной памяти. Именно в этом заключается его значение как инструмента популяризации литературы в современной медиасреде.

Список литературы

1. Девликамова, Э.А. Документальное кино, концепция жанра // Культурная жизнь юга России. – 2019. – № 2 (73). – С. 102–104. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dokumentalnyy-film-kontseptsiya-zhanra> (дата обращения: 23.07.2026). – Текст : электронный.
2. Звонарева, М.С. Документальное кино как исторический источник: особенности анализа и интерпретации // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. – 2019. – № 3. – С. 98–107. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dokumentalnoe-kino-kak-istoricheskiy-istochnik-osobennosti-analiza-i-interpretatsii/viewer> (дата обращения: 23.07.2026). – Текст : электронный.

¹ «Бюллетень кинопрокатчика» - 2023 URL: kinometro.ru (Дата обращения 23.07.2026) – Текст : электронный.

3. Познин, В.Ф. Время в экранной документалистике // Медиаскоп : электронный научный журнал. – 2017. – № 2. – URL: <http://www.mediascope.ru/2305> (дата обращения: 23.07.2026). – Текст : электронный.
4. Смирнова, В.В. Документальное кино в системе массовой коммуникации: источник формирования знаний и представлений у аудитории // Коммуникалогия : электронный научный журнал. – 2019. – Т. 4, № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dokumentalnoe-kino-v-sisteme-massovoy-kommunikatsii-istochnik-formirovaniya-znaniy-i-predstavleniy-u-auditorii/viewer> (дата обращения: 23.07.2026). – Текст : электронный.
5. Семибратов, Д.Н. Документальное кино: основные подходы и методы изучения // Культурная жизнь юга России. – 2018. – № 1 (68). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dokumentalnoe-kino-osnovnye-podhody-i-metody-izucheniya/viewer> (дата обращения: 23.07.2026). – Текст : электронный.
6. Степанян, А.В. Особенности авторского и телевизионного документального кино // Филологические науки. Вопросы теории и практики (Грамota). – 2018. – № 2 (80), ч. 1. – С. 44–46. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-avtorskogo-i-televizionnogo-dokumentalnogo-kino> (дата обращения: 23.07.2026). – Текст : электронный.
7. «Булгаков» // Открытая киностудия «Лендок» : [сайт]. – URL: <https://www.lendocstudio.com/movies/bulgakov> (дата обращения: [не указана]). – Текст : электронный.
8. «Булгаков. Этот мир – мой!» // Cinemaplex : [сайт]. – URL: <https://cinemaplex.ru/kompanii/relizy/bulgakov-etot-mir-moj> (дата обращения: [не указана]). – Текст : электронный.
9. «Этот мир – мой!» : на киностудии «Лендок» состоится премьера масштабного фильма о Михаиле Булгакове // TV Mag : [сайт]. – 2023. – 11 мая. – URL: <https://tvmag.ru/article/canals/2023-05-11-na-kinostudii-lendok-proydet-premera-masshtabnogo-filma-bulgakov-etot-mir-moy> (дата обращения: [не указана]). – Текст : электронный.
10. Кассовые сборы. Уикенд России № 21. 18.05.2023–21.05.2023 // Бюллетень кинопрокатчика : [сайт]. – URL: <https://www.kinometro.ru/box/show/week/21/region/ruonly/year/2023> (дата обращения: [не указана]). – Текст : электронный.
11. «Настоящий XX век» // Телеканал «Время» : [сайт]. – URL: <https://www.vremya.tv/announce/15531> (дата обращения: [не указана]). – Текст : электронный.
12. «Знаковые места русской литературы» // Kinoafisha : [сайт]. – URL: <https://www.kinoafisha.info/series/9335/> (дата обращения: [не указана]). – Текст : электронный.
13. «Докшоу «Знаковые места» расследовало феномен болдинской осени Пушкина» // Lenta.ru : [сайт]. – 2022. – 31 октября. – URL: <https://lenta.ru/news/2022/10/31/bold/> (дата обращения: [не указана]). – Текст : электронный.

ВЛИЯНИЕ КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЙ В СЕМЬЕ НА РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Решетова Татьяна Яковлевна¹,

доктор психологических наук,

профессор кафедры психологии и педагогики,

e-mail: t.reshetova@mmu.ru; reshetovaty@gmail.com

Богатыренко Галина Андреевна¹,

магистрант

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

В статье представлены результаты исследования влияния кризисных ситуаций в семье на развитие личности ребенка дошкольного возраста. Показаны различия в личностных особенностях детей, переживших кризисную ситуацию, и детей, не переживших кризисную ситуацию. Обобщены особенности эмоциональной сферы и самооценки у детей под влиянием кризисных ситуаций в семье.

Ключевые слова: кризисные ситуации, семья, эмоциональная сфера, самооценка, дошкольный возраст.

THE IMPACT OF FAMILY CRISIS ON THE PERSONALITY DEVELOPMENT OF A PRESCHOOL CHILD

Reshetova Tatyana Yakovlevna¹,

Doctor of Psychological Sciences,

Professor, Department of Psychology and Pedagogy,

e-mail: t.reshetova@mmu.ru; reshetovaty@gmail.com

Bogatyrenko Galina Andreevna¹,

Master's Student

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

This article presents the results of a study examining the impact of family crises on the personality development of preschool-aged children. Differences in personality traits between children who experienced a family crisis and those who did not are demonstrated. The article summarizes the emotional and self-esteem characteristics of children affected by family crises.

Keywords: crisis situations, family, emotional sphere, self-esteem, preschool age, parent-child relationships.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблемы обусловлена уникальной уязвимостью дошкольника в критический период становления личности перед лицом разрушительного воздействия кризисных ситуаций в семье, высокой распространенностью таких ситуаций в современном мире, серьезными последствиями для психического и физического здоровья ребенка. Любые нарушения в семейной микросреде являются предпосылкой для нарушения психического состояния и социальной адаптации ребенка дошкольного возраста, эмоциональных и поведенческих проблем [1, С. 50].

В психологии кризисная ситуация в семье – это состояние острого нарушения стабильности, равновесия и привычного функционирования семейной системы, вызванное внутренними или внешними событиями (стрессорами), с которыми семья не может справиться своими обычными

способами адаптации [2, С. 240]. Ненормативные кризисные ситуации вызваны неожиданными, часто травмирующими событиями, не связанными напрямую с этапами жизненного цикла семьи [3, С. 130].

Кризисные ситуации, обусловленные травмирующими событиями жизни, могут вызывать травматический стресс, проявляющийся как сильная психологическая реакция на обстоятельства, которые разрушают привычные механизмы совладания [5, с. 143]. Согласно Н.В. Рождественской, у детей обычно появляются следующие симптомы травматического стресса: нарушения сна, навязчивые мысли о травматической ситуации, чувство вины, уверенность в том, что травматическая ситуация может повториться, повышенная тревожность, заниженная самооценка, тенденции к регрессивному поведению [4, с. 103].

Цель исследования: провести исследование влияния кризисных ситуаций в семье на развитие личности ребенка дошкольного возраста.

Объект исследования: личностное развитие ребенка дошкольного возраста.

Предмет исследования: влияние кризисных ситуаций в семье на развитие личности ребенка дошкольного возраста.

Гипотеза исследования: предполагается, что существуют различия в личностном развитии детей, переживших кризисную ситуацию, и детей, не переживших кризисную ситуацию:

- для детей, переживших кризисную ситуацию, в большей мере будут характерны чувство неполноценности отношений с родителями, ожидание конфликтности и враждебности в семейных ситуациях, повышенная или высокая тревожность, низкая самооценка, проявление агрессивных форм поведения в отношениях со сверстниками или избегание общения с ними, отрицательная эмоциональная насыщенность процесса взаимодействия с другими;

- у детей, не переживших кризисную ситуацию, будут выявлены более выраженными оптимизм, высокая самооценка, потребность в общении со сверстниками, положительная эмоциональная насыщенность процесса взаимодействия с другими.

Выборку исследования составили 60 детей в возрасте 5-6 лет, из них 30 детей, переживших кризисную ситуацию (развод родителей; утрату члена семьи (папы, бабушки, дедушки), длительный разлад отношений в семье, ссоры и продолжительные конфликты, отвержение ребенка), 30 детей, не переживших кризисную ситуацию.

Результаты исследования

Для реализации цели исследования нами был подобран следующий методический инструментарий:

1. Тест «Кинетический рисунок семьи» (КРС), авторы Р. Бернс, С. Кауфман.
2. Графическая методика «Кактус» (автор: М.А. Панфилова).
3. Методика «Лесенка» (автор: В.Г. Щур).
4. Методика «День рождения» (автор: М.А. Панфилова).
5. Методика «Изучение социальных эмоций» (авторы: Г.А. Урунтаева, Ю.А. Афонькина).

Результаты исследования особенностей эмоциональной сферы у детей, переживших кризисную ситуацию, и детей, не переживших кризисную ситуацию, отражены на рисунке 1.

Результаты исследования, представленные на рисунке 1, показали, что тревожность характерна для 43,4% детей, переживших кризисную ситуацию, и 16,7% детей, не переживших кризисную ситуацию. Они склонны к переносу тревоги и беспокойства, напряженности и нервозности из неблагоприятной семейной ситуации, в различные ситуации взаимодействия со сверстниками.

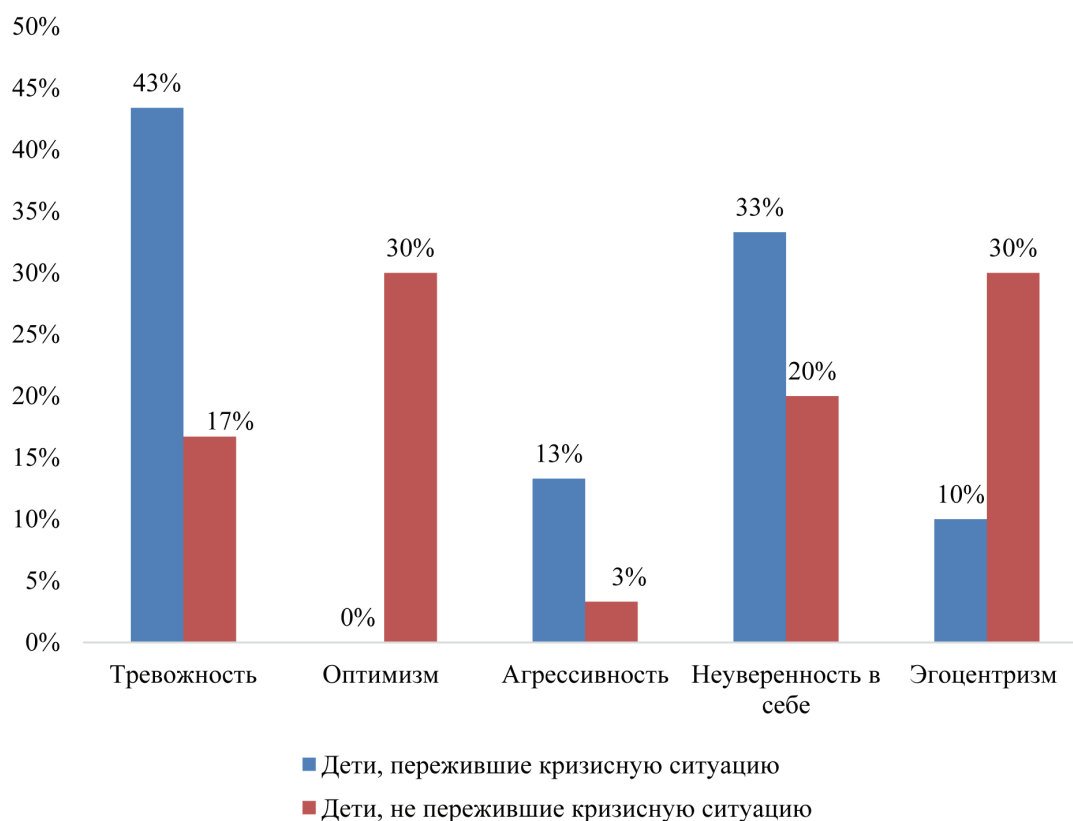

Рис. 1. Показатели особенностей эмоциональной сферы у детей, переживших кризисную ситуацию, и детей, не переживших кризисную ситуацию

Оптимизм выявлен у 30% детей, не переживших кризисную ситуацию. Они находятся в положительном эмоциональном состоянии, ощущают спокойствие и уверенность, позитивные представления о настоящем и будущем.

Агрессивные формы поведения характерны для 13,3% детей, переживших кризисную ситуацию, и у 3,3% детей, не переживших кризисную ситуацию. Для них характерна склонность проявлять формы поведения, направленные на причинение вреда игрушкам или другим детям.

Неуверенность в себе выявлена у 33,3% детей, переживших кризисную ситуацию, и 20% детей, не переживших кризисную ситуацию, что находит отражение в заниженной самооценке, неуверенности в своих силах и способностях, замкнутости, отгороженности от других.

Эгоцентризм выявлен у 10% детей, переживших кризисную ситуацию, и 30% детей, не переживших кризисную ситуацию. Для таких детей характерны ориентация на себя, реализация лидерского потенциала, неспособность понять или принять чужую точку зрения, доминирование.

Таким образом, для большей части детей, переживших кризисную ситуацию, характерна повышенная тревожность, неуверенность в себе и своих способностях, отрицательная эмоциональная насыщенность процесса взаимодействия с другими. Большая часть детей, не переживших кризисную ситуацию, характеризуются оптимизмом и эгоцентризмом, положительными эмоциональными переживаниями.

Результаты исследования самооценки у детей, переживших кризисную ситуацию, и детей, не переживших кризисную ситуацию, представлены на рисунке 2.

Исходя из результатов, представленных на рисунке 2, следует, что неадекватно завышенная самооценка характерна для 13,3% детей, переживших кризисную ситуацию, и 6,7% детей, не переживших кризисную ситуацию. Они не склонны анализировать результаты своих действий и поступ-

ков, не осознают своих недостатков и причин неудач. Завышенной самооценкой обладают 13,3% детей, переживших кризисную ситуацию, и 33,3% детей, не переживших кризисную ситуацию. Они некритично относятся к себе и своим возможностям. Адекватная средняя самооценка выявлена у 20% детей, переживших кризисную ситуацию, и 46,7% детей, не переживших кризисную ситуацию. Дети адекватно осознают свои достоинства и недостатки, имеют положительное отношение к самому себе. Такие дети уверены в себе, уравновешенны, быстро включаются деятельность, активны, легко идут на контакт. Заниженной самооценкой обладают 53,3% детей, переживших кризисную ситуацию, и 13,3% детей, не переживших кризисную ситуацию. Дети с заниженной самооценкой тревожны, не уверены в себе, замкнуты.

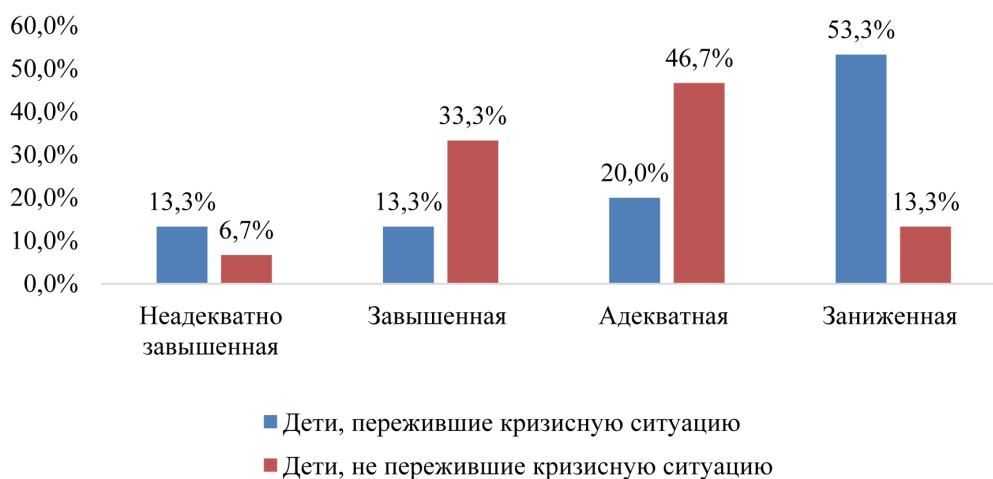

Рис. 2. Уровень самооценки у детей, переживших кризисную ситуацию, и детей, не переживших кризисную ситуацию

Таким образом, большая часть детей, переживших кризисную ситуацию, обладает преимущественно заниженной самооценкой. Для большей части детей, не переживших кризисную ситуацию, характерна адекватная положительная самооценка с ориентацией на оценку окружающих их взрослых.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные результаты свидетельствуют о том, что кризисные ситуации в семье оказывают неблагоприятное влияние на развитие личности ребенка дошкольного возраста. Гипотеза исследования о том, что для большей части детей, переживших кризисную ситуацию, характерна повышенная тревожность, неуверенность в себе и своих способностях, низкая или заниженная самооценка, перенос напряженных и агрессивных форм поведения из семейных конфликтных отношений на отношения со сверстниками, избегание общения. Полученные в исследовании результаты могут быть использованы педагогами-психологами, социальными педагогами, воспитателями с целью профилактики и нивелирования негативного влияния кризисных ситуаций в семье на развитие личности ребенка дошкольного возраста.

Список литературы

1. Алисова, Х.Х. Семья как фактор психологического здоровья детей / Х. Х. Алисова, А. Р. Дидиева // Актуальные проблемы современной семьи. – Грозный: «АЛЕФ», 2021. – С. 49-52. – Текст: непосредственный.
2. Мещерякова, О.С. Кризисные состояния семьи / О.С. Мещерякова // Актуальные вопросы психологического состояния общества как фактора общего благополучия. – Махачкала: ИП Овчинников Михаил Артурович (Типография Алеф), 2021. – С. 238-242. – Текст: непосредственный.

3. *Пытель, И.И.* Особенности семей, оказавшихся в кризисной ситуации / И. И. Пытель // Апгрейд 2030: стратегия развития молодежной среды: Материалы II Международного Форума, Москва, 29–30 октября 2024 года. – Ульяновск: ИП Кеньшенская Виктория Валерьевна (издательство «Зебра»), 2024. – С. 128-131. – Текст: непосредственный.
4. *Рождественская, Н.В.* Роль травмирующего опыта в возникновении нарушений развития ребенка / Н.В. Рождественская // Интеллектуальные ресурсы - региональному развитию. – 2023. – № 1. – С. 101-105. – Текст: непосредственный.
5. *Тихонова, И.В.* Феноменология травматического стресса «нормотипичных» родителей и посттравматическая симптоматика/ И.В. Тихонова // Консультативная психология и психотерапия. – 2024. – Том 32, № 3. – С. 139-161. – Текст: непосредственный.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК УЧАСТНИКОВ ПЕРЕГОВОРОВ С ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ ПРОЦЕССА СЕМЕЙНОЙ МЕДИАЦИИ

Решетова Татьяна Яковлевна¹,

*доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры психологии и педагогики,
e-mail: t.reshetova@mmu.ru; reshetovaty@gmail.com*

Ларина Дарья Юрьевна¹,

*магистрант,
e-mail: D.larina.m2b@gmail.com*

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

В статье рассматривается взаимосвязь индивидуально-психологических характеристик участников переговоров с эффективностью процесса семейной медиации. Семейные конфликты являются наиболее распространенной формой межличностных противоречий по вопросам воспитания детей, нравственных и имущественных разногласий, приводящих к разводам. Поиску эффективных способов урегулирования семейных споров способствует процесс семейной медиации. Цель исследования - выявить взаимосвязь между индивидуально-психологическими характеристиками участников переговоров и эффективностью процесса семейной медиации.

В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на выявление взаимосвязей между уровнем тревожности, агрессивности, стратегиями поведения в конфликте, самооценкой, эмоциональным интеллектом и результативностью медиативного процесса. Выделены факторы риска прекращения процесса семейной медиации и ресурсные факторы успешного урегулирования семейных конфликтов. Факторами риска незавершенности медиативной процедуры выступают высокая ситуативная тревожность, выраженные агрессивно-враждебные реакции и доминирование неконструктивных стратегий поведения в конфликте, особенно таких как соперничество и избегание. В качестве ресурсных факторов можно выделить высокий уровень эмоционального интеллекта и коммуникативной компетентности участников, которые способствуют более конструктивному взаимодействию сторон и повышают вероятность достижения соглашения.

Ключевые слова: семейная медиация, конфликт, переговоры, тревожность, агрессивность, эмоциональный интеллект, коммуникативная компетентность, медиативный процесс.

THE RELATIONSHIP BETWEEN INDIVIDUAL-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF PARTICIPANTS IN NEGOTIATIONS AND THE EFFECTIVENESS OF THE FAMILY MEDIATION PROCESS

Reshetova Tatiana Yakovlevna¹,

*Doctor of Psychology,
Professor of the Department of Psychology and Pedagogy,
e-mail: t.reshetova@mmu.ru; reshetovaty@gmail.com*

Larina Daria Yuryevna¹,

*master student,
e-mail: D.larina.m2b@gmail.com*

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

This article examines the relationship between the individual psychological characteristics of negotiators and the effectiveness of family mediation. Family conflicts are the most common form of interpersonal disagreement over child rearing, moral, and property matters, leading to divorce. Family mediation facilitates the search for effective ways to resolve family disputes. The purpose of this study is to identify the relationship between the individual psychological characteristics of negotiators and the effectiveness of family mediation. This article presents the results of an empirical study aimed at identifying the relationships between anxiety levels, aggression, conflict management strategies, self-esteem, emotional intelligence, and the effectiveness of the mediation process. Risk factors for the termination of family mediation and resource factors for successful family conflict resolution are identified.

Risk factors for termination of family mediation and resource factors for successful resolution of family conflicts are identified. Risk factors for incomplete mediation include high situational anxiety, pronounced aggressive-hostile reactions, and the prevalence of unconstructive conflict strategies, particularly rivalry and avoidance. Resource factors include a high level of emotional intelligence and communicative competence among the participants, which facilitate more constructive interactions between the parties and increase the likelihood of reaching an agreement

Keywords: family mediation, conflict, negotiations, anxiety, aggression, emotional intelligence, communicative competence, mediation process.

ВВЕДЕНИЕ

В современных социальных условиях семейные конфликты остаются одной из наиболее распространенных форм межличностных противоречий. Разводы, споры о воспитании детей, имущественные разногласия и иные конфликтные ситуации сопровождаются высокой эмоциональной напряженностью и нередко приводят к разрушению коммуникации между сторонами. В связи с этим особую значимость приобретает поиск эффективных способов урегулирования семейных споров [3, 6].

Одним из таких способов является семейная медиация. Медиация представляет собой процедуру альтернативного разрешения конфликтов с участием нейтрального посредника - медиатора, задачей которого является организация конструктивного диалога между сторонами и содействие выработке взаимоприемлемого решения [12, 13]. В последние годы медиация активно развивается в России, создаются специализированные центры семейной медиации, где участникам конфликтов оказывается комплексная юридическая и психологическая помощь.

Однако практика показывает, что эффективность медиативного процесса зависит не только от профессиональных навыков медиатора и организационных условий проведения процедуры. Существенную роль играет учет индивидуально-психологических особенностей самих участников переговоров. Уровень тревожности, склонность к агрессивным реакциям, особенности поведения в конфликте, уровень развития эмоционального интеллекта и коммуникативных навыков могут существенно менять ход процесса медиации, динамику взаимодействия сторон и вероятность достижения соглашения [7, 8].

В обстоятельствах возможных неудач и демонстрации угроз лицами с повышенным уровнем тревожности риск воспринимается как более интенсивный и значимый. Систематичность стрессовых ситуаций в семье стимулирует включение механизмов личностных защит, что приводит к уходу от конструктивного диалога [2, С.175].

Эмоциональная составляющая в корне меняет качество общения и взаимодействия между людьми. Сигналы сильной тревоги или гнева могут создавать помехи, лишая человека возможности поддерживать оперативную память и логическое мышление. Именно поэтому человек, потеряв ду-

шевное равновесие, жалуется, что он никак не может справиться с мыслями. По той же причине постоянный эмоциональный дискомфорт обычно приводит к ослаблению умственных способностей, желанию противостоять принятию решений даже если они являются конструктивными в сложившейся семейной ситуации, особенно тогда, когда решается судьба детей [1, С.71-73].

Владение основными коммуникативными навыками и коммуникативная компетентность участников переговоров помогают добиваться взаимной выгоды даже в самых сложных конфликтных ситуациях, сохраняя или даже приобретая достоинство, репутацию, сохранение конструктивных межличностных отношений [3, С.21-23]. Учет особенностей функционирования представлений человека о себе в коммуникативном взаимодействии с другими даже при решении сложных ситуаций позволяет посреднику выстраивать конструктивное общение [3, С.102-103; 4].

Несмотря на растущий интерес исследователей к проблеме медиации, влияние личностных особенностей участников переговоров на результативность медиативного процесса остается недостаточно изученным.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Растущий интерес к изучению проблемного поля психологического благополучия личности со стороны психологического сообщества, административного ресурса и общества в целом привели к потребности систематизации и обобщения проведенных научных исследований и выделения теоретической структуры психологического благополучия личности. Это можно проследить в работах А.А. Реана, Ставцева А.А., Шевченко А.О, Коротковой В.О. и др. Опора на структуру психологического благополучия личности позволяет более глубоко понимать взаимосвязь индивидуально-психологических особенностей личности с различными аспектами ее жизнедеятельности [7, 11, 14]. Важно также учитывать психофизиологические свойства личности, связанные с функциональным состоянием как неотъемлемой составляющей психологического благополучия личности [11, 14].

Изучение особенностей совладающего поведения личности показало, что используемые копинг-стратегии в конфликтных ситуациях могут быть тесно связаны с типом отношения к одиночеству при разрушении семейных отношений. Так лица средней зрелости опасаются изолированности в большей степени, чем лица ранней зрелости, чаще дают негативную оценку одиночеству [9, 10]. Следовательно, в процессе медиации необходимо учитывать и этот аспект отличия участников переговоров, так как в зависимости от отношения к одиночеству и его переживанию они будут склонны использовать копинг-стратегии не подходящие в сложившейся в семье ситуации, не учитывать в полной мере имеющие у семьи ресурсы, так как деструктивные паттерны поведения могут разрушать отношения, препятствуя совместному поиску выхода из кризиса [15, 16].

Основной задачей медиатора по разрешению семейных споров является содействие сторонам, снижение напряженности между ними, устранение разногласий и противоречий, разработка компромиссных решений, которые в свою очередь войдут в основу дальнейшего медиативного соглашения. Также работа медиатора в семейных спорах заключается в анализе конфликтной ситуации, организации переговорных процессов между сторонами и поиске лучшего решения и побуждении сторон прежде всего к сотрудничеству [13].

Цель исследования - выявить взаимосвязь между индивидуально-психологическими характеристиками участников переговоров и эффективностью процесса семейной медиации.

Объект исследования: процесс семейной медиации.

Предмет исследования: взаимосвязь индивидуально-психологических характеристик участников переговоров с результативностью семейного медиативного процесса.

Гипотеза исследования. Предполагается, что выраженность индивидуально-психологических характеристик участников переговоров будет связана с эффективностью процесса семейной медиации:

- высокий уровень тревожности, выраженные агрессивные и избегающие стратегии поведения, неадекватная самооценка и низкая коммуникативная компетентность будут снижать результативность семейной медиации;
- развитый эмоциональный интеллект, адекватная самооценка и ориентация на сотрудничество будут способствовать достижению добровольного и устойчивого соглашения между сторонами семейного конфликта;
- обращение медиатора к сильным индивидуальным сторонам личности, способствующим благоприятному исходу процесса семейной медиации, и нивелирование негативных личностных проявлений, ведущее к осознанной трансформации деструктивных паттернов поведения, будет повышать результативность процесса медиации.

Эмпирическое исследование проводилось на базе ГБУ «Центр медиации и социально-правовой помощи». В исследовании приняли участие 46 человек, вовлеченных в процесс урегулирования семейного конфликта посредством процесса семейной медиации. Всего было проанализировано 23 медиативных случая.

По результатам проведенных медиативных процедур соглашение было достигнуто и оформлено в семнадцати случаях. В двух случаях стороны не явились на подписание соглашения, несмотря на достигнутые предварительные договоренности. В четырех случаях процедура была прекращена в связи с невозможностью достижения согласия между участниками. Такое распределение результатов позволило сопоставить психологические особенности участников успешных и менее успешных медиативных процедур.

Для изучения индивидуально-психологических характеристик участников были использованы следующие психодиагностические методики: шкала тревожности Спилбергера-Ханина, опросник агрессивности и враждебности Басса-Дарки, методика определения стилей поведения в конфликте Томаса-Килманна, методика диагностики самооценки личности Дембо-Рубинштейн, тест эмоционального интеллекта Н. Холла, а также авторская анкета оценки коммуникативной компетентности участников медиации.

Для выявления взаимосвязей между индивидуально-психологическими характеристиками участников и результативностью медиативного процесса был применен корреляционный анализ.

Результаты исследования показали, что у значительной части участников наблюдается высокий уровень ситуативной тревожности. Так, высокий уровень ситуативной тревожности был выявлен у 50% выборки, тогда как личностная тревожность у большинства участников находилась в диапазоне среднего уровня. Это позволило предположить, что эмоциональное напряжение участников обусловлено прежде всего самой конфликтной ситуацией, а не устойчивой личностной тревожностью.

Анализ показателей агрессивности и враждебности по методике Басса-Дарки показал, что высокий уровень агрессивности был выявлен у 15,2% выборки, а высокий уровень враждебности - у 17,4% участников. Подобные особенности могут способствовать эскалации конфликта и затруднять достижение соглашения в процессе переговоров.

Исследование стратегий поведения в конфликте по методике Томаса-Килманна показало определенные различия между мужчинами и женщинами. У женщин чаще проявлялась стратегия соперничества, тогда как у мужчин более выраженной оказалась стратегия избегания. Такое сочетание стратегий может осложнять переговорный процесс: участник, склонный к соперничеству, стремится активно обсуждать свои переживания и отстаивать свою точку зрения, тогда как другой участник, выбирающий стратегию избегания, старается уклониться от обсуждения проблемы.

Результаты диагностики самооценки по методике Дембо-Рубинштейн показали, что у женщин чаще наблюдается заниженная самооценка, тогда как у мужчин чаще встречается завышенная. Заниженная самооценка может проявляться в неуверенности при отстаивании собственных интересов, в то время как завышенная самооценка иногда сопровождается чрезмерной жесткостью позиции в переговорах.

Анализ результатов теста эмоционального интеллекта Н. Холла показал, что наиболее выраженные трудности у участников связаны с управлением эмоциями: низкий уровень по данной шкале был выявлен у 56,5% выборки. Это свидетельствует о том, что в конфликтной ситуации человеку сложно контролировать собственные эмоциональные реакции и выстраивать конструктивное взаимодействие с другой стороной.

По авторской анкете оценки коммуникативной компетентности средний уровень развития коммуникативных умений и навыков был выявлен у 52,2% участников, а низкий уровень - у 39,1%. Недостаточное развитие коммуникативных навыков может существенно затруднять конструктивное взаимодействие сторон в процессе переговоров.

Проведенный корреляционный анализ (по Спирмену) подтвердил наличие статистически значимых взаимосвязей между индивидуально-психологическими характеристиками участников и результативностью семейной медиации. Результаты исследования выявленных значимых связей представлены в таблице 1.

Таблица 1

Результаты корреляционного анализа взаимосвязи исследуемых личностных переменных и показателей эффективности семейной медиации

Исследуемые переменные	Показатель эффективности	r	p
Ситуативная тревожность	Незавершенность процедуры	0,41	$\leq 0,05$
Агрессивность / враждебность	Прекращение участия	0,58	$\leq 0,05$
Эмоциональный интеллект (эмпатия, управление эмоциями)	Достижение соглашения	0,45	$\leq 0,01$
Коммуникативная компетентность	Достижение соглашения	0,57	$\leq 0,01$
Стратегии соперничества и избегания	Незавершенность процедуры	0,36	$\leq 0,05$
Стратегии сотрудничества и компромисса	Достижение соглашения	0,40	$\leq 0,05$

Полученные данные позволяют говорить о том, что определенные личностные особенности могут выступать как факторами риска, так и ресурсными факторами успешного урегулирования конфликта (см. табл. 1). Повышенный уровень ситуативной тревожности имеет умеренную связь ($r = 0,41$) с незавершенностью медиативной процедуры. Агрессивность и враждебность ($r = 0,58$) имеют высокую положительную связь с прекращением участия в медиативном процессе. Уровень развития эмоционального интеллекта позволил выявить положительную значимую связь с достижением соглашения в медиативном процессе ($r = 0,45$, чем выше уровень развития эмоционального интеллект-

та, тем выше результативность медиативного процесса). Однако, качественный анализ полученных результатов позволил выявить, что у участников исследования с незавершенным или прекращенным медиативным процессом уровень развития эмоционального интеллекта ниже среднего показателя по всей выборке. Была выявлена высокая связь уровня развития коммуникативной компетентности ($r = 0,57$) и умеренная связь стратегии сотрудничества и компромисса ($r = 0,40$) с положительной результативностью медиативного процесса. А стратегия соперничества и избегания оказалась связана с незавершенностью медиативного процесса ($r = 0,36$).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась. Результаты корреляционного анализа позволили сделать вывод о том, что индивидуально-психологические характеристики участников переговоров оказывают существенное влияние на динамику и результативность медиативного процесса. Факторами риска незавершенности медиативной процедуры выступают высокая ситуативная тревожность, выраженные агрессивно-враждебные реакции и доминирование неконструктивных стратегий поведения в конфликте, таких как соперничество и избегание. В качестве ресурсных факторов можно выделить более высокий уровень эмоционального интеллекта и коммуникативной компетентности участников, которые способствуют более конструктивному взаимодействию сторон и повышают вероятность достижения соглашения. Ресурсом также может выступать нивелирование негативных личностных проявлений, направленное на осознанную трансформацию деструктивных паттернов поведения, таких как повышенная тревожность, агрессия, импульсивность, коммуникативная некомпетентность и др. Оно может включать проработку психологических защит, формирование конструктивных реакций на основе результатов первых проведенных медиативных сессий.

Полученные результаты могут быть использованы специалистами служб медиации при организации переговорного процесса и оценке психологических особенностей участников конфликтного взаимодействия. В частности, при проведении семейной медиативной процедуры целесообразно учитывать уровень эмоционального напряжения сторон, особенности их поведения в конфликте, а также уровень развития эмоционального интеллекта и коммуникативной компетентности.

Учет данных факторов может способствовать более эффективному управлению переговорным процессом, снижению конфликтной напряженности и повышению вероятности достижения взаимоприемлемого соглашения между сторонами.

Список литературы

1. Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект: почему он может значить больше, чем IQ / пер. с англ. Е. Ефимова. – 12-е изд., перераб. и доп. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2022. – 544 с. – Перевод издания: *Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ*. – ISBN 978-5-00195-141-4.
2. Защирина, О.В., Огарева, Е.И., Никифоров, А.А. Тревожность и коммуникативные свойства личности // Педагогический имидж. – 2023. – Т. 17, № 2 (59). – С. 170–181. – DOI: <https://doi.org/10.32343/2409-5053-2023-17-2-170-181>.
3. Корягина, Н.А. Эффективные коммуникации. Социальная компетентность личности. – Москва : Издательство Юрайт, 2026. – 344 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-18144-9. – URL: <https://urait.ru/bcode/589494> (дата обращения: 26.06.2026). – Текст : электронный.
4. Корягина, Н.А., Лямцева, А.Е. Исследование эффекта применения трёхчастных конструкций «правила трёх» в рекламе // Социальная психология и общество. – 2023. – Т. 14, № 1. – С. 194–206.
5. Крупина, К.М. Особенности переживания одиночества и способы совладания с ним у женщин с разным статусом отношений в период взрослости // Вестник Санкт-Петербургского университета.

- Психология. – 2025. – Т. 15, № 3. – С. 455–475. – URL: https://psyjournals.ru/journals/vspu_psychology/archive/2025_n3/Krupina (дата обращения: 26.06.2026). – Текст : электронный.
6. Ланкина, Е.В. Проблема связи совладающего и защитного поведения // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 4. – С. 201–205.
7. Лобза, О.В., Короткова, В.О. Взаимосвязь самоактуализации с индивидуально-типологическими свойствами личности [Электронный ресурс] // Психологические проблемы смысла жизни и акме : электронный сборник материалов XXVI Международного симпозиума, Москва, 12–14 апреля 2021 г. – Москва : Психологический институт РАО, 2021. – С. 76–80. – Текст : электронный.
8. Молчанова, О.Н., Соколова, Т.Ю. Роль самооценки в реагировании на ситуации «угрозы Я» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2019. – Т. 9, № 2. – С. 138–154.
9. Муртазина, И.Р. Переживание одиночества и копинг-стратегии взрослых // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2025. – Т. 15, вып. 2. – С. 325–341. – EDN WFZWVW.
10. Муртазина, И.Р., Петраш, М.Д., Стрижицкая, О.Ю., Вартамян, Г.А. Одиночество и психологическое благополучие взрослых мужчин и женщин // Вопросы устойчивого развития общества. – 2021. – № 8. – С. 99–107.
11. Реан, А.А. и др. Психологическое благополучие личности: обзор подходов к теоретическому конструкту // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2025. – Т. 15, № 3. – С. 499–513. – URL: https://psyjournals.ru/journals/vspu_psychology/archive/2025_n4/Rean_Stavtsev_et_al (дата обращения: 26.06.2026). – Текст : электронный.
12. Селиванов, Е.С. Медиация в семейном праве // Молодой учёный. – 2023. – № 23 (470). – С. 375–377. – URL: <https://moluch.ru/archive/470/103873> (дата обращения: 15.06.2026). – Текст : непосредственный.
13. Худойкина, Т.В., Хальзова, Р.В. Перспективные направления развития института семейной медиации // Бюллетень науки и практики. – 2020. – № 7. – С. 307–310.
14. Шульга, Т.И. Психологическое сопровождение семьи. – 2-е изд. – Москва : Издательство Юрайт, 2026. – 141 с. – URL: <https://urait.ru/bcode/588227> (дата обращения: 25.03.2026). – Текст : электронный.
15. Barjaková, M., Garnero, A., d'Hombres, B. Risk factors for loneliness: A literature review // Social Science & Medicine. – 2023. – Vol. 334. – Art. 116163. – DOI: 10.1016/j.socscimed.2023.116163.
16. Akhter-Khan, S.C., Es, W. van, Prina, M., Lawrence, V., Piri, I., Rokach, A., Heu, L.C., Mayston, R. Experiences of loneliness in lower- and middle-income countries: A systematic review of qualitative studies // Social Science & Medicine. – 2024. – Vol. 340. – DOI: 10.1016/j.socscimed.2023.116438.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ НА ДОСТИЖЕНИЕ УСПЕХА И МАТЕРИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ С ТРЕВОЖНО-ДЕПРЕССИВНЫМИ СОСТОЯНИЯМИ ВЗРОСЛЫХ

Решетова Татьяна Яковлевна¹,

доктор психологических наук,

профессор кафедры психологии и педагогики,

e-mail: t.reshetova@mmu.ru; reshetovaty@gmail.com

Шаянбаева Селена Руслановна¹,

студент,

e-mail: selenashaya@gmail.com

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

В статье анализируется взаимосвязь ценностных ориентаций на достижение успеха и материальное благополучие с тревожно-депрессивными состояниями у взрослых 20–35 лет. Проведенное исследование позволило выявить, что взаимосвязь носит избирательный характер: наиболее значимые корреляции с тревожно-депрессивной симптоматикой демонстрирует активная социально-сравнительная реализация ценностей в поведении, а не их декларируемая важность. Гипотеза исследования о наличии положительной связи между выраженностью ориентации на достижение успеха и уровнем тревожно-депрессивных симптомов получила частичное и структурно дифференцированное подтверждение.

Ключевые слова: ценностные ориентации, достижение успеха, материальное благополучие, тревога, депрессивные симптомы, ранняя взрослость, мотивация достижения.

THE RELATIONSHIP BETWEEN VALUE ORIENTATIONS TOWARDS ACHIEVING SUCCESS AND MATERIAL WELL-BEING AND ANXIETY-DEPRESSIVE STATES IN ADULTS

Reshetova Tatiana Yakovlevna¹,

Doctor of Psychology,

Professor of the Department of Psychology and Pedagogy,

e-mail: t.reshetova@mmu.ru; reshetovaty@gmail.com

Shayanbaeva Selen Ruslanovna¹,

student,

e-mail: selenashaya@gmail.com

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

This article analyzes the relationship between value orientations toward success and material well-being and anxiety-depressive states in adults aged 20–35. The study revealed that this relationship is selective: the most significant correlations with anxiety-depressive symptoms are demonstrated by the active social-comparative implementation of values in behavior, rather than their declared importance. The study's hypothesis of a positive relationship between the severity of success orientation and the level of anxiety-depressive symptoms received partial and structurally differentiated confirmation.

Keywords: value orientations, achieving success, material well-being, anxiety, depressive symptoms, early adulthood, achievement motivation.

ВВЕДЕНИЕ

Современное общество предъявляет к человеку амбивалентные требования. С одной стороны, социальные стандарты культивируют стремление к высоким достижениям, карьерному росту и материальному благосостоянию как к главным факторам успешности [1, С.86; 2, С.46]. С другой стороны, давление необходимости соответствовать этим стандартам и страх неудачи создают условия для хронического стресса, что является одним из ключевых факторов риска развития тревожно-депрессивных состояний [8, С. 640; 4, С.171].

Период ранней взрослости (20–35 лет) является критическим для формирования жизненных стратегий, когда ценностные ориентации, связанные с достижением, становятся основным внутренним ориентиром [6, С. 118]. Исследования последних лет показывают, что у молодежи прагматизм и озабоченность материальными проблемами во многом характеризуют ценностно-смысловую сферу [3, С.262; 5, С.127]. Однако психологические последствия такой ориентации остаются противоречивыми: она может служить как мотивом развития, так и источником экзистенциальной неудовлетворенности [7, С. 188].

Цель исследования: изучение особенностей взаимосвязи ценностных ориентаций на достижение успеха и материальное благополучие с уровнем тревоги и депрессивных симптомов у лиц в возрасте 20–35 лет.

Объект исследования: ценностно-мотивационная и эмоциональная сферы личности взрослых.

Предмет исследования: взаимосвязь между структурой ценностных ориентаций, направленных на достижение успеха и материальное благополучие, и выраженностью тревожно-депрессивных состояний у лиц 20–35 лет.

Выборку исследования составили 36 человек в возрасте 20–35 лет (9 мужчин, 27 женщин), имеющих высшее или среднее специальное образование.

Методы исследования: теоретический анализ психологической литературы по проблеме исследования; тестирование; методы математической статистики (описательная статистика, корреляционный анализ Пирсона, t-критерий Стьюдента).

Для проведения исследования был применен следующий методический инструментарий:

1. Методика М. Рокича «Ценностные ориентации» – для оценки терминальных и инструментальных ценностей. Сформированы два интегральных показателя: «Терминальные Достижения» (активная жизнь, интересная работа, материальная обеспеченность, общественное признание) и «Инструментальные Достижения» (высокие запросы, независимость, твердая воля, эффективность в делах).

2. Методика С.С. Бубновой – для диагностики реальной структуры ценностных ориентаций в поведении. Рассчитывался показатель «Достиженческие Бубнова» (средний балл по шкалам: высокое материальное благосостояние, высокий социальный статус, признание и уважение людей, социальная активность).

3. Шкала материальных ценностей (MVS) М. Ричинс и С. Доусон – для измерения уровня ориентации на материальные ценности.

4. Шкала депрессии А. Бека (BDI) – для оценки выраженности депрессивной симптоматики.

5. Шкала личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера в адаптации Ю.Л. Ханина – для диагностики устойчивой склонности к тревоге.

Результаты исследования

В таблице 1 представлены результаты статистики по всем исследуемым переменным.

Таблица 1

Результаты исследования основных переменных (n=36)

Показатель	Теоретический диапазон	Фактический диапазон в выборке	Среднее значение (M)	Стандартное отклонение (SD)
Терминальные_Достижения (Рокич)	1 - 18	3.75 – 15.75	10.28	2.64
Инструментальные_Достижения (Рокич)	1 - 18	5.00 – 17.75	9.19	2.50
Достиженческие_Бубнова	0 - 6	1.30 – 4.80	2.98	0.96
MVS (материальные ценности)	9 - 45	16 – 39	30.30	6.02
Мотивация к успеху (Элерс)	1 - 32	5 – 25	15.28	4.34
Шкала депрессии Бека	0-63	0-35	16	9,62
Шкала личн/ тревожности Спилбергера	0-80	21-68	47,9	10,8

Средний балл в исследуемой выборке по шкале депрессии Бека (16,0) соответствует легкой/ умеренной выраженности депрессивных состояний. Средний балл личностной тревожности (47,9) превышает порог высокого уровня (46 баллов). Для проверки гипотезы о наличии связи ценностных ориентаций на достижение успеха и материальное благополучие и уровнем тревожно-депрессивных симптомов нами был проведен корреляционный анализ (коэффициент Пирсона). Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Коэффициент корреляции Пирсона (r) между показателями ориентации на достижение успеха и уровнем тревожно-депрессивных симптомов (n=36)

Ценностные ориентации	Депрессивные симптомы		Личностная тревожность	
	r	P (0,05)	r	P (0,05)
Терминальные_Достижения	0,175	0,23	0,087	0,23
Инструментальные_Достижения	0,183	0,23	-0,070	0,23
Достиженческие_Бубнова	0,394	0,23	0,316	0,23
MVS (материальные ценности)	0,166	0,23	0,178	0,23
Индекс_Достижений	0,325	0,23	0,170	0,23

Согласно результатам таблицы 2, выявлены положительные корреляции между уровнем выраженности депрессивных симптомов и всеми показателями ориентации на достижение успеха. Наиболее значимая связь обнаружена с показателем «Достиженческие_Бубнова» ($r = 0,394$). Интегральный Индекс_Достижений также показал значимую связь ($r = 0,325$). Корреляции с терминальными ($r = 0,175$) и инструментальными ценностями ($r = 0,183$) по Рокичу, а также с материальными ценностями ($r = 0,166$) слабее, но статистически не значимы.

У связи ценностных ориентаций с личностной тревожностью выявлена иная картина. Статистически значимая положительная связь обнаружена только для показателя «Достиженческие_Бубнова» ($r = 0,316$). Связь с терминальными ($r = 0,087$) и инструментальными ($r = -0,007$) ценностями по Рокичу статистически не значима. Показатель MVS-материальные ценности ($r = 0,178$) и Индекс_Достижений ($r = 0,170$) также демонстрируют низкие значения связи и не имеют статистической значимости.

Таким образом, в отношении депрессивных симптомов связь подтверждается для всех аспектов ориентации на достижение успеха (общий индекс достижений). В отношении личностной тревожности значимая связь выявлена только для поведенческого аспекта ценностных ориентаций (методика Бубновой).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное эмпирическое исследование позволило установить, что взаимосвязь ценностных ориентаций на достижение успеха и материальное благополучие с тревожно-депрессивными состояниями у взрослых в возрасте 20–35 лет носит избирательный и структурно дифференцированный характер. Основная гипотеза получила частичное подтверждение. В отношении депрессивной симптоматики связь подтверждается для большинства показателей, тогда как в отношении личностной тревожности значимая связь выявлена только для одной, специфической поведенческой составляющей.

Ключевым содержательным результатом исследования выступает обнаружение того, что фактором психоэмоционального риска является не стремление к успеху как таковое и не абстрактное декларирование соответствующих ценностей, а их специфическая форма реализации – активная социально-сравнительная деятельность, направленная на достижение внешних атрибутов успеха (высокого статуса, признания, материального благосостояния) и сопряженная с постоянной конкуренцией, публичной оценкой и страхом неудачи. Это позволяет утверждать, что дезадаптивный потенциал заложен не в цели, а в способе ее достижения.

Методика С.С. Бубновой, измеряющая именно поведенческие аспекты ценностных ориентаций, продемонстрировала наиболее сильные и устойчивые связи с обоими видами симптоматики. Однако показатели методики М. Рокича, фиксирующие декларируемую значимость ценностей, значимой корреляционной связи с повышенной личностной тревожностью не показали.

Список литературы

1. Барсукова, А.С. Ценностные ориентации современной молодежи // Вестник магистратуры. – 2021. – № 1-4 (112). – С. 86–87.
2. Михайлова, Л.В. Социально-групповые идентификации и ориентация на материальные ценности современной российской молодежи // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2025. – № 1. – С. 46–51.
3. Рубцов, А.Г. Трансформация ценностных ориентаций современной молодежи // Социально-гуманитарное познание. – 2023. – № 4. – С. 258–263.
4. Сергеев, Е.А. Формирование мотивации достижения успеха студентов как основа готовности к будущей профессиональной деятельности // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2025. – № 1 (65). – С. 168–174.
5. Толмачева, С.В., Ребышева, Л.В., Давлетшина, Э.В. Ценностные ориентации молодежи: по результатам социологического исследования // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2024. – Т. 17, № 4. – С. 127–138.
6. Яшина, Л. И. Ценностные ориентации студенческой молодежи // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2020. – № 2 (65). – С. 117–121.
7. Dittmar, H., Isham, A. Materialistic value orientation and wellbeing // Current Opinion in Psychology. – 2022. – Vol. 46. – P. 188–191.
8. McCarthy, P. A., Morina, N. Exploring the association of social comparison with depression and anxiety: A systematic review and meta-analysis // Clinical Psychology & Psychotherapy. – 2020. – Vol. 27. – P. 640–671.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РЕГИОНАЛЬНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Самойленко Никита Сергеевич¹,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры рекламы и связей с общественностью,

e-mail: samoilenkons@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0787-745X

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

В условиях цифровизации рынка труда актуален анализ репрезентации технологической повестки в медиа. Цель исследования – определить специфику отражения феномена искусственного интеллекта в региональной прессе. Методами контент-анализа и лексико-семантического анализа изучен массив публикаций издания “Мое Онлайн”. Выявлен периферийный характер темы, доминирование бизнес-повестки и преобладание позитивной тональности материалов.

Ключевые слова: региональные СМИ, искусственный интеллект, медиадискурс, контент-анализ, цифровая грамотность.

REPRESENTATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN REGIONAL MEDIA DISCOURSE

Samoilenko Nikita Sergeevich¹,

Candidate of Philological Sciences,

Associate Professor, Department of Advertising and Public Relations,

e-mail: samoilenkons@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0787-745X

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

Amid labor market digitalisation, the analysis of the representation of technological issues in the media is highly relevant. The study aims to determine how regional press reflects artificial intelligence. Using content analysis and lexico-semantic methods, a dataset from “MOE online” was examined. The findings reveal the topics peripheral status, business agenda dominance, and prevailing positive sentiment.

Keywords: regional media, AI, content analysis, digital literacy, media discourse.

Трансформация современного рынка труда под влиянием технологий искусственного интеллекта (далее ИИ) носит амбивалентный характер. С одной стороны, в академическом дискурсе подчеркиваются риски технологической безработицы и депрофессионализации [3], с другой – эксплицируются позитивные эффекты автоматизации рутинных операций и высвобождения интеллектуального ресурса человека [6]. Вышеперечисленные условия актуализируют медиадискурс как ключевой инструмент формирования общественного консенсуса и технологической грамотности населения [1], [5].

В настоящем исследовании предпринят анализ специфики репрезентации повестки ИИ в интернет-издании «МОЁ! Online» (Черноземье). Выбор данного издания обусловлен его лидирующими позициями в региональном медиапространстве [3]. Несмотря на очевидную региональную

специфику, данное издание может рассматриваться как типичный пример регионального цифрового СМИ.

Научная новизна исследования заключается в выявлении особенностей репрезентации технологий ИИ в региональном медиапространстве Центрального Черноземья в период активного внедрения генеративных ИИ-сервисов.

Хронологические рамки исследования – 5 месяцев, а именно: с 5 января 2026 г. по 5 июня 2026 г. Выборку составил сплошной массив публикаций (проанализировано более 4 500 статей). Большая часть материалов, представленная на сайте, относится к информационным заметкам, среди которых редко встречаются аналитические материалы.

Далее осуществлен отбор по ключевым индикаторам. К ключевым словам отнесены «искусственный интеллект», «ИИ», «нейросеть», «ChatGPT», «GigaChat», «DeepSeek», «Алиса» и др. с последующим семантическим анализом материалов. Методом контент-анализа, а также лексико-семантического анализа было установлено, что за исследуемый период технологиям ИИ было посвящено лишь 14 материалов, что составляет 0,3% от общего объема публикаций. Данный показатель свидетельствует о периферийном характере ИИ-повестки в региональном медиадискурсе.

Таблица 1

Перечень отобранных публикаций

Дата	Заголовок	Тематика
27.01.2026	«В Воронежской области интерес к агрегаторам ИИ вырос более чем в пять раз»	агрегаторы нейросетей, доступ к разным моделям ИИ
05.02.2026	«МТС запустила ИИ, который помогает успокоиться и пережить нагрузки»	ИИ-ассистент, диалоговая модель поддержки пользователей
18.02.2026	«Какими хакеров будущего может сделать развитие ИИ?»	автономные ИИ-агенты, агентные системы, кибербезопасность
12.03.2026	«Предпринимателей Черноземья научили применять искусственный интеллект...»	практическое использование генеративного ИИ в бизнесе
09.04.2026	«Появилось новое исследование отношения россиян к заработку при помощи нейросетей»	экономика ИИ-агентов, агентные системы, рынок труда
16.04.2026	«Билайн включил валюту для нейросетей в свои пакеты»	массовое использование нейросетей, генеративный ИИ
24.04.2026	«7 из 10 пользователей ИИ в России выбирают Алису AI»	рынок LLM и ИИ-сервисов; упоминаются Alice AI, DeepSeek, ChatGPT
27.05.2026	«Воронежские чиновники переходят на ИИ?»	внедрение ИИ в госуправление
28.05.2026	«Путин рассказал, кого может заменить искусственный интеллект»	влияние ИИ на рынок труда и автоматизацию знаний
29.05.2026	«Учёные заявили о рисках «очеловечивания» искусственного интеллекта»	восприятие LLM и ChatGPT, антропоморфизация моделей
01.06.2026	«Как научить детей безопасно работать с ИИ»	массовое использование ИИ-сервисов
04.06.2026	«Первый в мире терминал с ИИ представили на ПМЭФ»	прикладной ИИ в платежных системах
05.06.2026	«О том, в какие процессы начнут внедрять ИИ, рассказали на ПМЭФ»	корпоративные ИИ-системы, GigaChat Enterprise
05.06.2026	«Искусственный интеллект могут внедрить в экономику до 2030 года»	стратегия внедрения ИИ в экономику РФ

На следующем этапе был проведен анализ прагматической тональности. Публикации были распределены по трем категориям. Позитивные – показывают преимущества внедрения ИИ. Нейтральные носят фактологический характер. Негативные маркируют риски и угрозы. Анализ публикаций показал преобладание позитивных коннотаций. Так, к позитивным были отнесены 9 публикаций или порядка 64% («Искусственный интеллект могут внедрить в экономику до 2030» и др.).

К нейтральным были отнесены 2 публикации или порядка 14% («Билайн включил валюту для нейросетей...»).

К негативным были отнесены 3 публикации или порядка 21% («Ученые заявили о рисках «очеловечивания» ИИ...» и др.). С точки зрения тематической направленности данные публикации целесообразно разделить на следующие группы:

Таблица 2

Тематическая дифференциация публикаций

Тематический блок	Количество	Доля
Корпоративная и бизнес-повестка	6	43%
Государственная и политическая повестка	4	29%
Образование и цифровая грамотность	2	14%
Риски и безопасность	2	14%

Тематика публикаций не носит взаимоисключающий характер и, в случае, если материал мог быть отнесен к нескольким категориям, его принадлежность к определенной тематике определялась по степени преобладания в тексте отдельных факторов (например, количества упоминаний ключевых номинативных единиц, таких как «угроза», «государство», «грамотность» и так далее) [2]. Учитывалась доминирующая тема материала, выраженная в заголовке и основном содержании текста. Жанрово-тематическое распределение публикаций (см. Таблицу 2) демонстрирует доминирование корпоративной и бизнес-повестки. Однако значительная часть данных материалов носит латентный или эксплицитный рекламный характер.

Вторым по значимости фактором формирования повестки выступает государственно-политический дискурс. Фиксируется всплеск публикационной активности, который совпадает с проведением ПМЭФ-2026 и заявлениями должностных лиц.

В пределах исследуемого медиаресурса результаты позволяют маркировать ограниченный редакционный интерес к тематике ИИ – лишь 0,3% публикации затрагивают данную тематику. Перспектива дальнейшего исследования связана с компаративным анализом ИИ повестки в региональных и федеральных СМИ. Обращает на себя феномен периферийности ИИ-тематики – ИИ не является элементом бытовой рутины населения, обсуждаемой на местном уровне. Тем не менее, учитывая образовательный потенциал прессы как четвертой власти, представляется необходимой интенсификация усилий государства и институтов развития по популяризации технологических знаний среди широких слоев населения.

Список литературы

1. Лепилкина, О.И., Соколова, Л.Н. Искусственный интеллект как предмет профессиональной рефлексии журналистов и медиаменеджеров ставропольских СМИ // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2025. – № 5. – С. 135–153. – Текст : непосредственный.

2. Новичихина, М.Е., Самойленко, Н.С. Позиционирование объекта и позиционирование действия в тексте СМИ: общее и различное // Вопросы теории и практики журналистики. – 2022. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozitsionirovanie-obekta-i-pozitsionirovanie-deystviya-v-tekste-smi-obschee-i-razlichnoe> (дата обращения: 07.06.2026). – Текст : электронный.
3. Подольская, Т.В., Володина, А.Д. Искусственный интеллект в государственном секторе: синергетический эффект и системные риски // Вопросы управления. – 2026. – № 1 (96). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-gosudarstvennom-sektore-sinergeticheskiy-effekt-i-sistemnye-riski> (дата обращения: 01.06.2026). – Текст : электронный.
4. Портал «МОЁ! Online» вошёл в тридцатку самых цитируемых СМИ в России // МОЁ! Online. – 2022. – 10 октября. – URL: <https://moe-online.ru/news/society/1138061> (дата обращения: 07.06.2026). – Текст : электронный.
5. Разов, П.В., Гараганов, А.В. Социологический анализ роли СМИ в формировании доверия к искусственному интеллекту // Социально-политические науки. – 2023. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskiy-analiz-rol-smi-v-formirovanii-doveriya-k-iskusstvennomu-intellektu> (дата обращения: 07.06.2026). – Текст : электронный.
6. Сухачев, П.Д. Механизм внедрения AI для автоматизации процессов в организации // Прикладные экономические исследования. – 2026. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-vnedreniya-ai-dlya-avtomatizatsii-protssesov-v-organizatsii> (дата обращения: 03.06.2026). – Текст : электронный.
7. Холодов-Воронцов, А.А. Использование искусственного интеллекта в трансформации бизнес-процессов СМИ: современное состояние и перспективы // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2025. – № 5 (123). – С. 426–429. – Текст : непосредственный.

ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЦ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА, СТРАДАЮЩИХ ДЕПРЕССИЯМИ

Семилет Надежда Анатольевна¹,

педагог-психолог,

e-mail: nasemilet@gmail.com

¹КГПАОУ «Камчатский политехнический техникум», Петропавловск-Камчатский, Россия

В статье анализируется проблема распространенности депрессии среди молодежи. Показано, что среди множества факторов, способствующих развитию депрессии, особое место занимают личностные особенности индивида. Личностные особенности могут влиять на клинические особенности и прогноз лиц с депрессией и должны учитываться у всех депрессивных пациентов. Цель исследования – анализ личностных характеристик и особенностей личности лиц юношеского возраста, страдающих депрессиями. Методологическую основу составили системно-деятельностный подход, методы корреляционного анализа. Эмпирическую базу исследования составили студенты КГПАОУ «Камчатский политехнический техникум» (N=45). Основные выводы касаются того, что негативная аффективность, тревожность, анакастность, трудоголизм повышают риск развития депрессивных состояний и потенциально утяжеляют прогноз. Полученные результаты могут быть использованы психологами, работающими со студентами, в направлении преодоления депрессии через коррекцию личностных особенностей.

Ключевые слова: личность, юношеский возраст, студент, депрессия.

PERSONAL CHARACTERISTICS OF YOUTH SUFFERING FROM DEPRESSION

Semilet Nadezhda Anatolyevna¹,

Educational Psychologist,

e-mail: nasemilet@gmail.com

¹Kamchatka Polytechnic Technical School (KGPAOU), Petropavlovsk-Kamchatsky, Russia

The article analyzes the problem of the prevalence of depression among young people. It is shown that among the many factors contributing to the development of depression, a special place is occupied by the personal characteristics of an individual. Personality traits can influence the clinical features and prognosis of people with depression and should be taken into account in all depressed patients. The purpose of the study is to analyze the personality characteristics and personality traits of adolescents suffering from depression. The methodological basis was formed by the system-activity approach, methods of correlation analysis. The empirical basis of the study was made up of students of the Kamchatka Polytechnic College (N=45). The main conclusions relate to the fact that negative affectivity, anxiety, anacousity, and workaholism increase the risk of developing depressive states and potentially make the prognosis more difficult. The results obtained can be used by psychologists working with students to overcome depression through the correction of personality traits.

Keywords: personality, adolescence, student, depression.

ВВЕДЕНИЕ

Возрастающая распространенность депрессии отражает дисбаланс между требованиями среды и адаптационными возможностями человеческой психики, которые часто оказываются неэффективными в современных реалиях.

Депрессия уже давно перестала быть индивидуальной проблемой и стала настоящим вызовом для работников здравоохранения, поскольку на данный момент наблюдается эпидемия депрессии, которую пока не совсем удается сдерживать.

Депрессивные расстройства относятся к наиболее распространенным психическим нарушениям. По оценкам, депрессией страдают 3,8% населения, в том числе 5% взрослых (4% среди мужчин и 6% среди женщин) и 5,7% взрослых старше 60 лет. Примерно 280 миллионов человек в мире страдают депрессией [17].

Больные депрессивными расстройствами относятся к наиболее «сохранным» пациентам, однако смертность при депрессиях лишь немного уступает смертности при сердечно-сосудистых заболеваниях, поскольку до 15% депрессивных больных совершают суициды [3].

На данный момент депрессия занимает второе место в мире среди всех медицинских причин инвалидности и смертности, но согласно прогнозу Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) к 2030 году она выйдет на первое место [17].

В настоящее время не диагностированная и не леченая депрессия является серьезной проблемой, поскольку около половины всех случаев депрессивных расстройств не распознаются. Изучение факторов развития и прогноза депрессии может помочь с выявлением групп риска, своевременной постановкой диагноза, выбором персонализированной терапии, профилактикой рецидивов и т.д.

Кроме того, актуальность изучения факторов развития и прогноза депрессии обусловлена высокой распространенностью, частым рецидивированием (у 85% больных отмечаются повторные эпизоды), склонностью к хронификации, ухудшению течения соматических заболеваний и психических коморбидных расстройств, социальной дезадаптацией, высокой смертностью, а также другими многочисленными проблемами, связанными с ущербом, наносимым этим заболеванием.

Среди множества факторов, способствующих развитию депрессии, особое место занимают личностные особенности индивида. Личностные особенности могут влиять на клинические особенности и прогноз лиц с депрессией и должны учитываться у всех депрессивных пациентов.

Теоретико-методологическую базу исследования составили работы Б.Д. Карвасарского, В.Д. Менделевича, А.Б. Смулевич, А.С. Тиганова.

Российский врач-психиатр А.Б. Смулевич утверждает, что «депрессия (от лат. *Depressio* – подавление, угнетение) – это психическое расстройство, характеризующееся патологически сниженным настроением (гипотимией) с негативной, пессимистической оценкой себя, своего положения в окружающей действительности и своего будущего. Депрессивное изменение настроения наряду с искажением когнитивных процессов сопровождается моторным торможением, снижением побуждений к деятельности, соматовегетативными дисфункциями» [8].

По мнению А.С. Тиганова «типичная депрессия характеризуется классической триадой, которую составляют сниженное настроение (гипотимия), моторная и идеаторная заторможенность (депрессивная триада)» [9].

В своем учебнике «Клиническая психология» Б.Д. Карвасарский описывает депрессию так: «Депрессия – это психическое расстройство, основными признаками которого являются патологически сниженное настроение (тоска, апатия, ангедония), негативная оценка себя, окружающего мира и будущего, а также снижение витальной активности (энергии, мотивации, психомоторных функций)» [4].

А. Лоуэн пишет, что неспособность взаимодействовать с окружающей средой отличает состояние депрессии от всех других эмоциональных состояний. С точки зрения развития депрессии людей

можно разделить на две категории – сосредоточенные на внешнем мире и его ценностях и живущие своим внутренним миром [6].

В психиатрии и клинической психологии уже много лет существует традиция, связывающая депрессию с личностными характеристиками (Крепелин, Кречмер, Фрейд) [7]. В отечественной клинической психологии последовательно рассматриваются различные психические расстройства в контексте личностных особенностей больных.

У пациентов с депрессией и дисфункцией личности отсутствие ответа на лечение наблюдается более чем в два раза чаще, чем у пациентов с обычной автономной депрессией. Кроме того, с тяжестью заболевания и ответом на лечение также связаны стиль личности и уровень ее структурной интеграции. В этой связи для оценки комплексной депрессии и повышения эффективности лечения важно углубить наше понимание взаимосвязи депрессии и личности.

Г. де ла Парра, П. Даньино, А. Бен пишут, что у пациентов с депрессией и дисфункцией личности отсутствие ответа на лечение наблюдается более чем в два раза чаще, чем у пациентов с обычной автономной депрессией. Кроме того, с тяжестью заболевания и ответом на лечение также связаны стиль личности и уровень ее структурной интеграции [2].

«К депрессии могут предрасполагать те или иные личностные особенности человека – например, перфекционизм» [11, с.157].

Мы можем предполагать, что преморбидными особенностями депрессии являются и некоторые характерные черты личности – к примеру, склонность к перфекционизму или повышенный уровень тревожности (или тревожный тип), а также чрезмерная чувствительность, апатичные черты личности, ранимость и т.д. [24].

Перед началом развития депрессивных расстройств личности пациентам свойственны особые личностные особенности – способ совладания со стрессом, использование определенных психологических защит, уровень ситуативной и личной тревожности, индивидуально-психологические особенности личности, которые обуславливают ход течения заболевания.

Наиболее тесно связана с депрессией по негативной эмоциональности такая устойчивая характеристика, как нейротизм. Нейротизм, или невротизм (от греч. «*neurōn*» – нерв), представляет собой индивидуальную личностную характеристику, предопределяемую особенностями нервной системы индивида, такими как лабильность и реактивность, и проявляющуюся в повышенной тревожности, пониженной самооценке, чувстве вины и эмоциональной неустойчивости. Нейротизм так же является очень важным критерием для прогнозирования всех распространенных психических расстройств, поскольку он характеризует эмоциональную устойчивость индивида. Личность с невротическим складом характера в наибольшей степени подвержена проявлениям депрессивной симптоматики, поскольку нейротизм проявляется в повышенной склонности к переживаниям, подавленном настроении, беспокойстве и стрессу. В стрессовой ситуации он становится тревожным, раздражительным, беспокойным – даже при таком уровне напряжения, на который другие типы личности не обратят внимания. Нейротизм – это такая черта личности, которая усложняет возвращение психики человека к нормальному спокойному состоянию [13].

Лица с повышенным уровнем нейротизма, согласно Н. J. Eysenck и S. B. Eysenck, характеризуются чрезмерной эмоциональностью, сильной реакцией на всевозможные стимулы, и трудностями вернуться на прежний уровень после каждого эмоционально возбуждающего переживания [14]. Существует множество определений данной черты, но как отмечают W. Ми с коллегами, общепри-

нятое определение заключается в том, что нейротизм является склонностью испытывать негативные эмоции [16]. Поэтому логично, что существуют значимые ассоциации между нейротизмом и депрессией.

По мнению Н. Кoenig и соавт. [15], большое депрессивное расстройство в молодом возрасте отличается преобладанием таких типичных для депрессии симптомов, как снижение настроения, потеря интереса к окружающему, суицидальные мысли, чувство вины или нежелание быть обузой для своей семьи, тогда как в пожилом возрасте – это не только потеря интересов, но и жалобы на нарушения сна и ипохондрию, т.е. симптомы, не специфичные для депрессивного расстройства.

А.С. Аведисова отмечает, что в молодом возрасте (18–25 лет) тяжесть большинства симптомов депрессии (чувство вины, заторможенность, желудочно-кишечные симптомы, общие соматические симптомы, ипохондричность, средняя и поздняя инсомния) со статистической значимостью ($p < 0,05$) была меньшей, чем в среднем возрасте, кроме одного признака – потеря массы тела, которая по выраженности значительно превосходила таковую в других возрастных группах [1].

Целью исследования является анализ личностных характеристик и особенностей личности лиц юношеского возраста, страдающих депрессиями.

В рамках исследования ставятся следующие задачи:

1. Изучить научную литературу по теме исследования.
2. Эмпирическое исследование клинико-психологических особенностей студентов с депрессией.
3. Разработка практических рекомендаций

«ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ»

В исследовании использованы методы нахождения среднего значения, отклонения от среднего значения, критерий Колмогорова-Смирнова для проверки соответствия распределения данных нормальному, критерий корреляции Спирмена, выбранный, поскольку распределение данных не соответствует нормальному. Исследование проводилось с помощью пятифакторного личностного опросника для МКБ-11 (Five Five-Factor Personality Inventory for ICD-11, FFiCD), предназначенного для использования в клинической практике для дифференцирования различных типов расстройства личности в рамках МКБ-11 и Шкалы депрессии Монтгомери-Асберг. В исследовании приняли участие 45 студентов студенты КГПАОУ «Камчатский политехнический техникум» в возрасте 18-22 года. Средний возраст 19,35. Стандартное отклонение 0,65. Выбирались студенты, которые приходят в психологическую службу вуза с жалобами на психологическое состояние, и которые имеют диагноз депрессивное расстройство.

Шкала депрессии Монтгомери-Асберг показала, что средний балл в группе составляет 28,73 (стандартное отклонение 1,98), что соответствует умеренному депрессивному эпизоду. Умеренный депрессивный эпизод характеризуется стойким снижением настроения, ангедонией (утратой радости) и упадком сил, длящимися более двух недель. При умеренной степени симптомы выражены значительно, мешая привычной работе и социальной активности, но человек сохраняет частичную функциональность.

Пятифакторный личностный опросник для МКБ-11 (Five Five-Factor Personality Inventory for ICD-11, FFiCD) представлен на рисунке 1.

На первый план выходит негативная аффективность, которая сочетает гневливость, тревожность, депрессивность, эмоциональную лабильность, недоверчивость, чувство стыда, ранимость.

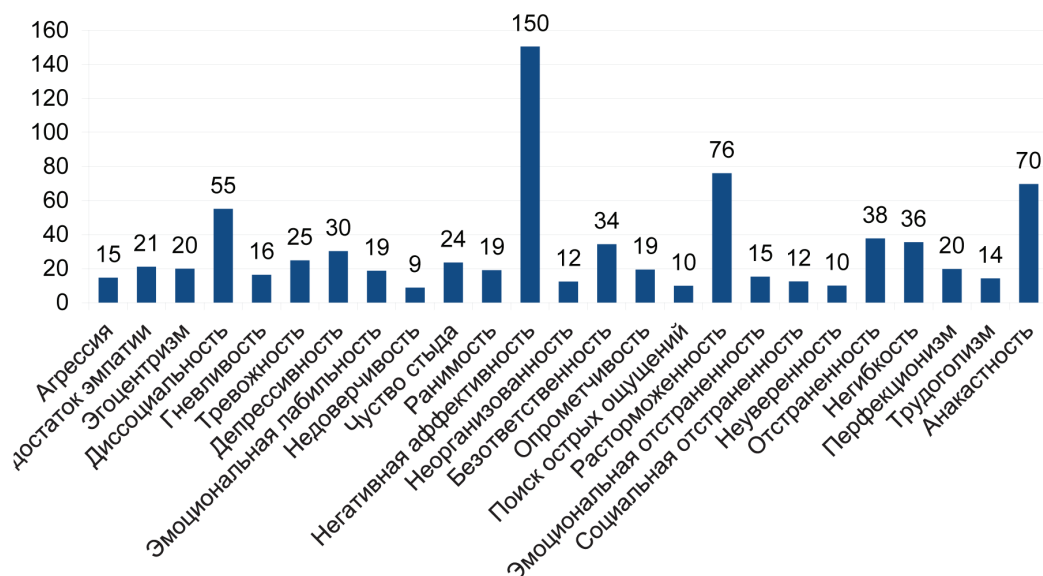

Рис. 1. Личностный профиль студентов с диагнозом депрессия

Депрессия относится к нарушениям в аффективной сфере, соответственно, в личностной сфере так же проявляется аффективная специфика.

Негативная аффективность – это личностная черта, характеризующаяся склонностью испытывать широкий спектр неприятных эмоций: тревогу, депрессию, гнев, чувство вины и страх. Проявляется через высокую эмоциональную лабильность, негативизм, низкую самооценку и недоверие к окружающим. Это приводит человека к выводу, что «жизнь не хороша». Негативная аффективность проявляется в виде психического отчуждения.

Корреляционный анализ показал наличие значимых взаимосвязей личностных черт и депрессии (рис. 2).

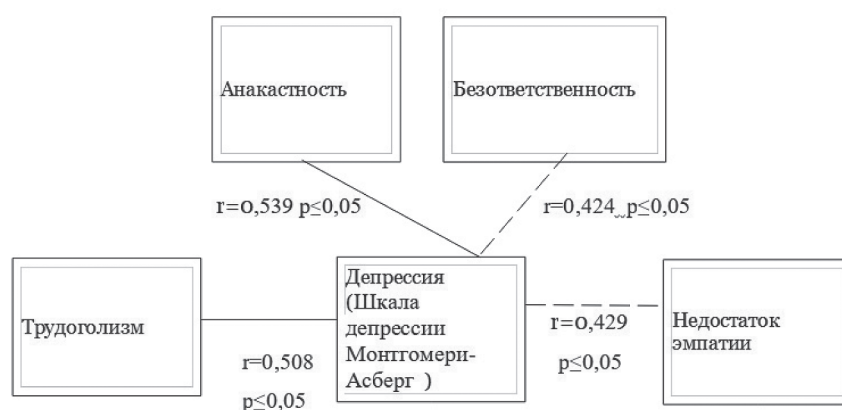

Рис. 2. Корреляционная плеяда взаимосвязей уровня депрессии и личностных особенностей студентов

Из рисунка 2 следует, что анакастность способствует усилению депрессии.

Анакастность – это стойкая фиксация на порядке, перфекционизме и контроле, повышающая риск депрессии из-за хронического напряжения, страха ошибок и социальной изоляции.

Трудоголизм так же напрямую взаимосвязан с депрессией, то есть способствует усилению депрессии.

Психологический портрет трудоголика следующий. Это человек, готовый полностью погрузиться в работу, отдавать ей все свое время и силы. Всегда быть на телефоне, в доступе, согласный на

довольнительные часы и дни работы, на отсутствие отпуска. Мысли трудоголика охвачены работой, проблемами и перспективами. На первый взгляд, это хорошие характеристики. Но если углубиться, становится ясно, что семейные отношения трудоголика страдают. Их нет, они конфликтные или отстраненные. Хобби, как правило, так же отсутствует. Общение с друзьями сведено к минимуму.

Безответственность имеет обратную взаимосвязь с депрессией, то есть способствует снижению уровня депрессии: если анакастный человек фиксирован на результате, является перфекционистом и живет в постоянном напряжении, но безответственность является противоположной крайностью – не ожидающий от себя никаких результатов человек легко относится к происходящему. Для оптимального функционирования важно найти баланс между анакастностью и безответственностью.

Чувство стыда имеет обратную взаимосвязь с депрессией, то есть способствует снижению уровня депрессии. Можно интерпретировать результат таким образом, что чувство стыда мотивирует человека, сподвигает его на активные действия, что способствует снижению депрессии.

Недостаток эмпатии имеет обратную взаимосвязь с депрессией (Шкала депрессии Монтгомери-Асберг), то есть чем более выражен недостаток эмпатии, тем ниже депрессия, а высокая эмпатия способствует повышению уровня депрессии. Эмпатия – важнейшая способность в межличностном взаимодействии. Навык эмпатии обеспечивает понимание чувств партнеров по общению, умение пережить эмоции другого человека. Эмпатия помогает выстроить доверительные, конструктивные отношения.

Когда человек обладает высоким уровнем эмпатии, он может предотвратить конфликты, построить позитивные отношения с окружающими. В целом, можно говорить о том, что эмпатия каждого – залог успешности и сплоченности группы и общества.

Полученная взаимосвязь депрессии и эмпатии указывает на негативную роль эмпатии для благополучия личности, которую следует учитывать. Можно предположить, что чрезмерная эмпатия приводит к размыванию границ личности, человек перестает понимать, что его переживания, а где переживания другого человека. Как следствие, негативные эмоции других могут ощущаться как собственные, и формируется депрессия. В целом переживания за других могут приводить к тому, что человек не строит свою жизнь, свои цели, а акцентирует внимание на чужих чувствах.

Важно поддерживать оптимальный уровень эмпатии, чувствовать границы, чтобы не впасть в депрессию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно сделать вывод, что личностные особенности выступают значимым фактором риска депрессии, определяя преморбидный фон, уязвимость к стрессу и клинические особенности расстройства. Результаты исследования показали, что негативная аффективность, тревожность, анакастность, трудоголизм повышают риск развития депрессивных состояний и потенциально утяжеляют прогноз. Практическим психологам в сфере образования и психологам, работающим с юношами и девушками, следует уделять внимание диагностике личности студентов и в коррекционно-развивающей и профилактической работе снижать негативную аффективность, тревожность, анакастность, трудоголизм студентов.

Список литературы

1. Аведисова, А.С., Захарова, К.В., Миронова, Н.В., Аносов, Ю.А. Особенности возрастного патоморфоза непсихотических депрессивных расстройств // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. Спецвыпуски. – 2013. – № 113 (1-2). – С. 7–13.

2. Депрессия и дисфункция личности. Комплексный взгляд на функциональные домены / под ред. Г. де ла Парры, П. Даньино, А. Бена ; пер. с англ. ; под ред. Д.Н. Иванова. – Москва : ГЭОТАР-Медиа, 2023. – 327 с.
3. Еричев, А.Н., Коцюбинский, А.П., Кузнецова, С.Л. Депрессия как биопсихосоциальная проблема // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 2021. – Т. 121, вып. 2.
4. Карвасарский, Б.Д. Клиническая психология. – Санкт-Петербург : Питер, 2019. – 896 с.
5. Корнетов, Н.А., Катаева, Н.Г., Левина, А.Ю. Депрессия в неврологии : учебное пособие. – Томск : Издательство СибГМУ, 2018. – 161 с.
6. Лоуэн, А. Депрессия и тело. – Москва : Издательство Ангелина Сарматова, 2023. – 432 с.
7. Полмайер, Г. Психоаналитическая теория депрессии // Энциклопедия глубинной психологии. – Москва : MGM-Interna, 2020. – Т. 1. – С. 681–740.
8. Смуглевич, А.Б. Депрессии в общей медицине : руководство для врачей. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Медицинское информационное агентство, 2007. – 256 с.
9. Тиганов, А.С. Эндогенные психические заболевания // Психиатрия. – 2003. – № 2. – С. 17–25.
10. Эсаулова, И.В. Теоретические аспекты нейротизма как личностной особенности // Молодой ученый. – 2024. – № 7 (506). – С. 163–167. – URL: <https://moluch.ru/archive/506/111359/>.
11. Юдеева, Т.Ю. Перфекционизм как личностный фактор депрессивных и тревожных расстройств : дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 2017. – 159 с.
12. Barnhofer, T., Chittka, T. Cognitive reactivity mediates the relationship between neuroticism and depression // Behaviour Research and Therapy. – 2010. – Vol. 48, No. 4. – P. 275–281.
13. Jeronimus, B.F., Kotov, R., Riese, H., Ormel, J. Neuroticism's prospective association with mental disorders halves after adjustment for baseline symptoms and psychiatric history, but the adjusted association hardly decays with time: a meta-analysis on 59 longitudinal/prospective studies with 443,313 participants // Psychological Medicine. – 2016. – Vol. 46, No. 14. – P. 2883–2906.
14. Eysenck, H.J., Eysenck, M.W. Personality and Individual Differences. – New York : Plenum Press, 1985.
15. Koenig, H.G., Cohen, H.J., Blazer, D.G., Krishnan, K.R.R., Sibert, T.E. Profile of Depressive Symptoms in Younger and Older Medical Inpatients with Major Depression // Journal of the American Geriatrics Society. – 1993. – No. 41. – P. 1169–1176.
16. Mu, W. et al. The relationship between self-esteem and depression when controlling for neuroticism // Collabra: Psychology. – 2019. – Vol. 5, No. 1.
17. World Health Organization. The Global Burden of Disease: 2026 Update. – URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789241563710>.

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ВОВЛЕЧЕНИЯ АУДИТОРИИ ТЕАТРА (НА ПРИМЕРЕ «МОСКОВСКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ТЕАТРА САТИРЫ»)

Стёпина Дарья Сергеевна¹,

магистрант,

e-mail: dstepina21@gmail.com

Маркова Ольга Владимировна¹,

кандидат экономических наук,

доцент кафедры государственного и муниципального управления,

e-mail: markovaolga@yandex.ru

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

В статье рассматривается процесс трансформации взаимодействия театра с аудиторией в контексте цифровой экономики. Авторы анализируют переход от базовой цифровизации операционных процессов к созданию человекоцентричной модели, в которой ключевым фокусом становится эмоциональный опыт и персонализированное обслуживание зрителя. На основе кейса ГБУК г. Москвы «Московский академический театр сатиры» исследуются поведенческие и технологические инструменты, направленные на формирование устойчивой лояльности и повышение вовлечённости аудитории. В работе применяются концепции поведенческой экономики, нейромаркетинга и теории «подталкивания» (nudge) для обоснования предложенных стратегических решений.

Ключевые слова: театральный менеджмент, цифровизация, человекоцентричный подход, поведенческая экономика, стратегии вовлечения, информационные технологии в культуре, технологии подталкивания, анализ данных.

BEHAVIORAL AND TECHNOLOGICAL STRATEGIES FOR ENGAGING THEATRE AUDIENCES (CASE STUDY OF THE MOSCOW ACADEMIC SATIRE THEATRE)

Stepina Darya Sergeevna¹,

Master student,

e-mail: dstepina21@gmail.com

Markova Olga Vladimirovna¹,

candidate of economic sciences,

associate professor, department of State and Municipal Management,

e-mail: markovaolga@yandex.ru

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

The article examines the process of transforming theatre-audience interaction in the context of the digital economy. The authors analyze the transition from basic digitalization of operational processes to the creation of a human-centered model, in which the key focus becomes emotional experience and personalized audience service. Based on the case study of the Moscow Academic Satire Theatre, the research explores behavioral and technological tools aimed at building sustainable loyalty and increasing audience engagement. The work applies concepts from behavioral economics, neuromarketing, and nudge theory to substantiate the proposed strategic solutions.

Keywords: theatre management, digitalization, human-centered approach, behavioral economics, engagement strategies, technology in culture, nudge theory, data analysis.

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

Актуальность настоящего исследования продиктована кардинальными изменениями в структуре досуга современного горожанина. В условиях перенасыщения информационного поля и жесткой конкуренции за внимание потребителя традиционные культурные институты, в частности театры, сталкиваются с необходимостью пересмотра устоявшихся моделей коммуникации. Простой перевод услуг в цифровой формат уже не дает театру преимуществ перед конкурентами. Продажа билетов через интернет или публикация афиш на сайте воспринимаются публикой теперь как обязательный минимум, а не как инновация. На первый план выходит иное умение. Это способность учреждения выстраивать с аудиторией глубокую эмоциональную связь. Зрителю более важен не просто сам спектакль, а целостный, персонализированный опыт на всех стадиях контакта. То есть, от поиска информации и до обсуждения впечатлений после просмотра. Этот опыт должен быть бесшовным и уникальным для каждого.

Цель нашего исследования состоит в теоретическом обосновании и практической оценке тех стратегий (поведенческих и технологических). Которые позволяют повысить вовлеченность зрителей. В качестве объекта мы рассматриваем деятельность драматического театра в современных условиях. Предметом изучения стали конкретные механизмы, через которые реализуется человекоцентричный подход. Эмпирическая база – опыт ГБУК г. Москвы «Московский академический театр сатиры». Методологическая основа работы включает системный анализ, сравнительные методы, элементы дизайн-мышления. Помимо этого – разбор практических кейсов, касающихся продаж и поведения зрителей Театра сатиры.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Современный культурный ландшафт в наши дни меняется глобальным образом. И главную роль здесь играют глобальные технологические тренды. Для театров и других институций культуры цифровая трансформация перестала быть чем-то дополнительным. Она превратилась в решающее условие конкурентоспособности. Сдвиг в подходах к управлению театральными проектами можно охарактеризовать как движение от транзакционной модели к реляционной. Изначально «цифровизация» решала сугубо внутренние задачи. Она повышала эффективность и сокращала издержки (например, через переход на электронные билеты или создание сайта-визитки). Но современный человекоцентричный подход требует более серьезных преобразований. Он предполагает реинжиниринг всех бизнес-процессов. При этом в центре внимания оказываются потребности конкретного человека. По сути, это означает тщательное проектирование каждой точки контакта со зрителем. То есть от момента пробуждения у него интереса, до этапа рефлексии после просмотра [1].

Важнейшая особенность нового подхода – активное использование данных из области поведенческой экономики. Классический маркетинг обычно делает ставку на рациональные выгоды. Тогда как поведенческие стратегии учитывают иррациональность нашего выбора. Например, теория «подталкивания» (Р. Талер и К. Санстейн) убедительно показывает, что даже весьма небольшие изменения в интерфейсе, формулировках или последовательности опций могут направлять поведение человека в нужную сторону. При этом свобода выбора полностью сохраняется [2]. Для театра такая логика открывает возможность мягко подводить зрителя к новым постановкам. Или предлагать более удобные способы покупки билетов. Одновременно с этим инструменты нейромаркетинга [3] помогают расшифровывать неосознаваемые реакции аудитории на визуальные и текстовые стимулы.

Это знание особенно ценно при разработке цифровых интерфейсов и рекламных материалов. В результате, визуальная эргономика, понятная навигация и эмоциональная окраска общения напрямую влияют на решение о покупке. А также и на то, насколько зритель будет привязан к бренду театра.

Чтобы внедрить человекоцентричный подход эффективно, нужно на первом этапе смоделировать весь путь зрителя. В данной связи в нашем исследовании мы декомпозировали этот путь на последовательные этапы, результаты чего обобщены в таблице 1.

Таблица 1

Основные этапы взаимодействия зрителя с театром

Этап	Описание процесса	Ключевые точки контакта
Осведомленность	Формирование первичного интереса к репертуару и конкретным постановкам.	Социальные сети, сарафанное радио, контекстная реклама, публикации в СМИ.
Рассмотрение	Оценка предложений, сравнение с конкурентами, изучение состава актеров, отзывов и сюжета.	Официальный сайт, театральные агрегаторы, отзывы на картах, видеотрейлеры.
Транзакция (Покупка)	Процесс приобретения билета. Критический этап, где высок риск отказов из-за технических сложностей.	Онлайн-касса на сайте, мобильное приложение, кассы в театре.
Посещение	Непосредственный опыт нахождения в театре: атмосфера, комфорт, сервис в буфете, навигация.	Входная группа, гардероб, буфет, зрительный зал, программа/буклет.
Пост-взаимодействие	Обратная связь, обсуждение впечатлений, формирование решения о повторном визите.	Социальные сети, электронная почта (рассылки), программы лояльности, опросы.

Анализ полученной декомпозиции дает основания для ряда выводов.

Первый вывод касается структуры зрительского маршрута. Он не выглядит как прямая линия и не является однородным на всем протяжении. Каждый из этапов опирается на свои каналы связи и свой набор факторов. Факторов, которые влияют на решение человека. Например, на стадии, когда зритель только узнает о театре, наибольшее значение имеют внешние коммуникации учреждения и так называемое «сарафанное радио». Но как только потенциальный посетитель переходит к обдумыванию и выбору, то центр тяжести смещается. Здесь решающую роль начинает играть качество цифрового присутствия. То есть – насколько удобен сайт и есть ли трейлеры спектаклей, доступны ли отзывы других зрителей.

Второе наблюдение касается этапа оформления покупки. Здесь, в момент транзакции, возникает наиболее уязвимое место всего процесса. Это – своего рода «узкое горлышко». Даже при высоком уровне заинтересованности зритель часто отказывается от билета, если сталкивается с техническими сбоями, запутанной навигацией или ограниченным выбором платёжных средств. По оценкам, которые приводят многие исследователи, доля таких потерянных клиентов может достигать 30% от всех, кто уже начал оформление.

Третий вывод посвящён этапу после просмотра. Театры нередко недооценивают его значимость. А ведь именно здесь закладывается фундамент для будущих визитов и устойчивой преданности зрителя. Если не наладить сбор обратной связи и не выстроить индивидуальные коммуникации с посетившими спектакль, то вероятность того, что разовый гость превратится в постоянного, резко снижается.

Из всего сказанного следует, что человекоцентричный подход требует внимательной и последовательной работы над каждым этапом из выделенных. Любой «провал» хотя бы на одном из них

неизбежно разрушает эмоциональный контакт с аудиторией. И в таком случае все усилия на других стадиях теряют свою эффективность.

Работа с выделенными этапами становится возможной при условии, что театр обладает интегрированной цифровой экосистемой, объединяющей все перечисленные каналы. На примере Театра сатиры видно, что ядром такой экосистемы выступает мобильное приложение и сайт с личным кабинетом. Наличие единой базы данных зрителей позволяет синхронизировать информацию о покупках и предпочтениях, что создает основу для персонализации [4]. Технологии здесь выступают не целью, а средством: сбор и анализ данных о поведении пользователей позволяет перейти от массовых коммуникаций к адресным предложениям.

В ходе анализа деятельности ГБУК г. Москвы «Московский академический театр сатиры» были выявлены и систематизированы применяемые поведенческие механики, эффективность которых базируется на использовании когнитивных искажений и принципов поведенческой психологии. Соответствующие стратегии и примеры их реализации обобщены в таблице 2.

Таблица 2

Применение поведенческих стратегий в деятельности Театра сатиры

Принцип / Искажение	Описание механизма	Пример реализации в театре
Эффект дефицита	Ограниченность предложения усиливает его ценность в глазах потребителя.	Маркировка билетов: «Осталось всего 5 мест», выделение «последних билетов» на схеме зала.
Социальное доказательство	Ориентация на мнение и поведение других людей как на критерий правильности выбора.	Блоки на сайте «Самый популярный спектакль месяца», отображение количества просмотров трейлера.
Эффект якоря	Зависимость оценки от первой полученной цифры или предложения.	Демонстрация дорогих пакетов (VIP-ложа) в первую очередь для смещения восприятия цены стандартных билетов.
Геймификация	Внедрение игровых элементов в неигровой контекст для повышения вовлеченности.	Программы лояльности с накоплением баллов, квесты в здании театра, челленджи в соцсетях.
Статусность	Стремление человека к достижению более высокого социального статуса или признания.	Программы лояльности («Бронзовый», «Золотой» зритель) с эксклюзивными привилегиями (закрытые репетиции).

Анализ представленных в таблице 2 поведенческих стратегий позволяет выявить несколько закономерностей. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что все перечисленные механики основаны на фундаментальных свойствах человеческой психики, а не на рациональных экономических расчетах.

Эффект дефицита и социальное доказательство эксплуатируют нашу склонность к стадному поведению и страх упущенной выгоды. Это особенно эффективно работает в сфере культурных событий, где уникальность момента является значимой ценностью. Эффект якоря, в свою очередь, демонстрирует, как порядок предъявления вариантов может кардинально влиять на восприятие цены. Билет за 3000 рублей кажется приемлемым, если непосредственно перед этим зрителю показали вариант за 15000 рублей. Геймификация и статусность ориентированы на долгосрочное вовлечение: они превращают посещение театра из разовой транзакции в системную деятельность, где важно накапливать баллы, достигать новых уровней и получать признание. Особенно значимым представляется то, что применение этих стратегий не требует масштабных инвестиций – в большинстве случаев речь идет об изменении интерфейса, текстов коммуникаций или структуры предложения, а

не о дорогостоящих технологических внедрениях. Это делает поведенческие подходы доступным и высокоэффективным инструментом повышения вовлеченности аудитории даже для театров с ограниченными бюджетами. Вместе с тем важно подчеркнуть, что эти механики должны применяться этично: зритель не должен чувствовать себя манипулируемым, а его свобода выбора должна сохраняться в полном объеме.

Важно отметить, что сбор данных (Big Data) позволяет театру выходить за рамки интуитивных догадок. Сегментация базы на основе частоты посещений и жанровых предпочтений дает возможность использовать предиктивную аналитику. Например, если система фиксирует снижение активности постоянного зрителя, может быть запущена персонализированная коммуникация с предложением, релевантным его прошлому опыту [5]. Это превращает статистику из сухих цифр в инструмент построения диалога, удерживающего аудиторию [6].

Театр сатиры демонстрирует активную интеграцию цифровых инструментов: ведется работа в социальных сетях, публикуется эксклюзивный контент (интервью с художественным руководителем Е.В. Герасимовым, репортажи с репетиций), используется CRM для таргетированных рассылок [7]. Однако в рамках текущего цифрового опыта наблюдается недостаточное использование иммерсивных технологий. Сравнительный анализ показал, что существующий функционал эффективно решает операционные задачи, но не всегда генерирует сильный эмоциональный отклик. В связи с этим были определены потенциальные зоны для развития.

Во-первых, это иммерсивность. То есть внедрение элементов дополненной реальности (AR) в программки и афиши, создание виртуальных туров по закулисы для расширения географической доступности и вовлечения людей с ограниченными возможностями.

Во-вторых, персонализация рекомендаций. Это переход к системе, которая анализирует историю просмотров зрителя и предлагает спектакли на основе выявленных паттернов (аналогично стриминговым сервисам).

В-третьих, динамическое ценообразование. Применение алгоритмов гибкого изменения цен в зависимости от спроса для оптимизации загрузки зала и работы с «эффектом якоря».

При этом эффективная коммуникация с аудиторией будущего строится на следующих принципах:

Эмпатия превыше технологий. Сначала – глубокое исследование мотивов и барьеров зрителя (поведенческий анализ), далее – подбор технологического решения.

Бесшовный опыт. Путь зрителя от первого касания с рекламой в социальной сети до обсуждения спектакля после его окончания должен быть единым, интуитивно понятным и приятным.

Данные как диалог. Использование Big Data – это не слежка, а способ лучше узнать свою аудиторию и предлагать то, что действительно нужно.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Проведенное исследование подтверждает, что переход от простой цифровизации услуг к человекоцентричному опыту является безальтернативным путем развития для современного театра. Анализ кейса ГБУК г. Москвы «Московский академический театр сатиры» демонстрирует, что синергия технологической инфраструктуры и поведенческих механик позволяет достичь главной стратегической цели – формирования устойчивой эмоциональной связи с аудиторией [8]. Технологии в этой связке выполняют функцию «инфраструктуры», собирающей данные и обеспечивающей удобство, тогда как поведенческие стратегии («технологии подталкивания», геймификация, персонали-

зация) используют эти данные для создания мотивации и чувства принадлежности к сообществу. Успешный театр будущего представляет собой сложную экосистему, сопровождающую зрителя от момента осведомленности до стадии «адвоката бренда», превращая его из случайного посетителя в преданного друга.

Дальнейшие исследования целесообразно направить на разработку инструментов для количественной оценки эмоциональной вовлеченности (нейроиндексы) и анализ долгосрочного влияния человекоцентричных стратегий на капитализацию театрального бренда.

Список литературы

1. Рябова, О.В. Человекоцентричность как стратегическая основа современного бренд-менеджмента // Вестник евразийской науки. – 2025. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovekotsentrichnost-kak-strategicheskaya-osnova-sovremennogo-brend-menedzhmenta> (дата обращения: 14.06.2026). – Текст : электронный.
2. Талер, Р., Санстейн, К. Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье / пер. с англ. Е. Петровой. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2021. – 240 с.
3. Башкина, Н.А., Клым-Еремина, Н.В., Шишакова, Ю.В. Ключевые аспекты применения нейромаркетинга // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2024. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevye-aspekty-primeneniya-neyromarketinga> (дата обращения: 14.06.2026). – Текст : электронный.
4. Нечаева, О.А. Персонализация как один из главных трендов современного маркетинга // E-Scio. – 2021. – № 3 (54). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/personalizatsiya-kak-odin-iz-glavnyh-trendov-sovremennogo-marketinga> (дата обращения: 14.06.2026). – Текст : электронный.
5. Егорова, О.С., Ведерникова, К.В. Психология потребителей // Вопросы науки и образования. – 2021. – № 29 (154). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-potrebiteley> (дата обращения: 14.06.2026). – Текст : электронный.
6. Алексеева, Е.В. Влияние цифровизации на культуру. Цифровые технологии в сфере культуры // Вестник науки. – 2024. – № 11 (80). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovizatsii-na-kulturu-tsifrovye-tehnologii-v-sfere-kultury> (дата обращения: 14.06.2026). – Текст : электронный.
7. Савченко, Е.А., Дмитриева, А.В. Применение проектных технологий в современных учреждениях культуры // Вестник науки. – 2024. – № 9 (78). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primeneniye-proektnykh-tehnologiy-v-sovremennykh-uchrezhdeniyah-kultury> (дата обращения: 14.06.2026). – Текст : электронный.
8. Официальный сайт театра сатиры. – URL: <https://satire.ru/news/v-programme-otkroyte-david> (дата обращения: 14.06.2026). – Текст : электронный.

ПРИЗНАНИЕ ОТЦОВСТВА В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ ПРИ ОТСУТСТВИИ РЕГИСТРАЦИИ БРАКА: НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Твердова Татьяна Викторовна¹,

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры гражданского права и процесса,

доцент кафедры гражданского и уголовного права и процесса,

руководитель правового комитета Ассоциации «Российский Союз аудиторов»,

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

В статье анализируются проблемы, связанные с признанием отцовства в судебном порядке по иску матери несовершеннолетнего ребенка при отсутствии регистрации брака.

Ключевые слова: отцовство, добровольное признание, внебрачный союз мужчины и женщины, ребенок.

JUDICIAL RECOGNITION OF PATERNITY IN THE ABSENCE OF A REGISTERED MARRIAGE: SOME LEGAL ISSUES

Tverdova Tatyana Viktorovna¹,

Candidate of Law, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure,

Associate Professor of the Department of Civil and Criminal Law and Procedure,

Head of the Legal Committee of the Association "Russian Union of Auditors"

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

The article analyzes the problems associated with the recognition of paternity in court at the request of the mother of a minor child in the absence of a registered marriage.

Keywords: paternity, voluntary recognition, extramarital union of a man and a woman, child.

Оценка отцовства основана, прежде всего, на комплексе норм морально-этического характера, лежащего в основе взаимоотношений конкретной пары – мужчины и женщины. Переход в правовое поле возникает тогда, когда возникают субъективные проблемы, порождаемые сомнением мужчины по поводу своего отцовства и, как следствие, непризнания его в добровольном порядке.

Регулирование института отцовства осуществляется как нормами материального права, так и процессуальными. Семейный кодекс Российской Федерации определяет основания и условия установления происхождения ребенка применительно к различным обстоятельствам, связанным с его рождением, обозначенным в главе 10 Кодекса [1]. Не задаваясь целью исследовать все аспекты, остановимся на некоторых из них, исходя из отсутствия между родителями ребенка регистрации брака, то есть их нахождения в, так называемом, гражданском браке.

По данным Росстата, за последние 10 лет количество гражданских браков увеличилось в четыре раза. Как показал опрос социологической группы Russian Field в контексте спада рождаемости и демографической ямы среди респондентов, состоящих в браке или отношениях, только 58% воспитывают детей, и лишь 10% планируют завести ребенка. [2]

Как правило, сторонники толерантных отношений к внебрачному союзу, не задумываются о возможном материнстве и отцовстве. Конечно, нельзя утверждать, что рождение детей вне брака

обязательно повлечет за собой уклонение мужчины от признания себя отцом. Законодательно определена процедура добровольного признания отцовства путем совместного обращения родителей ребенка в орган записи актов гражданского состояния, что регламентировано процессуальными нормами, положениями Федерального закона от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния». В статье 50 Закона подробно определен текст заявления, в частности, должно быть обязательно указано не только подтверждение мужчиной своего отцовства, но и согласие на то матери ребенка. Допускается возможность подачи совместного заявления в форме электронного документа, но в назначенное для государственной регистрации отцовства время родители должны явиться вместе. Это, по сути, превентивные меры на случай возможного последующего оспаривания отцовства в судебном порядке. [3]. В силу статьи 52 Семейного кодекса РФ оспаривание отцовства возможно только в судебном порядке по требованию лиц, записанных в качестве отца или матери ребенка, опекуна родителя, признанного судом недееспособным, самого ребенка, достигшего совершеннолетия либо эмансипированного, опекуна (попечителя) ребенка. В данной норме в качестве заявителей названы также лица, фактически являющиеся отцом или матерью ребенка. Представляется, что в отношении указанных субъектов требуется уточнение правового статуса, поскольку круг таких лиц следует из некоторых правовых норм только по смыслу, а не путем конкретного определения. Так, в главе 10 Семейного кодекса РФ указано, что это, прежде всего, родители, происхождение ребенка от которых не оспаривается. По смыслу статьи 67 Кодекса, такими лицами могут быть бабушки, дедушки, братья, сестры, иные родственники. Можно ли их отнести к лицам, фактически, а не биологически, являющимися отцом или матерью ребенка, если они исполняют родительские обязанности вместо биологических родителей, но при этом ребенок не называет их мамой и папой? Такой же вопрос возникает и по поводу отчима или мачехи, которые воспитывают ребенка, но он не считает их мамой или папой, поскольку общается с другим, отдельно живущим биологическим родителем, и считает именно его или ее своим отцом или матерью? Конкретных, нормативно закрепленных, ответов нет. Представляется, что включение в Семейный кодекс точных определений правового статуса таких лиц имеет практическое значение применительно к их правам оспаривать отцовство, а также уяснения возможности либо невозможности наследовать по закону.

В Семейном кодексе, помимо норм материального права, содержатся процессуальные нормы. В частности, статьей 52 определен судебный порядок для оспаривания отцовства. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации по делам об установлении отцовства устанавливает родовую и территориальную подсудность, а также вид судебного производства. [4]. Заметим, что Гражданский процессуальный кодекс в разделе искового производства (часть 3 статьи 29) использует формулировку «установление», а не «оспаривание» отцовства. Статьей 264 к делам особого производства относится установление факта признания отцовства. Факты, требующие установления в судебном порядке, должны не оспариваться, а не признаваться, а необходимость их признания обусловлена возникновением юридически значимых последствий, которые необходимо указать в заявлении для судебного рассмотрения. Поскольку в нормах Семейного кодекса и Гражданского процессуального кодекса имеются разные формулировки – «оспаривание» и «установление» отцовства, полагаем необходимым выявить сходство или различие в понятиях для последующего предложения нормативного закрепления. В энциклопедическом толковании слово «оспаривание» означает «опротестовывание, оппонирование, обжалование, опротестование, опровержение», а слово «установление» - «введение, принятие, определение, нахождение, измерение; диагностирование,

выяснение, утверждение, доказывание, обнаружение». [5] Если следовать лингвистическому анализу понятий, подлежащему обязательному применению при подготовке текстов законопроектов (Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов, письмо Госдумы Российской Федерации от 18 ноября 2003 года № вн2-18/490) [6] то явно усматривается отсутствие идентичности. По нашему мнению, это является одной из основных причин различий в судебном подходе по виду производства и сделанным выводам по делам об отцовстве. Например, в одном из районных судов города Москвы принят к производству иск матери малолетнего ребенка о признании отцовства, что означает рассмотрение дела в порядке искового производства по правилам подраздела II ГПК РФ. Ответчиком является мужчина, с которым она вместе проживала в «гражданском браке» в его квартире вплоть до того, как рожденному в этом союзе ребенку исполнился один год. При этом она, а затем ребенок полностью находились на иждивении мужчины. В свидетельстве о рождении ребенка женщина пожелала вообще не указывать отца ребенка, поэтому в соответствии со статьей 69 Федерального закона от 15.11.97 №143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» на основании заявления матери, не состоящей в браке с отцом ребенка, сведения об **отце** ребенка были исключены из записи акта о рождении, а в свидетельстве в графе «отец» поставлен прочерк. При этом женщина преследовала определенную цель – получить статус матери-одиночки и, соответственно, право на льготы, установленные законодательством. Затем возникли проблемы во взаимоотношениях и женщина обратилась с иском в суд, предварительно не спросив отца ребенка, готов ли он добровольно признать отцовство путем подачи заявления в ЗАГС. Суд принял иск к производству, но вызывает сомнение правильность выбора судом искового производства, поскольку иск заявлен не об установлении, а о признании отцовства, то есть по сути самого факта отцовства, что относится к делам особого производства. Кроме того, имеет существенное значение то, что отцовство не отрицается и признается добровольно. Исходя из данных обстоятельств, наиболее логично принять судебный акт о прекращении дела в связи с тем, что факт отцовства должен устанавливаться в особом порядке, однако статья 220 Гражданского процессуального кодекса РФ, содержащая основания для прекращения дела по иску, соответствующего основания не предусматривает. При таком процессуальном подходе суду остается лишь рассмотреть дело по иску, хотя имеет место отсутствие спора. Полагаем, что указанная норма должна быть дополнена основанием для прекращения дела по иску, если судом будет установлено отсутствие спора и необходимость обращения с заявлением в порядке особого производства.

Подраздел IV Гражданского процессуального кодекса о рассмотрении дел в порядке особого производства также требует определенной корректировки. Заявлению о признании отцовства должна предшествовать обязательная досудебная процедура, состоящая в том, что заявительница (иное лицо, обладающее соответствующим правом) должна предоставить суду доказательство уклонения отца ребенка от добровольного признания отцовства. В этой связи статью 267 ГПК РФ целесообразно дополнить требованием об указании в заявлении об установлении факта отцовства обстоятельств, подтверждающих уклонение мужчины от добровольного признания себя отцом ребенка с приложением к заявлению соответствующих доказательств. Такое дополнение будет корреспондировать с нормами о добровольном признании отцовства, установленными статьей 50 Федерального закона № 153-ФЗ.

Таким образом, есть основания полагать, что сложившиеся в социуме отношения внебрачного союза мужчины и женщины, результатом которого является рождение детей, нуждается в более конкретном правовом регулировании, прежде всего, для обеспечения защиты материнства и детства.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=487371> (дата обращения: 23.06.2026). – Текст : электронный.
2. Каждый второй россиянин одобряет жизнь в гражданском браке для проверки чувств : опрос // Интерфакс-Россия. – URL: <https://www.interfax-russia.ru/center/novosti-podmoskovya/kazhdyy-vtoroy-rossiyanin-odobryaet-zhizn-v-grazhdanskom-brake-dlya-proverki-chuvstv-opros> (дата обращения: 23.06.2026). – Текст : электронный.
3. Об актах гражданского состояния : Федеральный закон от 15 ноября 1997 года № 143-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 25.10.2001 № 138-ФЗ, от 08.08.2024 № 249-ФЗ, от 08.08.2024 № 260-ФЗ) [Электронный ресурс]. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=488364> (дата обращения: 23.06.2026). – Текст : электронный.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 23.06.2026). – Текст : электронный.
5. Академик [Электронный ресурс] : словари и энциклопедии. – URL: <https://academic.ru/> (дата обращения: 23.06.2026). – Текст : электронный.
6. Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов : письмо Государственной Думы Российской Федерации от 18 ноября 2003 года № вн2-18/490 [Электронный ресурс]. – URL: <https://fadn.gov.ru/documents/pravovoe-obespechenie/techniques/file-download/n3fkdnvpriygz0wwqe21j-bkz2mz4cjg> (дата обращения: 23.06.2026). – Текст : электронный.

ИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ ПО АЛИМЕНТНЫМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Твердова Татьяна Викторовна¹,

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры гражданского права и процесса,

доцент кафедры гражданского и уголовного права и процесса,

руководитель правового комитета Ассоциации «Российский Союз аудиторов»,

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

В статье анализируются проблемы, связанные с обеспечением исполнения судебного акта о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей.

Ключевые слова: Конституция РФ, защита права, добросовестность, исполнительное производство, судебный пристав, прокурор

ENFORCEMENT OF A JUDICIAL DECISION ON ALIENATE OBLIGATIONS: ACTUAL PROBLEMS

Tverdova Tatyana Viktorovna¹,

Candidate of Law, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure,

Associate Professor of the Department of Civil and Criminal Law and Procedure,

Head of the Legal Committee of the Association «Russian Union of Auditors

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

The article analyzes the problems associated with ensuring the enforcement of a judicial act on the collection of alimony for minor children.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, protection of rights, good faith, enforcement proceedings, bailiff, prosecutor

Исполнительное производство представляет собой совокупность актов и действий, имеющих принудительный характер в отношении субъектов, являющихся должниками в соответствии со вступившим в законную силу судебным актом и уклоняющимися от его добровольного исполнения. Порядок, условий исполнения и лица, обеспечивающие его, установлены в Федеральном законе от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [1]. В соответствии со статьей 5 Закона принудительное исполнение судебных актов, иных актов уполномоченных органов возлагается на судебных приставов-исполнителей. Перечень исполнительных действий определен в статье 64 Закона № 229-ФЗ и, казалось бы, в силу их обширности нет никаких препятствий для обеспечения принудительного исполнения, в частности, судебного решения. Однако, в ряде случаев возникший на первых порах оптимизм взыскателя, получившего положительное решение суда, постепенно угасает в связи с проблемами его исполнения из-за недобросовестности не только должника, но и судебного пристава-исполнителя. Не затрагивая проблем, возникающих по исполнению судебных решений в сфере экономики, обратимся к тем, которые имеют социальный характер – алиментные обязательства.

Статьей 38 Конституции Российской Федерации провозглашен принцип защиты государством материнства, детства и семьи [2], воспроизведенный и в статье 1 Семейного кодекса Российской Федерации. Одной из обязанностей родителей является содержание несовершеннолетних детей, а в случае уклонения взыскание содержания (алименты) на детей осуществляется на основании решения суда (статья 80 Семейного Кодекса РФ). [3]. Родитель-взыскатель, не получающий алиментов от второго родителя, вправе воспользоваться судебным порядком и исполнительным производством для понуждения должника к выполнению законных обязанностей. При этом получить причитающиеся алименты можно только, если исполнительное производство будет проведено добросовестно и ответственно. Законом № 229-ФЗ предусмотрен вполне работающий и эффективный механизм, предоставляющий судебному приставу права не только обращать взыскание на денежные средства должника почти любого правового происхождения, на его имущество, но и накладывать арест на него, даже находящееся на законном основании у третьих лиц, обеспечивать принудительное выселение из жилого помещения должника или вселять взыскателя, принудительно освобождать нежилое помещение от имущества должника и освобождать от его имущества и присутствия земельный участок и совершать другие принудительные действия, хотя прямо не указанные в Законе № 229-ФЗ (статья 50). Из смысла статьи 65 Закона следует, что судебный пристав должен действовать активно, то есть объявлять и проводить исполнительный розыск скрывающегося должника и скрываемого им имущества. В Законе нет каких-либо норм, предусматривающих обязательные условия, побуждающие пристава быть активным, а также устанавливающих его ответственность за необеспечение взыскания, поскольку его добросовестность презюмируется. Но оказывается, что одной смысловой сути недостаточно, а отсутствие четко сформулированных конкретных норм является поводом для бездействия приставов с последующим вынесением ими постановления о завершении исполнительного производства ввиду невозможности взыскания в порядке очень «удобной» статьи 46 Закона.

Бездействие судебного пристава можно обжаловать в судебном порядке, заявив требование о признании бездействия неправомерным и об обязании совершить действия, указанные в статье 65 Закона № 229-ФЗ. Действующее процессуальное законодательство позволяет предъявлять соответствующие административные иски в порядке статьи 441 Гражданского процессуального кодекса РФ [4] и статьи 329 Арбитражного процессуального кодекса РФ [5]. С позиции права нормы воспринимаются позитивно. Но нельзя не понимать социального драматизма ситуации, связанной с отсутствием финансовой поддержки родителя, не воспитывающего несовершеннолетних детей и уклоняющегося от уплаты алиментов полностью или частично. Чаще всего оказываются уязвимыми матери, которым закон «услужливо» предлагает, помимо основной проблемы неполучения денег от недобросовестного родителя, еще и «бороться» с недобросовестным судебным приставом, который, являясь государственным служащим, а, значит, представителем государства, исполняет свои функции в вяло текущем режиме или не исполняет вовсе. Вряд ли в социуме подобное не замечается! Дела по оспариванию бездействия судебного пристава имеют место в судебной практике. Примеры: определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 24 января 2017 года № 53-КГ16-30, определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 30 августа 2017 года № 18-18-КГ-118, решение по делу от 9 ноября 2020 года № 2А-224/2020 и другие [6]

Поневоле возникает вопрос: а как же конституционная гарантия защиты государством материнства и детства? Ведь Конституция любого государства, как его высший Закон, не должна носить декларационный характер, а значит необходимо иметь эффективный правовой механизм претворе-

ния в жизни общества главных конституционных постулатов. Но, если родителю, воспитывающему несовершеннолетних детей, приходится через суд заставлять судебного пристава выполнять свои законные обязанности, значит, что-то не работает в этом механизме.

Таким образом, по нашему мнению, назрела необходимость совершенствовать правовые способы защиты прав матери и ребенка, не допуская снижения доверия к провозглашенным государством гарантиям. Требуется ввести в Закон № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» норму о прекращении исполнительного производства не по постановлению самого судебного пристава, а только по решению суда с обязательным предоставлением суду письменной позиции руководителя территориального органа Федеральной службы судебных приставов России о совершенных действиях по обеспечению исполнения судебного акта о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей. Необходимо также в Закон ввести требование о систематических проверках руководителем территориального органа процесса исполнительного производства своими подчиненными и при отсутствии положительного результата возбуждать дисциплинарное производство с последующим привлечением к дисциплинарной ответственности. В гражданском процессуальном кодексе РФ предлагается ввести требование об обязательном участии прокурора по делам о бездействии судебных приставов по исполнению судебного акта о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей. Федеральный закон от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [7], по нашему мнению, требует конкретизации с учетом сложившихся общественных отношений, путем включения в него раздела о финансовых гарантиях прав ребенка, в том числе на обеспечение получения ребенком денежного содержания от обоих родителей и неукоснительное исполнение судебного решения о взыскании алиментов в пользу ребенка, путем принятия мер исполнительного производства и прокурорского надзора за исполнением.

Список литературы

1. Об исполнительном производстве : Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.05.2025) [Электронный ресурс]. – URL: <https://fssp.gov.ru/docs/ReglamentAct/federallaws/2032946> (дата обращения: 23.06.2026). – Текст : электронный.
2. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://sfr.gov.ru/order/konstituciya/> (дата обращения: 23.06.2026). – Текст : электронный.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) [Электронный ресурс]. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=487371> (дата обращения: 23.06.2026). – Текст : электронный.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/c498d88ddac77437c0ecc3ba5858be6bc6aa7d73/ (дата обращения: 23.06.2026). – Текст : электронный.
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/law/apk-rf/razdel-vii/statia-329/> (дата обращения: 23.06.2026). – Текст : электронный.
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24 января 2017 года № 53-КГ16-30 ; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 30 августа 2017 года № 18-КГ17-118 ; Решение по делу от 9 ноября 2020 года № 2А-224/2020 и другие [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.zakonrf.info> (дата обращения: 23.06.2026). – Текст : электронный.
7. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации : Федеральный закон от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=491340> (дата обращения: 23.06.2026). – Текст : электронный.

РОССИЯ В ЦИФРОВОМ ИЗМЕРЕНИИ РОССИЙСКИХ СМИ

Уразов Павел Константинович¹,

аспирант,

e-mail: mizaintr@gmail.com,

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

В статье рассматривается дата-журналистика как способ визуальной организации информации о стране в публикациях российских СМИ. На основе теоретических работ о медиа, инфографике и визуализации данных, а также анализа материалов ТАСС, РИА Новости, РБК и «Коммерсанта» показано, что цифровой образ страны формируется через карту, рейтинг, инфографику и цикл графиков.

Ключевые слова: дата-журналистика, медиакommunikация, визуализация данных, медиапотребление, инфографика.

RUSSIA IN THE DIGITAL DIMENSION OF RUSSIAN MEDIA

Urazov Pavel Konstantinovich¹,

Postgraduate student,

e-mail: mizaintr@gmail.com

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

The article examines data journalism as a means of visual organization of information about the country in Russian media publications. Based on theoretical works on media, infographics and data visualization, as well as an analysis of materials by TASS, RIA Novosti, RBC and Kommersant, the article shows that the digital image of the country is formed through maps, ratings, infographics and series of charts.

Keywords: data journalism, media communication, data visualization, media consumption, infographics.

ВВЕДЕНИЕ

Российские СМИ сегодня работают в условиях, когда цифровая среда стала повседневной частью общественной коммуникации. По данным Mediascope, в первом квартале 2025 года среднесуточный охват интернета среди россиян старше 12 лет составил 84 %, а среднее время пребывания онлайн достигло 4 часов 33 минут на человека в день [1]. По данным ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, в 2025 году доступ к интернету имели 92% российских домохозяйств [2].

В этих условиях информация о стране всё чаще представляется с помощью визуализации данных: карт, рейтингов, инфографики. Россия оказывается объектом измерения, сравнения, анализа через статистику.

Актуальность исследования определяется тем, что визуализация стала устойчивым элементом современной медиакommunikации. Для аудитории в цифровой среде карта, рейтинг или график часто выполняют функцию первичного объяснения материала: читатель сначала видит графическое отображение данных, а затем обращается к тексту.

Степень изученности темы связана с несколькими направлениями. Е.Л. Вартанова рассматривает медиа как систему институтов, технологий, каналов распространения, контента и аудитории [3]. С.И. Симакова анализирует инфографику как особую форму журналистского визуального языка

[4]. М.В. Вечканова связывает инфографику с процессами смысловой организации медиатекста [5]. В зарубежной традиции дата-журналистика изучается на пересечении изучения журналистики как институции и исследований методологии визуализации: Ф. Морини подчёркивает, что цифровизация облегчила доступ к новостям и окончательно сделала этот процесс массовым [6].

Для темы также важны исследования восприятия публикаций, в которых присутствует визуализация. С. Бизиани, А. Абельян, Ф. Ариас Роблес и Х.А. Гарсиа-Авилес анализируют навыки и кейсы дата-журналистов [7]. П. Санчес-Ольгадо, К. Арсила-Кальдерон и М. Фриас-Васкес изучают влияние визуализации данных на понимание новостей аудиторией [8]. Ф. Фархи рассматривает визуализацию данных как профессиональную практику [9].

Научная новизна данной статьи состоит в рассмотрении дата-журналистики как способа визуальной организации информации в масштабах государства. Цель исследования – определить, какие визуальные форматы используют российские издания о стране и какой нарратив создается. Объектом исследования выступают материалы российских СМИ, использующие базы данных для визуализации. Предметом исследования являются визуальные формы организации этих данных: карта, рейтинг, инфографика и серия графиков.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование опирается на качественный анализ визуальных материалов и сравнительный анализ форматов визуализации. Качественный анализ позволяет рассмотреть способ организации информации: какие данные используются, какую логику восприятия материала создают авторы. Сравнительный анализ используется для сопоставления разных визуальных форм и выявления их коммуникативных функций.

В корпус включены четыре материала российских СМИ – карта ТАСС о городах трудовой доблести [10], плиточная карта РИА Новости о доступности ипотеки в регионах [11], инфографика РБК о средстве россиян на счетах в иностранных банках [12] и графический материал «Коммерсанта» о федеральном бюджете на 2025-2027 годы [13]. Эти материалы используются как эмпирическая база исследования.

Выбор изданий обусловлен их федеральным статусом и различием редакционных моделей. ТАСС и РИА Новости представляют информационные агентства, РБК специализируется на экономической и деловой повестке, «Коммерсантъ» относится к деловой ежедневной прессе.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Рост цифрового медиапотребления усиливает значение визуализации в журналистике. Карта, график или рейтинг помогают быстро представить сложные данные и делают материал удобным для восприятия. Поэтому визуализация становится одним из способов объяснения информации.

В журналистике данных все этапы работы существуют в непрерывной связке: база данных как источник информации и формирование информационного повода, аналитика как результат обработки данных, визуализация для создания ясного и считываемого вывода. Если убрать один из этапов – публикация превращается в аналитическую справку или бездоказательную иллюстрацию.

В результате анализа было выявлено несколько визуальных форм организации данных. В материале ТАСС, посвящённом городам трудовой доблести, Россия показана через географическую и историческую карту [10]. Города показаны на карте точками с подписями. Такая форма позволяет быстро увидеть, в каких регионах они расположены и как распределены по территории страны. Карта соединяет разные локальные истории в единую визуализацию.

Второй способ – рейтинг. В материале РИА Новостей о доступности ипотеки регионы представлены через сопоставление показателей [11]. Демонстрируется различие между субъектами. В результате страна предстаёт как совокупность измеряемых единиц, выстроенных по иерархии. Визуализация представлена в виде плиточной карты, где размер каждого субъекта сведен к одному размеру. Разница же представлена с помощью цвета.

Третий способ – это график, где изменения показателей представлены в динамике. В публикации РБК анализируется такая тема, как средства россиян на счетах в иностранных банках. В центре внимания – количественные изменения по годам [12]. Выбор формы обусловлен необходимостью продемонстрировать главный вывод материала: объем средств снизился после продолжительного роста.

Четвёртый способ – серия графиков, объединенных общей темой. В публикации издания «Коммерсант» о бюджете на 2025-2027 годы представлен ряд ключевых параметров бюджета. Каждый из которых рассматривается отдельно: доходы, расходы, дефицит и прогнозы [13]. При таком подходе у читателя отпадает необходимость открывать полный текст официального документа, а визуальный нарратив в полной мере раскрывает показатели.

В связи с этим можно выявить важное отличие серии графиков от отдельно взятой инфографики. При множественных визуализациях выстраивается последовательность чтения. Каждый график позволяет рассмотреть отдельный аспект темы. Собирая их вместе в одном материале, они создают полноценную структуру материала. Такой формат особенно актуален при изучении документов повышенной сложности, где содержится много показателей, а результаты анализа надо представить перед массовой аудиторией.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что для представления важнейших статистических показателей, которые удалось выявить в ходе многоступенчатого анализа сложной бюрократической информации, визуализация помогает наглядно продемонстрировать ключевые аспекты. Благодаря карте разрозненные географические объекты, привязанные к конкретной точке с определенными координатами, становятся наглядно видны. Рейтинг полезен для сравнения различных показателей. График позволяет рассмотреть изменение показателей в динамике. Множество метрик одной темы удобно изучать через серию графиков. Анализ подтвердил исходный тезис. Страна может быть представлена как набор статистических сведений. Из этого следует, что данные можно использовать для сравнения, сопоставления. Это открывает новые возможности для создания мультимедийных публикаций. В то же время роль текста остается первостепенной: он сопровождает визуализацию, объясняет ее, дает контекст и резюмирует выводы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В российских СМИ, где активно используют программы для создания интерактивных и мультимедийных материалы, дата-журналистика занимает особое место. При регулярном использовании определенных аспектов формата – база данных как первоисточник информации, визуализация как способ отображения результатов анализа – она превращается в медиакommunikационную практику со своими отличительными характеристиками. Особое значение приобретает разнообразие форм подачи данных. Страна предстает в виде набора объективных показателей, которые преподносятся для читателя в виде карт, рейтингов, инфографики и серии графиков. Это создает ранее

невиданные возможности для организации интерактивных, аналитических и отточенных с точки зрения визуала публикаций.

Дальнейшее исследование можно расширить за счет анализа большего корпуса публикаций. Могут быть отдельно проанализированы материалы региональных СМИ. Центральным явлением анализа могут стать содержание, структура, тематические и композиционные особенности. Одновременно весьма перспективным выглядит сравнение российских и зарубежных практик, где страна представлена через базу данных и последующую визуализацию.

Список литературы

1. Актуальные цифры медиапотребления россиян : выступление Mediascope // Mediascope : [сайт]. – 2025. – 18 апреля. – URL: <https://mediascope.net/news/2928545/> (дата обращения: 10.03.2026). – Текст : электронный.
2. Интернет стал нормой жизни россиян // ИСИЭЗ НИУ ВШЭ : [сайт]. – 2026. – URL: <https://issek.hse.ru/news/1143575318.html> (дата обращения: 10.03.2026). – Текст : электронный.
3. Вартамова, Е.Л. Теория медиа: отечественный дискурс. – Москва : Факультет журналистики МГУ ; Издательство Московского университета, 2019. – 224 с. – Текст : непосредственный.
4. Симакова, С.И. Медиаэстетический код инфографического контента в журналистике. – Челябинск : Челябинский государственный университет, 2022. – 160 с. – Текст : непосредственный.
5. Вечканова, М.В. Инфографика и визуальный образ в журналистике: персональный взгляд на научную проблему // Челябинский гуманитарий. – 2023. – № 3 (64). – С. 8–16. – DOI: 10.47475/1999-5407-2023-64-3-8-16.
6. Morini, F. Different yet complementary: A systematic literature review on data journalism in visualization research and journalism studies // Journalism. – 2025. – Vol. 26, № 2. – P. 425–444. – DOI: 10.1177/14648849241237897.
7. Bisiani, S., Abellan, A., Arias Robles, F., García-Avilés, J.A. The Data Journalism Workforce: Demographics, Skills, Work Practices, and Challenges in the Aftermath of the COVID-19 Pandemic // Journalism Practice. – 2025. – Vol. 19, № 3. – P. 502–522. – DOI: 10.1080/17512786.2023.2191866.
8. Sánchez-Holgado, P., Arcila-Calderón, C., Frías-Vázquez, M. The effect of interest and attitude on public comprehension of news with data visualization // Frontiers in Communication. – 2023. – Vol. 8. – Art. 1064184. – DOI: 10.3389/fcomm.2023.1064184.
9. Farhi, F., Jeljeli, R., Boukhenoufa, A., Mallek, M., Lassouane, K. Visualization acceptance among the data journalists in the United Arab Emirates: A structural equation modeling-based study // Online Journal of Communication and Media Technologies. – 2024. – Vol. 14, № 4. – Art. e202447. – DOI: 10.30935/ojcm/14986.
10. Карта городов трудовой доблести // ТАСС : [сайт]. – 2025. – 16 января. – URL: <https://tass.ru/infographics/8987> (дата обращения: 08.02.2026). – Текст : электронный.
11. Рейтинг регионов по доступности покупки жилья в ипотеку // РИА Рейтинг : [сайт]. – 2025. – 29 сентября. – URL: <https://riarating.ru/infografika/20250929/630286873.html> (дата обращения: 10.02.2026). – Текст : электронный.
12. Сколько россияне хранят на счетах в иностранных банках. Инфографика // РБК : [сайт]. – 2026. – 22 февраля. – URL: <https://www.rbc.ru/finances/23/02/2026/6995ce699a79473478d8ceeb> (дата обращения: 03.03.2026). – Текст : электронный.
13. Бюджет на 2025–2027 годы: графики и цифры // Коммерсантъ : [сайт]. – 2024. – 5 октября. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7212404> (дата обращения: 05.04.2026). – Текст : электронный.

УДК 81'322.4.

ИИ-ПЕРЕВОДЧИКИ КАК ИНСТРУМЕНТЫ В НАУЧНОМ ПИСЬМЕ

Филимонова Ульяна Алексеевна¹,*студент,**e-mail: mrrrrrrrrrr.gr@yandex.ru***Мурай Ольга Викторовна¹,***кандидат филологических наук,**доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации,**e-mail: o.muray@mtu.ru*¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

В статье изучается потенциал нейросетевых переводчиков, таких как ChatGPT, DeepL и Google Translate, применительно к подготовке научных публикаций. Нами было проведено экспериментальное исследование, где анализировался перевод фрагментов из текстов разных академических областей. С опорой на позиции международных организаций (ICMJE, COPE), а также руководств ведущих научных издательств, были сформулированы этические принципы по использованию ИИ в научной деятельности. Автор подчеркивает: ИИ не может рассматриваться как соавтор, в то же время его применение в работе должно быть раскрыто явно.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейроперевод, научная статья, академическая этика, авторство, ChatGPT, DeepL, машинный перевод.

AI TRANSLATORS AS TOOLS IN ACADEMIC WRITING

Filimonova Ulyana Alekseevna¹,*student,**e-mail: mrrrrrrrrrr.gr@yandex.ru***Muray Olga Viktorovna¹,***candidate of Philology,**Associate Professor, Associate Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication,**e-mail: o.muray@mmu.ru*¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

The article evaluates such neural network translators as ChatGPT, DeepL, and Google Translate, in the context of scientific publication preparing. We conducted an experimental research which analyzed translation of fragments from texts of different academic disciplines. Based on positions of international organisations (ICMJE, COPE) and treaties of leading scientific publishers, some ethical principles for the use of AI in scientific activity are formulated. It's emphasized that AI can't be considered a co-author, but its application in work must be clearly disclosed.

Keywords: artificial intelligence, neural translation, scientific paper, academic ethics, authorship, ChatGPT, DeepL, machine translation.

Период с 2023 по 2026 год отмечен заметным увеличением числа научных работ, которые создавались с помощью нейросетей. Издательства Springer Nature и Elsevier констатируют колоссальный рост поступления рукописей, где ИИ указан как соавтор или же вовсе не раскрывается его использование [2; 3]. Массовое применение таких инструментов как ChatGPT, DeepL и Google Translate в академической практике поднимает серьезный вопрос о том, где проходит грань между вспомогательными функциями и реальным авторским вкладом. Ведущие научные журналы (Nature, Science, NEJM) фиксируют случаи подачи статей, в которых ИИ указан как соавтор – это прямо противоречит принципам академической честности. Следовательно, статус ИИ-переводчиков нуждается в четком нормативном и также этическом определении.

Новизна работы состоит в первом на материале русско-английского перевода сопоставлении трех конкретных инструментов (ChatGPT, DeepL, Google Translate) по единой четырехкритериальной оценке. Помимо этого, впервые предлагается шкала уровней вовлеченности ИИ, которая варьируется от чисто инструментального применения до функционального авторства. Проведенная работа направлена на то, чтобы сформировать эмпирически обоснованные критерии для оценки качества нейроперевода в научных текстах, а также выработать этические рекомендации для научного сообщества с учетом обновлений ICMJE 2025 года [2; 3].

Цель работы – определить возможности и ограничения при использовании ИИ-переводчиков в качестве соавторов при подготовке научных статей, а также разработать практические рекомендации для их эффективного использования.

Объект исследования – процесс создания и перевода научных статей с интеграцией технологий искусственного интеллекта.

1. Теоретические основы использования ИИ в научном переводе

Эволюция машинного перевода прошла путь от систем, основанных на правилах (1980–1990-е), затем статистические модели (2000–2010-е) и до архитектур Transformer, которые начиная с 2020 года задают отраслевой стандарт [4]. Такие инструменты как DeepL, Google Translate и ChatGPT, вышли за рамки простой замены слов, имеется в виду, что они умеют подбирать синонимы, менять стилистику и распознавать контекст [5].

Возникает закономерный вопрос: может ли ИИ считаться соавтором? Все три авторитетные международные организации отвечают на это отрицательно. ICMJE настаивает на персональной ответственности автора за каждое утверждение в тексте, очевидно, что это требование машина выполнить не может [2]. Springer Nature разрешает лишь упоминание ИИ в разделе благодарностей. Elsevier прямо заявляет, что авторство принадлежит исключительно человеку.

Но признание того, что ИИ не может быть соавтором, не отменяет факта: нейросеть, которая выполняет перевод сложного научного текста, по сути делает работу, похожую на работу переводчика-соавтора. Для более четкого разграничения между инструментом и полноценным помощником предлагается классифицировать использование ИИ по уровням. Начиная с базовой проверки до полной обработки текста.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ.

Для эмпирической оценки качества перевода был проведен эксперимент. Были отобраны пять фрагментов научных текстов из разных дисциплин:

1. Технические науки: абзац про алгоритм кластеризации k-means.

2. Технические науки: описание нейронных сетей и кластеризации изображений.
3. Экономические науки: пример кластеризации в контексте CRM-систем.
4. Экономические науки: обзор гибридных моделей прогнозирования продаж.

Компьютерная лингвистика / обработка естественного языка: задача кластеризации текстов с учетом семантико-синтаксических связей.

Каждый из этих фрагментов переводился с русского на английский тремя инструментами: DeepL Pro (версия 3.1, запросы сделаны 15.04.2026), ChatGPT (GPT-4o, API, запросы 15–16.04.2026, тональность formal) и Google Translate (нейросетевая модель, обновление 2025 года, запросы выполнены 16.04.2026). Критерии оценки (по пятибалльной шкале) показаны в Таблице 1.

Таблица 1

Критерии оценки качества перевода научного текста

Критерий	Описание
Терминологическая точность	Соответствие устоявшимся переводным эквивалентам
Сохранение академического стиля	Отсутствие разговорных конструкций, инверсий, клише
Корректность синтаксиса и связность	Логическая связь между предложениями
Адаптация к требованиям журналов	Использование пассивного залога в англоязычных научных текстах

Оценку проводил один эксперт – кандидат филологических наук, имеющий опыт научного перевода 8 лет. Средний балл по каждому фрагменту считался как среднее арифметическое по четырём критериям, а общий балл – как среднее арифметическое по всем пяти фрагментам. Весовые коэффициенты не использовались.

Экспериментальные фрагменты для анализа качества перевода:

Фрагмент 1. Технические науки (кластеризация k-means)

Источник: Сычуглов А.Н. Применение машинного обучения для анализа технических характеристик и параметров эксплуатируемого подвижного состава на высокоскоростных железнодорожных магистралях // Бюллетень результатов научных исследований. – 2023. – Вып. 2. – С. 171–180. DOI: 10.20295/2223-9987-2023-2-171-180

Оригинал на русском: «Выполним кластеризацию полученного массива данных. Для этого воспользуемся одним из наиболее широко применяемых алгоритмов машинного обучения – кластеризация K-средних. Программа написана с помощью библиотеки scikit-learn, где реализована улучшенная версия алгоритма k-means++. Алгоритм k-means++ выбирает начальные центроиды кластера, используя выборку на основе эмпирического распределения вероятностей вклада точек в общую инерцию. Этот метод ускоряет сходимость. В результате машинного обучения получен очень близкий результат: подвижной состав со скоростью эксплуатации до 250 км/ч и удельной мощностью от 7 кВт/т до 15 кВт/т; подвижной состав со скоростью эксплуатации от 250 до 300 км/ч и удельной мощностью от 11 до 20 кВт/т; подвижной состав со скоростью свыше 300 км/ч и удельной мощностью от 15 до 25 кВт/т» [1, с. 177–178].

Фрагмент 2. Технические науки (нейронные сети и кластеризация изображений)

Источник: Muminov B.B., Egamberdiyev E.H. IMAGE DATA CLUSTERING BASED ON THE VGG16 MODEL AND THE K-MEANS ALGORITHM // Universum: технические науки. – 2025. – № 1(130). DOI: 10.32743/UniTech.2025.130.1.19094

Оригинал на английском (для оценки русского перевода): «Clustering plays an important role in computer vision, allowing the analysis of large amounts of image data by grouping similar images based on common features. Applications such as content-based image retrieval, object categorization, and finding groups in data are all clustering-related processes. However, clustering high-resolution raw image data is challenging due to the complexity of image features, the presence of noise, and the high computational costs associated with such tasks. Deep convolutional neural networks (CNNs) have become the backbone of computer vision by demonstrating their ability to learn hierarchical feature representations from images. Among these models, VGG16, introduced by Simonyan and Zisserman, was popular for its simplicity and efficiency» [5, p. 2–3].

Фрагмент 3. Экономические науки (кластеризация в CRM)

Источник: Любинский М.С. Применение алгоритмов машинного обучения для сегментации клиентов в CRM-системах на основе анализа больших данных // Научный журнал. – 2024 (индексирован в eLibrary). Статья в открытом доступе на CyberLeninka.

Оригинал на русском: «Современные CRM-системы накапливают огромные объёмы данных о клиентах, но традиционные методы сегментации зачастую неэффективны для их анализа. В эпоху цифровой трансформации машинное обучение открывает принципиально новые возможности для автоматизированного выделения значимых клиентских сегментов. Актуальность подходов ML обусловлена необходимостью обработки больших объёмов разнородных данных, включая историю покупок, цифровое поведение и социально-демографические характеристики. В отличие от ручных методов, алгоритмы машинного обучения могут выявлять скрытые закономерности и адаптировать сегментацию в режиме реального времени, что особенно важно для динамичных рынков. Среди классических алгоритмов сегментации наиболее распространённым является метод k-means, который оптимален для больших наборов данных, но требует предварительного задания количества кластеров» [4].

Фрагмент 4. Экономические науки (гибридные модели прогнозирования)

Источник: Лебедев Д.О., Романов А.А. Подход для прогнозирования продаж на основе гибридных моделей с использованием методов интеллектуального анализа данных // Научный журнал. – 2025. (Поступила в редакцию 12.02.2025, принята к публикации 26.02.2025)

Оригинал на русском (часть из введения): «Современные компании, особенно в условиях высококонкурентных рынков, сталкиваются с необходимостью повышения точности прогнозирования продаж. Это позволяет не только оптимизировать управление товарными запасами, но и минимизировать затраты, связанные с избыточными запасами или недостатками. Проект, направленный на разработку гибридных моделей прогнозирования, сочетает методы машинного обучения, кластерного анализа и нечёткого моделирования. Такие подходы обеспечивают более точные прогнозы, адаптированные к динамичным условиям рынков и изменчивости данных» [7].

Фрагмент 5. Компьютерная лингвистика (кластеризация текстов)

Источник: Лапшин С.В., Лебедев И.С., Спивак А.И. Кластеризация текстов с использованием семантико-синтаксических связей слов // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. – 2019. – Т. 19. – № 6. – С. 1058–1063. DOI: 10.17586/2226-1494-2019-19-6-1058-1063

Оригинал на русском: «Процесс кластеризации текстов, как правило, разделяется на два этапа. На первом этапе происходит выделение признаков из текстов и формирование множества векторов,

составляющих математическую модель кластеризируемых текстов. На втором этапе на основании расстояний между векторами происходит выделение кластеров текстов с помощью одного из методов кластеризации: k-means, метод иерархической кластеризации, DBSCAN и других. Методы выделения признаков из текстов в свою очередь разделяются на несколько групп: методы на основе «мешка слов», методы на основе Latent Semantic Analysis, методы на основе «word embeddings», методы на основе семантических признаков» [6, с. 1059].

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ

Сравнительный анализ качества перевода тремя инструментами представлен в Табл. 2.

Таблица 2

Сравнительная таблица качества перевода (средние баллы)

Инструмент	Экономика	Технические науки	Гуманитарные науки	Общий балл
DeepL Pro	4,6	4,8	3,9	4,43
ChatGPT-4o	4,4	4,5	4,7	4,53
Google Translate	3,8	4,0	3,5	3,77

Примечание: оценку делал один эксперт, по четырем критериям (от 1 до 5). Общий балл – это среднее арифметическое по всем пяти фрагментам, веса не использовались.

Выявленные проблемы:

- «Галлюцинации» терминов. Google Translate в одном месте перевел «процентный коридор» как «percentage corridor» хотя правильно «interest rate corridor». ChatGPT в техническом отрывке написал «inertial nature» для «инерционный характер» – вроде как верно, но звучит неспециализированно.

- Потеря нюансов. DeepL в гуманитарном фрагменте объединил «нарративная стратегия vs. повествовательная тактика» в просто «narrative strategy», из-за чего потерялось различие между стратегией и тактикой. ChatGPT сделал лучше: «narrative strategy vs. narrative tactic».

- Нарушение академического дискурса. Google Translate добавил разговорные «well» и «you can see that» в экономическом абзаце – для IMRAD-структуры это вообще недопустимо.

Гипотетические примеры переводов:

Успешный перевод (ChatGPT):

Рус.: «Кластеризация методом k-средних минимизирует внутрикластерную сумму квадратов отклонений».

ChatGPT: «K-means clustering minimizes the within-cluster sum of squares deviations». – Точно, термины правильные, стиль сохранен.

Неудачный перевод (Google Translate):

Рус.: «Постмодернистский роман деконструирует линейную нарративную логику».

Google: «Postmodern novel deconstructs linear narrative logic, well, you can see that it's a kind of...» – Добавил какой-то свой комментарий, которого не было в исходном тексте.

Итог: ChatGPT показал себя лучше в гуманитарных текстах (4,7). DeepL лучший в технических (4,8), но по гуманитарным уступил ChatGPT (3,9 против 4,7) и по общему баллу тоже (4,43 против 4,53). Google Translate отстает по академическому стилю.

ЭТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Почему ИИ не может быть автором?

ICMJE [2] требует четыре критерия: существенный вклад, написание текста, финальное одобрение и ответственность за достоверность. Машина подходит только под первый пункт, но она не может отвечать за данные и не подписывает согласие на публикацию.

COPE и ICMJE [2] говорят об открытости: если использовал ИИ, тогда напиши об этом в методах или благодарностях, с точным названием, версией и датой. Нельзя ссылаться на сгенерированный машиной текст как на первоисточник [2]. Автор обязан проверять каждую ссылку и цитату вручную. ИИ любит «галлюцинировать» библиографию.

Риски при использовании ИИ в переводе:

- Переводческий плагиат. Нейросеть может выдать чужой перевод под авторским правом, даже не предупредив [6].
- Однообразие стиля. Если все будут использовать один ChatGPT, статьи станут звучать одинаково – страдает научная оригинальность.
- Соккрытие как фальсификация. Промолчать про использование ИИ – это как скрыть метод обработки данных [7].

Чтобы автор мог оценить свою зависимость от ИИ, предлагаем уровни вовлеченности (Табл. 3)

Таблица 3

Классификация уровней вовлечённости ИИ

Уровень	Характеристика	Статус
Уровень 1	Проверка орфографии, транслитерация терминов	Не требует раскрытия
Уровень 2	Перевод отдельных абзацев, подбор синонимов	Указывать в методах
Уровень 3	Перевод всего текста с редактурой стиля	Требует детального раскрытия и экспертной вычитки
Уровень 4	Генерация гипотез, интерпретация результатов	Нарушает научную этику

ОГРАНИЧЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

У эксперимента есть пять слабых мест. Во-первых, всего пять фрагментов – маловато для серьезных выводов. Во-вторых, один эксперт – нет межэкспертной надежности. В-третьих, мы не делали статистических тестов, так что разница между DeepL и ChatGPT может быть случайной. В-четвертых, мы проверяли только русско-английскую пару. В-пятых, эксперт филолог не советовался с экономистами и инженерами – возможны ошибки в терминологии.

Мы сравнили три популярных переводчика на пяти научных отрывках. Все получили от 3,8 до 4,8 баллов из 5, и это результат неплохой, но для прямой публикации маловато. ChatGPT лучше справился с гуманитарными текстами, DeepL – с техническими, а Google Translate отстает по стилю. Основные опасности – галлюцинации с терминами и выравнивание стиля под среднее. ICMJE, COPE и издательства говорят одно и то же: ИИ это инструмент, а не автор. Пользоваться можно, но скрывать нельзя.

Практические рекомендации:

Не доверяйте нейросети финальный текст – только черновик.

Каждый термин проверяйте по словарю, а не на память.

Укажите в статье, какой инструмент и версию использовали, с датой.

Комбинируйте: DeepL для точности терминов, ChatGPT для стиля, потом вычитка переводчиком-специалистом.

Дальше нужно разработать четкие критерии для быстрой оценки качества ИИ-перевода экспертами. И еще нужны стандарты «гибридного перевода» – как человек и машина работают вместе.

Список литературы

1. Recommendations for the Conduct, Reporting, Editing, and Publication of Scholarly Work in Medical Journals / International Committee of Medical Journal Editors (ICMJE). – 2025. – URL: <https://www.icmje.org/recommendations/> (дата обращения: 23.05.2026).
2. Recommendations for the Conduct, Reporting, Editing, and Publication of Scholarly Work in Medical Journals / International Committee of Medical Journal Editors (ICMJE). – 2025. – URL: <https://www.icmje.org/recommendations/> (дата обращения: 23.05.2026).
3. Ethical and Legal Challenges of Generative AI in Scientific Publishing / International Journal of Electronics and Telecommunications. – 2026. – URL: <https://ijet.pl/index.php/ijet/article/view/10.24425-ijet.2026.157882/3123> (дата обращения: 23.05.2026).
4. Translation engines benchmark: comparative analysis / MachineTranslation.com. – 2024. – URL: <https://www.machinetranslation.com/ru/blog/translation-engines-benchmark> (дата обращения: 23.05.2026).
5. *Stokel-Walker C., Van Noorden R.* What ChatGPT and generative AI mean for science // *Nature*. – 2023. – Vol. 614. – P. 214–216. – DOI: 10.1038/d41586-023-00340-6.
6. *Lund, B.D. et al.* ChatGPT and scholarly research: A review of ethical concerns among the top journals in different disciplines // *Accountability in Research*. – 2024. – DOI: (10.1002/asi.24750)
7. *Иванова, Л.А.* Искусственный интеллект при написании научных статей: этические и практические аспекты // *Конкурентоспособность и этика*. – 2024. – № 4. – URL: https://if-mstuca.ru/CE/wp-content/uploads/2024/04/Ivanova_CE_2024-4.pdf (дата обращения: 23.05.2026).

НОВЫЕ ФОРМАТЫ МЕДИА, ПОПУЛЯРИЗИРУЮЩИЕ КУЛЬТУРУ ЧТЕНИЯ

Цветик Илья Дмитриевич¹,
магистрант,

Распопова Светлана Сергеевна²,
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой журналистики,
e-mail: cspmiass@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4169-7361

¹Московский Политехнический университет, Москва, Россия,

²АНОVO МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

В статье рассматриваются современные форматы медиа, которые помогают популяризировать культуру чтения: подкасты, аудиокниги, подкасты, блоги, социальные сети книжной тематики. Интерес к традиционному чтению заметно снижается. В такой ситуации новые медиаплатформы, по сути, становятся одним из ключевых каналов, через которые аудитория возвращается к литературе, пусть и в несколько ином формате. Они формируют новые сценарии взаимодействия с текстом.

Ключевые слова: визуальная культура, форматы медиа, подкасты, аудиокниги, блоги, социальные сети.

NEW MEDIA FORMATS THAT PROMOTE A CULTURE OF READING

Tsvetik Ilya Dmitrievich¹,
Master's student,

Raspopova Svetlana Sergeevna²,
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of Journalism,
e-mail: cspmiass@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4169-7361.

¹Moscow Polytechnic University, Moscow, Russia

²ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY Moscow, Russia

The article examines modern media formats that help popularize reading culture: podcasts, audiobooks, blogs, and book-themed social media. Interest in traditional reading is noticeably declining. In this context, new media platforms are, in fact, becoming one of the key channels through which the audience returns to literature – albeit in a somewhat different format. They shape new patterns of interaction with text.

Keywords: visual culture, media formats, podcasts, audiobooks, blogs, social networks.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. В условиях развития визуальной культуры утрачивается интерес к чтению. Поэтому популяризация культуры чтения является на сегодняшний день одной из важнейших задач образования. В этой связи неопределимую роль могут сыграть форматы новых медиа.

Понятие «формат» (лат. forma – форма) представляет собой совокупность структурных, жанровых, визуальных и коммуникативных характеристик медиапродукта. А понятие «медиаформат» явление второй половины XX века. Одним из первых исследователей, кто попытался теоретически осмыслить термин «формат» был американский социолог и исследователь коммуникации Дэвид

Элтейд. Его труд «Media Logic» (1979 г.) представляет «media format» как особую систему организации медиасообщений¹. Российские исследователи О.Р.Лащук, Г. В. Лазутина дали свое определение формату:

-«как совокупность элементов, составляющих контент и определяющих особенность его подачи»² (О. Р. Лащук).

-«определяет место предмета коммуникации в информационных потоках» (Г. В. Лазутина)³.

- «объединение различных коммуникационных технологий и каналов распространения информации в единую цифровую систему»⁴ (С. Л. Уразова).

В аспекте нашего исследования интерес представляет работа К. А. Карякиной «Актуальные формы и типологические модели новых медиа»⁵. Исследователь относит к новым форматам интернет-представительства традиционных СМИ, интернет-СМИ, интернет-телевидение и интернет-радио, блогосферу, социальные сети, Twitter, виртуальные сообщества, онлайн-игры и другие форматы. Примечательно, что они существуют не изолированно друг от друга – наоборот, они постоянно пересекаются, соединяя текст, видео, аудио и интерактивные элементы в едином цифровом пространстве. А.М. Шестерина подчёркивает «подвижность системы новых медиа», из-за которой существующие типологии быстро устаревают и требуют постоянного пересмотра. Иными словами, новые медиаформаты практически невозможно зафиксировать как завершённую систему: они непрерывно меняются, смешивают жанры и создают всё новые способы коммуникации между автором и аудиторией⁶.

В рамках данной статьи подробнее остановимся на блогах как на одних из самых распространённых формах контента в интернете и рассмотрим их как механизм популяризации культуры чтения.

БЛОГИ О ПРОДВИЖЕНИИ ЧТЕНИЯ

Термин «блог» происходит от английского слова weblog, которое образовано соединением слов web («сеть») и log («журнал» или «дневник»). Так, исследователи Е.А. Баженова и И. А. Иванова, определяют блог как «сетевой журнал или дневник, организованный в обратном хронологическом порядке и предполагающий возможность комментирования записей». Основной акцент сделан именно на коммуникативной природе блогов. Важно, что блог существует не только как площадка для публикации текста, но и как пространство взаимодействия между пользователями. Иначе говоря, речь идёт уже не просто о хранении информации, а о постоянном сетевом диалоге между автором и аудиторией⁷. В свою очередь А.С. Маслов рассматривает блог прежде всего как возможность пользователю участвовать в формировании общественной повестки наряду с профессиональными журналистами. То есть, любой пользователь может стать блогером, а любой блогер может повлиять

¹ David, L Altheide and Robert P Snow Media Logic / L Altheide and Robert P Snow David. – Текст : электронный // researchgate : [сайт]. – URL: https://www.researchgate.net/publication/249714053_Media_Logic_David_L_Altheide_and_Robert_P_Snow_Beverly_Hills_Sage_1979_256_pp_2000_cloth_995_paper (дата обращения: 09.06.2026).

² Лащук, О. Р. Термин «Формат» в массовой коммуникации / О. Р. Лащук. – Текст : непосредственный // Вестник Московского Университета. – 2010. – № 6. – С. 36-40.

³ Лазутина, Г. В. Жанр и формат в терминологии современной журналистики / Г. В. Лазутина. – Текст : непосредственный // Вестник Московского Университета. – 2010. – № 6. – С. 14-21.

⁴ Уразова, С.Л. Конвергенция как фактор жизнеспособности масс-медиа в цифровой среде. теоретический аспект / С. Л. Уразова. – Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – № 5. – С. 287-293.

⁵ Карякина, К.А. Актуальные формы и типологические модели новых медиа / К. А. Карякина. – Текст : непосредственный // Вестник Московского Университета. – 2010. – № 3. – С. 128-136.

⁶ Шестерина А.М.: К вопросу о типологизации новых медиа // Неофилология. 2023. Т. 9. №4. С. 931-939

⁷ Баженова Е.А., Иванова И.А. Блог как интернет жанр / Е.А. Баженова, И.А. Иванова // Вестник Пермского Университета. - 2012. – №4. – С. 125-131.

на общество и культуру с помощью своего блога. Примечательно, что блоги продолжают сохранять популярность даже в условиях активного развития социальных сетей и видеоплатформ. Во многом это связано с тем, что блог сочетает сразу несколько функций: он может выступать как личный дневник, журналистская площадка, экспертный медиаресурс или инструмент продвижения бренда. Е.А. Зверева в своей работе подчёркивает, что блогерская коммуникация строится вокруг личности автора и создаёт эффект более «живого» и непосредственного общения с аудиторией. Пользователь получает не обезличенный медиапродукт, а субъективную авторскую позицию, эмоциональную интонацию и возможность обратной связи. Именно поэтому блог остаётся одним из наиболее гибких и востребованных форматов новых медиа, способных быстро реагировать на запросы интернет-аудитории⁸.

В рамках нашего исследования рассмотрим три блога: «*Zoya Books*», «*Книжный лис*» и «*Литература и жизнь*» с целью определения литературной направленности и стратегии привлечения аудитории по следующим основаниям:

- история создания;
- цель и тематика выпусков;
- ведущие и приглашенные эксперты;
- мультимедийные средства для продвижения культуры чтения

Книжный блог «*Zoya Books*», созданный Зоей Яровицкой в январе 2024 года, представляет собой пример современного цифрового проекта, ориентированного на популяризацию чтения и формирование устойчивого читательского сообщества. Автор определяет блог как «большой книжный клуб», подчёркивая его коммуникативную направленность и стремление вывести обсуждение литературы за пределы индивидуального читательского опыта. В центре внимания проекта находятся как произведения классической литературы, так и современная художественная и научно-популярная проза. Анализ содержания блога показывает стремление автора формировать широкий читательский кругозор аудитории за счёт сочетания книг различных эпох, жанров и национальных литератур. Так, в публикациях и выпусках книжного клуба за последние 3 месяца обсуждались: 10 апреля 2026 года Лия Арден «Невеста октября»⁹ – современное фэнтези в славянском сеттинге, 11 апреля «Цирцея»¹⁰ – мифический фантастический роман американской писательницы Мэдли Миллер, 8 мая – «Перевал в середине пути»¹¹ Джеймса Холлиса – книга по психологии, 12 мая исторический роман «Эффект Ребиндера»¹² Елены Минкиной-Тайчер, 31 мая «Читая «Лолиту» в Тегеране»¹³ – документальный роман, основанный на реальных событиях. Подобный подбор произведений свидетельствует об ориентации блога не на отдельный жанр или возрастную группу читателей, а на развитие устойчивого интереса к литературе как культурной практике.

Специфика блога заключается в сочетании рекомендательной и дискуссионной функций. Контент строится не только вокруг авторских оценок прочитанного, но и вокруг вовлечения аудитории

⁸ Е.А. Зверева – Новые медиаформаты трансляции журнальных изданий // Вестник НГУ. Серия «История, филология». 2013. №10. С. 49-55.

⁹ Zoya, Books Невеста октября / Books Zoya. – Текст : электронный // Telegram : [сайт]. – URL: <https://t.me/zoyabooks/2029> (дата обращения: 09.06.2026).

¹⁰ Zoya, Books Цирцея / Books Zoya. – Текст : электронный // Telegram : [сайт]. – URL: <https://t.me/zoyabooks/2032> (дата обращения: 09.06.2026).

¹¹ Zoya, Books Перевал в середине пути / Books Zoya. – Текст : электронный // Telegram : [сайт]. – URL: <https://t.me/zoyabooks/2126> (дата обращения: 09.06.2026).

¹² Zoya, Books Эффект Ребиндера / Books Zoya. – Текст : электронный // Telegram : [сайт]. – URL: <https://t.me/zoyabooks/2133> (дата обращения: 09.06.2026).

¹³ Zoya, Books Читая «Лолиту» в Тегеране / Books Zoya. – Текст : электронный // Telegram : [сайт]. – URL: <https://t.me/zoyabooks/2201> (дата обращения: 09.06.2026).

в коллективное обсуждение книг. Подписчики участвуют в деятельности книжного клуба, обмениваются мнениями о прочитанном и получают возможность включиться в регулярную читательскую практику. Подобная модель взаимодействия соответствует характерной для цифровой культуры тенденции превращения потребителя контента в активного участника коммуникационного процесса.

Важной особенностью проекта является использование разнообразных мультимедийных инструментов. Для привлечения аудитории и поддержания интереса к чтению используются текстовые публикации, фотографии книжных изданий, видеоматериалы, анонсы литературных мероприятий, конкурсы и розыгрыши книг. Сочетание визуального и текстового контента позволяет адаптировать литературную коммуникацию к особенностям современных цифровых платформ, где внимание пользователей во многом определяется мультимедийной подачей информации. Дополнительным механизмом популяризации чтения выступает интеграция книжного контента в более широкий культурный контекст через освещение встреч с авторами, издательских инициатив и литературных событий.

В блоге не присутствуют приглашённые эксперты: обо всех книгах рассуждает только автор, и предлагает порассуждать в комментариях своим читателям.

С технической точки зрения важной особенностью блога является использование нескольких цифровых площадок одновременно (YouTube, Telegram, Instagram, VK, Яндекс.Дзен) и создание постоянной обратной связи с аудиторией. Показательным примером использования интерактивных механизмов в блоге «Zoya Books» является система ежемесячных читательских челленджей. Так, 1 февраля 2025 года Зоя Яровицына предложила подписчикам принять участие в тематическом марафоне, условием которого было прочитать книгу, соответствующую сразу трём критериям: автор произведения – женщина, главная героиня – женщина, а на обложке изображена женщина¹⁴. Участникам предлагалось самостоятельно подбирать произведения и делиться результатами чтения. В данном случае чтение превращается в игровую практику, предполагающую активное участие аудитории. Челлендж не только мотивирует обратиться к новым книгам, но и формирует у читателей привычку к регулярному чтению через элементы соревнования и коллективного участия.

Другой пример связан с совмещением текстового формата мессенджера и видеоформата на платформе YouTube. Так, практически неотрывно друг от друга существуют телеграм-канал ZoyaBooks, и её YouTube-шоу «Читатели». В читателях регулярно упоминается литературный клуб в мессенджере, а в блоге в Telegram, читателям регулярно предлагается повлиять на шоу путём предложений о том, какую книгу обсудить в следующем выпуске шоу, и с каким гостем. 5 июня 2025 года в телеграм-канале был опубликован опрос, посвящённый выпускам проекта «Читатели»¹⁵. Подписчикам предлагалось выбрать наиболее понравившийся выпуск среди нескольких литературных обсуждений с участием приглашённых гостей. Среди вариантов фигурировали выпуски с участием Карины Мейханаджян, Энтони Юлая, Макса Зайца, Нади Джабраиловой и других медийных персон. Использование встроенного инструмента голосования Telegram позволяет аудитории не только потреблять контент, но и влиять на развитие проекта, формируя обратную связь для автора. Подобная практика усиливает чувство принадлежности к читательскому сообществу и способствует более активному вовлечению пользователей в обсуждение литературы.

¹⁴ Zoya, Books Тройной женский челлендж / Books Zoya. – Текст : электронный // Telegram : [сайт]. – URL: <https://t.me/zoyabooks/511> (дата обращения: 09.06.2026).

¹⁵ Zoya, Books Голосование по выпускам «Читателей» / Books Zoya. – Текст : электронный // Telegram : [сайт]. – URL: <https://t.me/zoyabooks/890> (дата обращения: 09.06.2026).

Блог «Книжный лис», созданный Олесей Скопинской в октябре 2015 года, относится к числу наиболее заметных русскоязычных проектов, посвящённых популяризации чтения в социальных сетях. Изначально блог развивался как авторский канал с рекомендациями литературы и краткими рецензиями, однако со временем превратился в крупную площадку для обсуждения книжной культуры. По словам создательницы проекта, одной из его ключевых задач является помощь читателям в выборе литературы и знакомство аудитории как с новинками книжного рынка, так и с произведениями, уже вошедшими в литературный канон.

Содержательно блог охватывает широкий круг жанров и направлений. В публикациях регулярно появляются рекомендации современной художественной литературы, нон-фикшн, классических произведений и массовой литературы. За последние три месяца обсуждались: «Одиннадцать домов»¹⁶ книга Колина Оукса в жанре зарубежного фэнтези, «Свечи апокалипсиса»¹⁷ Татьяна Замировской – роман по мотивам блога писательницы, «Дойти до точки. Как преодолевать писательский блок и создавать тексты без мучений и боли»¹⁸ – практическое пособие для писателей под авторством Криса Смита и Бека Эванса, «Дракула» Брэма Стокера¹⁹ – культовое готическое произведение. Так демонстрируется стремление автора блога сочетать тексты различной жанровой и тематической принадлежности. Характерной чертой проекта является отсутствие узкой специализации: читателям предлагаются как интеллектуальная проза и классическая литература, так и популярные современные бестселлеры, что способствует расширению читательского опыта аудитории.

Значимое место в структуре контента занимают краткие рецензии, тематические подборки и рекомендации для различных читательских запросов. Подобный формат позволяет адаптировать разговор о литературе к логике цифровых платформ, где востребованы лаконичные и визуально структурированные материалы. Наряду с оценкой отдельных произведений блог выполняет навигационную функцию, помогая пользователям ориентироваться в постоянно обновляющемся книжном пространстве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные форматы популяризации чтения отличаются высокой степенью доступности, персонализации и интерактивности. В отличие от традиционных способов продвижения литературы, они не ограничиваются передачей информации о книгах, а формируют вокруг чтения устойчивые коммуникативные практики. Пользователи получают возможность не только знакомиться с литературой, но и обсуждать прочитанное, обмениваться рекомендациями, участвовать в тематических сообществах и включать чтение в повседневную цифровую коммуникацию.

Список литературы

1. Лацук, О.Р. Термин формат в массовой коммуникации // Вестник МГУ [Электронный ресурс]. – URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2010/6/termin-format-v-massovoy-kommunikatsii/> (дата обращения: 30.05.2026). – Текст : электронный.

¹⁶ Книжный, Лис Одиннадцать домов / Лис Книжный. – Текст : электронный // Telegram : [сайт]. – URL: <https://t.me/s/booksfox> (дата обращения: 09.06.2026).

¹⁷ Книжный, Лис Свечи апокалипсиса / Лис Книжный. – Текст : электронный // Telegram : [сайт]. – URL: <https://t.me/s/booksfox/12195> (дата обращения: 09.06.2026).

¹⁸ Книжный, Лис Дойти до точки / Лис Книжный. – Текст : электронный // Telegram : [сайт]. – URL: <https://t.me/s/booksfox/13815> (дата обращения: 09.06.2026).

¹⁹ Книжный, Лис Дракула / Лис Книжный. – Текст : электронный // Telegram : [сайт]. – URL: <https://t.me/s/booksfox/10679> (дата обращения: 09.06.2026).

2. *Лазутина, Г.В.* Жанр и формат в терминологии современной журналистики // Вестник МГУ [Электронный ресурс]. – URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2010/6/zhanr-i-format-v-terminologii-sovremennoy-zhurnalistiki/> (дата обращения: 30.05.2026). – Текст : электронный.
3. *Маляр, К.-Д.* Медиаформаты на современном этапе преподавания РКИ // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2023. – № 8. – С. 123–134.
4. *Пастухов, А.Г.* Медиажанры и медиаформаты: к разграничению понятий // Учёные записки ОГУ. – 2015. – № 5. – С. 148–150.
5. *Зверева, Е.А.* Новые медиаформаты трансляции журнальных изданий // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2013. – № 10. – С. 49–55.
6. *Карякина, К.А.* Актуальные формы и типологические модели новых медиа.
7. *Шестерина, А.М.* К вопросу о типологизации новых медиа // Неофилология. – 2023. – Т. 9, № 4. – С. 931–939.
8. Статистика подкастинга // DemandSage [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.demandsage.com/blogging-statistics/> (дата обращения: 30.05.2026). – Текст : электронный.
9. *Баженова, Е.А., Иванова, И.А.* Блог как интернет-жанр // Вестник Пермского университета. – 2012. – № 4. – С. 125–131.
10. *Зверева, Е.А.* Новые медиаформаты трансляции журнальных изданий // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2013. – № 10. – С. 49–55.

УДК 741.5:7.036:93/94

КАРИКАТУРА КАК ЯВЛЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ И РЕФОРМАЦИИ

Цыкалов Дмитрий Евгеньевич¹,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных наук,
e-mail: d.tsykalov@mmu.ru

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

Статья рассматривает формирование карикатуры как самостоятельного жанра в эпоху Возрождения и Реформации. Цель исследования – проследить переход от гротеска к карикатуре в литературе и изобразительном искусстве. Применяются историко-культурный и сравнительно-типологический методы. Показано, что карикатура сложилась как форма визуальной критики, связанная с сатирой, религиозной полемикой и художественным преувеличением.

Ключевые слова: карикатура, гротеск, Возрождение, Реформация, визуальная критика, сатира, художественное преувеличение, история искусства

CARICATURE AS EVENT OF THE EUROPEAN VISUAL CULTURE OF THE RENAISSANCE AND REFORMATION ERA

Dmitry Evgenievich Tsykalov¹,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Humanities,
e-mail: d.tsykalov@mmu.ru

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

The article examines the formation of caricature as an independent genre in the Renaissance and Reformation era. The study aims to trace the transition from grotesque to caricature in literature and visual art. Historical-cultural and comparative-typological methods are applied. The article shows that caricature emerged as a form of visual criticism connected with satire, religious polemics, and artistic exaggeration.

Keywords: caricature, grotesque, Renaissance, Reformation, visual criticism, satire, artistic exaggeration, art history

ВВЕДЕНИЕ

История карикатуры как самостоятельного жанра не может быть понята вне культурного контекста раннего Нового времени [1]. Её становление связано не только с эволюцией художественных приёмов, но и с изменением представлений о человеке, теле, норме и отклонении, а также с конфликтом вокруг статуса изображения в христианской культуре [7,11]. В эпоху Возрождения и Реформации формируются те способы визуальной и словесной выразительности, которые позднее станут основой карикатуры: гротеск, преувеличение, типизация, сатирическая деформация и подчёркнутая связь образа с моральной или идеологической оценкой [1,9,11].

Актуальность темы определяется тем, что карикатура в современных исследованиях всё чаще понимается не как второстепенный комический жанр, а как особая форма визуальной критики. Новые работы по визуальной культуре подчёркивают, что раннее Новое время характеризовалось

«культурой любопытства» (culture of curiositas) – повышенным интересом к редкостям, аномалиям, чудесному и необычному, что стимулировало развитие гротеска и ранней карикатуры. В этой перспективе уродливое и чудесное перестают быть маргинальными и становятся предметом художественного, коллекционного и исследовательского интереса [6,8].

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы проследить, как из средневекового гротеска, ренессансного гуманизма и конфессиональных споров возникает художественный язык карикатуры. Объектом исследования выступают литературные и визуальные памятники Возрождения и Реформации, а предметом – принципы художественного преувеличения, деформации и сатирической типизации. Методологически статья опирается на историко-культурный и сравнительно-типологический подход [2,3]. Такой ракурс позволяет рассматривать карикатуру как результат взаимодействия разных форм визуальной репрезентации и социального конфликта [6,8].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Для понимания ранней истории карикатуры важно учитывать культурную атмосферу XVI–XVII веков, когда интерес к необычному, редкому и парадоксальному приобрёл самостоятельную ценность. Коллекции редкостей, увлечение аномальными формами природы создавали среду, в которой деформированное изображение воспринималось не только как смешное, но и как интеллектуально значимое [8]. Гротескные и карикатурные рисунки оказывались сродни визуальным диковинам: они демонстрировали творческую изобретательность художника и одновременно пробуждали у зрителей любопытство [6,8].

В этом смысле ранняя карикатура не противопоставляется культуре знания, а входит в неё как одна из форм визуального исследования мира. Необычность физиономий, телесные отклонения, гибридные формы и пародийные фигуры становились объектом созерцания так же, как редкие минералы, экзотические растения или диковинные животные. Таким образом, понятие карикатура относится не только к смеховой культуре, она возникает как аналитический метод на стыке искусства и научного наблюдения [6,8].

Ранние предпосылки карикатуры следует искать прежде всего в литературной сатире конца XV – XVI века. В «Корабле дураков» Себастьяна Бранта человеческая глупость показана не как случайная слабость, а как нравственный и духовный порок. Каждый пассажир этого символического корабля представляет собой определённый сатирический тип. Брант показывает, что через поведение и повседневные привычки можно выявить скрытую моральную испорченность человека. Именно эта установка на обобщение и типизацию позднее станет одной из основ карикатуры [2].

Сходную, хотя и более ироничную функцию выполняет «Похвала глупости» Эразма Роттердамского. В этом произведении смех используется как инструмент критики общественных нравов, учёности, церковной иерархии и человеческой самоуверенности. Эразм не сводит сатиру к грубому осмеянию; напротив, его ирония интеллектуальна и многослойна. Тем самым он задаёт важнейший для будущей карикатуры принцип: изображение или словесный образ должны не только смешить, но и вскрывать внутреннюю несообразность объекта. В этом состоит одна из центральных черт карикатурного мышления – соединение критики и игры [5].

Если у Бранта и Эразма преобладает словесная сатира, то у Франсуа Рабле гротеск становится основой целого художественного мира. В «Гаргантюа и Пантагрюэле» телесность (еда и физиология), гипербола (гигантские размеры и невероятные приключения персонажей), непристойность

(вульгарность) и карнавальная свобода (смещение высокого и низкого) определяют язык, логику, конфликты и философию романа. Рабле не просто смеётся над телом; он утверждает его право на существование в искусстве, воспевая жизненную энергию, материальность и избыточность. В этом смысле его произведение является ключевым для генезиса карикатуры, поскольку показывает, что преувеличение может быть не только уничижительным, но и утверждающим. Переосмысливая через гротеск отношение культуры к телесному и низовому, Рабле прокладывает дорогу к новой визуальной парадигме [1,4].

Современные исследователи подчёркивают важность разграничения гротеска и карикатуры. Гротеск тяготеет к фантастическим, гибридным формам, декоративности, играет с нарушением естественных пропорций. Карикатура же сосредоточена на индивидуальных чертах, физиогномике и создании узнаваемого облика реального персонажа. Это различие не отменяет их близости, но помогает точнее понять, почему именно в раннее Новое время возникает переход от фантастической деформации к портретной сатире. Гротеск создаёт язык отклонения от нормы, а карикатура применяет этот язык к конкретному человеку [6,8].

На уровне художественной практики оба явления часто переплетаются. Художники могли использовать одни и те же приёмы для создания гибридных фигур, комических голов, аллегорических существ и пародийных портретов. Поэтому раннюю карикатуру нельзя отделять от гротеска жёсткой границей: между ними существует зона перехода, в которой художественный эффект строится на нестабильности формы и на двойном восприятии образа – как смешного и как странного [6].

В изобразительном искусстве аналогичные процессы особенно отчётливо проявляются у Иеронима Босха и Питера Брейгеля Старшего. Босх создаёт сложную систему фантастических образов, чудовищ, гибридных существ и сцен, насыщенных нравственным содержанием, где деформация формы служит средством показа реальности. Его искусство ещё нельзя назвать карикатурой в строгом смысле, однако именно у него формируется язык гротескной трансформации, который позднее окажется чрезвычайно важным для сатирического изображения. Босх демонстрирует, что визуальный образ может строиться на отклонении от нормы не только ради показа ужасного, но и ради выявления скрытого морального смысла [6].

Брейгель, напротив, вводит в высокое искусство крестьянский мир, повседневность, грубоватый быт и сценки народной жизни. Его живопись знаменует собой важный поворот: низкое и будничное получает право присутствовать в пространстве большого искусства. Особенно показательна картина «Падение Икара», где героический миф отступает на второй план перед спокойным, почти безразличным течением земной жизни. Такой композиционный ход создаёт эффект снижения, иронически перестраивает иерархию тем и таким образом сближает живопись с будущей карикатурной логикой: высокое может быть намеренно поставлено в зависимость от низкого, а значительное – от повседневного [2,6].

Современные исследователи визуальной культуры подчёркивают, что карикатурное изображение возникает именно там, где деформация становится читабельной для аудитории и начинает работать как социальный код. В этом смысле Босх и Брейгель важны не только как предшественники сатиры, но и как художники, которые разрабатывают язык визуального отклонения от нормы. Их произведения помогают понять, почему позднее карикатура будет столь тесно связана с распознаванием характера через внешнюю форму [6,8].

Особое место в генеалогии карикатуры занимает Леонардо да Винчи. С одной стороны, его творчество представляет воплощение идеалов красоты, эталон ренессансной гармонии. С другой –

он экспериментировал с гротеском, создавая портреты с намеренно утрированными, почти карикатурными чертами. Именно это сочетание делает Леонардо, ключевой фигурой для понимания истоков карикатуры. Его рисунки доказывают, что «уродливое», ранее считавшееся неприемлемым для высокого искусства, становится полноценным выразительным средством. При этом его гротеск не отрицает идеалы Ренессанса, а дополняет их, раздвигая границы восприятия [6].

Переход от гротеска к собственно карикатуре связан с деятельностью художников болонской школы, прежде всего Агостино и Аннибале Караччи. Их «нагруженные портреты» (*ritratti carichi*) основывались на утрировании индивидуальных черт, но преследовали не столько комический, сколько аналитический замысел. Задача заключалась в том, чтобы через какую-либо внешнюю деталь раскрыть характер человека, доведя физиогномическую особенность до уровня значимого символа. Братья Караччи тем самым превратили портрет в инструмент интерпретации, где лицо становилось не объектом копирования, а предметом художественного исследования. Это и стало точкой отсчёта для карикатуры как самостоятельного жанра.

Современные исследования подчёркивают, что практики Караччи не были случайной игрой, а методом обучения рисованию. Ключевой вывод для понимания происхождения карикатуры заключается в том, что она формировалась не как результат индивидуального вдохновения, а как часть системной студийной работы. Изучение натуры и её художественная интерпретация посредством гиперболизации становились отдельными этапами творческого процесса. Карикатура здесь была не просто рисунком, а одновременно упражнением, комментарием и доказательством мастерства художника [10].

Термин «*caricatura*» впервые получает четкое определение в трактате Масини 1646 года именно применительно к методу Аннибале Караччи, что дало карикатуре теоретическое признание. Важно, что речь шла не просто об искажении, а об «идеальном уродстве», основанном на преувеличении черт натуры. Тем самым карикатура утверждается как особый тип художественного мышления, где деформация формы служит инструментом постижения человеческой природы [10].

Переломным этапом в истории карикатуры стала Реформация. В этот период жанр приобретает отчётливо политическую и пропагандистскую функцию. Лука Кранах Старший демонстрирует этот поворот в серии антипапских рисунков («Страсти Христа и антихриста» и «Папство»). Он использует грубоватую, но предельно ясную образность, рассчитанную на широкую публику. Карикатурные изображения пап и духовенства перестают быть лишь формой насмешки, а превращаются в оружие идеологической борьбы. Именно в реформационной графике складывается агрессивный стиль визуальной риторики, который позже станет фундаментом политической карикатуры Нового времени [7,9,11].

Важно и то, что Реформация меняет сам статус изображения. Исследования по религиозной визуальной культуре показывают, что XVI век был временем споров о допустимости и действенности образа, а протестантская критика усилила значение визуальной полемики и одновременно поставила изображение под вопрос. На этом фоне антипапские листы Кранаха выглядят не личной насмешкой, а частью более широкого конфликта вокруг власти, веры и их визуальной репрезентации. Карикатура здесь ещё тесно связана с религиозной полемикой, но уже приобретает черты будущей политической сатиры: резкость, доступность, целенаправленность, идеологическую поляризацию [7,9,11].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, формирование карикатуры в эпоху Возрождения и Реформации представляет собой длительный и многослойный процесс, в ходе которого литературная сатира, гротеск, религиозная по-

лемика и художественное наблюдение постепенно складываются в единый жанровый комплекс. От Бранта и Эразма к Рабле, от Босха и Брейгеля к Леонардо, Караччи и Кранаху проходит линия, в которой художественное преувеличение из частного приёма превращается в особый способ критического видения мира.

Научная значимость данного сюжета состоит в том, что он позволяет рассматривать карикатуру не как случайное ответвление комического искусства, а как исторически обусловленную форму европейской визуальной культуры. Уже в раннее Новое время карикатура выполняет интеллектуальную, моральную и политическую функции, а значит, оказывается не периферийным, а структурно важным элементом истории искусства. В перспективе дальнейшего исследования представляется целесообразным проследить, как ранние формы сатирической деформации трансформируются в политическую карикатуру XVIII–XIX веков, где они получают массовое распространение и институциональное закрепление.

Список литературы

1. *Бахтин, М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – Москва : Художественная литература, 1965. – 543 с.
2. *Брант, С.* Корабль дураков: избранные сатиры / пер. с нем. Л. Пеньковского. – Москва : Эксмо, 2013. – 221 с.
3. *Гомбрих, Э.* Искусство и иллюзия: исследование психологии изобразительного представления / пер. с англ. А.Л. Блинова. – Москва : Искусство, 1989. – 432 с.
4. *Рабле, Ф.* Гаргантюа и Пантагрюэль / пер. с фр. Н.М. Любимова. – Москва : Художественная литература, 1969. – 784 с.
5. *Роттердамский, Э.* Похвала глупости / пер. с латин. П.К. Губера. – Москва : Наука, 1983. – 240 с.
6. *Cheng, S.* Monstrous Inventions: Caricature and the Grotesque in Early Modern Art // *Grotesque and Caricature: Leonardo to Bernini* / ed. by R. Norris, L. Tantardini. – Leiden : Brill, 2023. – P. 1–12.
7. *Mudau, N.* The Protestant Reformation's challenge to religious iconography and sacred art // *HTS Theologiese Studies / Theological Studies*. – 2025. – Vol. 81, No. 1. – Art. 10945. – DOI: 10.4102/hts.v81i1.10945.
8. *Moser-Ernst, S.* Caricature as «The Language of Things» // *Global Culture after Gombrich* / ed. by S. Moser-Ernst. – Bristol : Intellect Books, 2024.
9. *Price, D.H.* The Artist as Reformer // *In the Beginning Was the Image: Art and the Reformation Bible*. – New York : Oxford University Press, 2020. – P. 85–160.
10. *Rawlings, Courtney.* Caricature in the Carracci Academy: Experiments at the Limits of Recognition : master's thesis. – Art History Department, Emory University, 2017.
11. *The Role of Art in the Theological Discourse of the Reformation* // *The Cambridge History of Reformation-Era Theology* / ed. by K. Appold, N.J. Thompson. – Cambridge : Cambridge University Press, 2023. – P. 135–158.

УДК 741.5:070:7.038

АНГЛИЙСКАЯ И ФРАНЦУЗСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРИКАТУРА XIX ВЕКА КАК ФОРМА ПУБЛИЧНОЙ КРИТИКИ

Цыкалов Дмитрий Евгеньевич¹,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных наук,
e-mail: d.tsykalov@mmu.ru

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

Статья посвящена политической карикатуре XIX века как форме публичной критики и визуальной политике. Цель исследования – выявить особенности английской и французской традиций политической карикатуры XIX века и показать, как их развитие способствовало формированию европейской модели публичной сатиры. Используются историко-типологический и сравнительный методы. Установлено, что карикатура стала массовым языком общественного комментария.

Ключевые слова: политическая карикатура, XIX век, английская традиция, французская сатирическая пресса, журнальная сатира, публичная критика, визуальная политика, общественное мнение.

ENGLISH AND FRENCH POLITICAL CARICATURE IN THE NINETEENTH CENTURY AS FORM OF PUBLIC CRITIQUE

Dmitry Evgenievich Tsykalov¹,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Humanities,
e-mail: d.tsykalov@mmu.ru

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

The article examines nineteenth-century political caricature as a form of public critique and visual politics. The aim of this study is to identify the distinctive features of the British and French traditions of nineteenth-century political caricature and to demonstrate how their development contributed to the formation of the European model of public satire. The findings show that caricature became a mass language of public commentary

Keywords: political caricature, nineteenth century, English tradition, French satirical press, journal satire, public criticism, visual politics, public opinion.

ВВЕДЕНИЕ

XIX век по праву можно считать временем расцвета политической карикатуры. В этот период она выходит за рамки отдельных сатирических листов и превращается в устойчивый инструмент публичного высказывания, тесно связанный с прессой, парламентской жизнью, ростом грамотности и формированием среднего класса. В Западной Европе, как отмечала «Северная пчела», наступило «время карикатурное, и самые резкие черты отмечают современные карикатурные журналы»¹. Особую роль в складывании этого «карикатурного времени» сыграли английская и французская традиции, задавшие две различные, но взаимосвязанные траектории развития жанра.

Актуальность темы обусловлена тем, что политическая карикатура XIX века во многом превосходит современные механизмы медийной критики власти. Её визуальный язык объединяет ху-

¹ Северная Пчела. – 1855. – 2 апреля.

дожественный образ, символ, преувеличение и идеологический комментарий, позволяя проследить, как визуальная культура включается в политическую коммуникацию. Цель статьи – реконструировать основные этапы становления политической карикатуры XIX века в Англии и Франции и показать, каким образом развитие английской и французской национальных школ сформировало основные принципы европейской политической карикатуры XIX века.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Английская линия политической карикатуры вырастает из художественного и общественного опыта XVIII века. Уже Уильям Хогарт создаёт сатирические серии, в которых моральное обличение связано с социальной критикой, основанной на острой наблюдательности. Хотя сам Хогарт не признавал термин *caricatura*, именно его творчество подготовило понимание карикатуры как формы анализа общественных нравов. Хогарт показал, что изображение может быть одновременно смешным, нравоучительным и критическим, а значит, способным выполнять общественную функцию.

Важный этап английской традиции связан с георгианской эпохой, когда усиливаются парламентские институты, формируется буржуазное общество и расширяется аудитория печатной продукции. В этих условиях карикатура становится востребованным средством политического выражения. Джеймс Гилрей, Томас Роулэндсон и Джордж Крукшэнк образуют ядро так называемого «золотого века» британской сатиры. Их творчество отличается резкостью, быстротой реакции на события и высокой степенью выразительной изобретательности. Особого признания заслуживает Гилрей: он создаёт тип политической карикатуры, в которой грубость, комизм и злободневность соединяются в единую систему визуального комментария [1, с.15].

В конце XVIII – начале XIX века английская карикатура переключается с обобщённых аллегорий на конкретные лица, места и ситуации. Особенно заметно это на фоне наполеоновских войн, когда политическая сатира приобретает ярко выраженный национальный характер: в изображении типы всё чаще заменяются узнаваемыми персонами, а условные декорации – определёнными сценами. Такая конкретизация превращает карикатуру в один из центральных способов визуального рассказа о политическом конфликте, а не только в механизм осмеяния отдельных фигур [9, р.338].

Показательна в этом отношении гравюра Гилрея 1805 года «Пудинг в опасности, или Эпикурейцы за ужином», где Уильям Питт и Наполеон сидят по разные стороны стола и делят на части сливовый пудинг в виде земного шара. Карикатура отражает противостояние между Великобританией и Францией в период Наполеоновских войн. Гилрей же высмеивает претензии лидеров конкурирующих держав на мировое господство, показывая абсурдность их попыток расчленить планету [4, р.229-230].

Параллельно с этим английская карикатура вырабатывает такие устойчивые образы как Джон Буль (John Bull) и Британия (Britannia), которые оказываются не просто аллегорическими фигурами, а концентрированными знаками национальной идентичности. Через них жанр получает возможность говорить о политике в визуальных формах, где образ функционирует как емкий политический символ.

Все эти наблюдения прекрасно иллюстрирует карикатура «Британия, взвешивающая судьбу Европы; или Джон Буль слишком тяжёл для Бонапарта» (декабрь 1803 года, анонимный автор). В этом произведении оба ключевых образа – Британия и Джон Буль наглядно демонстрируют превосходство Великобритании над Францией [4, р.208]. Британия – аллегория страны, изображена в

виде женской фигуры в шлеме с гребнем, с копьём в руке и щитом, на котором нарисован Юнион Джек. На карикатуре Британия держит весы, «взвешивая» судьбу соперничающих держав. Это образ суверенной, воинственной и разумной державы, хранительницы порядка. Джон Буль – крупная, плотная фигура с насмешливым лицом и в скроенном из национального флага жилете. Этот рассудительный джентльмен был олицетворением типичного англичанина. На карикатуре Джон Буль представлен как «тело» английской нации: практичный, сытый, уверенный в себе, своей массой (в прямом и переносном смысле) он перевешивает внешние угрозы. «О, самонадеянный маленький хвостун, вздумал сравниться со мной! – говорит он сидящему на противоположной чаше весов Наполеону. – Думает ли он, что я ем ростбиф и пудинг просто так?».

Главным потребителем этой сатирической прессы и одновременно носителем новой политической культуры, ориентированной на дебаты, реформы и печатную публичность был английский средний класс.

В 1830-е годы английская карикатура постепенно меняет тон, формат и характер обращения к читателю. Она теряет часть прежней резкости, но приобретает регулярность журнального выпуска и устойчивую связь с редакционной политикой. Это не упадок жанра, а смена его медиасреды: независимая политическая гравюра уступает место периодике, где визуальный ряд дополняет новостной текст. Так, формируется единый нарратив, который учитывает и редакционную позицию, и предпочтения массовой аудитории[8].

Основание журнала Панч (Punch) в 1841 году фиксирует поворотный этап в развитии жанра. Панч объединяет карикатуристов и сатириков под одной обложкой, делая карикатуру неотъемлемой частью журнального выпуска. По мере развития викторианской эпохи журнал становится более консервативным, что свидетельствует о внутреннем изменении жанра: от острого политического оружия к более респектабельному и сдержанному юмору[8].

Важную роль в институционализации карикатуры сыграли и технологические изменения. Совершенствование полиграфии, появление стереотипов и удешевление печати позволили карикатуре выйти за пределы журналов и войти в ежедневную прессу. Появление штатного карикатуриста в газете, как в случае с Франсисом Каррутерсом Гулдом (Francis Carruthers Gould) в Пэлл Мэлл Газетт (Pall Mall Gazette), означает завершение перехода карикатуры в сферу повседневной политической коммуникации[7].

Важно и то, что карикатура не только отражает политическую реальность, но и заставляет публику видеть себя участницей национальной драмы. В этом смысле английская сатирическая графика создает новый тип зрителя: не пассивного наблюдателя, а читателя политического спектакля, который распознаёт себя в типах, сценах и жестах. Именно в Англии карикатура становится инструментом публичной сферы, формирующим общественное мнение [7,8,9].

Французская карикатура XIX века развивается в иной исторической ситуации, но не менее интенсивно. Революция 1830 года дала мощный импульс подъёму политической сатиры и ключевую роль здесь сыграл Шарль Филипон, издатель журналов Карикатура (La Caricature) и Шаривари (Le Charivari). Созданная им модель политической карикатуры, превратила её из вспомогательного элемента в полноценный инструмент политической журналистики. Теперь визуальный ряд работал как самостоятельный аргумент, убеждая, доказывая и влияя на аудиторию[10].

Парижская карикатура развивалась внутри особой городской инфраструктуры, где изображение было не только политическим знаком, но товаром. Журналы Дома Обера (La Maison Aubert)

продавались по подписке, ориентируясь, прежде всего, на состоятельную публику. Тем не менее, даже те, кто не мог позволить себе подписку, могли ознакомиться с карикатурами в читальных залах публичных библиотек или в магазинах эстампов. Таким образом, французская политическая карикатура XIX века становится неотъемлемой частью городской культуры [5].

Наиболее известным символом этой традиции становится «груша» Луи-Филиппа. Конституционная хартия 1830 года отменяла цензуру и предоставляла французам право свободно публиковать свои произведения. Формально до 1835 года не подлежала цензуре и карикатура. Однако уже осенью 1830 года власти приняли закон, предусматривавший тюремный срок от 3 месяцев до 5 лет и штраф от 300 до 600 франков за оскорбление короля и палаты. В ответ редактор «Карикатуры» придумал остроумный способ обойти запрет. В июньском номере журнала 1831 года Филиппон изобразил монарха в виде груши. История этого образа демонстрирует, что карикатура способна не просто изображать власть, но и создавать устойчивый визуальный код её восприятия. Как отмечал Шарль Бодлер, груша стала «пластическим жаргоном» – языком, понятным простому народу². Так образ превратился в знак политической оппозиции, обладавший всеми признаками мемической передачи: простотой, тиражируемостью и заразительностью.

Оноре Домье продолжил линию, заданную Филиппоном, и вывел карикатуру на уровень большого художественного и общественного события. Его литография «Гаргантюа», в которой Луи-Филипп изображён как жирный монстр, показывает, насколько радикальной могла быть политическая сатира. Домье не просто высмеивает короля, но делает власть предметом художественного разоблачения. Тюремное заключение, последовавшее за этой работой, свидетельствует о том, что карикатура в XIX веке воспринималась властями как реальная угроза политическому авторитету[3].

Особую роль в карикатуре Домье играет взаимодействие слова и изображения. В его произведениях визуальный образ часто сохраняет многозначность и требует вербального сопровождения, чтобы политический смысл становился однозначным. Подпись, заголовок или краткая формула нередко не просто сопровождают рисунок, а направляют его интерпретацию. Отсюда следует более общий вывод: в политической карикатуре XIX века изображение не отменяет текст, а вступает с ним в продуктивное взаимодействие [6].

Американский историк искусства Джеймс Куно, размышляя о социальной функции французской карикатуры отмечает, что в условиях городской культуры XIX века сатирическая графика вырабатывала своеобразные «коды различия» (codes of distinction), благодаря которым зритель мог соотносить изображённого персонажа с определённым социальным или политическим типом [5, p. 349]. Важную роль в этом процессе играла физиогномика. Серия литографий Оноре Домье «Маски 1831 года» и карикатуры, публиковавшиеся в изданиях Шарля Филиппона, демонстрируют, как преувеличение отдельных черт лица превращалось в средство общественной характеристики, а не только комического эффекта [5, pp. 349-351]. Благодаря подобной системе визуальных признаков карикатура становилась своеобразным языком публичной критики, позволявшим аудитории быстро распознавать политические позиции, социальный статус и моральную оценку изображённых персонажей.

Французская модель карикатуры отличается от английской большей зависимостью от революционных конфликтов, судебных процессов и символической персонализации власти. Если в Англии карикатура развивается прежде всего как язык парламентской и буржуазной публичности, то во Франции она становится языком открытого конфликта между прессой и политической властью

² Бодлер Ш. О некоторых французских карикатуристах // Бодлер Ш. : [сайт]. – URL: bodlers.ru (дата обращения: 27.05.2026).

за свободу слова. При этом британскую и французскую традиции не следует противопоставлять слишком жёстко: их лучше понимать как взаимосвязанные формы городской визуальной культуры, возникавшие в сходных, хотя и не идентичных режимах публичности.

Отдельного внимания заслуживает то, что и британская, и французская карикатура XIX века опираются на устойчивые практики тиражирования. Литография, газетная печать, журнальные выпуски и последующее музейное сохранение превращают карикатуру в долговечный медиум, который может существовать одновременно как событие дня и как исторический документ. Поэтому современный интерес к карикатуре связан не только с её художественной выразительностью, но и с её документальной ценностью источника по истории общественных настроений [2].

Британская и французская традиции, при всей своей различности, в совокупности формируют европейский стандарт политической карикатуры XIX века. Именно в XIX веке карикатура окончательно закрепляется как форма визуального комментария, который должен быть быстро узнаваем, социально адресован и политически действенен. Её язык строится на преувеличении, типизации, узнаваемой физиогномике, знаке и ситуации. В этом смысле она не просто передает нерв эпохи, но и помогает ей осознавать себя через яркие и понятные образы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование показывает, что английская и французская политическая карикатура XIX века развивалась в различных политических условиях, однако в обеих странах стала важным инструментом публичной критики. Различия проявлялись прежде всего в степени свободы печати, характере политической борьбы и художественных средствах сатиры. Вместе с тем сопоставительный анализ позволяет говорить о наличии общих механизмов воздействия на аудиторию: использовании символики, гиперболы, визуальной типизации и соединения изображения с текстом. Именно сочетание английского опыта развития политической журналистики и французских художественных новаций в области визуального языка сатиры и сформировало те принципы, которые в дальнейшем стали характерными для всей европейской политической карикатуры.

Список литературы

1. Шестаков, В.П. Карикатура: визуальный язык пародии и гротеска // Феноменология смеха: карикатура, пародия, гротеск в современной культуре. – Москва : Российский институт культурологии, 2002. – С. 6–20. – Текст : непосредственный.
2. Голиков, А.Г. Проблемы источниковедческого изучения политической карикатуры (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 2011. – № 4. – С. 51–71.
3. Яковлева, Т.Ю. Становление литературно-художественной журналистики Франции XIX века. Типологические и жанровые инновации во французской прессе первой половины XIX века // История всемирной литературы [Электронный ресурс]. – URL: niv.ru (дата обращения: 27.05.2026). – Текст : электронный.
4. Broadley, A.M. Napoleon in Caricature, 1795–1821 : in 2 vol. / with an introductory essay by J.H. Rose. – London ; New York : John Lane Company, 1911. – Vol. I. – LI, 355 p.
5. Cuno, J. Charles Philipon, La Maison Aubert, and the Business of Caricature in Paris, 1829–41 // Art Journal. – 1983. – Vol. 43, No. 4. – P. 347–354.
6. Hofmann, W. Ambiguity in Daumier (& Elsewhere) // Art Journal. – 1983. – Vol. 43, No. 4. – P. 361–366.
7. Kunzle, D. The History of the Comic Strip: The Nineteenth Century. – Berkeley : University of California Press, 1990. – 391 p.

8. *Maidment, B.* Graphic Satire, Caricature, Comic Illustration and the Radical Press, 1820–1845 // *Journalism and the Periodical Press in Nineteenth-Century Britain.* – Cambridge : Cambridge University Press, 2017. – P. 145–163.
9. *Patten, R.L.* Conventions of Georgian Caricature // *Art Journal.* – 1983. – Vol. 43, No. 4. – P. 331–338.
10. *Rose, J.M.* Art and Politics in France, 1830–1852 : PhD diss. – University of California, 2012. – 285 p.

ЭКСПРЕССИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА

Чертоусова Светлана Викторовна¹,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры теории речи и перевода,
e-mail: pippi-langstrumpf@yandex.ru

Шишкина Мария Денисовна¹,
магистрант,
e-mail: masha031203@yandex.ru
¹ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва», Саранск, Россия

В статье раскрываются особенности перевода экспрессивных речевых актов в политическом дискурсе на материале русского, немецкого и английского языков. Рассматриваются теоретические основы теории речевых актов, даются определение экспрессивов и их характеристика в аспекте перевода. На примерах из публичных выступлений политиков России, Германии, Великобритании, США и Канады, а также из дипломатической переписки выявлены особенности перевода четырёх типов экспрессивов: благодарности, поздравления и пожелания, извинения и соболезнования. Анализируются стратегии перевода экспрессивных речевых актов: экспликация, сохранение имплицитности, компрессия этикетных формул и функциональная замена.

Ключевые слова: теория речевых актов, иллокутивная сила, лингвокультура, перевод, политический дискурс.

EXPRESSIVE SPEECH ACTS IN THE ASPECT OF TRANSLATION

Chertousova Svetlana Victorovna¹,
Ph. D. in Philology,
Associate Professor of the Department of Speech Theory and Translation,
e-mail: pippi-langstrumpf@yandex.ru

Shishkina Maria Denisovna¹,
Master's student,
e-mail: masha031203@yandex.ru
¹National Research Mordovia State University named N.P. Ogarev, Saransk, Russia

The article reveals the peculiarities of the translation of expressive speech acts in Russian, German and English political discourse. The theoretical foundations of the theory of speech acts are considered, the definition of expressions and their characteristics in the aspect of translation are given. Using specific examples from public speeches by politicians from Russia, Germany, Great Britain, the USA and Canada, as well as from diplomatic correspondence, the features of translating four types of expressions are described: gratitude, congratulations and wishes, apologies and condolences. The strategies of translating expressive speech acts are analyzed: explication, preservation of implicitness, compression of label formulas and functional substitution.

Keywords: theory of speech acts, illocutionary force, linguistic culture, translation, political discourse.

ВВЕДЕНИЕ

Политическая коммуникация сегодня – это не только передача фактуальной информации, но и сложное речевое взаимодействие, в котором риторика политиков становится инструментом влияния

на общество. В данном типе дискурса заметное место занимают экспрессивные речевые акты, выражающие отношение говорящего к собеседнику или происходящему: *благодарности, поздравления, извинения и соболезнования*.

В свою очередь, перевод политических текстов требует не только точной передачи смысла, но и учёта культурной специфики. Формы выражения сочувствия, благодарности или поздравления имеют национальный характер и воспринимаются по-разному в каждой из лингвокультур.

Различия в коммуникативных традициях хорошо заметны при сопоставлении русского, английского и немецкого языков. Русская риторика склонна к гиперболизации и повторам [12, с. 152], английская – к метафоричности [1, с. 166] и эвфемизмам [2, с. 217], немецкая – к сдержанной точности и конкретике [9, с. 40], что определяет различия в языковых правилах выражения состояния говорящего в публичной речи.

Цель настоящей статьи – выявить культурно-языковые особенности перевода экспрессивных речевых актов в политическом дискурсе России, Германии, Великобритании, США и Канады. Материалом послужили публичные выступления политиков, опубликованные на официальных государственных сайтах, а также материалы авторитетных СМИ и дипломатическая переписка.

Теоретической основой исследования послужила теория речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля. Согласно Дж. Серлю, речевой акт – это «минимальная единица языковой коммуникации, включающая намерение говорящего воздействовать на слушающего» [13, с. 151]. Среди иллокутивных актов, выделяемых лингвистом, важную роль играют экспрессивы – высказывания, выражающие психологическое состояние говорящего, – успешность реализации которых обусловлена искренностью говорящего [13, с. 160].

В российской лингвистике теория речевых актов получила развитие в работах В. И. Карасика. Он утверждает, что в политическом дискурсе говорящий «одновременно обращается к разным аудиториям» [6, с. 34], что требует от переводчика учета различных ожиданий адресатов при передаче этикетных речевых актов.

В современной науке принято выделять несколько направлений в изучении политического дискурса. В работах, посвящённых анализу языковых средств воздействия, С.А. Бородин на примере выступлений В.В. Путина показывает, как повторы и эпитеты усиливают эмоциональное воздействие на аудиторию [3]. Е.А. Грудева, применяя критический дискурс-анализ, приходит к выводу, что экспрессивные средства часто маскируют истинные намерения политика [4]. К.И. Декатова исследует взаимодействие фразеологизмов и риторических приёмов, отмечая, что устойчивые выражения сближают оратора со слушателем [5].

Изучением временных и прагматических параметров экспрессивов занимаются Н.Ю. Костина и Х.Ж. Хайрова, показавшие на материале речей о Брексите, что выбор временных форм отражает отношение говорящего к будущему [7]. Д.Ю. Ланских обратила внимание на связь экспрессивности с персуазивностью – способностью убедить аудиторию в искренности говорящего [8]. Г.А. Менщикова, сопоставив речевое поведение В.В. Путина и Д. Трампа, пришла к выводу, что при переводе необходимо учитывать национальные модели вежливости [10].

Жанровые и культурные различия в политической коммуникации рассматриваются в работах Ю.А. Терещенко и О.Г. Скидан, проанализировавших новогодние обращения президентов России и Франции [14]. Г.В. Хаустов, сравнив речи У. Черчилля, А.Ф. Петена и Шарля де Голля, показал влияние экстралингвистических факторов – исторической обстановки, личности оратора, ожиданий

аудитории – на выбор экспрессивных средств [15]. С.С. Шумбасова, исследовавшая фразеологические единицы в выступлениях англо- и немецкоговорящих политиков, отмечает, что идиомы в экспрессивных актах создают наибольшие трудности для перевода [16].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Теоретические основы перевода экспрессивных речевых актов

При переводе экспрессивных речевых актов большое значение имеет учет основных положений теории речевых актов, прежде всего, категорий иллокутивной силы и условия искренности. Иллокутивная сила как коммуникативное намерение говорящего должна быть сохранена в переводе наряду с языковой формой высказывания, исходного коммуникативного воздействия и заложенного автором смысла [13]. Классический пример – английское «I am sorry». В зависимости от контекста это может быть извинение («я виноват»), выражение сожаления («мне жаль, что так вышло») или просто вежливый оборот («извините, не подскажите...»). Важно изучить контекст для подбора эквивалента и передачи иллокутивной силы говорящего [2, с. 59].

По Дж. Серлю, «каждый экспрессив содержит условие искренности», которое выступает одним из главных параметров успешности речевого акта [13, с. 160]. В политическом дискурсе оно нередко носит протокольный характер, однако переводчик обязан сохранить впечатление искренности для целевой аудитории, если оригинал не содержит маркеров формальности [13, с. 160].

Также необходимо учитывать этикетные формулы, статусные маркеры и жанровые ожидания. Так, русское «спасибо» имеет более широкий спектр употребления, чем английское «thank you», а немецкое «Entschuldigung» может быть и извинением, и способом привлечь внимание. Специалист должен знать не только эквиваленты слов, но и принятые нормы их употребления в каждой культуре [3, с. 17–18].

При передаче статусных маркеров и социальной дистанции необходимо учитывать межъязыковую асимметрию. В немецком языке выбор формы пожелания или извинения напрямую зависит от статуса адресата. Обращение к вышестоящему лицу требует развернутой перформативной конструкции с «von ganzem Herzen» (от всего сердца) и местоимением «Sie». Для равного или младшего допустима краткая формула с местоимением «du». В русском языке эта дифференциация выражена слабее – «Прошу прощения», «Прости(те) меня»; в английском – ещё слабее ввиду отсутствия морфологически оформленного противопоставления для обращения к вышестоящему лицу, равному и младшему используется или опускается местоимение «you»: «I apologise to you», «I'm sorry». Значимой задачей выступает распознавание статусных характеристик адресата для их адекватного перевода [6, с. 36].

Наконец, разные жанры политического дискурса предъявляют к экспрессивным актам разные требования. При их переводе необходимо учитывать жанровые ожидания реципиентов.

Транслатологический анализ экспрессивных речевых актов

Перейдем к практическому анализу того, как описанные выше теоретические положения проявляются в реальных политических текстах. Корпус исследования составили публичные выступления политиков России, Германии, Великобритании, США и Канады, дипломатическая переписка последних лет, а также их официальные переводы. Ниже последовательно рассматриваются четыре наиболее частотных типа экспрессивов: благодарность, поздравления и пожелания, извинения и соболезнования. Для каждого типа приводятся примеры из оригинальных текстов, анализируются переводческие трудности и предлагаются стратегии их преодоления.

Благодарность – это один из наиболее частотных экспрессивов. Она укрепляет имидж политика, а её отсутствие воспринимается как нарушение норм политической культуры [11, с. 118].

Политическая коммуникация имеет ряд примеров того, как функционирует благодарность. Одна из таких формул – благодарность за предоставленную возможность выступить. Показательный пример многосоставной благодарности включает приветственное слово канцлера Германии Олафа Шольца на приёме в честь принятия Пакта о будущем ООН (Нью-Йорк, 23 сентября 2024 года). Начало речи представляет собой образец многосоставной благодарности: «It's a pleasure to be here with all of you tonight – thank you for joining us»¹ – пример того, как немецкий политик адаптирует свою речь к международной аудитории, используя формулы американского дипломатического этикета.

В этой же речи О. Шольц многократно возвращается к благодарности, создавая её эмоциональную рамку. Он благодарит страны-участницы за поддержку Пакта: «I am grateful that we – Namibia and Germany together – have been able to contribute to this success». Канцлер выражает благодарность конкретным людям – постоянным представителям Намибии и Германии при ООН: «I would therefore like to thank in particular both Permanent Representatives – Neville Gertz and Antje Leendertse [...] for their commitment and for the intense work they and their teams have done». Финальная реплика снова обращена ко всем присутствующим: «Thank you for being here and thank you for your support»².

В исходном немецкоязычном варианте речи используются схожие формулы: «Ich möchte allen meinen Vorrednerinnen und Vorrednern, insbesondere den Jugendvertretungen, herzlich für ihre wichtigen Beiträge danken»³. В немецком оригинале «herzlich danken» выполняет функцию усилителя; в официальном английском переводе правительства ФРГ эта формула передана как «thank you warmly» вместо буквального «heartfelt», что демонстрирует значимость минимальных лексических трансформаций для сохранения тональности.

При переводе благодарности на русский язык главную сложность представляет градация интенсивности: от нейтрального «danken» до эмоционального «herzlich danken». Немецкое выражение «herzlich danken» требует подбора русского эквивалента, который не звучал бы архаично («сердечно благодарю») и не был бы слишком формальным для неофициальной части международного приёма. Далее представлен пример официального перевода на русский язык: «Позвольте выразить особую благодарность»⁴. Переводчик применяет стратегию функциональной замены: прилагательное «особая» передаёт эмоциональную окраску наречия, а слово «позвольте» сохраняет статусную дистанцию, компенсируя потери эмоциональной окраски немецкого наречия.

Немаловажный аспект при переводе благодарностей – передача их искренности и регистра. Немецкая дипломатическая традиция располагает богатой системой формул интенсификации: «herzlich», «aufrichtig» (искренне), «von ganzem Herzen» (от всего сердца). Русская традиция предполагает более развёрнутые формулы («искренне благодарю», «сердечно благодарю», «примите мою искреннюю благодарность»). Задача переводчика – не механически добавлять стандартные русские эпитеты, а точно определить, какие смыслы заложены в исходную фразу, и найти для них естественное выражение в рамках русского дипломатического протокола.

¹ The Federal Government of Germany. Speech by Chancellor Olaf Scholz at the reception on the occasion of the Summit of the Future, New York, 23 September 2024. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-en/service/archive/speech-by-olaf-scholz-chancellor-of-the-federal-republic-of-germany-at-the-reception-on-the-occasion-of-the-summit-of-the-future-new-york-23-september-2024-2310980> (дата обращения: 07.05.2026).

² Ibidem

³ Statement by Chancellor Olaf Scholz on the attack in Magdeburg // The Federal Government of Germany : official website. 2024. 20 Dec. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-en/news/statement-chancellor-magdeburg-attack-2324000> (дата обращения: 07.05.2026).

⁴ Генеральная Ассамблея ООН. Семьдесят девятая сессия. Стенограмма 3-го пленарного заседания, 22 сентября 2024 года. URL: <https://docs.un.org/ru/A/79/PV.3> (дата обращения: 07.05.2026).

Поздравления и пожелания занимают важное место в политическом дискурсе, особенно в жанре новогодних и рождественских обращений. Новогоднее обращение главы государства рассматривается как специфический жанр публичной коммуникации, объединяющий признаки политического выступления и поздравительного сообщения. Структурными компонентами такого текста выступают обращение к аудитории, использование формул поздравительного характера и выражение пожеланий адресатам.

Сопоставление новогодних обращений лидеров стран 2024–2025 годов обнаруживает устойчивые различия в жанровых ожиданиях. В России традиционно используются развёрнутые пожелания с перечислением абстрактных благ. В новогоднем обращении Владимира Путина 31 декабря 2025 года прозвучало: «Желаю всем здоровья и счастья, взаимопонимания и благополучия и непременно любви, которая вдохновляет»⁵. Годом ранее, в обращении на 2025 год, главное пожелание звучало более лаконично: «Желаю благополучия и процветания каждому нашему дому, каждой нашей семье и нашей любимой стране – России!»⁶. При переводе на английский язык естественнее было бы сократить эту формулу до краткого «all the best», однако дословный перевод, используемый в официальных дипломатических документах, выглядит так: «I wish well-being and prosperity to every home, every family, and our beloved country – Russia!»⁷. Этот пример показывает, что в русской традиции пожелание строится на перечислении абстрактных существительных («благополучие», «процветание») и охватывает три уровня адресации – дом, семью и страну. Конструкция с «желаю» в первом лице единственного числа подчёркивает личную вовлечённость главы государства.

Иной подход демонстрирует британский премьер-министр Кир Стармер в новогоднем обращении на 2026 год. Он сосредоточился не на перечислении благ, а на отчёте о достижениях правительства и планах на будущее: «Energy bills down and the number of new health hubs up in April. More funding for local communities... By staying the course, we will defeat the decline and division offered by others»⁸. Пожелание как таковое оказалось сжатым до одной фразы в финале: «I wish you more of those moments next year. When things start to feel easier»⁹. Лаконичность здесь не случайна: в британской политической традиции новогоднее обращение премьер-министра воспринимается скорее как отчёт о проделанной работе, а пожелания играют второстепенную роль.

Отдельного внимания заслуживает монаршая традиция, которую представляет ежегодное рождественское обращение короля Карла III. 25 декабря 2025 года, выступая из часовни Леди в Вестминстерском аббатстве, король практически не использовал прямых пожеланий, сосредоточившись на ценностях сострадания и примирения. В тексте его заключительной части содержится единственное прямое пожелание: «So, with these words and my whole heart, I wish you all a most peaceful and very happy Christmas»¹⁰.

В отличие от развёрнутых пожеланий В.В. Путина с перечислением здоровья, счастья и благополучия, пожелание Карла III сжато до одной фразы. Основной текст обращения строится вокруг

⁵ Новогоднее обращение Владимира Путина 31 декабря 2025 года // Президент России : официальный сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/77123> (дата обращения: 07.05.2026).

⁶ Новогоднее обращение Владимира Путина 31 декабря 2024 года // Правительство России : официальный сайт. URL: <http://government.ru/news/53854> (дата обращения: 07.05.2026).

⁷ New Year Address to the Nation. December 31, 2024 // President of Russia : official website. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/76073> (дата обращения: 07.05.2026).

⁸ The Prime Minister's New Year's Message: 31 December 2025 // UK Government : official website. 2025. 31 Dec. URL: <https://www.gov.uk/government/news/the-prime-ministers-new-years-message-31-december-2025> (дата обращения: 07.05.2026).

⁹ Ibidem

¹⁰ Reuters. King Charles III warns of 'greatest danger' in Christmas message. 2025. 25 Dec. URL: <https://www.reuters.com/world/uk/king-charles-iii-christmas-message-2025> (дата обращения: 07.05.2026).

философских размышлений о паломничестве, единстве и примирении. Король призывает к осмысленной паузе в стремительном движении мира – «At the still point of the turning world»¹¹ (цитата из поэмы Т.С. Элиота), что, как пояснили позднее представители Букингемского дворца, является намёком на «цифровой детокс»¹².

Обращение короля содержит имплицитное пожелание мира и покоя, лексически не маркированное, в отличие от русского «желаю» или немецкого «wünsche». При переводе на русский язык возникает необходимость либо сохранить эту имплицитность (рискуя, что русскоязычный читатель не сможет воспринять текст как поздравление), либо добавить эксплицитную формулу пожелания, что изменит жанровую природу оригинала. Переводчик выбрал стратегию сохранения имплицитности: «Мне кажется, что нам необходимо беречь ценности сострадания и примирения – тот образ жизни и смерти, которому следовал наш Господь»¹³. Однако русскоязычный читатель, ожидающий эксплицитных формул, может не воспринять это как поздравление.

Отдельного рассмотрения заслуживают пожелания с нестандартным содержанием, например, немецкое сочетание «Mut und Vertrauen» (мужество и доверие), неоднократно встречающееся в рождественских обращениях Олафа Шольца. Данное сочетание отражает систему ценностей, принятую в немецкой культуре, – ориентацию на уверенность в своих силах, способностях и надёжность [9, с. 79]. При переводе на русский язык допустимо сохранить исходную формулировку; она будет понятна читателю, хотя и покажется не вполне привычной. Вместе с тем при переводе для широкой аудитории допустима адаптация этого пожелания к более традиционной для русского языка формуле: «здоровья и счастья», хотя это и сопряжено с потерей культурной специфики.

В рамках политического дискурса извинения представляют собой особую группу экспрессивных речевых актов, поскольку они напрямую связаны с риском для репутации говорящего. Публичное извинение может быть воспринято как признание ошибки и слабости, однако в определённых ситуациях оно остаётся единственным способом сохранить доверие аудитории. Стоит помнить, что в рамках дипломатической коммуникации даже незначительные различия при переводе формул извинения способны вызвать искажение восприятия коммуникативных намерений адресанта и привести к ошибочной интерпретации высказывания [7].

Обратимся к примеру из канадской политической практики. В 2008 году премьер-министр Канады Стивен Харпер принёс официальные извинения коренным народам страны за систему индейских школ-интернатов, где на протяжении десятилетий дети насильственно отрывались от своих семей и родной культуры. В своей речи перед парламентом С. Харпер произнёс: «The Government of Canada sincerely apologizes and asks the forgiveness of the aboriginal peoples of this country for failing them so profoundly»¹⁴. Наречия «sincerely» и «so profoundly» придают извинению особую эмоциональную глубину. При переводе на русский язык эффект рассматриваемых усилителей важно сохранить. Проанализируем официальный перевод: «От лица правительства Канады и всех канадцев, я стою перед вами в этой палате, основополагающей для нашей жизни как страны, чтобы принести

¹¹ King Charles III has addressed the nation this Christmas Day // Birmingham Mail. 2025. 25 Dec. URL: <https://www.birminghammail.co.uk/news/uk-news/words-kings-christmas-broadcast-2025-33117522> (дата обращения: 07.05.2026).

¹² В рождественском обращении король Карл призвал к миру и цифровому детоксу // BBC Русская служба. 2025. 25 дек. URL: <https://www.bbc.com/russian/articles/cj4q795x0dpo> (дата обращения: 07.05.2026).

¹³ В рождественском обращении король Карл призвал к миру и цифровому детоксу // BBC Русская служба. 2025. 25 дек. URL: <https://www.bbc.com/russian/articles/cj4q795x0dpo> (дата обращения: 07.05.2026).

¹⁴ Prime Minister of Canada. Apology to Former Students of Indian Residential Schools. 2008. 11 June. URL: <https://web.archive.org/web/20151218163456/http://www.iap-pe.ca/information/multimedia/vid-eng.php?act=2008-08-10-eng.php> (дата обращения: 07.05.2026).

извинения коренному населению за роль Канады в системе индейских школ-интернатов. Нам очень жаль»¹⁵. Как видно, усилитель «so profoundly» утрачен при переводе, однако эмоциональная интенсивность компенсируется с помощью экспликации «Нам очень жаль», создающей эффект искреннего и неформального раскаяния.

Наконец, соболезнования в политическом дискурсе представляют собой разновидность экспрессивов, которая требует от говорящего этикетной компетенции, а также способности выразить сочувствие в условиях, когда слова могут оказаться недостаточными или неуместными. В отличие от извинений и благодарностей, соболезнования обращены не к самому адресату, а к его утрате, что создаёт дополнительные сложности для переводчика.

Как отмечается в исследовании, посвящённом анализу соболезнований мировых лидеров после кончины бывшего премьер-министра Японии Синдзо Абэ, королевы Елизаветы II и Папы Бенедикта XVI, структура таких высказываний включает как прямые стратегии (выражение скорби, обращение к семье умершего), так и косвенные (упоминание заслуг покойного, обращение к общим ценностям) [17]. При этом выбор конкретных стратегий зависит от статуса умершего, обстоятельств смерти и характера отношений между говорящим и адресатом.

В российской дипломатической практике соболезнования часто строятся вокруг развёрнутых формул с удвоением эпитетов. Примером может служить реакция российского руководства на кончину Синдзо Абэ в 2022 году. В телеграмме, опубликованной на сайте Кремля, министр иностранных дел России выразил соболезнования, используя типичную для русской дипломатической традиции формулу: «Примите глубокие соболезнования»¹⁶. При переводе на английский язык эта формула обычно сжимается до одного «deepest condolences», иначе фраза звучит неестественно для носителя английского языка. В англоязычной версии телеграммы рассматриваемая формула была передана посредством компрессии: «Please accept our deepest condolences», что подтверждает необходимость такого сжатия.

Немецкая традиция, как показывает заявление канцлера Олафа Шольца после теракта в Магдебурге в декабре 2024 года, использует как прямые, так и косвенные формулы соболезнования. В одном фрагменте О. Шольц сказал: «Unsere Gedanken sind bei den Opfern und ihren Familien»¹⁷. Официальный перевод на русский язык, опубликованный на сайте правительства ФРГ, гласит: «Мои мысли с жертвами и их близкими»¹⁸. В свою очередь, при осуждении террористической атаки зрителей концерта в «Крокус Сити Холле» глава МИД ФРГ Анналена Бербок использовала более прямую формулу: «Wir trauern mit den Familien der Opfer des Anschlags bei Moskau»¹⁹ – «Мы скорбим вместе с семьями жертв теракта под Москвой»²⁰. При переводе на русский язык первая формула потребовала бы добавления глагола соболезнования, поскольку «наши мысли с жертвами теракта и их семьями» само по себе не воспринимается как выражение скорби. Однако в приведённом выше официальном

¹⁵ Канадский премьер извинился перед индейцами // Lenta.ru. 2008. 12 июня. URL: <https://lenta.ru/news/2008/06/11/sorry/> (дата обращения: 07.05.2026).

¹⁶ Соболезнования семье Синдзо Абэ // Президент России : официальный сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/letters/68837> (дата обращения: 07.05.2026).

¹⁷ Bestürzte Reaktionen auf Anschlag in Magdeburg – Musk beleidigt Scholz // wirtschaft.com. 2024. 21 Dec. URL: <https://wirtschaft.com/bestuerzte-reaktionen-auf-anschlag-in-magdeburg-musk-beleidigt-scholz/> (дата обращения: 07.05.2026).

¹⁸ Шольц выразил соболезнования близким пострадавших в Магдебурге // РИА Новости. 2024. 20 дек. URL: <https://ria.ru/20241220/sholz-1990543546.html> (дата обращения: 07.05.2026).

¹⁹ Frank-Walter Steinmeier spricht Familien der Ermordeten Mitgefühl aus // Die Zeit. 2024. 23. März. URL: <https://www.zeit.de/politik/ausland/2024-03/reaktionen-anschlag-moskau-olaf-scholz> (дата обращения: 07.05.2026).

²⁰ КНР, Германия, Армения и другие страны отреагировали на теракт в «Крокусе» // Радио Sputnik. 2024. 23 марта. URL: <https://radiosputnik.ru/20240323/terakt-1935214007.html> (дата обращения: 07.05.2026).

переводе этого добавления нет, что создаёт определённую жанровую неопределённость для русского читателя. Вторая формула («Wir trauern...») переведена дословно и вполне адекватно, так как в русском языке «скорбим вместе с Вами» является естественным выражением соболезнования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показало, что экспрессивные речевые акты – благодарности, поздравления, извинения и соболезнования – занимают важное место в политической коммуникации. Они передают информацию и служат средством построения отношений между политиком и аудиторией, выражая солидарность, сочувствие или уважение. Однако перевод рассматриваемых речевых актов связан с рядом трудностей, поскольку в разных языках иллокутивная сила экспрессивов передаётся различными средствами.

Изучение русскоязычного материала позволило выявить склонность к развёрнутости, повторам и использованию усилительных эпитетов, в частности, в таких жанрах, как новогоднее обращение или официальное соболезнование. Напротив, в англоязычном дискурсе прослеживается тенденция к лаконичности и сдержанности, даже в ситуациях, требующих эмоционального отклика. Немецкий дискурс занимает промежуточное положение, но при этом тяготеет к формальной точности и конкретности.

Анализ актуальных примеров 2024–2026 годов подтверждает, что наблюдаемые тенденции сохраняются в современной политической коммуникации. Несмотря на изменения в медийной среде, базовые принципы перевода экспрессивов остаются неизменными.

Список литературы

1. Абдуресули, Н. Риторические стратегии в англоязычной политической риторике США по отношению к Китаю (на материале предвыборных дебатов и СМИ 2024 года) // *Litera*. – 2025. – № 5. – С. 166–176.
2. Белова, Л.И., Николаева, Е.В. Эвфемия в современном англоязычном политическом пространстве // *Вопросы иноязычной филологии в контексте современных исследований : сборник научных статей* / отв. ред. Н.В. Кормилина, Н.Ю. Шугаева. – Чебоксары : Чувашский государственный педагогический университет, 2025. – С. 217–221.
3. Бородин, С.А. Лингвостилистические особенности политического выступления (на примере публичных выступлений В.В. Путина) // *Филологический аспект*. – 2024. – № 4 (108). – С. 13–18.
4. Грудева, Е.А. Языковые манипуляции и риторические стратегии в текстах политических выступлений: критический дискурс-анализ // *Политическая лингвистика*. – 2024. – № 6 (108). – С. 57–69.
5. Декатова, К.И. Взаимодействие фразеологизмов и риторических приемов в политическом тексте // *Политическая лингвистика*. – 2024. – № 3 (105). – С. 14–20.
6. Карасик, В.И. Адресная специализация в публичном политическом дискурсе // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. – 2018. – Т. 9, № 1. – С. 32–49. – DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-32-49.
7. Костина, Н.Ю., Хайрова, Х.Ж. Темпоральный дейксис в политическом дискурсе (на примере речей британских политиков о Брексите) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2025. – Т. 18, № 7. – С. 2705–2713. – DOI: 10.30853/phil20250378.
8. Ланских, Д.Ю. Персуазивность и экспрессивность в аспекте речевого воздействия в американском политическом дискурсе за 2020–2021 гг. // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика*. – 2025. – Т. 22, № 3. – С. 71–78. – DOI: 10.14529/ling250310.
9. Медведева, Т.С., Опарин, М.В., Медведева, Д.И. Ключевые концепты немецкой лингвокультуры : монография / под ред. Т.И. Зелениной. – Ижевск : Удмуртский университет, 2011. – 160 с.

10. *Менщикова, Г.А.* Лингвопрагматический анализ речевого поведения В. Путина и Д. Трампа // Мир науки, культуры, образования. – 2025. – № 5 (114). – С. 517–519. – DOI: 10.24412/1991-5497-2025-5114-517-519.
11. *Метелева, А.И.* Благодарность как этикетная формула в англоязычной политической коммуникации // Вопросы науки и образования. – 2019. – № 5 (50). – С. 118–124.
12. *Муслех, Х.А.Р.* Стилистические средства как способ воздействия в русскоязычном политическом дискурсе // Наука в современном информационном обществе : материалы XV Международной научно-практической конференции, North Charleston, USA, 07–08 мая 2018 г. – North Charleston : CreateSpace, 2018. – С. 145–154.
13. *Серль, Дж.* Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. – 1986. – Вып. 17: Теория речевых актов. – С. 151–169.
14. *Терещенко, Ю.А., Скидан, О.Г.* Речевой портрет политического лидера (на материале новогодних обращений президентов России и Франции) // Политическая лингвистика. – 2024. – № 5 (107). – С. 178–189.
15. *Хаустов, Г.В.* Экстралингвистические и лингвистические параметры англоязычного и франкоязычного политического дискурса: сравнительное исследование речей У. Черчилля, Ф. Петена и Ш. де Голля // Начала Русского мира. – 2025. – № 7. – С. 49–57.
16. *Шумбасова, С.С.* Фразеологические единицы в современном политическом дискурсе на примере публичных выступлений современных англо- и немецкоговорящих политиков // Reports Scientific Society. – 2025. – № 2 (58). – С. 76–81.
17. *Wongchana, P., Charoenroop, P.* A Cross-Cultural Study of Condolence Strategies: The Cases of Mr. Shinzo Abe, Queen Elizabeth II, and Pope Benedict XVI // Humanities, Arts and Social Sciences Studies. – 2024. – P. 341–352.